

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»

WORLDS OF HARRY HARRISON

Volume ten

**PLANET OF
NO RETURN
A REBEL IN TIME**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга десятая

**ПЛАНЕТА, С КОТОРОЙ
НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ
ВРЕМЯ
ДЛЯ МЯТЕЖНИКА**

**Издательская фирма «Полярис»
1994**

Planet of No Return

Copyright © 1981 by Harry Harrison

A Rebel in Time

Copyright © 1983 by Harry Harrison

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, составление

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента**

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя

ISBN 5-88132-078-6

**ПЛАНЕТА,
С КОТОРОЙ НЕ
ВОЗВРАЩАЮТСЯ**

Глава 1

ОДИНОЧКА

Как только маленький кораблик вошел в верхние слои атмосферы, он засветился словно метеорит. По мере того как нарастало трение, свечение усиливалось, красный свет стал белым. Обшивка из сверхпрочного сплава все-таки не была рассчитана на такую температуру. С носового обтекателя срывались языки пламени — горел металл. Вдруг, когда уже казалось, что огонь вот-вот поглотит корабль, огненное облако прорезало яркое пламя тормозных дюз. Если бы это было неуправляемое падение, корабль наверняка бы разбился. Но пилот знал свое дело, он в последний момент включил двигатели. И снизил скорость падения корабля ровно настолько, чтобы температура далее не росла.

Звездолет падал сквозь облака вниз, на покрытую травой равнину, которая теперь приближалась с угрожающей скоростью. Когда фатальный исход казался уже неизбежным, двигатели включились опять, сотрясая корабль перегрузками в несколько *g*. Несмотря на отчаянный рев дюз, корабль врезался в почву с оглушительным треском; посадочные опоры круто выгнулись.

Когда рассеялись тучи пыли и дыма, крохотный лючок на носу обтекателя провалился внутрь и из отверстия медленно выползла головка перископа. Она

тихо вращалась, охватывая безлюдный с виду пейзаж: безбрежное море травы и далекие деревья.

Вдали промчалось и скрылось из виду стадо перепуганных животных. Перископ продолжал вращаться — но вдруг замер, уставившись на останки боевых машин, что громоздились поблизости — на огромном, изрытом воронками поле битвы.

Зрелище было жуткое. Поле усеивали сотни, а может, и тысячи боевых машин, — скрученных, покореженных, смятых страшной, неведомой силой. Могильник простирался почти до горизонта. Перископ покачивался вперед-назад, как бы ощупывая ржавые корпуса, потом втянулся внутрь корабля, лючок сразу захлопнулся. Прошло несколько томительных минут; с громким скрежетом откинулся люк воздушного шлюза.

Немного погодя в проеме люка появился человек. Его движения были осторожны, дуло ионного ружья подрагивало, словно хобот диковинного животного. Человек был облачен в тяжелый скафандр с ТВ-камерой на шлеме: та являлась основным элементом системы наружного наблюдения. Обводя взглядом окрестности, держа палец на спусковом крючке, он медленно опустил свободную руку и нажал кнопку передатчика на запястье.

— Продолжаю доклад за бортом корабля. Иду медленно, стараюсь восстановить дыхание. Все кости болят. Посадку провел практически в режиме свободного падения. Снижение прошло быстро, но в момент касания перегрузки составили 15g. Если меня все же засекли при спуске, то пока последствий не заметно. Буду говорить на ходу. Передача записывается на борту моего космического крейсера, который лежит на околопланетарной орбите, как раз надо мной. Что бы со мной ни случилось, запись сохранится. Я не намерен действовать столь же непрофессионально, как Марцилл.

Он не испытывал угрызений совести оттого, что дал волю чувствам, упомянув в докладе погибшего. Если бы Марцилл соблюдал элементарные меры предосторожности, то остался бы жив. Осторожность осторожностью, но этот осел мог бы подумать и о том, чтобы оставить после себя запись. Но не оставил ничего, совсем ничего, что могло бы хоть как-то прояснить случившееся, ни единого слова, которое сейчас очень бы помогло. Тут Хартиг негодуяще фыркнул. Посадка

на новую планету всегда опасна, вне зависимости от того, насколько мирно эта планета выглядит. И Сельм-II тут не исключение. Да и выглядит она вовсе не мирно. Для Марцилла то задание было первым. И последним. Он сделал на орбите последнюю запись, в которой указал предполагаемые координаты посадки. И больше ничего. Осел. Больше он на связь не выходил. Вот тогда и было принято решение послать специалиста. Для Хартига это был семнадцатый планетарный контакт. И он собирался использовать весь свой опыт, чтобы этот контакт не стал последним.

— Теперь я понимаю, почему Марцилл выбрал это место. Здесь ничего нет, кроме травы, вокруг открытое пространство. К тому же тут, рядом с местом посадки, было сражение — и не очень давно. Поле боя находится прямо передо мной. Много разбитых боевых машин различных типов, в прошлом довольно грозных. Я хочу подойти поближе и осмотреть их.

Хартиг закрыл люк и не спеша направился к кладбищу машин, не переставая сообщать, что происходит:

— Машины очень большие, ближайшая ко мне не меньше пятидесяти метров в длину. Она на гусеничном ходу и имеет одну башню с огромным орудием. Оно разбито. Отсюда не видно никаких опознавательных знаков. Хочу подойти поближе. Но честно говоря, не нравится мне все это. С орбиты не удалось заметить ни единого города, не было засечено каких-либо передач или переговоров ни в одном диапазоне. И вот вам поле боя и эти развалюхи! Совсем не игрушечные. Эти штуки — продукт высокоразвитой технологии. И это не фантомы. Вот эта, например, сработана из металла — и тем не менее взорвалась. Я не вижу никаких опознавательных знаков. Попробую заглянуть внутрь. Люков отсюда не видно, но в борту такая дырища — на тракторе въехать можно. Вхожу внутрь. Может быть, здесь есть документы, во всяком случае должны же быть таблички или надписи на панели управления...

Хартиг замер на месте, ухватившись рукой в перчатке за рваный край пробойны. Неужели послышалось? Осторожным движением прибавил чувствительность внешнего микрофона. Теперь он слышал, как в металлических руинах свистит ветер. И больше ничего. Он послушал еще немного, пожал плечами и повернулся к пробойне в борту машины.

Внезапно среди ржавых развалин эхом пронесся металлический лязг. Хартиг развернулся и, рухнув на землю, взял ружье на изготовку.

— Снаружи что-то движется. Пока не вижу, что именно, но слышу вполне отчетливо. Подключаю внешний микрофон к передающей цепи, чтобы записать звук. Он становится все громче, это, похоже, колеса, а может, гусеницы, слышу лязг, скрип. Машина... вот она!

Машина выскочила из-за развалин с оглушительным грохотом. Она была невелика, не более пяти метров в длину, и мчалась вперед с пугающей скоростью. Гладкая, черная, зловещая. Хартиг было прицелился, но тут же снял палец с крючка, заметив, что машина проносится мимо. Та развернулась и поддала ходу.

— Она направляется к моему кораблю! Похоже, меня засекли при посадке. А теперь нащупали то ли радиодетектором, то ли радаром. Включаю бортовую защиту через дистанционный пульт. Как только эта штука войдет в зону поражения — сразу взлетит на воздух... Есть!

Загremели взрывы, — бортовые скорострельные орудия изрыгали смертоносный огонь. Почва содрогнулась, в воздух взлетели камни, грязь. Орудия смолкли — стрельба сразу возобновилась, как только машина вырвалась из тучи пыли. Целая и невредимая.

— Да, крепкая штучка и шустрая, ничего, главный калибр ее достанет...

Жуткий грохот потряс землю, грохот проник даже сквозь металлические стены, окружавшие Хартига; медленно осело облако красной пыли. Хартиг выглянул, обмер и произнес бесцветным голосом:

— Мой корабль взлетел на воздух. От первого же выстрела этой чертовой штуки. Наши орудия против нее бессильны. Теперь она поворачивает сюда. Похоже, засекла мой радиопередатчик или тепловое излучение. Отключать передатчик уже не имеет смысла. Она движется прямо на меня. Я стреляю, но безрезультатно. Не видно никаких люков или окон. Вероятно, экипаж использует телевизионную систему обзора. Пытаюсь стрелять по выступающим частям на передке. Надеюсь, это ТВ-камеры или датчики. Но похоже, ее не остановить...

Раздался взрыв и звук резко оборвался — радиопередача прекратилась. Высоко на орбите, на космическом крейсере, центр управления автоматически начал

поиск радиосигнала, но безуспешно. Потом были проверены все резервные диапазоны. Тоже ничего. С механической дотошностью центр повторил поиск на максимальной чувствительности — но не обнаружил ничего, кроме атмосферных помех. И так в течение двадцати четырех часов с интервалом в один час. Когда программа поиска была выполнена, центр управления автоматически включил радио и прокрутил запись доклада, переданного человеком с поверхности планеты. Закончив передачу, центр перевел все системы в режим минимального обеспечения и с нечеловеческим терпением принялся ожидать следующей команды.

Глава 2

ЗАПАХ СМЕРТИ

— Что такое? Случилось что-нибудь? — спросила Леа. Она ощутила плечом, как напряглось тело Брайона. Они лежали на низком диване и расслабленно глядели сквозь иллюминатор на усыпанное звездами пространство. Его могучая рука обвивала тонкую талию женщины, поэтому Леа сразу почувствовала возникшее в нем напряжение.

— Ничего не случилось, в самом деле ничего. Ты только посмотри, какие цвета...

— Послушай, милый, ты комок мышц! Может, ты и лучший тяжелоатлет в Галактике, но врун из тебя никудышный. Ведь что-то случилось, а я никак не пойму что.

Брайон замялся, а затем кивнул:

— Рядом кто-то есть, раньше его не было. От него следует ждать неприятностей.

— Я верю в твои телепатические способности. Видела в деле. Знаю, ты можешь улавливать чужие эмоции. Но мы в глубоком космосе, до ближайшего солнца многие световые годы — как может кто-то появиться на борту корабля? — Она запнулась и посмотрела в иллюминатор на звезды. — А, конечно, посадочная капсула. Наверное, кого-нибудь встречаем. Ориентация изменилась. Не видно там крейсера ССП? Наверное, кто-нибудь переправляется с него в капсуле.

— Уже переправился. Он на борту. Идет сюда, к нам. Не нравится мне все это. И человек не нравится — а точнее, то, что он нам несет.

Одним движением Брайон поднялся и, сжав кулаки, развернулся. Несмотря на свои добрых шесть футов роста и триста фунтов веса, двигался он как кошка. Леа глянула на возвышающуюся перед ней фигуру и почти физически ощутила напряжение.

— С чего ты взял? — спокойно спросила она. — Ты прав, конечно, кто-то прибыл на борт нашего корабля, но, возможно, к нам это не имеет ни малейшего отношения...

— Погиб то ли один человек, то ли двое. И этот, который идет к нам, — от него тоже пахнет смертью. А вот и он.

Леа в изумлении раскрыла рот, когда услышала, как за ее спиной распахнулась дверь каюты. Она испуганно оглянулась. Послышался громкий шорох и сразу глухой стук. Опять шорох, опять стук. Все громче и ближе. Наконец в проеме показался человек. Он неуверенно оглянулся, заморгал, словно у него было не все в порядке со зрением.

Леа пришлось собрать всю свою волю, чтобы не отвернуться и стереть с лица гримасу невольного отвращения. Человек медленно перевел свой единственный глаз с Леа на Брайона. Затем двинулся вперед, волоча изувеченную ногу, на каждом шагу пристукивая костылем. Та же неведомая сила, которая изуродовала ноги незнакомца, начисто снесла правую половину его лица. Ее покрывала нежная розовая кожа, пустая глазница была прикрыта повязкой. Не было у него и правой руки, но к плечевому суставу был привит зародыш, который через год обещал превратиться в полноценную руку. Но то, что болталось сейчас у его плеча, скорее напоминало детскую ручонку, сантиметров тридцати длиной. Худой, скрюченный человек встал рядом с могучим Брайоном.

— Меня зовут Карвер *, — произнес он, как бы потешаясь над собственным обликом. — Я пришел сюда, чтобы встретиться с вами, Бранда.

* Карвер (carver) — одно из значений этого слова в английском языке «мясницкий нож» — *Примеч. пер*

— Знаю, — напряжение оставило Брайона столь же внезапно, как и появилось. — Присядьте, передохните немного.

Леа невольно отодвинулась, когда Карвер со вздохом опустился на диван рядом с ней. Она заметила, как он, обливаясь потом и тяжело дыша, выудил из кармана капсулу и бросил в рот. Затем искося взглянул на нее и кивнул.

— Доктор Леа Морис, — произнес он, — вас это тоже касается.

— ФОКУС? — спросил Брайон. Карвер утвердительно нагнул голову:

— Фонд по культурным связям. Как я понимаю, вы уже сотрудничали с нами?

— Да, но то был экстренный случай.

— У нас что ни случай — то экстренный. Вот и сейчас дело очень серьезное. Поэтому меня и послали встретиться с вами.

— Но почему именно с нами? Мы буквально на днях выбрались с Диса, а там была крутая заварушка. Леа даже заболела. И нам обещали, что передышка будет дольше обычной. В принципе, мы согласны и дальше сотрудничать с вами, но именно сейчас...

— Я уже говорил — у нас что ни случай, то экстренный, — голос Карвера звучал хрипло, здоровую руку он зажал между коленями, чтобы унять дрожь. На него явно навалилась боль или усталость — или то и другое вместе, — но он не сдавался. — Я, как видите, только что вернулся со срочного задания, а то сам бы отправился. Если вам будет легче, то могу сообщить, что я полностью осведомлен о ваших приключениях на Дисе, отчасти потому и вызвался уладить это дело. Все были чрезвычайно довольны. Но мне не до смеха. Ну что, готовы? — с этими словами он обернулся к Брайону.

— Вы не имеете права заставлять Леа, по крайней мере сейчас. Я прекрасно справлюсь один.

Карвер отрицательно мотнул головой:

— Вы должны отправиться вдвоем, это оговаривалось специально. Идеальный союз, взаимодополняющие способности...

— Я отправляюсь вместе с Брайоном, — заявила Леа. — Мне уже гораздо лучше. Когда доберемся до места, я буду в норме.

— Очень приятно это слышать. Как вам известно, наша организация является строго добровольной. — На негодующее фырканье Брайона Карвер не обратил ровно никакого внимания, а, покопавшись, вытащил из кармана куртки пластиковую коробочку. — Я уверен, что вы осведомлены о том, что наши проекты касаются только тех культур, которые находятся в опасности, и цивилизаций на тех планетах, которые тысячи лет лишены были контактов с остальным человечеством. Мы и близко не касаемся вновь открытых планет — это работа Планетарной разведки. Они идут первыми, а затем передают свои отчеты нам. Это крутая команда, я сам отработал в ПЛАРА четыре года, прежде чем перешел в ФОКУС. — Тут он мрачно усмехнулся. — Думал, что на новом месте будет полегче. У ПЛАРА возникли проблемы, и они запросили нашей помощи. В таких случаях мы всегда соглашаемся. Вы готовы просмотреть запись?

— Я принесу проектор, — сказал Брайон. Карвер согласно кивнул, не в силах больше говорить.

— Хотите, я что-нибудь закажу для вас? — спросила Леа, когда Брайон вышел из гостиной.

— Да, благодарю, какой-нибудь напиток. Надо пилюлю запить — мне сразу станет лучше. Но никакого алкоголя — пока нельзя.

Делая заказ на компьютере, она чувствовала на себе взгляд чужака, закончила, отложила пульт и резко обернулась.

— Ну, все успели разглядеть? Понравилось?

— Извините. Я и не думал вас обидеть. Так вышло из-за вашей биографии. Никогда еще не видел человека с Земли.

— И что вы ожидали увидеть — две головы?

— Я уже извинился. Знаете, я, до того как покинул родную планету и отправился в космос, считал все эти рассказы про Землю обычным религиозным бредом.

— Ну теперь сами убедились, что мы настоящие, только немощные и малокровные. Недокормленные граждане перенаселенной, истощенной планеты. Но так нам и надо — это вы хотите сказать?

— Нет. Хотелось, но не скажу. Империя Земли виновата во многом, но об этом написано в любом школьном учебнике. Да никто этого и не оспаривает. Но теперь то всего лишь история, причем очень древняя

история. Меня лично гораздо больше интересует судьба планет, которые откололись после Распада. Пока я сам не увидел, что произошло с некоторыми из них, то и не представлял себе, насколько жестоки и беспросветны бывают такие миры. Человечество, в принципе, имеет только одну родину — Землю. Вы можете ощущать себя ущербными, потому что перенаселение и ограниченные ресурсы привели к уменьшению физических размеров землян. Но вы родились на Земле, вы — отпрыски Земли. Многие из нас выглядят крупнее и сильнее вас — но лишь потому, что мы были вынуждены приспособливаться к новым, жестоким мирам. Я привык к этому — и даже считал нормой. Но только теперь, когда увидел вас, я осознал, что колыбель человечества существует реально. — Он хитро улыбнулся. — Пожалуйста, не считите мои слова за глупость, но когда я вас увидел, то испытал двойное чувство: облегчения и удовольствия. Как человек, вновь обретший давно забытых предков. Боюсь, я не совсем ясно выразился. В общем, как путешественник, вернувшийся домой после долгих странствий. Я видел, как люди приспособились к жизни на многих планетах. Но, как ни смешно, встреча с вами принесла странное успокоение. Наш родной дом еще существует. Я по-настоящему счастлив встретиться с вами.

— Я верю вам, Карвер, — улыбнулась Леа, — и должна признать, что вы начинаете мне нравиться. Хотя ваш внешний вид оставляет желать лучшего.

Откинувшись, он захохотал и прихлебнул холодного напитка, который появился на столике у его руки.

— Через год вы меня не узнаете.

— Уверена, что так оно и будет. По специальности я биолог и экзобиолог, так что в теории хорошо представляю возможности восстановительного лечения. Через год вы будете как новый. Но я могу представить это чисто умозрительно, так как впервые вижу метод на практике. Мы на Земле люди небогатые, и только очень немногие могут позволить себе столь радикальную регенерацию.

— Это одна из привилегий сотрудников ФОКУСа. Они восстанавливают вас полностью, независимо от тяжести полученных увечий. Вот под этой повязкой у меня через пару месяцев вырастет новый глаз.

— Очень мило. Простите, но лично я предпочитаю не пользоваться привилегиями такого рода.

— Винить вас не могу, просто желаю удачи.

Тут они увидели, что вернулся Брайон с проектором. Он взял у Карвера кассету и вставил в аппарат. Брайон и Леа придвинулись к вспыхнувшему экрану. Карвер откинулся на спинку и просто слушал запись, время от времени прихлебывая напиток. Он уже много раз слышал ее и потому задремал. Но ближе к концу встряхнулся. Голос Хартига на пленке звучал ровно: человек предвидел свой конец, но все-таки старался оставить запись для тех, кто пойдет следом за ним. Пленка закончилась, и экран прояснился. Леа была потрясена. Но когда Брайон повернулся к Карверу, лицо его было бесстрастно.

— И ФОКУС хочет, чтобы мы отправились на эту планету, на Сельм-П? — спросил он.

Карвер утвердительно кивнул.

— Зачем? Похоже, там больше нужны войска. Солидный вооруженный отряд, который сможет постоять за себя.

— Нет. Вот этого мы как раз и не хотим. Опыт подсказывает нам, что вооруженное вторжение никогда не решает проблемы. Война — это не метод. Война — это убийство. А нам нужна информация, точные и подробные данные. Мы должны узнать, что происходит на этой планете. А для этого нам нужны опытные люди, такие, как вы. Возможно, что на Дис вы отправились без особого желания, оно и понятно, ведь то было ваше первое задание. Но справились вы отлично, сделали то, что специалисты считали невозможным. Нам бы хотелось, чтобы теперь вы применили свои способности на Сельме-П. Что скрывать, это очень и очень опасно. Но ничего не поделаешь — надо.

— А я и не собиралась жить вечно, — ответила Леа и, склонившись над пультом, заказала крепкие напитки. Но напускная веселость не обманула Брайона.

— Я отправляюсь один, — заявил он. — В одиночку мне будет легче управиться.

— Но ты не сможешь, глупая ты гора мышц. Не настолько ты смышлен, чтобы отпускать тебя одного. Или мы идем вместе, или вообще не идем. Только попробуй отправиться один, и я пристрелю тебя, чтобы

не вводить людей в пустые хлопоты по доставке твоего тела к месту верной гибели.

Тут Брайон усмехнулся:

— Какая трогательная забота. Ладно, сдаюсь. Твои доводы очень убедительны и логичны, так что лучше нам отправиться вдвоем.

— Прекрасно. — Леа подхватила стакан, вылетевший из приемника, и выпила залпом едва ли не половину содержимого. — Что дальше, Карвер?

— А дальше — самое трудное. Мы должны убедить капитана изменить курс и доставить нас на орбиту Сельма-II. Там нас будет ждать крейсер.

— Чего же тут трудного? — удивился Брайон.

— Я вижу, вам не часто приходилось иметь дело с капитанами космических кораблей. Они очень упрямы. И в полете обладают всей полнотой власти. Мы не можем заставить его изменить курс, поэтому придется убеждать.

— Я его уговорю, — сказал Брайон, выпрямившись во весь рост. — Мы взялись за это дело, и никакой паршивый космический шоферишко не сможет нам помешать.

Глава 3

ДЕРЗКИЙ ПЛАН

Капитана М'Лута можно было назвать кем угодно, но только не «паршивым космическим шоферишкой». Он и Брайон стояли нос к носу, пожирая друг друга глазами. Оба были мужчины крупные, крепкие и высокие — правда, капитан был чуточку выше. Он был так же мускулист, как и Брайон — и столь же задирист. Они были похожи во всем, за исключением одного: кожа у Брайона отливала бронзой, а капитан был черен как смола.

— Я уже сказал — нет, — произнес капитан М'Лута; за ровным тоном его голоса скрывался гнев. — А теперь покиньте мостик.

— Мне кажется, капитан, вы не совсем меня поняли. Я обратился к вам с небольшой личной просьбой...

— Отлично. Личная просьба отклонена.

— Но я еще не изложил вам причины...

— Это совершенно излишне. Слышать ничего не хочу. Капитан корабля я. И мне приходится думать и о корабле, и о пассажирах, и о грузе. И кстати, о расписании. Для меня это самое важное. Самое. Ваши люди и так доставили мне немало хлопот со встречей посадочной капсулы. Я пошел на это, так как меня убедили, что случай экстренный. Слава Богу, все прошло нор-

мально. Инцидент исчерпан. Вы сами уйдете или вас вышвырнуть?

— Почему бы вам не рискнуть?

Брайон говорил тихо, почти шепотом. Но кулаки его были сжаты, мускулы напряжены, глаза так и пожирали капитана. Но тот глаз не отводил. Карвер прошаркал вперед и с трудом протиснулся между ними.

— Дело зашло слишком далеко, — сказал он. — Пора мне вмешаться, пока ситуация не вышла из-под контроля. Брандд, отправляйтесь к доктору Морис, сейчас же.

Брайон тяжело вздохнул и неохотно расслабился. Карвер был прав — но жаль все-таки, что не вышло потасовки. Он резко развернулся и направился к Леа, которая сидела на скамье у переборки. Как только противники разошлись, Карвер здоровой рукой извлек из кармана листок бумаги, взглянул на него и засунул обратно.

— Капитан М'Лута, мы надеялись на ваше добровольное сотрудничество. Но добровольно или нет, вам все равно придется исполнить нашу просьбу...

— Вахтенный! — рявкнул капитан в микрофон. — Возьмите троих людей и быстро на мостик! С оружием.

— Немедленно отмените приказ! — рассердился Карвер. — Включите ССП-связь и вызовите базу. Запросите код Дп-Л.

Капитан резко обернулся и уставился на искалеченного коротышку.

— Откуда вам известен этот код? — вскричал он. — Кто вы?

— Пожалуйста, без лишних вопросов. Свяжитесь с базой и сообщите мое имя — Карвер. Скажите, что я у вас на борту.

Капитан ничего не ответил, лишь тут же отменил приказ и двинулся в радиорубку.

— Что за чудеса? — спросил Брайон у Карвера, когда тот устало плюхнулся рядом.

— Это нокаут, а не чудо. Капитан живет на планете Рудепорт, одной из тех, что многим обязаны ФОКУСу. Населению планеты это, возможно, и неизвестно — однако правительству известно очень хорошо. Они ежегодно выплачивают нам приличную сумму и притом совершенно добровольно.

Брайон кивнул:

— Значит, Рудепорт — одна из тех планет, которым ФОКУС однажды помог. Мы вытащили их из беды?

— Совершенно верно. Поэтому мы можем просить любой помощи и в любое время. Но только в случае крайней необходимости. Директор тамошнего космопорта извещен о том, что я нахожусь на борту, а также о том, что, возможно, мне придется обратиться за помощью. Директор вечно занят, и ему вряд ли понравится, что его отвлекают по пустякам. Но так или иначе, капитан пойдет нам навстречу.

Ждать долго не пришлось. Грохоча башмаками, капитан вернулся на мостик, грозный как туча, и встал перед Карвером. Тот, казалось, не замечал его.

— Кто вы такой, Карвер? Кто позволил вам здесь командовать?

— Вы приказ получили — и будет с вас.

— Нет. По закону только я могу отдавать приказы на этом корабле. И этот закон нарушен. Подорван мой авторитет. А что, если я не подчинюсь приказу?

— Ваше право. Но по возвращении в порт у вас будут определенные неприятности.

— Неприятности? — Капитан мрачно усмехнулся. — Меня спишут с корабля. Навсегда.

— Вы, похоже, дорого цените свое любопытство. Поверьте, капитан, я вам зла не желаю. Но нам просто необходимо туда попасть. Я расскажу вам все, что могу. Эту операцию проводит ФОКУС. Когда вернетесь, попросите свое начальство, что означает это название. Им решать, сколько вам положено знать. Могу лишь добавить, что отклонение от курса совсем не случайно. Погибли люди — и под угрозой еще несколько жизней. Этого довольно, чтобы удовлетворить ваше любопытство?

Капитан звонко стукнул кулаком в ладонь.

— Нет, — ответил он, — не довольно. Но на сейчас хватит, мы сделаем остановку. Но больше я вас видеть не желаю на своем корабле. Никогда. Второй раз я этого не переживу.

— Ваше желание понятно, капитан. Сожалею, что все так вышло.

— Проваливайте. О высадке вам сообщат.

— Не похоже, чтобы вы сильно подружились, — заметила Леа, когда дверь за спиной с грохотом захлопнулась.

Карвер с равнодушным видом устало пожал плечами.
— Пойду к себе в каюту, — сказал он. — Встретимся на высадке.

Для Леа и Брайона приятное путешествие на этом закончилось. Они несколько раз прокрутили пленку, пока не запомнили ее наизусть. Брайон даже позанимался в спортзале, где своей мощью в силовых упражнениях привел тренера в полное замешательство. Леа попыталась отдохнуть и накопить силы. Она не знала, что ждет их на Сельме-II, но, судя по записи, операция обещала быть достаточно опасной. Ожидание было непереносимым, и известие о высадке принесло облегчение. Капитан даже не пришел попрощаться.

— Что теперь? — спросил Брайон, когда все трое выбрались из посадочной капсулы внутри поместительного шлюза крейсера.

— А это вам решать, — ответил Карвер. — С этой минуты считайте, что вы на задании. Вот и командуйте.

— Где мы находимся?

— На орбите Сельма-II.

— Хотелось бы взглянуть.

— В нижнем отсеке есть наблюдационный иллюминатор.

Корабль был большой — везде кипела работа. Они миновали машинные отсеки, кладовые, задержались, чтобы пропустить грузовые платформы. Когда наконец вошли в наблюдационный отсек, там никого не было. Стоя на прозрачном полу, все трое смотрели вниз. Там проплывала голубая сфера планеты, наполовину освещенная сиянием звезды Сельм — солнцем затерянного в пространстве мира. Брайон пристально разглядывал планету.

— Отсюда она выглядит вполне обычно. Что привлекло к ней такое внимание?

— Все началось со стандартного исследования. Компьютерный анализ архивных записей времен Империи выявил список грузов, отправленных на различные планеты. Большинство из них были уже известны, но не все. Координаты неидентифицированных планет были переданы в ФОКУС для разведки и осуществления контакта. Поскольку наблюдения с орбиты не выявили на Сельме-II ни городов, ни других поселений, то его оставили напоследок. Кстати, в эфире не было обнаружено никаких сигналов в обычных диапазонах связи.

— Значит, там нет никаких признаков цивилизации и присутствия людей, кроме следов сражений?

— Да, и это особенно нас заинтересовало. Та куча металлолома, рядом с которой высадились Марцилл и Хартиг, была самой большой из всех обнаруженных. А обнаружено их немало.

— Военная техника — без воинов. А где же люди? Под землей?

— Возможно. Это вам и предстоит выяснить во время экспедиции на планету. Внешне она выглядит довольно привлекательно. Белые шапки на полюсах состоят из снега и льда. Значительную часть поверхности занимает океан. В нем рассыпано множество островов и архипелагов. Единственный большой континент расположен вот тут. Сейчас через него проходит граница дня и ночи. Как видите, он напоминает чашу, потому что по периметру опоясан горными цепями. Отроги гор покрыты лесами, а в средней части континента — обширные травянистые равнины. Много озер, а в центре расположено самое крупное, как раз на линии расцвета, настоящий внутренний океан. Вы сможете рассмотреть все более подробно в записи.

— А как климат?

— Идеальный. По крайней мере, на равнине вокруг озера. В горах довольно прохладно, но внизу тепло.

— Отлично. Прежде всего нам понадобится транспорт. Чем вы располагаете?

— Об этом позаботится руководитель операции. Я полагаю, что удобнее всего использовать спасательную шлюпку. Она невелика, имеет большой запас мощности и способна вместить все необходимое снаряжение. И вооружение у нее неплохое. Наши техники установят самую современную систему вооружения и защиты.

Брайон приподнял брови:

— Похоже, оружие не сильно помогло Хартигу.

— Мы учтем его опыт.

— Вы что-то часто повторяете слово «мы», — заметила Леа, — вы разве полетите с нами?

— Извините. Вы получите любое оружие, какое только пожелаете. Как личное, так и штатное, для шлюпки. Выбирать вам.

— Можно посмотреть перечень? — справился Брайон.

— Об этом позабочусь я, — раздался голос за их спинами.

Обернувшись, они увидели стройного седовласого человека, который неслышно вошел в отсек во время разговора.

— Меня зовут Кларт, я руководитель операции. В мои обязанности входит не только давать советы, но и следить за тем, чтобы вам было доставлено все необходимое. Взгляните на экран компьютера — вот перечень всего, что мы имеем на крейсере.

Перечень был длинный и подробный. Брайон просматривал его вместе с Леа, прикосновением пальца отмечая позиции, которые его интересовали. На столик стали падать распечатки. Брайон взвесил их в руке и глянул вниз, на планету.

— Я принял решение, — произнес он, — и надеюсь, что Леа его одобрит. Шлюпка будет оснащена защитой и новейшим оружием. Мы захватим с собой все, что может нам понадобится на планете. После того как мы полностью экипируемся, я спущусь на планету один, без единого металлического предмета или прибора. С голыми руками, если угодно. Это самое разумное решение в сложившихся обстоятельствах, не так ли, Леа?

Ответом ему был испуганный взгляд.

Глава 4

ЗА ДЕНЬ ДО ОПЕРАЦИИ

— Я подготовлю список всего необходимого не откладывая, — произнес Кларт и принялся вводить команды через свой личный терминал. Его спокойствие говорило о том, что любые причуды агентов — дело для него привычное. Леа не разделяла его настроения.

— Брайон Брандд, ты, похоже, рехнулся. Карвер, проследите, чтобы его немедленно посадили под замок. Карвер согласно кивнул:

— Леа права. Нельзя же, в самом деле, разгуливать безоружным по такой планете. Это чистое самоубийство.

— В самом деле? Много ли помогли оружие и техника тем двоим, что высадились до меня? Марцилл исчез — но теперь мы легко можем себе представить, что с ним случилось. А что машина-убийца сделала с Хартигом, нам известно совершенно точно. С вашего позволения, я не хотел бы погибнуть, как они. У меня нет мысли окончить жизнь самоубийством, напротив, я думаю о том, как выжить. Прежде чем принимать решение, обдумайте два факта. Вспомните, как погиб Хартиг. Машина направилась прямо к нему, похоже, она засекла оружие или радиопередатчик. Засекла и уничтожила. Разве не так?

— Так, — сказала Леа, — и это факт номер один?

— Да. Хартиг был обнаружен и уничтожен. Факт второй — животные. Хартиг упомянул о них сразу после посадки. Помните то стадо вдалеке, которое мчалось прочь от места посадки?

— И какая между этими фактами связь? — спросил Карвер.

— Это очевидно, — пояснила Леа. — Животные были целы и невредимы, и боевые машины их не беспокоили. А Хартига они убили. И наш новоиспеченный дикарь хочет уподобиться животному и потихоньку разнюхать обстановку.

— Это сумасшествие, — настаивал Карвер, — я не могу этого позволить.

— Не позволить вы не можете. Ваши полномочия закончились, как только вы доставили нас сюда. Теперь я возглавляю операцию. Леа останется в шлюпке на орбите. Я высажусь один.

— Я беру свои слова обратно, — объявила Леа, — это разумный план, по крайней мере для чемпиона двадцатиборья, — и рассмеялась, встретив недоуменный взгляд Карвера. — Вас, видимо, плохо информировали, если вы не знаете, что Брайон — настоящая знаменитость. На его планете, где условия для жизни одни из самых суровых в Галактике, проводятся ежегодные соревнования. Они не просто спортивные, но и интеллектуальные. Двадцать различных видов — от фехтования до стихосложения, от тяжелой атлетики до шахмат. Это самые тяжелые соревнования из всех существующих, изнурительная демонстрация физических и интеллектуальных способностей. Насчет деталей можете поинтересоваться у Брайона, я скажу одно: после целого года состязаний определяется только один чемпион. Вообразите себе: атлетические соревнования, в которых принимает участие каждый житель планеты! Если получилось — попытайтесь представить себе, как должен выглядеть победитель таких соревнований. А если воображение вам отказывает — то взгляните на Брайона. Он один из чемпионов. Что бы ни происходило на Сельме-II, у него есть шансы во всем разобраться. И выйти победителем.

Карвер согнулся и рухнул в кресло, уронив костыль.

— Я верю вам, — произнес он, — однако это ничего не меняет. Как вы уже сказали, с этого момента за весь ход операции отвечаете вы сами. Я выхожу из

игры. Могу только пожелать вам удачи. Кларт позаботится о том, чтобы у вас было все необходимое.

— Вот список моих предложений. — Кларт оторвал ленту от принтера. Леа выхватила бумагу из-под носа у Брайона.

— Мне все равно придется прохладиться в шлюпке, пока ты будешь внизу, поэтому предоставь заботу о снаряжении мне. Иди потренируйся, поешь стероидов — в общем, подготовься к борьбе. Остальным займусь я.

— Я лучше расслаблюсь, — ответил Брайон, — готовлюсь к предстоящей операции психологически.

— Прекрасно. Вот этим и займись. Я покажу тебе окончательный перечень перед тем, как заказывать оборудование.

— Нет, не надо. Я полностью полагаюсь на тебя и специалистов. Прошу об одном: постарайся ничего не упустить. Мне понадобится кое-какое специальное снаряжение, но об этом я позабочусь сам. А сейчас мне нужен только детальный отчет об исследовании планеты. И тихое место, чтобы его просмотреть.

— Каюты для вас уже готовы, — сказал Кларт, — вся необходимая информация будет выведена на ваш терминал.

— Прекрасно. А когда будет готово снаряжение?

— Через два, максимум три часа.

— Скажем, через десять. Для начала я хочу выспаться. Как только мы отдохнем и получим снаряжение — сразу погрузимся в шлюпку и перейдем на нижнюю орбиту, чтобы взглянуть на планету поближе. Мне очень интересно, что за животных видел Хартиг.

Брайон крепко спал, когда Леа открыла дверь, но мгновенно проснулся. Она замерла, привыкая к темноте. Он окликнул ее:

— Входи. Сейчас свет включу.

— Ты что, всегда спишь в одежде? — удивилась она. — И башмаков не снимаешь?

— Это называется создание имиджа собственного тела. — Он взял стакан и отхлебнул воды. — Мне придется провести несколько дней в этой одежде, поэтому она должна восприниматься как часть тела. Тело и хорошая реакция — мое главное оружие, единственная защита. Правда, я решил взять кинжал. Взвесив

все, я понял, что пользы от него будет больше, чем риска.

— Какой кинжал? Какой риск? Ничего не понимаю!

— Кинжал из минеральных материалов. Он будет единственным исключением, единственным предметом искусственного происхождения. Вся одежда сделана из растительных волокон, пуговицы вырезаны из кости. Ботинки сшиты из натуральной кожи. Ни кусочка металла и никакого искусственного волокна.

— А как же твои пломбы? — усмехнулась она.

— А так же и пломбы, — Брайон был убийственно серьезен, — заменены керамическими вставками. Чем больше я буду напоминать обычное животное, тем выше степень моей безопасности. Вот почему кинжал — это определенный риск, но хорошо рассчитанный риск.

Он повернулся так, чтобы Леа могла рассмотреть кожаные ножны, висевшие сбоку. Потом вытащил длинный, прозрачный клинок.

— Выглядит как стекло. Угадала?

Он отрицательно мотнул головой:

— Это пласталь. Вид силикона, который внешне похож на стекло, но прочнее в сотни раз, потому что молекулы вещества выстроены в один большой кристалл. Сломать его практически невозможно, а лезвие не тупится никогда. Поскольку это силикон, то любой детектор будет воспринимать его как песок. Поэтому я и рискну взять его с собой.

Леа молча смотрела, как Брайон осторожно спрятал кинжал и вдруг скрестил пальцы рук и потянулся, словно гигантская кошка. Она увидела, как играют мышцы под тканью его одежды, и вдруг поняла, что настоящая сила Брайона — гораздо больше, чем просто физическая мощь.

— Мне кажется, ты справишься, — сказала она. — Я сомневаюсь, что это по силам кому-нибудь другому, во всяком случае в нашей Галактике. Но по-прежнему считаю, что вся затея — чистое безумие, хотя и понимаю, что это единственный способ выяснить, что творится на планете.

К чему невозможно было привыкнуть, так это к молниеносности движений Брайона. Могучие руки обняли ее прежде, чем она поняла, что произошло; они сомкнулись словно стальной обруч. Он быстро поцеловал ее и отступил назад.

— Спасибо. Твоя вера и поддержка сейчас для меня самое важное. Пошли в шлюпку.

Проводы были лишены всякой торжественности. Пока Леа проверяла снаряжение, Брайон переговорил со штурманом и тот ввел в бортовой компьютер несколько вариантов орбиты. Когда все было проверено и подготовка закончилась, они захлопнули люк. Прозвучал сигнал готовности, и компьютер сразу дал команду; шлюпка отделилась от корабля. Маневровые двигатели развернули ее, ходовые дюзы вспыхнули и понесли их на расчетную орбиту. Сельм-II на обзорном экране становился все больше и больше.

— Ты боишься, — сказал Брайон, накрыв ладонью похолодевшую руку Леа.

— Чтобы понять это, не нужно никакой телепатии. — Вся дрожь, она прижалась к нему. — На бумаге твой план выглядел просто замечательно, но чем ближе мы подбираемся к этой проклятой планете, тем больше я волнуюсь. Два отличных парня, эксперты по контактам, и оба погибли. Вполне возможно, что та же участь ожидает и нас.

— Не думаю. Мы гораздо лучше подготовлены. Благодаря их самоотверженности мы располагаем необходимой для выживания информацией. Нам нечего бояться. Постарайся расслабиться и сохранить свои силы, они еще тебе понадобятся. Сейчас нужно выйти на нижнюю орбиту, провести тщательный осмотр и выбрать место для посадки. А пока нам ничто не грозит.

Тут вмешался компьютер, как бы опровергая его слова:

— В поле зрения летательный аппарат. Его курс пролегает прямо под вами. Показать?

— Да.

На экране вспыхнуло маленькое пятнышко, оно медленно двигалось слева направо.

— Увеличить изображение.

Пятнышко увеличилось и превратилось в металлическую стрелу со скошенными назад крыльями.

— Какая у него скорость? — спросил Брайон. На экран тут же выскочили цифры. — Так, 2,6 маха. Сверхзвуковой тип, продукт высокоразвитой технологической культуры. При таких скоростях запасы топлива должны быть ограничены. Если мы проследим за ним, то сможем засечь место посадки...

Леа закончила его мысль:

— ...и у нас появится возможность выяснить, что происходит на планете.

— Точно...

Самолет на экране завалился на одно крыло и резко нырнул вниз. В ту же секунду заговорил компьютер:

— Летательный аппарат передает кодированное радиосообщение. Записываю.

Неожиданный взрыв закрыл изображение на экране.

— Что случилось? — спросил Брайон.

— Ракета класса земля—воздух. Я вычислил ее курс перед взрывом.

Брайон мрачно кивнул:

— Самолет, видимо, тоже ее засек, вот почему он предпринял такой неожиданный маневр.

— А радиограмма — ее послал экипаж?

— Конечно! Если это был самолет-разведчик, то появился он здесь не случайно. Когда они засекли ракету, то предприняли уклоняющий маневр и послали сообщение на базу. И если я не ошибаюсь — вот и ответ.

Брайон указал на белый след, неожиданно появившийся на экране.

— Баллистическая ракета, видимо нацеленная на наземную пусковую установку. Война все еще продолжается. По крайней мере, теперь известны две точки, где нам делать нечего.

— То есть район пусковой установки — вон там, где сейчас виден взрыв, и то место, откуда стартовала ракета.

— Правильно. Пока не выяснится, что происходит на планете, нам лучше держаться подальше от мест активных боевых действий. Теперь попробуем отыскать животных, о которых упомянул Хартиг. Можно с уверенностью предположить, что они держатся вдалеке от зоны боев и скоплений боевой техники. Корабль Хартига сильно напугал их при посадке. Думаю, они боятся любой техники.

Они нашли животных на восточном берегу гигантского озера, которое для удобства окрестили Центральным морем. При максимальном увеличении электронного телескопа можно было разобрать, что это какие-то травоядные. Похоже, тут водились и хищники, было видно, как несколько животных спасаются бегством, преследуемые по пятам быстрыми и крупными существ-

вами. Но как они ни вглядывались, никаких следов цивилизации обнаружить не удалось.

— В этом месте я хочу высадиться, — сказал Брайон. — На равнине, где пасутся стада.

— Что значит «высадиться»? Мы что, не будем сажать шлюпку?

— Нет. Это нежелательно. Ты видела, что произошло с самолетом. Не стоит лишний раз попадать в поле зрения радаров и понапрасну тревожить ракеты. Я рассчитаю баллистическую орбиту, которая выведет меня в расчетную точку.

— Не бойшься слегка поджариться в плотных слоях атмосферы?

Брайон улыбнулся:

— Ценю твою заботу. Чтобы этого не произошло, воспользуюсь гравийшютом. Я снял со скафандра все ненужные металлические части, даже кислородные баллоны заменил пластиковыми. Маловероятно, что наземные радары смогут меня засечь, — к тому же на выбранной местности не видно никаких сооружений. Как только высажусь на поверхность, сразу избавлюсь от гравийшюта и ненужного снаряжения.

— Но ты будешь совершенно беззащитен!

— Ну нет. Кроме того, я буду поддерживать с тобой постоянную связь.

— Неужели? Ты что, изобрел пластиковый передатчик?

Шутка Леа прозвучала очень грустно, оттого что в голосе женщины слышалась неподдельная тревога.

— Я воспользуюсь вот этим, — Брайон вытащил из сумки длинные полосы цветной материи. — Пришлось выдумать простой код. Если я разложу полотнища на поверхности, ты без труда заметишь их с орбиты. После посадки я сразу выложу для тебя сообщение. И буду посылать их регулярно по мере продвижения, чтобы держать тебя в курсе событий.

— Но это очень опасно...

— Операция в целом тоже достаточно опасна. Но по-другому ничего не получится. — Он отвернулся и принялся внимательно рассматривать экран, наконец постучал пальцем по изображению. — Я хочу высадиться здесь. Тут равнина переходит в предгорья. И лес неподалеку, а это хорошее укрытие. Если все рассчитано правильно, то спуск придется начинать ночью, а приземлюсь я на рассвете. Затем хорошенько спрячусь

и примусь наблюдать. Если эти живот-ные и впрямь окажутся местной формой жизни, то можно будет приступить ко второй части операции.

— И в чем же она заключается?

— В том, чтобы пешим порядком проникнуть в зону боевых действий.

— Только не это!

— К сожалению, это необходимо. От животных о войне много не узнаешь. Ближайшее кладбище военной техники находится всего в сотне милях от места посадки. Это два-три дня ходьбы. Я буду ежедневно отправлять тебе сообщения, при этом все они будут начинаться со знака «Х». Эта форма не встречается в природе, и компьютер без труда обнаружит мой знак. А сейчас я хочу поспать. Разбуди меня, пожалуйста, за час до высадки.

Когда Брайон вошел в шлюз, поверхность Сельма-II была погружена во тьму. Все необходимое было запаковано в толстую пластиковую трубу, которую он закинул за спину. Леа смотрела, как он в последний раз проверяет крепления скафандра. Она стиснула руки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Он поднял глаза и, взмахнув рукой, повернулся к выходу, но тут Леа протянула руку и постучала по шлему. Брайон откинул щиток. Спокойствие его лица контрастировало с тревогой на лице Леа.

— Ну? — спросил он.

Она молчала, тишину нарушало только шипение кислородного клапана. Затем поднялась на цыпочки и крепко поцеловала его в губы.

— Я лишь хотела пожелать тебе удачи. Ну, до скорого?

— Конечно. — Улыбнувшись, он опустил щиток. Потом вошел в шлюз и захлопнул за собой дверь. Как только открылся внешний люк, вспыхнула красная лампа. Несколько томительных минут Брайон вглядывался в космическую пустоту и ждал команды компьютера. Едва на щитке вспыхнул зеленый огонек, он рывком выбросился из корабля.

Леа сидела у обзорного экрана, провожая взглядом удаляющуюся фигуру, на которой поблескивали огоньки маневровых двигателей, пока она совсем не скрылась из виду.

Глава 5

В АДУ И БЕЗ ОРУЖИЯ

Брайон падал в черную пропасть ночи. Скорость падения совсем не ощущалась, хотя разумом он понимал, что она нарастает с каждой секундой. Ему казалось, он неподвижно висит в пространстве в окружении звезд над темным диском погруженной в ночную тьму планеты. Планету окружала светящаяся корона — свет скрытого от глаз солнца рассеивался в атмосфере. На востоке, где уже занимался рассвет, она была поярче. Брайон знал, что, несмотря на кажущуюся неподвижность, он падает по тщательно рассчитанной дуге в четко определенную точку, летит навстречу восходу. За его спиной микрокомпьютер гравипюта отсчитывал секунды, оставшиеся до посадки. Время от времени он чувствовал легкое давление ремней — его падение замедлялось в строгом соответствии с программой. Благодаря многолетним тренировкам он полностью сохранял самообладание, не позволяя страху попусту наполнять вены адреналином. После посадки будет много хлопот, а сейчас есть время поразмыслить. Он отдался на волю движения, погружившись в состояние спокойной расслабленности, не замечая легких толчков в ремнях, которые постепенно перешли в ровное натяжение. Верхние слои атмосферы мягко коснулись его скафандра. Падение продолжалось.

Резкий свет ударил по глазам, когда солнце вышло из-за горизонта. Брайон пошевелился, разминая затекшие мышцы — полет подходил к концу. Внизу еще была ночь, хотя здесь, на высоте, солнце уже светило вовсю. Яркий свет внезапно сменился серым сиянием, когда он вошел в мощный слой облаков; Брайон быстро пробил его и полетел вниз, к слабо освещенной равнине.

Пока все спокойно. Ни ракет, ни самолетов. Брайон понимал, что его легко засечь по металлическим деталям снаряжения. Возможно, на экранах радаров уже появилась цель и ракеты разворачиваются в его сторону. Ему отчаянно захотелось очутиться внизу и сбросить предательский гравишют. Подтянувшись на ремнях, Брайон глянул вниз, на травянистую равнину, которая стремительно неслась ему навстречу. Он знал, что падает слишком быстро — но скорость была единственной защитой. Если радары его засекли, то надо как можно быстрее исчезать с их экранов. Вот поэтому необходимо выдерживать режим свободного падения до последнего и начинать торможение лишь в последний момент. Твердая поверхность уже почти под ногами — пора!

Резкий поворот ручки — гравишют задрожал от напряжения, ремни подвески больно впились в ноги. Скорость все еще слишком высока — надо добавить мощности. Ремни закрипели от перегрузки. Тряхнуло весьма ощутимо. Ну, теперь — на полную!

Ноги с силой ударились в грунт, он упал и покатился по высокой траве. И несколько секунд лежал, не в силах пошевелиться. Поначалу тело не слушалось.

Чтобы встать на колени, потребовались отчаянные усилия, затем он медленно поднялся на ноги. Теперь надо сделать то, что просто необходимо.

Отстегнутый гравишют тяжело повалился в траву. Брайон сорвал с себя скафандр со шлемом, кислородный баллон. Так, все в порядке. Надо спешить, однако чрезмерно торопиться не следует. Рассвет выдался тусклым, но видно было хорошо. Сейчас надо открыть пластиковый контейнер, вытащить кинжал и сумку, которую он возьмет с собой. Сумка застряла — он рванул покрепче. Хорошо. Пора избавляться от лишних вещей. Надо обвязать ремнями ненужное теперь снаряжение. И проверить все еще раз. Хорошо. Ничего не забыл? Нет, все на месте.

Брайон врубил гравишют на полную мощность, и тот так стремительно рванулся вверх, что сбил его с ног. Он становился все меньше и меньше и наконец исчез совсем. Высоко вверху под лучами солнца ярко блеснул щиток шлема. Но вскоре погас и этот огонек.

Брайон облегченно вздохнул. Он наконец внизу, цел и невредим.

Посадка на планету прошла успешно, и об этом теперь можно забыть. Пора приниматься за дело.

Подняв кинжал, Брайон медленно оглянулся, на ощупь прицепил ножны к поясу, внимательно рассматривая выступающие из тьмы окрестности.

Вокруг была трава. Высокая трава, которая шелестела под утренним ветром, разбегаясь волнами во все стороны. Неподалеку высился каменистый холм, на западе виднелась рощица, дальше начинались предгорья, которые переходили в поросшие лесом горы. Их вершины уже сверкали в лучах восходящего солнца.

Глаза уловили какое-то движение. Там, в стороне озера. Брайон медленно присел, осторожно выглянул из травы. К нему приближалось стадо животных. Замерев, он одними руками нащупал сумку и перекинул через плечо.

Вдруг в вышине раздались пронзительные крики. Брайон вскинул голову и заметил стаю птиц, которые, кружа, опускались в траву неподалеку. Нет, это были совсем не птицы, а какие-то летающие рептилии. Крылья начисто лишены оперения, между тонкими костями натянута кожистые перепонки, красно-оранжевые шкуры блестели на солнце, большие челюсти утыканы иглообразными зубами. Они снижались с пронзительными криками и исчезали в море травы.

Тем временем пасущиеся животные подошли совсем близко, теперь Брайон мог их рассмотреть. Это тоже были ящерообразные. Их серо-коричневые безволосые шкуры служили идеальной маскировкой на фоне увядшей травы. Они осторожно передвигались на длинных мощных ногах, часто поднимая головы и приносясь широкими ноздрями. Похоже, неподалеку бродили хищники, — Брайон уже не сомневался, что те тоже окажутся рептилиями. Стадо насторожилось. Животные перестали жевать и замерли на месте, широко раздувая ноздри. Похоже, приближались какие-то существа. Ящеры почуяли их запах, но в высокой траве пока

ничего не было видно. Совсем рядом готова была разыгаться вечная драма жизни и смерти.

Вдруг Брайон заметил, что все животные смотрят в его сторону, и тут он понял, что может оказаться не просто зрителем, но одним из участников этой драмы. Может, они просто заметили его? Он пригнулся еще ниже, стараясь укрыться, смутно ощущая поток исходящих от них эмоций. Страх. Страх, который подавил все остальные чувства. Обычно он мог воспринимать только чувства людей и лишь иногда — сильные эмоции животных. Теперь он ясно ощущал ужас, охвативший рептилий — и что-то еще, что-то очень сильное...

Выхватив кинжал, Брайон вскочил, развернулся — как раз вовремя, чтобы встретить нечто темное, бросившееся на него этаким торпедой. Страшный визг рвал перепонки. Он нырнул в сторону, но получил сильный удар в плечо, рука сразу онемела, и он едва не выронил кинжал. Он перекинул оружие в левую руку и увидел, что чудовище уже нависло над ним, разинув пасть, полную огромных блестящих зубов.

Оно обрушилось всем своим весом прямо на представленный кинжал, распоров себе горло, и рухнуло с предсмертным хрипом, придавив Брайона к земле. Несколько раз конвульсивно дернулось и затихло. Теплая жидкость струилась по руке Брайона, но чья это кровь, его или животного — он не знал. Упершись ногой, он оттолкнул тушу и огляделся — нет ли рядом другого хищника.

Похоже, монстр охотился в одиночку. Тяжело хватая ртом воздух, Брайон встал на ноги. Вокруг все замерло, только мчалось прочь испуганное стадо. Он опустил глаза на перепачканные зеленой — слава Богу — чужой кровью руки.

Рядом, вытянувшись, застыла на земле мертвая тварь. Ее метровые, утыканные зубами челюсти были раскрыты, мертвые глаза неподвижно глядели в пространство. Передние лапы хищника были короткими и когтистыми, зато задние — необычайно мощными, что позволяло ему атаковать на огромной скорости. Морщинистая шкура была покрыта бурыми пятнами с фиолетовым отливом.

Мрачные цвета царства теней, подумалось Брайону. Совершенная машина для убийства. Неудивительно, что другие животные так испугались.

Неожиданно Брайон почувствовал смертельную усталость. Он тяжело уселся на тушу зверя, вытер о его шкуру перепачканные руки. А потом отхлебнул воды и долго и тяжело дышал, ждал, когда вернутся силы. Не очень приятное начало — первое же живое существо чуть не убило его. Чуть-чуть, но не совсем. Кинжал был остер и крепок, реакция в порядке. Теперь его врасплох не застанешь.

Как бы там ни было, он находится на планете и пока цел и невредим. Пора действовать дальше. До сих пор он просто боролся за собственное выживание. Сначала надо было обмануть ракеты в воздухе и боевые машины на земле. С этой задачей он справился. И с хищником совладал. Таким образом, первая часть задания выполнена. А сейчас надо сообщить, что все в порядке, и трогаться в путь.

Место было не хуже прочих: далеко от леса и с орбиты просматривается хорошо. Трава была утоптана животными, но достаточно большой и ровной площадки отыскать не удалось. Поблизости находился каменистый холм, там трава не росла. Он взобрался на вершину, открыл сумку, вытащил оттуда сверток с полотнищами. И не смог удержаться, чтобы не взглянуть в синее небо, хотя и понимал, что это бесполезно. Шлюпка была там, на орбите, и хотя он не видел ее, но знал, что Леа наблюдает за ним в электронный телескоп. Улыбнувшись, он широко взмахнул руками, победный жест взбодрил его. Затем принялся раскладывать полотнища.

Сначала «Х», для того чтобы его засек компьютер, на случай, если он вышел из поля зрения. Затем остальное сообщение. Код, который он изобрел, был прост и легок для запоминания. «I» означает, что посадка прошла нормально — правда, Леа может в этом усомниться, если наблюдала его встречу с хищной рептилией. Он на время отошел в сторону, чтобы сигнал был записан, затем добавил полосу и превратил «I» в «Т», сообщив тем самым, что дальше собирается действовать по плану и при первой же возможности выйдет на связь. Утренний бриз усиливался по мере того, как солнце поднималось все выше и нагревало землю, и ему пришлось придавить полотнище камнями.

С вершины холма открывался чудесный вид на окрестности. Травоядные ящеры, набегавшись, успоко-

ились и мирно паслись на берегу озера. Маршрут, который он проложил к ближайшему кладбищу машин, был несложен, надо было просто двигаться на запад, вдоль берега озера, пока не достигнет цели. Простая прогулка, во время которой он сможет осмотреть местность и поближе изучить животных. Пора в путь. Он собрал полотенца и сунул в сумку. Затем, повернувшись спиной к солнцу, двинулся на запад.

В полдень Брайон остановился отдохнуть и перекусить. Сухой паек по вкусу напоминал бумагу, но обеспечивал необходимыми калориями на несколько дней. Запив еду водой, он встряхнул бутылку, чтобы узнать, сколько там осталось. До конца дня хватит, но до захода солнца придется ее наполнить. И обязательно до наступления темноты. Надо еще успеть удалиться от озера и укрыться в скалах или среди деревьев. Повстречавшийся хищник внушил ему уважение к местной фауне. Он спрятал бутылку и пустые обертки в сумку и, встав на ноги, потянулся всем телом.

Поначалу он принял далекий звук за жужжание насекомого — но звук становился все громче и громче. Сообразив, в чем дело, Брайон нырнул в траву. Реактивный двигатель. Работает с перебоями, наверное, не в порядке. Самолет появился со стороны солнца — черная точка тащила за собой белый хвост, весь изломанный поворотами, словно пилот постоянно от чего-то уворачивался. Самолет опять изменил курс и прошел прямо над головой, обрушив на землю грохот.

И неожиданно окутался облаком пламени, которое тут же превратилось в белую тучку. Из тучки вылетел черный обломок и упал примерно в километре от Брайона. Врезался в землю, подняв облако пыли, и только теперь ушей достиг звук далекого взрыва.

Брайон медленно поднялся, глядя на оседающую пыль. Подозрительно близко все произошло. Конечно, это могло быть простым совпадением — или самолет появился здесь не случайно? Нет, это невозможно. Конечно, совпадение. Но если так, то почему при одной только мысли о том, чтобы пойти и осмотреть обломок, накатывает жуткий страх? Инстинкт самосохранения советовал ему держаться подальше. Но он обязан осмотреть обломок. Возможно, там лежит тело пилота. Пыль осела, и равнина снова стала пустынной. Брайон

успел засечь направление. И, отогнав прочь сомнения, двинулся вперед.

Воронка выделялась в море травы черным пятном. Брайон приближался с максимальной осторожностью. Последние несколько метров он преодолел ползком. Заглянув через край, увидел на дне покореженный кусок металла. Это было крыло самолета. Никаких опознавательных знаков обнаружить не удалось, даже когда он скатился вниз, на дно воронки. Он быстро обошел вокруг крыла, его поверхность была еще теплой. При ударе куски металла разлетелись во все стороны, Брайон переворачивал их кинжалом, один за другим. Его упорство было вознаграждено, когда наконец удалось найти обломок с маркировочной табличкой. И надпись сохранилась!

Одно было плохо. Хотя буквы сохранились хорошо, но слова, разделенные цифрами, были на совершенно незнакомом языке. Расшифровать надпись не представлялось возможным, — но и бросить ее тоже нельзя. Он хотел было захватить табличку с собой, но вовремя сообразил, что иметь при себе кусок металла, сколь угодно малый — чистое безрассудство. В конце концов он ножом выцарапал на бутылке для воды копию текста. По крайней мере, будет что показать.

Увлечшись изысканиями, он удалился от озера. Пришлось возвращаться к берегу. У водопоя паслись целых три стада, двигаться надо было осторожно. Запас воды иссяк, уже смеркалось. Делать нечего, пить-то хочется.

Чуть впереди лес спускался на равнину. Похоже, там прятались хищники: стадо, за которым он шел, вдруг охватила паника. Несколько животных бросились в его сторону, он замер на месте, пропуская их. Они в мгновение ока промчались мимо, мощные ноги несли их с сумасшедшей скоростью, сзади едва поспевал молодой. Последним бежал крупный самец, украшенный огромными рогами. Он угрожающе потрянул ими в сторону Брайона, но тот стоял не шелохнувшись, и самец пробежал мимо. Когда животные промчались, Брайон последовал за ними по вытоптаным дорожкам, огибая кучи едко пахнущего навоза.

Он медленно продолжал путь, сжимая в руке кинжал, постоянно озираясь и прислушиваясь. Заметив впереди темную тушу, наполовину скрытую травой, он замер на месте.

Головой к нему, распахнув пасть в предсмертном ужасе, лежал мертвый ящер. Убийцы видно не было. Шаг за шагом Брайон осторожно продвигался вперед, пока не убедился, что в траве никто не прячется. Держа наготове кинжал, он обошел тушу. Горло животного было аккуратно перерезано; он не смог бы управиться лучше и своим ножом.

Пораженный зрелищем, он замер. Рана была слишком ровная. Такая же, только крупнее, виднелась и на боку. Даже и не рана, а, скорее, разрез. Одна из ног чудовища была отрезана. Отрезана очень аккуратно, прямо по суставу. Никакое животное не смогло бы этого сделать ни клыками, ни когтями.

Это могло сделать животное, вооруженное очень острым ножом.

Брайон взгляделся в густую тень небольшой рощицы, стоявшей неподалеку. Неужели за ним наблюдают чьи-то глаза? Неужели на этой планете есть разумная жизнь? Неужели это глаза человека?

Глава 6

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Надо было все обдумать без суеты. Брайон понял это, как только увидел аккуратно разрезанную тушу. Он осторожно спрятал кинжал в ножны и медленно сел на землю. Лицом к озеру, ненавязчиво наблюдая за рощей уголком глаза. Единственное, что было видно — как ветер ерошит траву и рябит поверхность озера.

Животное, несомненно, было убито разумными существами. Людьюми или инопланетянами, которые разрезали ножами тушу и скрылись, прихватив с собой мясо. Кем бы ни были, но, заметив его, они спрятались среди деревьев. И, похоже, наблюдают оттуда. Он расслабился и попытался вступить в контакт, но телепатия как средство общения на больших расстояниях никуда не годилась; мысли людей хорошо читались лишь тогда, когда люди находились поблизости, с увеличением дистанции чувствительность резко понижалась. Собравшись, он все-таки сделал попытку. Неподалеку было какое-то живое существо. Вот и все, что удалось понять. Ощущение было слишком слабым, чтобы судить наверняка; это могло быть что угодно: инопланетянин, перепуганное животное или человек. Как бы там ни было, но эмоциональный поток был ровным; если расшевелить чувства — то читать их будет намного легче.

Брайон неожиданно подпрыгнул вверх с диким криком. Приземлившись, обошел тушу вокруг, не переставая кричать. Описав полный круг, с довольной улыбкой уселся на землю.

Наверняка рядом кто-то был. Причем не местная рептилия и не иная форма жизни. Это была реакция человека — очень, правда, напуганного прыжками и криками Брайона. Человек был один, мужчина, и он наблюдал за ним, укрывшись за листвой деревьев. Насмерть перепуганный. Внезапные крики пробудили в нем эмоции. Он боялся Брайона.

Невзирая на охвативший человека ужас, необходимо было вступить в контакт. Но как это осуществить? Брайон опустил взгляд на лежащую рядом тушу. Может сработать. Как ни неаппетитно выглядело сочащееся зеленой кровью мясо, для человеческих существ оно, должно быть, съедобно. А в том, что за ним наблюдает человек, сомневаться не приходилось, эмоции были чисто человеческие. И этот человек убил животное ради пропитания, но при появлении Брайона скрылся с единственным куском. Необходимо сделать дружественный жест.

Брайон рассек бедренный сустав и отделил от туши оставшуюся заднюю ногу. Потом поднял ее и, держа перед собой, медленно пошел к деревьям, двигаясь в сторону от наблюдавшего за ним человека. Дошел до первого дерева, одним махом срубил толстую ветку, надрезал сухожилие и насадил ногу на сук.

Шаг первый. Если охотник возьмет мясо, это будет означать, что общение, в каком-то смысле, началось. А пока есть время наполнить бутылку водой. Он добрал до берега по тропинкам, которые протоптали в траве животные, продрался сквозь прибрежную растительность и по пояс вошел в воду. Здесь она была чистой, без мути. Он сначала попробовал ее на вкус и только потом наполнил бутылку. Когда Брайон вернулся, солнце уже склонилось к самому горизонту. Стайка летучих ящериц, усевшись на тушу, рвала мясо зубастыми челюстями. Заметив его приближение, они неохотно взлетели, издавая пронзительные крики. Прикрыв глаза рукой, он глянул на заходящее солнце. Нога исчезла, но охотник был еще здесь. Теперь оставалось одно — ждать. Но только не рядом с тушей. Это было бы опрометчиво. Ящерицы с пронзительными воплями все

еще кружили над головой; они наверняка привлекут сюда более крупных любителей падали. Брайон медленно побрел к роще, направляясь в самый дальний ее конец, подальше от того места, где спрятался охотник, намеренно держась на виду.

С наступлением темноты Брайон почувствовал, что человек уходит в глубь леса, ощущение его присутствия было уже на грани восприятия. Похоже, он хочет уберечься от возможных ночных неприятностей. Брайону их тоже не хотелось. Он разровнял листья под кроной большого дерева и уснул, крепко сжимая в руке кинжал. Сквозь легкий сон он ясно сознавал окружающее. Среди ночи его разбудило какое-то животное. Оно почуяло его присутствие и обошло далеко стороной. Остаток ночи прошел спокойно. С первыми лучами солнца он встал, бодрый и отдохнувший.

Охотник был еще здесь — и снова следил за ним. Брайон ощутил всплеск эмоций, когда двинулся из леса на равнину. Страх по-прежнему был силен — но к нему уже примешивалось любопытство.

Ожидание — работа нелегкая. Ближе к полудню Брайону до смерти надоело сидеть и ждать, когда хоть что-нибудь произойдет. Вдали паслись стада, в безоблачном небе все выше поднималось солнце. В полдень он немного перекусил, запивая пищу озерной водой. И от нечего делать принялся слагать поэму об окружающем пейзаже, но это оказалось еще скучнее, чем самое ожидание. Потом сам с собой поиграл в уме в шахматы, но на двадцатом ходу черных сбился и бросил эту затею. После полудня Брайон потерял всякое терпение. Охотнику, видимо, нравилось просто лежать в укрытии и наблюдать за ним. Эту забаву пора прекратить. Брайон встал, потянулся, потом развернулся и двинулся в его сторону.

Взрыв страха был так силен и отчетлив, что Брайон смог без труда определить точное место, где спрятался человек — за огромным стволом поваленного дерева. Он тут же остановился и поднял пустые руки над головой. Паника улеглась, но страх остался, начисто при этом заглушив любопытство, которое заставляло охотника наблюдать весь день. Чувства смешались, теперь это была смесь жадности и страха. Брайон сделал шаг вперед и страх тут же пересилил — человек побежал. Когда Брайон подошел к его укрытию, то сразу понял,

что означала эта смесь эмоций. Обе ноги остались лежать на месте. Они были слишком тяжелы для беглеца, а потому он их бросил. Брайон, нагнувшись, взял в каждую руку по ноге, легко закинул на плечи и двинулся по следу.

Вскоре стало понятно, что человек направляется через лес в горы. Когда направление прояснилось, Брайон выбрался на равнину, где было легче двигаться, и побежал вдоль леса, чтобы обогнать охотника. Здесь дело пошло намного легче, и, хотя он был нагружен мясом, ему без труда удалось опередить беглеца. Брайон углубился в лес, двигаясь наперерез, и вскоре вышел на звериную тропу, по которой, видимо, и шел охотник. Это было хорошее место для встречи. Он скинул свою ношу и принялся ждать, поглядывая на тропу, отчетливо ощущая приближение человека, его страх и усталость.

Они увидели друг друга одновременно; повинувшись страху, охотник резко выбросил вперед руку. Брайон едва успел увернуться от мелькнувшего в воздухе копья. Острие с силой вонзилось в ствол дерева. Пока Брайон поднимался на ноги, охотник присел и вытащил нож. Не сводя с него глаз, Брайон протянул руку, выдернул копье и бросил на траву. Потом осторожно достал свой кинжал и бросил его рядом с копьем. От охотника исходили волны ужаса. Брайон молча ждал, пока пройдет приступ страха, и только потом заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я не желаю тебе зла. Вот мой кинжал, вот твоё мясо. Давай станем друзьями.

Охотник ничего, конечно, не понял, но спокойный тон голоса, похоже, на него подействовал. Продолжая говорить, Брайон снова показал на оружие и мясо и отошел в сторону, держась, однако, в поле зрения охотника. Отойдя на несколько шагов, он остановился и сел, опершись спиной о ствол дерева. Следующий шаг был за охотником. Брайон тихо перебирал его эмоции, ощущая, как страх понемногу отступает перед любопытством. Человек сделал осторожный шаг, потом другой и вышел на середину тропы. Теперь они рассматривали друг друга с одинаковым интересом.

Охотник выглядел вполне по-человечески, однако был худ и низок ростом — он едва доходил Брайону до плеча. Его длинные волосы были спутаны, грязные пряди спадали на лицо. Одет он был в шкуру ящера, ноги

тоже были обмотаны шкурами. Раскрыв от изумления рот, он рассматривал одежду и обувь Брайона. Потом, подбадриваемый голосом Брайона, склонился над оружием. Тот постарался скрыть свои чувства, когда увидел свой кинжал в руке охотника, который крутил его в руке и так и этак, а когда нечаянно порезал палец — страшно перепугался и принялся его сосать, прямо как ребенок. Когда боль и страх немного поутихли, охотник нагнулся и отхватил от ноги ящера изрядный кус мяса.

Брайон почувствовал прилив счастливого удовлетворения, когда увидел, что охотник протянул мясо ему. Он кивнул, улыбнулся и, протянув руку, шагнул вперед. Охотник все же испугался — бросил мясо и отбежал на несколько шагов. Брайон замер на месте, терпеливо дожидаясь, когда тот успокоится. И только потом осторожно, шаг за шагом подошел и взял мясо. Откусил кусочек, пожевал — вкус был на редкость отвратительный, — улыбнулся и радостно замычал, потирая живот.

Страх практически исчез. Охотник заулыбался в ответ, поначалу несколько напряженно, а потом уже от души, потирая живот и счастливо помыкивая, как бы повторяя во всем Брайона.

Контакт наконец состоялся.

Глава 7

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Теперь, когда был установлен дружеский контакт, охотник, похоже, совсем перестал бояться. Брайон ясно чувствовал это, но поверить никак не мог. Хотя человек, стоявший перед ним, выглядел вполне взрослым, его реакции были на удивление детскими. Первый страх перед чужаком полностью уступил место любопытству. И тогда, при первом появлении Брайона, он остался наблюдать за ним, вместо того чтобы спастись бегством, остался даже на ночь. Страх, потом жадность и снова страх — похоже, он не мог испытывать два сильных чувства одновременно. Совсем как ребенок. Он счастливо лопотал, разглядывая одежду и обувь Брайона, шумно тянул воду из бутылки, пожевал — и с отвращением выплюнул сухой паек. И проделывал все это по-детски непосредственно.

Он даже не заметил, занятый содержимым сумки, как Брайон неторопливо подобрал кинжал и спрятал его в ножны. Просто не обратил на это внимания. Разглядывание принадлежащих Брайону вещей настолько поглотило его, что он начисто забыл об элементарной осторожности.

Брайон очень скоро понял, что этот человек весьма примитивен, и подтверждение тому — бесхитростное восприятие абсолютно новых для него явлений. Оружие

его представляло собой изделия каменного века. Наконецником копья служил острый осколок стекловидной вулканической породы, привязанный к древку грубой веревкой. Нож также был сделан из камня. Шкуры ящеров, служившие ему одеждой, были совершенно не выделаны — об этом нетрудно было догадаться по запаху. Единственным предметом, не имевшим утилитарного назначения, был череп ящера. Этот отвратительный предмет с остатками полусгнившей кожи дикарь нахлобучил на голову в виде шлема.

Когда охотник удовлетворил любопытство, Брайон предпринял первую попытку пообщаться с ним — практически безуспешную. Он долго тыкал в себя пальцем и произносил свое имя, а потом так же долго тыкал пальцем в охотника, издавая при этом вопросительные звуки. И в результате выяснил, что того зовут Вьер. Точнее, Вър, этакая взрывная группа согласных, начисто лишенная гласных звуков. Имя Брайона охотник произносил как Бран, точнее, даже Бррн, опуская гласные. Собственно говоря, этим их общение и исчерпывалось. Вьер вскоре потерял всякий интерес к изучению новых слов, равно как и к обучению Брайона. Круг его интересов был очень ограничен. Желая утолить жажду, он осушил бутылку, пролив большую часть воды на землю. А проголодавшись, невозмутимо согнал мух, отхватил кус зеленого мяса и принялся поглощать его сырым, довольно громко при этом чавкая. Брайон никак не мог понять поведения этого человека.

Вьер вел себя как настоящий дикарь. При этом Брайон чувствовал, что он нисколько не притворяется. Он был именно таким, каким казался: до предела примитивным существом каменного века, начисто лишенным какого бы то ни было воображения. И в то же время на этой планете две армии вели непрерывную войну, используя достаточно сложное вооружение. Вьер в этот расклад никак не вписывался. Может быть, он просто изгой? Человек, бежавший от войны? Пока не наладится общение, ничего определенного сказать нельзя. Интересно, он один или существует целое племя? Что же делать дальше?

Все решил Вьер. Расправившись с порцией мяса, он спокойно задремал. Словно диковинный зверь, он присел на корточки и сразу уснул. Проснулся он так же внезапно, глянул на небо и пробормотал что-то невра-

зумительное. Похоже, он принял решение. Своим корявым ножом деловито срезал длинную лиану. Затем связал вместе обе ноги и, крикнув, вскинул груз на плечи. Взяв в одну руку нож, а в другую копьё, двинулся по тропинке, но вдруг остановился, словно что-то вспомнив.

— Бррн, — произнес он, улыбаясь. — Бррн! Бррн! — Затем повернулся и отправился восвояси.

— погоди! — крикнул Брайон вслед. — Я хочу пойти с тобой!

Он шагнул было следом — и замер на месте, ощутив волну страха. Вьера прямо колотило от ужаса, даже копьё дрожало. Он медленно пошел прочь и снова застыл, когда Брайон вновь попытался последовать за ним. Лицо его исказило отчаяние, на глаза навернулись крупные слезы.

— Да, я вижу, ты не очень хочешь брать меня с собой, — Брайон старался говорить успокаивающим тоном, — но мы еще встретимся. Ты ведь вернешься в эти холмы, а найти тебя совсем не трудно.

Вьер совсем успокоился, увидев, что на этот раз Брайон не собирается идти за ним. Он направился в глубь леса, потом обернулся и побежал во весь дух, согнувшись под тяжестью мяса. Когда Вьер исчез из виду, Брайон развернулся и отправился в противоположную сторону, на равнину. Он сделал небольшой крюк, чтобы набрать воды, затем пошел по вчерашнему маршруту. Теперь цель была ясна. Поход на места сражений может подождать, — чем позже он встретится с противником, тем лучше. Для этого еще будет время, сейчас важнее всего поговорить по душам с Вьером. Вполне возможно, хотя шансы и невелики, что Вьер сообщит ему о войне все, что нужно, и тогда надобность в опасном путешествии и вовсе отпадет.

Он направлялся прямо к воронке, которая ясно выделялась посреди равнины, но остановился примерно в сотне метрах от нее. Затем принялся вытаптывать в траве круг, чтобы разложить сигнальные полотнища. Через несколько минут площадка была готова, и можно было выкладывать знаки. Тонкую материю пришлось прижать комками почвы, выброшенными из воронки при ударе обломка о землю. Выложив «Х», он выдержал паузу, сосчитал до ста. За это время бортовой компьютер шлюпки успеет засечь знак с орбиты.

Убедившись, что времени прошло достаточно, Брайон выложил «V», затем еще раз «X», а в конце два «I». Закончив сообщение, уселся на траву и, прихлебывая из бутылки воду, стал ждать.

Сообщение было предельно ясным: *Приземляйся. В этой точке. Срочно.* Сейчас бортовой компьютер рассчитывает траекторию посадки. Учитывая высоту орбиты, шлюпка сможет сесть через час, максимум через два. Выждав несколько минут, Брайон собрал и спрятал полотнища, оставив знак «X». Покончив с этим делом, он отошел на четверть километра, уселся на траву и снова погрузился в ожидание. Компьютер работает без погрешностей и посадит шлюпку точно в назначенном месте. Остаться в этой точке у Брайона не было ни малейшего желания.

Но чем дольше он сидел и обдумывал сложившуюся ситуацию, тем беспокойнее становилось у него на душе. Операция снова вошла в опасную фазу. Шлюпке придется-таки приземлиться, никуда не денешься. Он выбрал для этого самое безопасное место, наиболее удаленное от зоны боевых действий. И вдвойне безопасное, поскольку обломок крыла будет служить помехой для радаров. Если компьютеры отслеживают расположение металлических предметов на местности, то эта точка уже наверняка относится к разряду безопасных. Но все это лишь предположения. В остальном придется положиться на удачу.

Ему нужен был только один прибор. Если поспешить, то можно добежать до шлюпки, отыскать то, что нужно, отправить Леа обратно на орбиту — и уложиться в две минуты. Этого времени должно хватить. А когда шлюпка стартует, нужно спрятать прибор под обломком крыла и скрыться самому. Если утром прибор будет на месте, то можно забирать его и отправляться на поиски Вьера.

Красное солнце уже опустилось в легкую дымку над горизонтом, когда он услышал далекий рокот двигателей. Брайон поднял глаза и отыскал в небе светящуюся точку. Она была много ярче солнца и вскоре превратилась в столб пламени. Шлюпка приземлялась точно в центре знака «X», который сгорел почти мгновенно. Брайон уже бежал к ней, хотя двигатели еще не перестали реветь. Как только он оказался у шлюпки, люк шлюза открылся и оттуда выкатился трап. Ухватившись

за поручни, Брайон стал карабкаться вверх, в спешке не попадая на ступеньки. Работая руками и ногами, он буквально взлетел к шлюзу. Леа не успела отойти от пульта, как оказалась в его могучих объятиях и получила крепкий поцелуй, прежде чем смогла из них вырваться.

— Я так рад видеть тебя, — заговорил он, одновременно поворачиваясь в сторону кладовки. — Тут довольно интересно, хотя и немного одиноко. Мне нужен эвролингвистический процессор — а, вот он! Пока. Как только я отбегу, немедленно взлетай.

Ему пришлось остановиться, потому что Леа загорела выход. Она горела от негодования.

— Хватит, мой дорогой. Пора поговорить...

— Сейчас не время. Отойди с дороги, тебе надо отправляться на орбиту, нас могут атаковать в любой момент...

— Замолчи. Захвати пульт дистанционного управления. Я буду ждать тебя внизу.

Не успел он ответить, а Леа уже подхватила увесистую сумку и сбежала вниз по трапу. Приказать вернуться? Силой усадить в шлюпку? Попытаться убедить, что это опасно? — Голова у Брайона шла кругом, внезапно он понял, что все бесполезно. Видно, на Земле специально выводят упрямцев — уж если она что решила, то никакая сила не заставит ее отступить. Он подчинился неизбежности, а в глубине души даже обрадовался, что теперь будет не один.

Однако время идет! Одним прыжком он добрался до панели управления и вырвал дистанционный пульт из гнезда; тот автоматически включился. Пристегнул пульт к поясу рядом с ЭЛП, нырнул в шлюз, просто спрыгнул вниз и принялся давить на кнопки. Брайон едва услышал, как захлопнулась внутренняя дверь шлюза и с грохотом втянулся внутрь трап. Он уже мчался прочь.

Леа не стала ждать, сознавая его превосходство в скорости. Хотя она бежала что есть мочи, он мчался в два раза быстрее и вскоре нагнал ее. Не снижая скорости, подхватил на бегу, а когда послышался шум двигателей, рухнул на землю, прикрыв своим телом. Земля задрожала, их окутала туча раскаленной пыли. Леа села, закашлялась, протирая глаза.

— Троглодит несчастный — ты хоть понимаешь, что чуть не поджарил нас своим скоростным стартом?

— Чуть — не значит совсем, — он с улыбкой перекатился на спину и, заложив руки за голову, провожал взглядом удаляющийся огонек двигателей шлюпки. Все обошлось, по крайней мере на этот раз. — Я знал, что у меня в запасе три секунды, чтобы выйти из опасной зоны. Прибавь сюда семь секунд на закрытие шлюза... Все было учтено!

— Очень умно! — С этими словами Леа что было сил ударила его в бок. Носок ботинка просто отскочил, но сам удар доставил ей огромное удовлетворение. Брайон удивленно хрюкнул, перевернулся на живот и вскочил на ноги. Леа сладко улыбнулась.

— Ну вот, наконец мы здесь, совсем одни, на чужой планете. Что дальше?

Брайон хотел было возмутиться, но передумал и расхохотался. Она не переставала его удивлять. Он отстегнул от пояса оба прибора.

— У тебя есть что-нибудь металлическое — в том числе в сумке?

— Совершенно ничего. Я тщательно подготовилась к этой экспедиции.

— Очень хорошо. Вон там заросшая травой яма. Спрячься в ней и жди. Я избавлюсь от приборов и приду к тебе.

Он вернулся к воронке, прыгнул вниз и, весело насвистывая, осторожно засунул оба прибора под искореженное крыло. Все хорошо. Похоже, посадка прошла без осложнений.

Леа была на месте, когда он пробрался в укрытие и рухнул на траву рядом с ней.

— Может, все-таки расскажешь, что тут происходит? — спросила она.

— Тебе не следовало этого делать. Надо было оставаться в шлюпке.

— Почему? Шлюпка, как ты видел, и сама летает довольно неплохо. А две головы куда лучше одной, особенно сейчас, когда ты нашел аборигенов. А то зачем бы тебе понадобился ЭЛП, не так ли? Но сделанного не воротишь. Я здесь, наша шлюпка на орбите — что дальше?

Тут Леа была права. Сделанного не воротишь — Брайон умел принимать ситуацию такой, какая она есть. Он показал на лесистые холмы, окружавшие равнину.

— Мы останемся здесь до тех пор, пока не убедимся, что все спокойно. Потом двинемся вверх, на холмы, и отыщем того простодушного и грязного дикаря, с которым я повстречался. Если нам повезет, то мы сможем отыскать и его друзей. А когда отыщем, то с помощью ЭЛП поговорим с ними, может быть, они расскажут нам, что происходит на планете.

Глава 8

НЕПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ

Вечернюю тишину нарушали только жужжание насекомых да редкие далекие крики летучих рептилий. Брайон понял, что посадка прошла незамеченной, неприятностей не будет, и расслабился. Но как только напряжение спало, навалился жуткий голод — он уже давно ничего не ел. С чувством глубокого отвращения он выудил плитку сухого питания и сорвал обертку.

— Не слишком похоже на бифштекс, правда? — заметив выражение его лица, Леа не удержалась, чтобы не съязвить.

— На этом питании можно прожить очень долго, хотя это и не жизнь. И, пожалуйста, не напоминай мне о бифштексах.

Леа подтянула свою сумку и открыла верхний клапан.

— Я вспомнила о них только потому, что захватила для тебя порцию. — Она невинно улыбнулась, взглянув на ошеломленного Брайона. — Рецепт я вычитала в старинной кулинарной книге. Он рекомендуется участникам зимних гонок, хотя я не совсем понимаю, что это такое. — Она принялась разворачивать большой сверток. — Приготавливается очень просто. Берется целая булка, разрезается пополам, внутрь кладется толстый, горячий, хорошо прожаренный бифштекс и обильно

заливается соком. Потом накрывается сверху второй половинкой булки, и полученный бутерброд слегка сдавливается, чтобы хлеб хорошо впитал сок...

Она протянула огромную булку Брайону, и тот с глухим рычанием схватил ее. Откусил огромный кусок и с блаженной миной принялся жевать.

— Леа, ты просто чудо, — прошамкал он с набитым ртом.

— Я знаю — но все равно приятно, что ты это заметил. А теперь расскажи мне о своем скверно пахнущем дикаре.

Однако Брайон не проронил ни слова, пока не проглотил добрую треть огромного сандвича. Утолив первый голод, он не спеша прикончил остальное за разговором.

— Он прост как дитя — но вовсе не ребенок. Зовут его Вьер или что-то вроде этого. В первую нашу встречу он был страшно напуган, но, когда мы познакомились поближе, страх исчез совершенно. Это было невероятно. Словно внутри у него щелкнул переключатель эмоций. Потом, когда я хотел пойти за ним, он так расстроился, что даже заплакал. Мне пришлось отпустить его, но, думаю, отыскать Вьера снова не составит труда.

— Может, он слабоумный — или изгой?

— Возможно, но вряд ли. Если принять во внимание среду его обитания, то следует признать, что Вьер прекрасно приспособлен к жизни. Он смог выследить и убить травоядного ящера и с удовольствием пообедал сырым мясом. А отправляясь назад к своему жилищу или стойбищу, захватил мясо с собой. Но не стоит гадать попусту. У нас слишком мало фактов, чтобы делать обоснованные предположения. Для начала следует разыскать его, выучить язык, а потом он сам ответит на все наши вопросы.

Брайон глянул на заходящее солнце.

— Это неплохое место для ночевки. Аппаратуру оставим на ночь в воронке, а утром отправимся.

— Мне нравится твой план. День выдался суматошный. — Леа вытащила из сумки спальный мешок и расстелила его на траве. — Тебе, похоже, нравится путешествовать налегке. Но мне не обойтись без небольшого комфорта — без теплой постели, например. Я прихватила несколько сандвичей и для себя. И немного вина в биопластиковой бутылке. Надеюсь, не со-

чтешь это ненужным излишеством, вина можешь хлебнуть немного.

— С удовольствием. Я начинаю верить, что Земля и в самом деле колыбель человечества.

— Во всяком случае, женской его половины. Насколько я знаю, ни один мужчина не будет так заботиться о себе.

Спали они хорошо, пока Брайон внезапно не проснулся. Что-то его встревожило, но что — непонятно. Он тихо лежал, глядя на звезды. Основные созвездия он запомнил еще вчера и теперь мог судить о времени по их положению на небе. Сейчас было далеко за полночь, до рассвета оставалось всего несколько часов. Луны видно не было, в системе Сельма-II вообще не было луны, но все вокруг заливал мягкий свет звезд. Эта солнечная система находилась рядом с центром Галактики, и на небосводе широким поясом горели мириады светил.

Что же встревожило его? Ночь была столь тиха, что ясно слышалось ровное дыхание Леа. Может быть, чужие эмоции? Он прислушался к себе и ощутил что-то едва различимое. На грани восприятия. Человеческие чувства. Одной эмоциональной окраски. Ненависть. Лютая ненависть и ярость, и жажда убийства. Это был не один человек. Эмоции исходили от нескольких источников.

И сходились на нем.

Брайон медленно перекатился на живот и тихонько встряхнул Леа, а когда она открыла глаза, приложил палец к ее губам и тихо зашептал на ухо:

— Скоро к нам явится веселенькая компания. Собери вещи и приготовься бежать.

Он почувствовал, как напряглось ее тело, когда она приподнялась на локтях.

— Что происходит?

— Пока не знаю. Но чувствую близости людей. Они идут сюда. Пока не могу определить, сколько их. Но одно знаю точно — они идут по мою душу и сердца их пылают не любовью. Погоди...

Он сосредоточился, пытаясь выделить личность из переплетения эмоций, призвал на помощь весь опыт, который приобрел, развивая свой особый дар. Он попытался проникнуть в чужую душу. Да, все сходится. Брайон удовлетворенно кивнул.

— Одна загадка разрешилась. С ними Вьер. Теперь мы знаем, что в холмах он живет не один. Похоже, его племя достаточно велико, вон сколько народу пришло взглянуть на меня.

— Мне показалось, ты говорил, что вы подружились.

— Мне тоже так казалось. Но, по-видимому, все изменилось. Хотелось бы узнать почему — и кажется, мы скоро это узнаем. — Он спокойно встал и потянулся к ножнам. — Ты останешься здесь, пока я с ними не разберусь.

— Нет! — Ее пальцы впились ему в руку. — Ты никуда не пойдешь один, да еще ночью...

— Еще как пойду. Поверь, я знаю, что делаю. — Он мягко отнял ее руку. — Я должен чувствовать себя свободным, когда встречусь с ними. Может статься, у меня не будет времени заботиться о тебе. Не волнуйся, все будет хорошо.

И он скользнул в полумрак, бесшумно двигаясь в сторону крадущихся охотников. Отойдя подальше от укрытия, он остановился. Теперь эмоции ощущались сильнее. В темноте было человек двенадцать. Возможно, больше. Он подождал, пока в сумраке не проявились темные фигуры — их оказалось около двадцати, — потом резко вскочил на ноги и закричал:

— Вьер! Я здесь. Чего ты хочешь?

Брайон почувствовал, как их волной захлестнул страх. Они замерли, все, кроме одного — которого несла вперед ненависть. Он наступал в одиночку.

Из темноты вылетело копые и вонзилось в землю в метре от ноги Брайона. Ситуация становилась опасной. Он почувствовал, что первый шок проходит и в людях снова закипает ненависть. Один за другим охотники двинулись вперед.

Брайон медленно отступал к озеру, уводя их в сторону от укрытия Леа. По крайней мере, хоть она в безопасности. Собственная участь его не беспокоила — за себя, если они все-таки нападут, он сможет постоять. Тем более, если они все такие, как Вьер. В крайнем случае, если придется туго, он просто убежит. Но что толкнуло их на это? Он снова крикнул, чтобы привлечь к себе внимание.

Тут закричала Леа — и он почувствовал, как ее захлестнула паника.

Он рванулся к ней. Перед ним появился человек, потом еще двое — не снижая скорости, он разметал их в разные стороны. Леа закричала опять, и он увидел людей, которые держали ее, увидел поднятые копьа.

Бросаясь в драку, он даже не вспомнил про кинжал — ему вполне хватало кулаков.

В неверном свете звезда завязалась жестокая схватка. В ближнем бою оружие было бесполезно и даже опасно для самих нападавших. Брайон схватил одного из них и швырнул в гущу атакующих, слышались крики. Его кулаки обрушились на тех троих, что держали Леа. Он спрятал Леа за спину, руками отбивая копьа, молотил кулаками словно палицами. Нападающие разлетались от его ударов — и тут в висок ударил первый камень.

Брайон взревел от боли, когда на него обрушился град камней — тут он впервые заметил женщин за спинами нападавших мужчин. Они были вооружены округлыми камнями и управлялись с ними очень умело. Брайон ухватил одного из охотников и прикрылся им как щитом — однако было поздно. Град камней обрушился на голову и шею, но он не успел почувствовать боли, закачался и рухнул как подрубленное дерево. Последнее, что он запомнил, — крик Леа и ощущение собственной беспомощности перед надвигающейся тьмой.

А потом — суматоха. Мысли спутаны. Чернота, красные пятна боли. Качка, боль в руках, в ногах, в голове. Неясное движение. Опять чернота. Вдруг появились звезды, они почему-то раскачивались перед глазами. Он хрипло позвал Леа. Что она ответила? Не понять. Боль и забытие были ему единственной наградой.

Когда он очнулся, ночь уже отступила от неба, занимался серый рассвет. С трудом разлепив веки, Брайон услышал, как его окликнула Леа. Руки и ноги были, по-видимому, связаны. Он часто заморгал, пытаясь разогнать пятна в глазах. Оказывается, руки и ноги были привязаны кожаными ремнями к длинному столбу. Правая рука была в крови и жутко болела. Он вывернул кисть так, чтобы было видно, и раздраженно рыкнул. Голос Леа был хриплым от тревоги:

— Ты жив? Слышишь меня? Отзовись, Брайон, ну пожалуйста! Ты можешь двинуться?

Когда он попытался повернуть голову, из груди вырвался невольный стон. Голова была вся в шишках, один глаз заплаыл. Здоровым глазом он увидел Леа, лежащую поблизости, крепко привязанную к такому же столбу. Поначалу из горла вырывался только хрип, но в конце концов ему удалось выдать несколько слов.

— Я... в порядке... полном...

— В порядке! — в ее голосе звенела сердитая слеза. — Ты выглядишь ужасно, весь в крови, побитый. Если бы не твой чугунный лоб, ты бы давно уже погиб! Ох, Брайон... Это было ужасно. Они подвесили нас на столбы словно туши. И несли всю ночь. Я была уверена, что тебя убили.

Он попытался улыбнуться, но вышла какая-то нелепая гримаса.

— Слухи о моей смерти оказались сильно преувеличены. — Брайон, сколь было возможно, пошевелил руками и ногами. — Синяков много — но переломов, похоже, нет. А как ты?

— Ничего серьезного, так, пара царапин. Они в основном тебя били. Это было так жестоко...

— Хватит. Главное, что живы остались. Лучше расскажи мне, что ты видела по дороге.

— Очень немного. Мы где-то в горах. Рядом с какими-то пещерами, на поляне. Вокруг высокие деревья. Когда мы прибыли сюда, женщины сразу же скрылись в пещере, они до сих пор там. А мужчины спят снаружи, вокруг нас.

— Сколько их всего? Есть ли часовые?

— Мне кажется, восемнадцать... нет, девятнадцать... нет, двадцать. По-моему, все. А часовых не видно. Время от времени они поочередно бегают в лес, видимо, там у них санитарные удобства.

— Звучит обнадеживающе. Дисциплина хромает, как я и думал. Самое время бежать, пока они все спят, а то проснутся, неровен час, и примутся за нас всерьез.

— Бежать? — Она выразительно дернула связанными руками. — Похоже, тебя слишком крепко треснули по голове. Они забрали твой кинжал, а зубы до ремней не дотягиваются. Объясни, как мы убежим?

— погоди минутку, — спокойно ответил он. Закрыл глаза и стал делать глубокие вдохи.

Сейчас важно успокоиться, собрать воедино всю волю и силы. Он проделывал дыхательные упражнения

для тяжелой атлетики; предстоящая задача была ничуть не легче. Тело расслабилось, и тут же заныли все раны и ушибы. Они были пустяковыми, усилием воли он подавил боль. Отлично. Теперь все мышцы под контролем. Глаза его медленно открылись, и он устремил взгляд на сыромятные ремни, державшие его запястья. Мышцы на руках и плечах вздулись.

Леа была поражена. Она видела, как Брайон сначала расслабился, даже лицо обмякло. Глаза отрешенно смотрели на ремни. А потом по его телу волной прокатилось напряжение, огромные бицепсы напряглись, ткань куртки натянулась и треснула по швам. Кожаные ремни закрипели от натуги, растягиваясь все больше и больше. Его руки, словно механические манипуляторы, расходились в стороны, а лицо при этом оставалось совершенно спокойным.

С легким щелчком лопнул сначала один ремень, потом другой. Руки освободились.

Как только Брайон понял это, на него сразу навалилась усталость. Он закрыл глаза и, тяжело дыша, прислонился к столбу, растирая пальцами рубцы. Там, где ремни врезались слишком глубоко, раны кровоточили. Однако через минуту он собрался с силами, медленно поднял голову и осмотрелся.

— Отлично, — спокойно сказал он. — Ты была права — все спят. — И по-пластунски пополз по утоптанной земле к Леа, волоча за собой столб, привязанный к коленям. Он осмотрел ее ремни.

— Если ты попытаешься их порвать, то заодно оторвешь мне руки, — заметила она, стараясь не смотреть на его кровоточащие кисти.

— Не волнуйся, это будет совсем не больно.

Он нагнулся, сомкнул зубы на ремнях из невыделанной шкуры и принялся усердно грызть. Они поддались меньше чем за минуту.

— Отвратительный вкус, — отплеываясь, сообщил Брайон.

— Тебе придется показаться дантисту.

Шутка далась ей через силу. Он протянул руку и отвел спутанные волосы с ее лица.

— Мы скоро выберемся, честное слово. Потерпи еще минутку.

Однако он не был так спокоен, как это могло показаться. Было уже совсем светло, их мог заметить слу-

чайно проснувшийся человек. Сейчас все решают минуты. Если они без лишнего шума доберутся до леса, то уйдут наверняка. Несмотря на раны, он сможет бежать, и второй раз поймать их будет непросто. Он раздвинул ремни на коленях и просунул указательный палец под самый тонкий из них. Ремень легко лопнул. Остальные он быстро порвал по одному, стряхнул обрывки и медленно сел. Вокруг все спали. Тем же манером Брайон освободил Леа.

— Пора двигать, — прошептал он, подхватил ее на руки и осторожно стал пробираться между телами спящих охотников. Осторожно, но быстро, каждую секунду ожидая тревоги. Однако все было тихо. Шесть, семь, восемь шагов — и вот они уже среди деревьев, продираются сквозь кусты.

— Я скоро вернусь. — Он осторожно опустил женщину на траву и, приложив палец к ее губам, не дал возразить. И сразу исчез. А она не знала, смеяться или плакать.

И засмеялась. Ей с трудом удалось подавить истерический хохот, когда Брайон появился вновь с одним из захватчиков на плече. Просто так он сбегать не мог — о нет! Ему надо было взять пленного! Человек слабо, без всякой надежды на успех, брыкался. Брайон захватил его без единого звука — зажал жертве огромной рукой рот и просто поднял с земли. Человек уже едва дышал, лицо его покраснело, глаза вылезали из орбит. Брайон ослабил хватку, и пленник с жадностью втянул воздух. Но прежде чем он успел испустить крик, огромный кулак ударил его ниже уха, и он без памяти рухнул на землю.

Брайон даже не обернулся в его сторону, а подошел к Леа и помог ей подняться.

— Ты идти сможешь? — спросил он.

— Скорее, ковылять.

— Постарайся. Когда станет совсем невмоготу, я помогу тебе.

Он легко вскинул пленника на плечо, взял Леа за руку, и они пошли вниз по склону, петляя между деревьями, с каждой минутой удаляясь от стойбища.

Тревоги слышно не было. Наконец-то они были свободны, по крайней мере — на какое-то время.

Глава 9

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОПРОС

Брайон вышел на опушку леса и остановился под большим деревом. Окинул взглядом поросший травой склон, переходящий в пустынную равнину, синие воды Центрального озера, простиравшиеся до самого горизонта. Солнце уже стояло высоко, день был в полном разгаре. Он слышал, как где-то позади, вполголоса ругаясь, продирается сквозь кусты Леа. Хотя он до предела напряг свое сознание, но никаких признаков погони не ощутил.

— Почему бы... нам здесь... не передохнуть, — выдохнула Леа, привалившись рядом с ним к дереву.

— Почему нет? Место для отдыха неплохое. — Женщина обессиленно сползла вниз по стволу дерева. — Насколько я понимаю, за нами пока никто не гонится, а значит, нам ничто не грозит, по крайней мере сейчас. На равнине мы будем как на ладони. А теперь самое время подумать о том, что делать дальше.

— Для начала сбросил бы этого бородача. — Леа ткнула пальцем в бесчувственного дикаря, болтавшегося у Брайона на плече. — Или ты уже привык таскать его на себе?

Брайон положил свою ношу на опавшие листья.

— Да он совсем не тяжелый. Видишь, весь высох от старости.

— Это лучшее, что ты смог найти?

— Да. Это, похоже, представитель власти, во всяком случае, он был единственным, на ком болталось нефункциональное украшение.

Брайон отодвинул седую бороду и показал ожерелье из выбеленных косточек, висевшее у старика на шее.

— Возможно, он знает намного больше других.

— Ты хочешь сказать, что специально его выбирал, когда вернулся в стойбище?

— Конечно. Ведь это была уникальная возможность.

— Когда-нибудь я, возможно, смогу тебя понять, но только не сейчас. Я смертельно устала, страшно хочу есть и пить. Такое чувство, будто меня ногами пинали. У тебя есть какие-нибудь планы на будущее?

— Весьма обширные. Пока мы шли, было время подумать. Для начала мы должны осознать несколько неприятных фактов. Пропало все наше снаряжение, в том числе вода, пища, мой кинжал...

— А если еще и дистанционного пульта не окажется на месте, ну, там, где ты его спрятал, в воронке, то впору нам обоим покончить счеты с жизнью. Мне как-то не очень хочется вновь оказаться в лапах этих типов...

Сморщив от отвращения нос, Леа нагнулась, чтобы получше рассмотреть пленника.

— Чистый ужас. Кстати, о руках — не кажется ли тебе, что это паскудное ожерелье сделано из фаланг пальцев?

Брайон утвердительно кивнул:

— И это самое интересное. Вот почему я и тащил его на себе. У меня к нему есть личное дело.

В его голосе внезапно послышались гневные нотки, которых раньше не было, что заставило Леа внимательнее взглянуть на ожерелье. Косточки все были белые, вот только одна темнее других. Нет, не темнее, просто другая. Леа присмотрелась и увидела, что это совсем свежая, перепачканная кровью косточка. Ее осенила внезапная догадка, и она в ужасе уставилась на Брайона. Он лишь утрюмо кивнул в ответ. Затем поднял правую руку так, чтобы были видны оставшиеся пальцы. Леа охнула.

— Что они с тобой сделали, свиньи! И ты мне ничего не сказал...

— А что толку говорить — все равно уже ничего не поделаешь. Да и рана не очень серьезная, — они пере-

тянули обрубок ремешком, чтобы остановить кровь. Интересно, что означает этот обряд? Этот парень просто обязан нам все объяснить. — Брайон закрыл тему взмахом искалеченной руки. — Однако это подождет. Прежде всего необходимо вызвать шлюпку. Надеюсь, наш пульт, как ты говорила, цел и невредим. Без него нам не справиться. Следовательно, надо не мешкая отправляться к воронке и как можно быстрее сажать шлюпку. Потом ты погрузишься и улетишь...

— Без тебя? Тебе что, так полюбилась эта гнусная планета?

— Не особенно. Но надо же выполнять задание. Кроме того, мне не хотелось бы брать на борт шлюпки этого человека.

— Почему? Боишься, что он ее захватит?

— Напротив. После общения с Вьером у меня сложилось впечатление, что этих людей нельзя вырывать из привычной для них окружающей среды. Ничего со мной не случится до твоего возвращения. Пока шлюпка сделает один виток на орбите, ты успеешь приготовить все необходимое по списку, который мы сейчас составим. А потом совершишь посадку и доставишь снаряжение.

— Может, занести в отчет все, что мы успели выяснить?

— Это первый пункт списка. Затем подготовить снаряжение. Ничего не поделаешь, но на сей раз без металлических инструментов нам не обойтись. Я убежден, что лучше не иметь при себе металла, когда придется передвигаться с места на место. Но если обломок крыла никто не тронул, то у нас будет тайник, в котором мы сможем хранить всю металлическую экипировку до тех пор, пока она нам не понадобится.

— Инструменты — это несколько парализующих гранат и пара ружей?

— Именно так я и думал. У меня нет ни малейшего желания провести такую же ночь, как прошлая.

— Поддерживаю от всей души. — Она устало поднялась на ноги. — Если ты готов — пошли. Не очень-то приятно сидеть спиной к лесу.

— Тебе надо проверить свои способности, — отозвался Брайон, вскидывая на плечо все еще бесчувственное тело. — Они уже кинулись в погоню. Я почувствовал это несколько минут назад. Но пока ощущаю

только растерянность. Видимо, они еще не вышли на след.

— И ты молчал! Пошли. — Леа вскочила на ноги и кинулась вниз по склону.

Брайон сразу припустил легкой рысью и в несколько шагов догнал ее.

— Я пойду вперед, — бросил он на ходу. — Они могут засечь нас на равнине, поэтому надо вызвать шлюпку как можно скорее.

— Не болтай попусту — лучше пошевеливайся! Я буду держаться за тобой.

Она бежала изо всех сил, но не могла выдержать предложенного темпа. Брайон летел огромными прыжками, направляясь прямо к воронке. Леа постоянно оглядывалась, потом все-таки перешла на шаг, чтобы отдышаться. Она взбежала на пригорок и увидела далеко впереди, как Брайон выбрался из воронки и взмахнул над головой чем-то блестящим. Пульт был на месте.

— Шлюпка пошла на посадку, а погони все еще не видно, — сообщил Брайон, когда она доковыляла до места.

— Никогда я так не... выматывалась, — выдохнула Леа, падая в траву.

Брайон бросил пульт рядом с ней и снова направился к воронке.

— Если дикарь зашевелится — кричи, — сказал он. — Я хочу снять новую копию с маркировочной таблички. Первая пропала, она была нацарапана на бутылке. Когда будешь в шлюпке, занесешь текст в компьютер. — И исчез в воронке.

Леа взглянула на ожерелье на шее спящего старика и содрогнулась. Эти люди — настоящие звери. Отрубить человеку палец! Зачем? Наверное, для них это какой-то ритуал. А Брайон даже виду не подал, что у него болит рука. Потрясающий человек. Надо будет обработать обрубок, чтобы не допустить инфекции, но для этого нужна аптечка. Палец, конечно, отрастят заново, но сейчас главное — снять боль.

— Я переписал все *значки* на кусок коры, — сообщил Брайон, выбравшись из воронки. — Может, ты их расшифруешь?

Она крутила кору и так и этак, но в конце концов сдалась:

— Это совершенно незнакомый мне язык. Хотя начертание букв что-то напоминает. Может быть, в памяти компьютера что-нибудь есть...

Седовласый пленник открыл глаза, задрожал и с визгом кинулся на четвереньках прочь. Брайон схватил его и сильно нажал большим пальцем на шею пониже уха. Старик пару раз дернулся и затих.

— Ты видела? — спросил Брайон.

— Что? Как ты его вырубил? Конечно. Отличный приемчик, ты должен меня научить...

— Да нет. На что он смотрел, когда завыл от ужаса? На радиопульт.

— Может, он знает, что это такое?

— Сомневаюсь. Но для него пульт явно имеет какое-то злое значение, и надо выяснить — какое. — Брайон повернул голову и прислушался. — Шлюпка снижается. Теперь постарайся запомнить перечень необходимых вещей.

Шлюпка села меньше чем через две минуты. И с этого момента тревога не отпускала Брайона. Даже когда шлюпка с Леа на борту унеслась ввысь. Уже две посадки прошли благополучно — возможно, это означает, что выбранное им место не находится под постоянным наблюдением. Но с каждым приземлением вероятность обнаружения возрастает. Однако место посадки менять нельзя, потому что только племя охотников может помочь разрешить загадку этой планеты. Выбора не было, он выбросил из головы пустую тревогу и взялся за настройку ЭЛП.

Маленькая металлическая коробочка была нашпигована сложнейшими микросхемами. ЭЛП был оснащен голографическим проектором, который формировал трехмерное изображение, оно как бы парило в воздухе над прибором. Сначала появилась наклонная белая поверхность, на которой были написаны рабочие инструкции. Брайон внимательно их прочел и набрал нужные коды. Инструкции исчезли, и возникло изображение Учителя. Он выглядел пожилым человеком, был одет в простой серый костюм и сидел, скрестив ноги. Брайон снова нажал на клавиши, и Учитель сменил костюм на набедренную повязку. В конце концов удалось даже удлинить волосы. Несмотря на то что пленник был куда грязнее Учителя, они были очень похожи.

Брайон с удовлетворением кивнул, рассматривая полученное изображение. Вышло довольно прилично. Прикоснувшись к клавиатуре, он переместил изображение так, чтобы оно закрывало собой проектор. При этом казалось, что его рука погрузилась в обнаженное бедро сидящего человека.

Когда все было готово, его вновь охватило беспокойство, которое исчезло было после старта шлюпки. Но сейчас приходилось думать об остальных членах племени. Пока они не показывались, он не ощущал их присутствия. Медленно шли минуты.

До самого возвращения шлюпки ничего так и не произошло. Брайон встал и приветственно взмахнул рукой.

— Бросай мне снаряжение по очереди, — крикнул он Леа, когда открылся люк. — А потом быстро спускайся.

Это был довольно опасный, но зато самый быстрый вариант выгрузки. Один за другим он ловил тяжелые контейнеры и сваливал их в кучу, а потом принялся перетаскивать в воронку. Леа вскоре присоединилась к нему. Как только они выбрались из опасной зоны, Брайон набрал на пульте команду и послал шлюпку на орбиту. Когда она благополучно скрылась в вышине, они смогли наконец перевести дух. Леа погрозила кулаком далеким холмам.

— Ну что, теперь милости прошу атаковать, если есть желание. Подарки уже готовы! И я с радостью их вам преподнесу. Ни один из вас не стоит и пальца Брайона, слышите, вонючки!

— Разделяю твои чувства. — Брайон накладывал повязку поверх антисептической пены, покрывавшей обрубок пальца. — Однако наш гость, кажется, пришел в себя.

— Я приготовлю поесть, пока ты опробуешь прибор. Попытайся его разговорить.

Обучение на ЭЛП проходило мучительно медленно и с жуткой дотошностью. Активность учащихся была очень важным элементом учебного процесса. Это оказалось главным препятствием, потому что пленник никак не хотел работать, а без его желания было не обойтись. Вернее, он не то чтобы не хотел, а был смертельно напуган.

Брайон почувствовал, что пленник скоро проснется — изменились ритмы мозга. До того как он открыл глаза, ощущались только страх и боль. А затем все затмил невыразимый ужас, подобный тому, который испытал Вьер, когда впервые увидел Брайона. На сей раз было даже хуже, потому что ужас не ослабевал. Как только пленник поднял глаза на Брайона, он сразу завыл и пополз прочь. Брайон удержал его, схватив за колено, страх при этом только усилился. Охотник взвыл и невольно пустил ветры. Глаза его закатились, он потерял сознание. Брайон отправился за аптечкой.

— Не хочешь перекусить? — спросила Леа, когда он спустился в воронку.

— Не сейчас. Он никак не хочет работать, придется сделать укол скопаламина, в таких случаях это рекомендуется.

Легкий укол шприца заставил человека очнуться; Брайон быстро спрятал шприц в карман, с глаз долой. Теперь ужас был блокирован. Охотник неловко пошевелился, потер лицо, подозрительно глядя на Брайона. Тот не шелохнулся, просто сидел и ждал. Он заметил, что человек уставился на изображение Учителя, и ощутил, что ужас отступает и сменяется любопытством. В глазах пленника Учитель был его ровесником, человеком, который изумительно владеет своим телом — он сидел совершенно неподвижно, только грудь его легко вздымалась. Без этой имитации дыхания компьютерный образ сошел бы за статую. Когда удивление охотника усилилось, Брайон голосом подал команду:

— Начинай.

Пленник испуганно глянул на Брайона — и снова уставился на изображение, которое стало подавать первые признаки жизни. Учитель улыбнулся, кивнул и протянул руку к коробке, что стояла перед ним на земле. Он вынул оттуда обыкновенный камень.

— Камень, — отчетливо произнес он, — камень... камень.

Каждый раз, произнося слово, фантом кивал и улыбался. Затем вытянул руку с камнем и издал вопросительный звук. Охотник сидел, раскрыв рот, в голове его была полная сумятица.

С нечеловеческим терпением фантом повторил демонстрацию и вопрос. Ответной реакции не было. На третий раз Учитель уже не улыбался. А после того как

старик снова не ответил, лицо фантома стало злым, он грозно нахмурился и оскалил зубы, изображая сильную агрессию. Это выражение лица антропологи находили во всех культурах. Пленник отпрянул с испуганным воплем. Когда камень появился вновь, он, заикаясь, произнес: «Пртр». Фантом улыбнулся, кивнул и сделал одобрителный жест. Процесс обучения пошел.

Брайон потихоньку отодвинулся из поля зрения охотника, чтобы не мешать уроку. Он смотрел, как Учитель переливает воду из сосуда в сосуд, снова и снова, не проливая ни капли.

— Думаешь, получится? — спросила Леа.

— Всегда получалось. Это самообучающаяся программа. Усвоив несколько слов, ЭЛП произносит их, чтобы проверить звучание по реакции партнера. По мере увеличения словарного запаса процесс обучения ускоряется. Вскоре ЭЛП сможет задавать вопросы, сначала элементарные, затем все более и более отвлеченные. Когда старик устанет, компьютер даст ему передохнуть, а в это время будет учить нас.

— То есть гонять по лексике, грамматике, ставить произношение и все такое?

— Именно. А где еда, про которую ты говорила? Следить за стариком не обязательно. Если он что-нибудь задумает, я это сразу почувствую.

После полудня пленник начал клевать от усталости носом. Брайон принес ему воды в деревянной чашке, и он с жадностью ее выпил.

— Как его зовут? — спросил он ЭЛП.

— Его имя Равн. Равн. Равн. Равн. Повторяю: Равн...

— Достаточно. — Брайон повернулся с широкой улыбкой. — Равн, поздравляю тебя с возвращением в человеческую цивилизацию.

Глава 10

ВСТУПЛЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

— Рана заживает хорошо, — отметила Леа, поворачивая руку Брайона так, чтобы лучше разглядеть обрубок пальца. Он смотрел, как она накладывает антисептическую пасту.

— Арб'т клрм, — буркнул он.

— Если ты хочешь сказать «мне больно», то научись проглатывать конечные звуки, а то аборигены тебя не поймут.

— Довольно противный язык.

— Брайон, в тебе говорит лингвистический изоляционизм. Если рассуждать абстрактно, противных языков не существует...

Подняв палец, Брайон прервал ее и спокойно сказал:

— Только не оборачивайся. Похоже, Равн собрался бежать. Я этого ждал. Пусть немного побегает. Я даже хочу, чтобы он убежал и почувствовал себя свободным. Когда я снова его схвачу, он будет окончательно сломлен и станет совершенно ручным. Тут-то мы его и разговорим. Не хочется давить. Сил у него много, и хорошая встряска ему не повредит.

— Тряхни его разок и за меня. А то он глядит с таким отвращением, будто мы его вареным мясом кормим.

— Видишь ли, он человек иерархического общества.

— Да уж. Для него женщины находятся ниже дна. Ага, он, кажется, уже собрался в путь. Поднялся на ноги, смотрит сюда.

— Отвернись и сделай вид, что ничего не заметила. Я хочу, чтобы у него появилась надежда — а потом я же ее и отниму. Этот стресс ломит его сопротивление.

Равн понимал, что Говорящий Старик не погонится за ним. Он всегда сидит на одном месте. О женщине и говорить нечего. Он боялся только Большого Охотника, который очень сильный. Но бежать надо сейчас, пока Охотник не смотрит на него. Равн чувствовал себя отдохнувшим. И он был Равн, и ноги его были по-прежнему крепки, недаром он столько лет охотился на Мяснух. И всегда догонял их — и теперь убежит от Охотника. Охотник настолько глуп, что даже не смотрит в его сторону. Старик тоже глуп — сидит и не поднимает тревогу. Он медленно скрылся в траве — и побежал! Быстрее! Как ветер, как Мяснуха — теперь его не поймать.

Леа смотрела, как старик бежит по равнине, все дальше и дальше.

— А ты не слишком рискуешь? — спросила она. — Старый черт быстро, однако, бегаёт. Было бы стыдно упустить его. Чего доброго, ему на помощь придут друзья. Может, они его поджидают?

— Можешь не волноваться. Никто его не поджидает, в этом я уверен. — Брайон глянул вслед беглецу, затем встал, потянулся. — Хорошее дело — спринт. Давненько я не бегал.

Глядя на него, Леа поняла, что волновалась напрасно. Когда Брайон стартовал, она призналась себе, что ничего подобного в жизни не видела. Она совсем забыла, что он чемпион своей планеты по двадцати видам спорта и бег — один из этих видов.

Равн не ожидал ничего подобного. Он было уже грянул победную песнь — ведь он был слишком далеко и бежал слишком быстро, чтобы кто-нибудь мог его теперь догнать. Поэтому когда он оглянулся и увидел, что Охотник все-таки погнался за ним, то вскоре лишь рассмеялся и приналег, чтобы увеличить разрыв. Но когда оглянулся опять — Охотник уже сократил разрыв наполовину и темпа не снижал. Равн взвыл от отчаяния, но оторваться не смог. Лес по-прежнему был чересчур далеко, а шаги слышались уже за спиной.

Легкие болели, сердце бешено колотилось, и, когда тяжелая рука легла на его плечо, он громко вскрикнул и рухнул без чувств.

Брайон без всякой жалости смотрел, как старик воет и корчится. Его сердце учащенно билось после пробежки, и каждый удар отзывался болью в обрубке пальца, настойчиво напоминая о том, что скрючившийся на земле старик ампутировал этот самый палец. Когда он рассмотрел свой палец на грязной шее старика, когда увидел, что старик, ухватившись обеими руками за ожерелье, воет от жалости к самому себе, Брайона охватил такой гнев, что он даже про боль забыл. Он держался за него так, будто ожерелье давало ему силы.

Как только Брайон заметил это, то понял, что нужно сделать. Он вспомнил, что рваные шкуры и примитивное оружие — единственное, чем обладают эти люди. Ожерелье — совсем другое дело. Оно, должно быть, ценится необычайно высоко и носить его — честь немалая. Отлично. В таком случае он наденет его сам.

Равн завыл еще громче, когда Брайон попытался отнять у него ожерелье, вцепился в то обеими руками. Но перед Брайоном устоять было невозможно. Он с такой силой стиснул кисти Равна, что пальцы у того онемели и медленно разжались. Брайон снял ожерелье с Равна и торжественно надел на себя. Старик прекратил выть и разразился визгливыми угрозами:

— Мое, отдай мне! Это я Равн, мне носить, мое...

Он кричал на своем языке, и Брайон обнаружил, что понимает его довольно хорошо. ЭЛП справился со своей задачей. Брайон отступил назад, взялся рукой за ожерелье и с расстановкой заговорил на том же языке.

— Теперь оно мое. Я Брайон. Пока я ношу его — я Равн.

Если Равн не имя, а титул, то старик его поймет. И тот понял. Визг прекратился, и глаза Равна злобно сузились.

— У людей есть только один Равн. Я. Мое.

Он требовательно протянул руку. Брайон снял ожерелье, но отдавать не торопился.

— Это твое? — спросил он.

— Мое. Отдай мне. Оно принадлежит Равну.

— Что такое Равн?

— Это я. Приказываю тебе — верни его мне. Ты гнилое мясо, ты дермо, ты баба...

Брайон одной рукой сдавил шею Равна, подтянул старика к себе вплотную, лицом к лицу, и угрожающе прорычал:

— Ты ругал меня. Ты не смеешь ругать Брайона. Он может убить тебя, если сожмет руку. Вот так.

Тело Равна забилося в агонии, он не мог ни говорить, ни дышать; повеяло смертью.

Брайон встряхнул старика как куклу и помахал ожерельем перед его носом.

— Ты расскажешь мне все, что я захочу узнать. Тогда получишь его обратно. Ты понял меня? Скажи *да*.

— Да... — прохрипел Равн. — Да.

Брайон постарался скрыть чувство торжества. Он сердито швырнул Равна на землю и сел рядом. Его вопросы звучали властно и предполагали незамедлительный ответ. Равн с готовностью отвечал, стараясь ничего не скрывать, голос его охрип, слова путались.

Хватит для начала, подумал Брайон. Он уже собирался вернуть ожерелье, когда заметил свой палец среди других костяшек. Это была часть его тела, и она, видимо, много значила для дикарей, иначе они не отрубили бы палец. Но они не получают его обратно. Брайон ухватил палец и сорвал со шнура.

— Это мое. Остальное можешь забрать. — Брайон швырнул ожерелье на землю. — Сейчас вернемся на мою стоянку. Ты будешь разговаривать со мной всякий раз, когда я того захочу.

Равн дрожащими руками накинуд ожерелье на шею и с готовностью поднялся. Бунт был подавлен. Теперь Брайон был уверен, что старик будет подчиняться беспрекословно. Как только тот отвернулся, Брайон с облегчением выбросил ампутированный палец, который уже отслужил свое.

— Женщина, мы будем есть! — крикнул он на местном языке, подходя с измученным пленником к лагерю. Эти слова и особенно тон, которым они были сказаны, сильно рассердили Леа.

— Эта демонстрация мужского шовинизма означает, что Старый Грязнуля раскололся?

— Конечно, драгоценная моя. — Брайон хитро подмигнул. — Накорми, пожалуйста, нашего друга, а потом я уложу его спать и расскажу тебе все, что удалось узнать.

— Если не возражаешь, мы будем есть порознь. Боюсь, мне никогда не привыкнуть к виду и запаху подгнившего мяса.

— Про это я тоже все выяснил. Давай покорми его, и пусть себе спит. Не думаю, что он будет еще чудить.

Из зарослей травы, где улегся спать Равн, доносился громкий храп. Ноги старика были связаны плетеным ремнем, конец которого обмотали вокруг вбитого в землю столба, так спокойнее.

— Это первобытные люди, — рассказывая, Брайон методично жевал сухой паек. — Очень примитивные во всех отношениях, со строгой системой табу. Мужчины охотятся и всем командуют...

— Отнюдь не новость в истории человечества.

— Согласен. Но, насколько мне удалось выяснить, это общество разделено практически полярно. Мужчины охотой добывают пропитание всему племени. Пища, как ты уже заметила, употребляется исключительно в сыром виде. Другую принимать запрещено. Приготовленную пищу тоже есть запрещено. Выходить из леса на равнину — запрещено, разрешается выходить только мужчинам и то для охоты. Мужчины обязаны изготавливать оружие и уметь им пользоваться, но для остальных...

— Понятно. Табу. Ты узнал, зачем они устроили это представление с нашим пленением?

— Все те же табу. Они видели нас у космошлюпки, а машины и любые аппараты — самое строгое табу.

— Похоже, это как-то связано с боевыми машинами.

— Уверен, что так, но это пока все, что мне удалось из него вытянуть.

— А ты не выяснил, что означает костяное ожерелье?

— Надеюсь, что понял все правильно. История довольно сложная, некоторых слов я не знаю, но в общем и целом все выглядит приблизительно так. Каждый мужчина обладает духом, который есть неотъемлемая часть его существа. Как ты уже, наверное, догадалась, женщины и дети духа не имеют. Они просто умирают как животные — и все. Но частица мужчины остается и хранится у Равна, при этом он считается живым, остается членом племени и подчиняется Равну. Что касается нас, то они собирались совершить ритуальное

убийство, потому что мы нарушили табу. Но Равн взял мой палец, чтобы сохранить свою власть надо мной.

— Замечательно. Означает ли это, что где-нибудь в укромном месте они хранят фаланги пальцев всех своих предков?

— Возможно. В сущности, они не отличаются от тех типов культурных цивилизаций, где принято хоронить умерших. Этот обычай даже практичнее. Хранить отдельную фалангу гораздо легче, чем целый скелет.

Леа передернула плечами и, запрокинув голову, взглянула в усыпанное звездами небо.

— И это потомки цивилизованных и культурных людей! Как такое могло случиться?

— Даже не представляю. Пока.

— А какая связь между всей этой военной техникой и аборигенами?

— На сей счет мне тоже ничего неизвестно. Но я намерен все выяснить. Если окажется, что Равн ничего не знает, или он прикинется, что ничего не знает, тогда придется порасспросить кого-нибудь другого. У них, кстати, могут оказаться какие-нибудь предметы, которые, возможно, помогут раскрыть эту загадку. Все сводится к тому, что нам придется подняться в горы и встретиться с племенем. Там мы узнаем все из первых уст. Они живут на этой планете не одну тысячу лет, поселились здесь, видимо, еще до Распада. Они могут нам многое рассказать.

— Ты сказал «нам». То есть ты собираешься еще раз рискнуть нашими головами ради того, чтобы посетить стойбище?

— На этот раз риск будет минимальным. — Он показал на оружие. — Потому что мы пойдем туда добровольно и с оружием.

Глава 11

НАВСТРЕЧУ ОПАСНОСТИ

Медленно, единой группой, они брели через равнину к лесистым холмам. Возглавлял группу Равн, сразу за ним шел Брайон, а сзади тащилась Леа с большим узлом за спиной. Она утерла пот со лба и закричала:

— Погодите! Давно пора отдохнуть.

Догнав Брайона, она сбросила узел и со вздохом облегчения уселась сверху.

— Попей воды, — предложил Брайон, — передохни немного.

— Очень любезно, — выпалила она, — и весьма великодушно с твоей стороны разрешить мне попить немного воды, которую я целый день тащу на своей спине.

— Но у нас нет другого выбора, ведь правда? — сладким голосом увещевал Брайон. Но Леа не поддавалась.

— Что значит «у нас» — если тащить все приходится мне одной? Я прекрасно знаю все, что ты скажешь: и то, что женщина, словно рабочая скотина, должна выполнять всю тяжелую работу в этом недоразвитом обществе, и то, что ты потеряешь свое лицо, если понесешь хоть что-нибудь. А я ломаю спину и скоро грыжу наживу, — хватит потешаться надо мной, скотина бесчувственная!

— Извини. Я хотел бы помочь, но мы скоро уже будем на месте.

— Не так уж и скоро...

Она развернула вонючие шкуры — животное попало на обед Равну два дня назад — и нашарила бутылку с водой. Сделала большой глоток и передала Брайону. Он лишь смочил губы. Поскольку Леа приложилась к бутылке раньше, то для охотника вода стала табу, и Равну ее даже не предлагали.

— Когда будешь прятать воду, достань мне кассету с парализующими гранатами.

Брайон произнес это слишком небрежно. Леа сразу насторожилась:

— Нас ждут неприятности?

Он утвердительно кивнул:

— Они, должно быть, устроили засаду в лесу. Я ощущаю волны ненависти, как в прошлый раз.

— Ну, это им не прошлый раз!

Она передала плоскую коробочку и ободряюще тряхнула головой, Брайон пересыпал в карман пригоршню гранат.

— Ты даже не представляешь себе, как долго я этого ждала!

— Не хотелось бы причинять им зло. Но лучше всего нагнать на них сейчас жуткого страха. Если нам удастся взобраться на самую верхнюю ступеньку социальной лестницы, они ответят на любые наши вопросы. А теперь нужно идти, потому что засада уже близко. Они хорошие охотники и неплохо вооружены, поэтому рисковать не стоит.

Если Равн и знал о готовящемся нападении, то хорошо скрывал это. Он шел все тем же размеренным шагом. Продравшись сквозь кустарник, они вошли в лес. Впереди показалась большая поляна, которую пересекала тропа.

— Стоять! — крикнул Брайон на местном языке, когда они вышли на середину. — Дай мне воды, — приказал он Леа. И, понизив голос, добавил: — Они уже окружили нас и только ждут сигнала. Могут кинуться в любой момент. На всякий случай засунь руки в узел и держись за пистолеты. Если...

В лесной тишине раздался отрывистый воинский клич, на него отозвались эхом крики охотников — те появились сразу со всех сторон. Равн кинулся было к

ним, но Брайон был начеку: один удар кулаком — и старик повалился на землю. Брайон поставил ногу на спину поверженного Равна и принялся швырять гранаты в окружавшие их заросли.

Загремели взрывы. Леа ожидала этого и заранее закрыла уши, но все равно упала на колени, содрогаясь от жуткого грохота. Воинственные крики сменились жалобными стонами поверженных врагов. В наступившей тишине грозно прогремел голос Брайона, который ругался на местном языке:

— Вы грязь! Бабы! Вы дерьмо! Если вы посмеете поднять свои копы, я вас убью! Вы тухлое мясо у меня под ногами — как этот ваш Равн!

С этими словами он сильнее прижал Равна к земле, и тот весьма эффектно завыл. Брайон перехватил инициативу и не собирался ее терять. Он ощущал страх, исходящий от охотников. Один эмоциональный узор показался ему знакомым.

— Вьер! Иди сюда!

Охотник нехотя поднялся и потащился вперед. Он был оглушен взрывами, из носа текла кровь. Брайон взглядом пригвоздил его к месту.

— Кто я?

— Ты Бррн...

— Громче, не слышу!

— Бррн.

— А что это за грязь у меня под ногами?

— Равн.

— И кто я теперь?

— Ты, наверное... Равн над Равном?

Его глаза были широко раскрыты, в них светились благоговение и смирение. Брайон указал на кинжал из пласта, который держал Вьер.

— Что это у тебя?

Вьер взглянул на кинжал и задрожал. Он в ужасе рухнул на колени, пополз вперед и положил оружие к ногам Брайона. Брайон поднял кинжал и сунул в ножны.

— А теперь пойдём, — приказал он и снял ногу со спины Равна. Титул, который ему присвоили, был очень высок; это чувствовалось по реакции мужчин. Страх и агрессивность исчезли, как только Брайон вступил в новую роль.

— Они до сих пор держат оружие. — Леа с подозрением поглядывала на охотников.

— Разоружать их нет необходимости, ведь я стал частью общества.

— А как же я? Понимаю, женщины не в счет. Тащи свой узел и помалкивай. Ну погоди, дай мне только выбраться из этого мужского рая, Брайон Брандд! Ты мне заплатишь за все!

Они взбирались по заросшим деревьями склонам. Брайон держал под контролем чувства охотников. Пока те его признают, он в безопасности. Однако все могло измениться в любой момент и по любому поводу. Но если попытка окажется удачной, то проникнуть в культуру этих людей будет легче легкого. Тем не менее затея была опасная. Но отступить поздно.

Как только агрессивность и ненависть улетучились, охотники один за другим стали куда-то исчезать. До стойбища их провожало всего несколько человек. Они взбирались по крутому склону, пока впереди не показался за деревьями скалистый утес. Его крутой откос был изрыт пещерами, явно естественного происхождения. Рядом трудились женщины племени, которые обрабатывали шкуры каменными скребками. Завидев мужчин, они ретировались, подгоняемые пинками седовласой матроны.

— Похоже, это женский вариант Равна. — Леа с интересом наблюдала за происходящим. — Если ты утвердился в качестве вожака стаи охотников, я намерена завоевать приличное положение среди женщин.

Она сбросила узел и последовала за женщинами к пещере, пытаясь криками остановить их. Но они только пуще припустили, все, кроме седовласой. Та развернулась и кинулась на Леа.

— Я тебя убью! Грязная... — провизжала она.

Леа приняла стойку и отвела назад маленький твердый кулак. Как только ее противница рванулась вперед, она изо всей силы нанесла ей удар в солнечное сплетение. Та сложилась пополам, завывая от боли, обхватила живот руками. Леа принялась таскать ее за волосы.

— Заткнись и скажи свое имя, а то я снова тебя ударю.

— Я... Первая женщина.

— Теперь я Первая. А ты теперь Старейшая...

Новоиспеченная Старейшая протестующе завывала, пытаясь оторвать пальцы Леа от своих волос. Равн,

проходя мимо, небрежно пнул ее в бок, и вой сорвался на визг.

— Теперь ты Старейшая, — радостно сказал он: зрелище чужого унижения грело его душу. Он уселся у скалы и громким воплем потребовал еды.

— Какие милые люди, — заметила Леа.

— Настоящие цветы местной культуры, — ответил Брайон, заворачивая передатчик в кусок кожи, перед тем как вынуть тот из узла. — Но система работает и помогает выжить, иначе здесь не было бы этих людей. Я хочу передать на бортовой компьютер сведения о сегодняшних событиях. Надо дополнить наш отчет на случай, если с нами что-нибудь случится...

— Пожалуйста, не расстраивай меня, дорогой. Я верю, что мы выполним задание и останемся живы. Заруби это себе на носу. Займись отчетом, а я пока поговорю с женщинами. Посмотрим, какова их точка зрения на этот гадкий мир.

— Хорошо. Нам нужна любая информация, но задерживаться здесь нет никакой необходимости. У большинства из них паразиты — ты заметила?

— Не заметить было трудно. На них только глянешь, сразу чесаться хочется. Не уходи далеко.

— Я буду рядом. Хочу поговорить с народом. Потолкую с Вьером, раз уж завязал здесь какие-то знакомства. Удачи тебе.

Уже почти стемнело, когда Леа вышла из пещеры. Она угрюмо чесалась. Брайон разговаривал с двумя охотниками, но, увидев выражение ее лица, тут же отослал их и протянул ей пластиковый флакон.

— Я нашел в аптечке атисептик, это хороший инсектицид.

— Давай его сюда! Это не пещера, а насекомоферма какая-то.

Она быстро скинула одежду и опрыскала тело, покрытое красными точками укусов. Пока она натиралась целительным кремом, Брайон обработал одежду. Одеваясь, Леа крикнула:

— Будь лапой, плесни мне двойную порцию водки. Бутылка на дне узла.

— Я, пожалуй, составлю тебе компанию. Трудный выдался денек. Как прошел опрос?

— Прекрасно, если не считать насекомых. Наливай полную, вот так. Господи, как приятно выпить! У женщин здесь своя жизнь, но тоже строго иерархическая, кроме того, они просто кладезь разных историй. У них есть мифы и заклинания на все случаи жизни. Это настоящий устный эпос. В следующий раз обязательно сделаю запись. Это бесценный антропологический материал. А что удалось узнать тебе?

— Весьма немного. Охотники говорили со мной достаточно свободно, но только об охоте, о следопытских хитростях. Ну, ты легко можешь себе представить. По другим вопросам они своего мнения не имеют. Это ходячая коллекция табу. Все, что они делают или думают, регулируется строгой системой запретов.

— У женщин то же самое, во всяком случае внешне. Но они легко ускользают в мифотворчество, а эта область запретами не регламентируется. Однако их истории, как мне кажется, не предназначены для мужских ушей. Ты слышал местный миф о сотворении мира?

— Ничего и близко похожего, — покачал головой Брайон.

— Это довольно интересно. Похоже на упрощенное изложение правдивых событий. То, что осталось в памяти людей, но в форме мифа. История гласит, что раньше люди жили как боги: передвигались по земле без помощи ног, летали по воздуху без помощи крыльев. В те времена люди были испорчены, потому что ценили вещи, сделанные из цкл'т — тебе встречалось это слово?

— Да, я знаю, что оно означает. Металл. По контексту я догадывался, но пришлось пожертвовать одним из подданных, чтобы выяснить наверняка. Я дал ему взглянуть на передатчик, и один только вид поверг беднягу в такой ужас, что он помчался прочь, не разбирая дороги, и в результате со всего маху врезался в дерево.

— Все сходится. Мифы говорят о том же. В древности люди ценили металл и полагали себя богатыми, но настоящие боги сокрушили их, и их металлические дома, где они жили, и весь металл, что был у них на службе. Затем боги решили очистить людей и заставили их вести животный образ жизни. И если люди сохраняют себя в чистоте, то попадут в цкл'т — здесь будет

правильным перевести это слово как «рай». А до тех пор люди должны страдать и соблюдать все табу, и тогда они наверняка попадут в «рай».

— Замечательно! — Брайон вскочил на ноги и заметался, не в силах усидеть на месте от волнения. — Ты просто чудо. Такое раскопать! То, что ты рассказала, полностью объясняет жизнь этих людей. Они — потомки тех, кто бежал от грандиозной бойни. Их предки или потерпели поражение в войне, или были вытеснены пришельцами; так или иначе, им пришлось оставить свои города. Их армия была разбита. А вину за поражение они возложили на богов. Это намного легче, чем признать собственное поражение.

— Прекрасная теория, профессор. — Леа допила водку, облизнулась и налила себе снова. — Я заметила только одно слабое место. Где же победители? Да и война, по всему видно, продолжается.

— Верно, — Брайон мгновенно успокоился, — об этом я как-то не подумал. На деле мы знаем теперь немногим больше, чем в самом начале.

— Не расстраивайся. Я попыталась проверить нашу теорию о подземных поселениях, а в ответ — только недоуменные взгляды. Если на планете и существует подземная цивилизация, то этим людям о ней ничего не известно.

— Так же как и нам. Мне кажется, мы зашли в тупик.

— Ты, может, и зашел, Равн над Равном, вместе со своими охотниками, следопытами и прочими мужскими штучками. — Леа очаровательно икнула, прикрыла рот ладошкой и улыбнулась. — А мы, девушки, умеем рассуждать о вещах серьезных, как и пристало более разумным существам. Как я тебе уже говорила, все металлы — табу, а механизмы из металла — самое сильное табу. Мы сами в этом убедились, когда нас схватили за то, что мы находились у космошлюпки. Следовательно, не будет ли логичным предположить, что самое запретное место на планете — то, откуда появляются машины. Ты меня понимаешь?

— Да, конечно. Ты что, хочешь еще выпить?

— Ой, помолчи. Может, нам стоит узнать, откуда появляются машины?

— Конечно, но...

— Никаких «но». Я все знаю. Женщины рассказали мне, как найти это место. Нам остается просто пойти туда — и загадка будет решена.

Она полюбовалась на физиономию Брайона — широко раскрытые глаза, отвисшая челюсть, — потом зажмурилась и спокойно уснула.

Глава 12

ОТКРЫТИЕ

Брайону очень хотелось растолкать Леа и потребовать дальнейших объяснений. Но он сдержался. День выдался утомительным, она, без сомнения, устала. Пряча бутылку с водкой в узел, он заметил, что Леа отпила совсем немного. Выходит, ее и впрямь свалила не выпивка, а усталость. Ночь стояла довольно теплая, но он все равно заботливо укрыл женщину спальным мешком.

Что она подразумевала под местом, откуда появляются машины? Похоже, Леа говорила о боевых машинах; ведь с момента прибытия на планету они не встретили ни одной машины мирного назначения. Но неужели вся военная техника появляется на поверхность в одном месте? Тем более техника обеих воюющих сторон? Нет, это невозможно. Если такое место и существует в действительности, его, по-видимому, контролирует одна из сторон. Но даже это звучит неправдоподобно. Разве могут все боевые машины той или другой стороны появляться из одной точки? Это возможно лишь в том случае, если вся техника собирается на подземных фабриках. Но тогда следует предположить наличие подземной цивилизации.

А если существует не одна, а две вооруженные группы — обе находятся под землей, в то время как их армии сражаются на поверхности? Но как объяснить все происходящее? Брайон тряхнул головой. Он слишком устал, ничего путного на ум не шло. И все-таки на все эти вопросы *должен быть* ответ, ведь боевые машины и техника существуют.

Брайон встал и осмотрелся. С заходом солнца все замерло. Женщины скрылись в пещере, а охотники расположились на ночь около входа. Он отыскал взглядом Равна, который сидел поодаль, задумчиво перебирая косточки своего ожерелья. Самое время его порасспросить. Равн наверняка кое-что знает о месте, откуда появляются машины.

Сон и спокойствие царили над стойбищем. Любого, кто захочет напасть на Леа, засечь не составит труда — человек будет излучать страх и ненависть. Брайон взглянул на Леа — она крепко спала — и пошел к Равну, пробираясь между спящими.

— Будем говорить, — сказал он. Равн встревоженно поднял голову, сжимая ожерелье. Всплеск удивления быстро сменился лютой ненавистью. С ним надо быть начеку. Всегда.

— Уже поздно. Равн устал. Утром...

— Сейчас.

Голос Брайона звучал холодно; он протянул руку, ухватился за ожерелье и тут же почувствовал охвативший старика испуг.

— Ты будешь делать все, что я скажу. Ты будешь мне повиноваться.

Он отпустил ожерелье и сел. Равн дрожащими руками схватился за свой талисман.

— Кто я? — первым делом спросил Брайон. Равн отвернулся, избегая его взгляда.

— Смотреть на меня, ты, кусок грязи. Кто я? Назови мое имя!

Слова выходили из Равна неохотно, они так и сочились ненавистью.

— Ты Равн... над Равном.

— Правильно. А теперь ты будешь отвечать на мои вопросы. Ты видел машины? — Ответом был недовольный кивок. — Хорошо. Какие машины ты видел?

— Про машины говорить запрещено.

— Не запрещается говорить про машины с Равном над Равном. Ты видел машины, которые летают? Ага, видел. Что делают эти машины?

— То, что всегда. Они с громким шумом убивают другие машины, потом погибают сами.

— Ты видел машины, которых не убивают другие машины?

— Машины убивают машины. Они делают так всегда.

Другого ответа у Равна не находилось. По его лицу было видно, что он считает Брайона идиотом, задающим глупые вопросы.

— Итак, все машины убивают машины, — повторил Брайон слова Равна. И ровным голосом продолжал допрос: — А теперь скажи мне — откуда они появляются?

Эти слова произвели неожиданный и сильный эффект. Равн содрогнулся, в одно мгновение страх вытеснил в его душе все остальные чувства.

— Ты скажешь мне! — процедил Брайон, подался вперед и звучно стукнул огромным кулаком о ладонь. — Говори!

Деваться было некуда. Сейчас Равн больше боялся чудовищных кулаков, нежели страшного табу. Он боязливо ткнул пальцем за спину, но Брайону этого было мало. В конце концов Равну пришлось говорить, он начал рассказывать свистящим шепотом.

— Это там. Много дней надо идти. Это там. Место Без Названия.

— Ты был там?

— Только Равн может ходить туда. Старый Равн водил меня, когда я был молодым.

— Но я Равн над Равном, и ты отведешь меня туда. Мы пойдем, как только встанет солнце.

— Это запрещено...

— Запрещено мне отказывать! — Брайон вытянул руку и стиснул морщинистую шею. — Хочешь умереть?

Он старался говорить как можно более злобным голосом. Угроза должна быть настоящей — Равн подчинялся только страху. Не дождавшись ответа, он тихонько сжал пальцы.

Равн неохотно выдавил из себя:

— Мы пойдем... когда встанет солнце.

Этого было достаточно. Брайон отпустил старика и вернулся к Леа. Она спала, тихонько посапывая, и он решил последовать ее примеру. Но ему мешал эмоциональный фон спящего стойбища. Страх и ненависть бурлили в океане чувств. В конце концов он понял, что уснуть не удастся. Брайон лежал на спине, глядя на звезды и настороженно вслушиваясь в окружающее пространство.

Леа проснулась вскоре после рассвета. Он дал ей воды и рассказал все, что удалось выяснить. Она удовлетворенно кивнула:

— В этом что-то есть. Судя по рассказам женщин, такое место существует не только в мифах, но и в реальности.

— Мы должны убедиться в этом. Там наверняка что-то есть. Равн очень не хотел идти туда. Его пришлось долго убеждать. Он боится этого места не меньше, чем меня.

— Как ты думаешь, он, случайно, не сбежал со страху? Я что-то его не вижу.

Леа была права. Ночью Равн исчез. Когда Брайон поднял на ноги охотников, те удивились не меньше, чем он. Они тщательно обыскали стойбище, некоторые даже осмотрели тропы, разбегавшиеся от стоянки. Но вернулись ни с чем. Равн сгинул без следа.

— Проклятие! — выругался Брайон. — Без него нам не отыскать это место. Надо было привязать его, — а сейчас он, наверное, уже далеко.

— Не думаю, — возразила Леа. — Я сильно подозреваю, что он намного ближе, чем тебе кажется.

Она с важным видом принялась размешивать кофейный экстракт в чашке с водой, потом отхлебнула готовый напиток.

— Будь так добра, объясни, пожалуйста, что ты имеешь в виду.

— Спокойно. Спокойно. Криком делу не поможешь, только давление поднимется.

Она кокетливо прихлебывала напиток, пока Брайон кипятился от нетерпения.

— Как славно. Пока вы, мужчины, бегали по всей округе, я наблюдала за женщинами. Они чем-то сильно напутаны — ни одна из них и носа не кажет из пещеры.

— Может, он спрятался там? Но ведь мужчинам запрещено туда входить.

— Мужчинам запрещено. Но не Равну. У него там даже есть что-то вроде личного топчана. Пойти взглянуть?

— Нет, это слишком опасно. С моим новым титулом я тоже имею право туда входить.

Охотники с интересом следили, как Брайон приблизился к пещере. Женщины в страхе отступили.

— Я Равн над Равном! — прокричал Брайон и, нагнувшись, вошел внутрь.

Он заморгал, чтобы глаза привыкли к полумраку. Пещера представляла собой разлом в скале, около шестидесяти метров глубиной. Из дальнего конца доносился испуганный плач и вой, там сгрудились женщины и дети. Когда Брайон приблизился к ним, они взвыли и шарахнулись в сторону. Все отступили влево. Интересно. Брайон двинулся направо, туда, где в нише была навалена куча вонючих, невыделанных шкур. Кроме шкур, — ничего. Но вроде что-то мелькнуло, или показалось? Он присел, запустил руку в зловонную кучу и радостно вскрикнул.

Равн выл и пускал слюни, когда Брайон схватил его за колено, вытащил из-под шкур и бросил на пол. Глядя, как старик корчится, Брайон ощутил легкую жалость. Но только на секунду, пока не задел обрубком пальца о стену. Острая боль привела его в чувство, и он пнул Равна ногой.

— Вставай, грязный трус. Нам сегодня предстоит долгий путь.

Когда Равн наконец объявил, что готов к походу, утро давно прошло. Надо было исполнить ритуалы, собрать еду, взять из тайника костяной браслет. Подготавливаемый Брайоном, старик истощил весь запас уверток, неохотно двинулся по тропе — и тут же застыл как вкопанный, заметив, что следом идет Леа. Даже руками замахал.

— Никаких женщин! Женщинам нельзя. Только Равн может идти. Никаких охотников, никаких грязных женщин!

— Эта женщина не пойдет до конца, она несет еду. Она не пойдет с нами в Место Без Названия. Я отошлю ее обратно раньше.

Равн потащился вниз по склону, едва волоча ноги. Леа и Брайон двинулись вслед за ним по тропке, что вилась среди деревьев. Когда стойбище скрылось из виду, Брайон остановился, забрал у Леа узел и закинул за спину. Она принялась массировать затекшие мускулы.

— Таскать узлы — участь грязных женщин. Как Большой Охотник потащит такой большой узел? Нарущать табу опасно.

— Хочешь получить обратно?

— Ни за что! Вот только бы старый грязный Равн не осерчал.

— Он и так сердит дальше некуда. Я справлюсь с ним, как бы он ни выкаблучивался. Стоит мне хоть немного пожалеть его, как мой обрубок начинает болеть и всякая жалость улетучивается. Когда устанешь — скажи, сделаем привал.

— Я готова идти целый день, было бы кому тащить поклажу.

Сначала они двигались по краю равнины на запад. К полудню предгорье завернуло к северу, в точности повторяя очертания береговой линии Центрального озера. Им оставалось только следовать за естественными поворотами ландшафта. Ближе к вечеру уставший от бессонной ночи Брайон объявил привал. Как и прежде, он посадил Равна на привязь, чтобы тот не сбежал. Приняв меры предосторожности, Брайон спал крепко и без сновидений и утром встал отдохнувшим, готовым продолжать путь.

Так миновало три дня. Они шли по предгорьям, среди редких деревьев, по краю леса. И только вечерами рисковали подходить к озеру, чтобы набрать воды, если за день, по дороге, не попадался ни один ручей. Равн не открывал рта и лишь однажды предостерегающе крикнул, заслышав шум машин. Они залегли в кустах, глядя на следы невидимых на такой высоте самолетов. За теми тянулись белые линии, от самого горизонта на север. Это с достаточной степенью вероятности указывало на то, что экспедиция движется в верном направлении. Перепуганный Равн дрожал всем телом.

— Мы слишком близко, слишком близко, — бормотал он. — Нужно поворачивать обратно.

Брайон силой заставил его идти дальше. Но ненадолго. Меньше чем через час Равн остановился и уселся под деревом.

— Что случилось? — поинтересовался Брайон.

— Дождемся темноты, потом спустимся к озеру и обойдем это место, — Равн махнул рукой в сторону торчавшего впереди кряжа.

— Мы пойдем сейчас, — отрезал Брайон. — До заката еще далеко.

— Нельзя. Там, впереди, Святое Место. Туда нельзя идти. Мы должны обойти его. По берегу озера можно идти только ночью.

— Святое Место? Мне нравится это название. Надо взглянуть...

— Нет! Это запрещено! Ты не пойдешь!

Брайон ощутил, что Равна охватил жуткий страх — и этот страх был сильнее страха перед ним, Равном над Равном. Такого раньше не было.

Выватив нож, Равн с криком бросился в атаку. Брайон шагнул вперед, поставил блок и схватил Равна за запястье, а другой рукой за шею и держал, пока тело не обмякло.

— Он долго будет без сознания, но все-таки придется его связать, на тот случай, если мы задержимся.

— Ты хочешь сказать, что мы пойдем осматривать Святое Место?

— Нет — я пойду и посмотрю один. Ты останешься здесь вместе с ним. Старик и вправду не на шутку перепугался. Похоже, там довольно опасно.

Леа возмущенно фыркнула:

— А что на этой планете не опасно? Мы пойдем вместе. Понятно?

Брайон открыл было рот, но тут же спохватился и нехотя кивнул в знак согласия. Он понял, что проиграл этот спор еще до того, как тот завязался.

— Держись рядом. Неизвестно, что там наверху.

Они медленно пробирались сквозь деревья и остановились, выбравшись на относительно пологий, заросший травой склон. До вершины оставалось всего несколько метров. Брайон наклонился к Леа и прошептал:

— Подожди здесь, пока я не разузнаю, в чем там дело. Если все будет в порядке, придешь ко мне. Понятно?

Леа согласно кивнула и присела, укрывшись за стволом большого дерева.

Последние несколько метров Брайон прополз очень медленно, буквально пядь за пядью. На вершине он замер и осторожно поднял голову, осмотрелся, приподнялся и заглянул за край. Затем вскочил и взмахом руки подозвал Леа.

— Порядок! Иди сюда! Посмотри, что мы обнаружили.

Глава 13

ВРАГ ОБНАРУЖЕН

Леа, стораая от любопытства, вскарабкалась по склону. Что там такое? Равн был страшно напуган — а Брайон стоит на вершине и машет рукой, как ни в чем не бывало. Он спустился и подал ей руку, помогая преодолеть последние шаги.

— Смотри, — сказал он.

Внизу громоздились руины какого-то древнего строения. Леа потрянула головой:

— Это и есть Святое Место? Какие-то развалины. Совершенно ничего страшного.

— На наш взгляд. Но для местных людей это наверняка что-то очень важное. Пойми, это первые строения, которые мы обнаружили на этой планете, и не имеет ни малейшего значения, в каком они состоянии. Я думаю, мы можем подойти поближе.

В развалинах не было ничего, что могло бы представлять опасность. Им было по меньшей мере несколько веков. На земле попадались следы ржавчины — остатки стальных конструкций. Огромные постройки кубической формы были сложены из грунтовых блоков и облицованы керамической плиткой. Кое-где плитка отвалилась, и в этих местах стены размыла влага, но в

целом конструкции сохранили прочность. Брайон вскарабкался на кучу щебня, чтобы поближе взглянуть на одну из оставшихся стен, пытаясь угадать назначение строения. Он пнул ногой комок грязи и показал на пробоины в стене.

— Как ты думаешь, можно ли предположить, что эти здания были взорваны? Вон там, похоже, воронки. А выбоины на облицовке — видимо, следы осколков.

Леа согласно кивнула:

— Более чем похоже, даже если не принимать во внимание все, что происходит на этой планете. Но что здесь было раньше? Для города площадь маловата, хотя строения довольно крупные.

— Оборудование давно пропало — но я полагаю, что раньше здесь был рудник. Вон те холмы слишком правильной формы — туда, видимо, сбрасывали пустую породу. А вон там — рудничные строения. Самые большие из них похожи на склады. И все взорвано. А люди, похоже, погибли...

— Нет! Не все. Может быть, наши аборигены — потомки этих людей? Тех, которым удалось уцелеть? А иначе почему они называют разрушенный рудник Святым Местом?

— Возможно, хотя наверняка утверждать трудно. Вполне вероятно, что охотники случайно наткнулись на развалины и стали им поклоняться из-за циклопических размеров. Может, Равн нам что-нибудь расскажет.

— Сомневаюсь. Тебе не кажется, что пора его проведать?

— Нам тут больше смотреть нечего. Если он до сих пор не очнулся, ему и незачем знать, что мы тут побывали. Нам еще понадобится его помощь.

Равн уже пришел в сознание. Он смотрел на них ненавидящим взглядом и дотемна двигаться не желал. Он догадался, где они были, темная ненависть в его глазах служила тому доказательством, но поделать ничего не мог. До самых сумерек он просидел без движения, потом встал и, не сказав ни слова, двинулся вниз по склону. Ничего не оставалось, как последовать за ним. Полночи ушло на то, чтобы по широкой дуге обойти Святое Место и вновь подняться в предгорья. Несколько часов, оставшихся до рассвета, они проспали, затем опять тронулись в путь.

На рассвете четвертого дня они остановились у одного из ручьев, что сбегал в озеро, чтобы пополнить запасы воды. Брайон вдруг поднял голову и замер, держа в руках наполовину наполненную бутылку. Леа заметила это движение и собралась было спросить, но он жестом руки предупредил ее вопрос.

— Погоди. Не оборачивайся и не суетись. Не надо привлекать к себе внимание. Мы уже не одни. Там, впереди, какие-то люди. Похоже, они прячутся вон в той роще, выше по склону.

— Они настроены дружелюбно?

— На этой планете? Ну нет. Я догадываюсь, зачем они туда забрались. Они устроили засаду.

— Что будем делать?

— Ничего. Подождем, пока они не приступят к активным действиям, тогда все станет ясно. Если случится заварушка, то обороняться нам лучше здесь, на открытом месте...

Он внезапно толкнул ее, заметив, что из леса вылетела какая-то тень. Длинное копьё с глухим стуком вонзилось в землю, прямо у ног Равна. Тот испуганно взвизгнул.

— Ну вот, теперь, я полагаю, с их намерениями все ясно. — Леа указала на темные фигурки, высыпавшие из-за деревьев. — Они выглядят точь-в-точь как соплеменники Равна, а нам уже известно, что это за ребята. Я, конечно, понимаю, что не мне тебе советовать, но не пора ли предпринять что-нибудь этакое, пока они не подошли поближе?

Она старалась говорить беззаботно, но голос ее дрожал. Вид медленно наступающих копыеносцев напугал Леа. С тех пор как они высадились на планету, война здесь не прекращалась ни на минуту.

— Спрячься за дерево, чтобы тебя не зацепило, — крикнул Брайон, вытаскивая кассету с парализующими гранатами. Атакующие были уже близко. Они грозно размахивали копьями и выкрикивали оскорбления. Брайон держал гранаты наготове, подпуская их поближе. На миг все стихло — и тут завопил Равн:

— Я Равн! Я помогу вам!

Он прыгнул в мелкий ручей и, не переставая вопить, зашлепал на другую сторону. Брайон рванулся было за ним, но тут же подался назад. Останавливать его было слишком поздно.

Равн уже бежал по склону, размахивая руками, и кричал:

— Там, сзади, прячутся двое, убейте их, я помогу. Они трогали металл, у них есть машины! Я сам видел. Их надо убить!

Его крики, казалось, подтолкнули копьеносцев вперед, они взвыли. Похоже, они заметили ожерелье и браслет, признали в старике Равна, послушают его...

Внезапно склон взорвался пламенем и дымом, по ветвям, впиваясь в стволы деревьев, зашуршали осколки. Взрыв приподнял Равна, изломал и отшвырнул в сторону. Грохот смолк, наступившую тишину разорвали вопли отступающих воинов. Брайон рухнул на землю, увлекая за собой Леа, и тут второй взрыв обрушил на них целый водопад веток и обломков древесины. На сей раз Брайон различил со стороны равнины звук выстрела и, обернувшись, увидел танк, вставший у ручья. Его длинная пушка, нацеленная в их сторону, вдруг плюнула дымом. Третий снаряд разорвался еще выше, в роще, там, где скрылись дикари.

Обстрел кончился так же внезапно, как и начался. Изрытый склон был совершенно пуст, остался только одинокий труп. Воины исчезли. Потеряв цель, наводчик поводил орудием из стороны в сторону — и танк покати прочь, на ходу разворачивая башню. Из-под гусениц летела пыль.

— Не двигайся, пока он не скроется, — предупредил Брайон. — Неизвестно, какими детекторами он оснащен. Не знаю, кто управляет этой штукой, но, похоже, аборигенов он не жалуется.

— Может быть, это те самые люди, вернее, их потомки, что разбомбили рудник?

— Все может быть... погоди-ка... смотри!

Высоко над ними блеснуло на серебристых крыльях солнце. Всего мгновение назад оба самолета казались лишь крохотными точками, а теперь к земле быстрее звука неслись два грозных стреловидных аппарата. Они мчались друг за другом, нацелившись на одинокий танк. Водитель, похоже, заметил их, танк закрутился на месте, но было поздно. От самолетов отделились черные точки, а сами они резко взмыли вверх. Танк исчез в облаке разрывов, и тут уши разорвал рев турбин. Дым и пыль медленно осели, обнажив закопченный остов танка.

Брайон обнял Леа и почувствовал, что она вся дрожит. Он помог ей подняться.

— Все в порядке, успокойся. Все уже кончилось. Видишь, нас даже не зацепило.

— Как ужасно! Я больше этого не вынесу. Крутом только смерть, война, насилие.

Голос ее прервался.

— Мы знали, на что идем. И сделали свой выбор. Мы обязаны выполнить задание. Исполнить свой...

Она сбросила его руку со своего плеча:

— Ты лицемерная свинья! Грубый, бесчувственный чурбан! Не трогай меня!

Он подчинился, понимая, что сейчас это самое лучшее. Брайон привык к стрессам с детства, ибо жизнь на его родной планете была жестока и сурова, а Леа выросла в сверхцивилизованном мире. Жизнь забросила ее слишком далеко. Надо дать ей время прийти в себя.

В лесу они были в безопасности, сейчас лучше оставаться в укрытии, пока все не утихнет. Он развязал узел и достал водку. Налил стаканчик и протянул Леа. Она молча, с напряженным, бледным лицом, взяла и пригубила. Брайон вышел на опушку леса и осмотрелся. Равнина казалась пустынной и безмолвной, только тихо дымился одинокий танк.

— Что будем делать? — спросила Леа.

— Вызовем шлюпку. Ты отправишься на орбиту.

— А здесь можно садиться?

— Нет. Но выбора тоже нет. Я не могу больше подвергать тебя опасности.

Леа вытащила из кармана маленький пластиковый гребешок и принялась расчесывать спутанные волосы.

— Отступать поздновато. Хотя мне это и не нравится, я помню, что вызвалась лететь сюда добровольно. Несмотря на твои уговоры. Но если сама стелила — самой и спать.

— Не стоило тебе ввязываться.

— Чего уж теперь... Для больших и сильных человекообразных мужчин я, конечно, слабый пол, но и у меня есть гордость. Если вспомнить, что творилось на предыдущей планете, то эта — просто рай, да и только. Не пора ли двигать?

Брайон понял, что уговоры сейчас бесполезны. Лучше промолчать. Она знает, что делает, знает, чем риску-

ет и на что идет. Возможно, он сильнее физически — но Брайон прекрасно понимал, что духом она так же крепка, как и он. Или даже крепче. Она пойдет до конца.

— Я хочу взглянуть на танк поближе, — сказал он, дождавшись, когда пожар наконец прекратился. Леа кивнула:

— Конечно. Там могли остаться записи, документы, да мало ли что еще. Пора заняться серьезным делом. Не все же с охотниками возиться. Пойдем прямо сейчас?

Он тряхнул головой:

— На этот раз никаких «мы». Туда пойдет только один, а тот, кто останется, будет вести доклад по радио. Мне кажется, будет лучше, если ты займешься радио. Я возьму голокамеру и быстренько все сниму. Одна нога здесь, другая там. Поставлю на автоматику, она отстреляет сотню кадров за пятнадцать секунд.

— Я и не думала спорить с тобой. Понятно, что разведку ты проведешь и быстрее, и лучше. Пойдешь сейчас — или чуть погодя?

Брайон глянул на небо и кивнул:

— Я думаю, прямо сейчас. Местное воинство достаточно напугано и мешать не будет. Для съемки мне нужен свет, поэтому нет смысла дожидаться темноты. Других танков не видно, самолетов тоже. Хотелось бы обернуться побыстрее, да это и не займет много времени.

Он устремился к танку. Пора было включать радио. Леа вытащила передатчик, стараясь ничего не упустить, изложила события дня и сразу отключила радиосвязь. Она видела, как Брайон добежал до танка, бросился на землю и замер. Затем пополз и исчез из виду.

Ожидание было мучительно. Хотя она понимала, что местного племени поблизости нет, но невольно прислушивалась к каждому шороху, пытаясь различить шаги. Равнина и небо оставались пустынными. Медленно ползли минуты.

Наконец-то он бежит обратно! Казалось, на свете нет ничего более прекрасного, чем эта огромная, стремительно несущаяся фигура. Брайон протопал по густой траве и помчался к Леа, петляя среди деревьев. Он был весь в поту и тяжело дышал.

— Никогда бы не подумал... — выдохнул он, прислоняясь к дереву.

— Не подумал бы чего? Кто управлял танком?

— Никто. И это самое ужасное. Там было пусто... то есть ни души. Танком управлял робот. Системой ведения огня тоже. Вот кто здесь воюет, по крайней мере с одной стороны. Механическая армия роботов-убийц!

Глава 14

МАШИНЫ-УБИЙЦЫ

Крохотный красный огонек, мигавший на задней панели голокамеры, сменился зеленым, это означало, что видеозапись готова к просмотру. Брайон вынул кассету и вставил ее в приемник проектора, затем нажал кнопку, и на маленькой полянке тут же возникла стена покореженного металла. Изображение до невероятного точно воспроизводило оригинал.

— Этот снимок сделан снаружи танка, — пояснил Брайон и перевел кадр. — А вот что я увидел внутри.

Металлическая стена исчезла, ее место заняло другое изображение — внутренний вид разбитого танка. Снаряд порядком повредил машину, но кое-что можно было разобрать. Брайон указал на клубок проводов и покореженных блоков.

— Передняя панель. Как видишь, никаких водительских кресел. Только кабели, блоки управления. Кабина так забита аппаратурой, что сразу ясно — управление роботизировано. Видишь металлическую трубу? Это казенник орудия. Он проходит прямо через кабину, там, где обычно сидит водитель или наводчик. Но для автоматической системы управления места вполне достаточно.

— Ничего не понимаю. Этого просто быть не может! — воскликнула Леа. — Я всегда была уверена,

что роботы не могут причинить людям вреда. В конце концов, существуют законы робототехники...

— На Земле — возможно, но не на окраинах Земной империи. Ты забываешь, что роботы — просто машины и не более того. Они не люди, и антропоморфные критерии к ним не применимы... Они действуют по заданной программе, безо всяких эмоций. Роботов стали применять сразу, как только появилась боевая техника. Для точного бомбометания, для пушечной стрельбы и многого другого. И они выполняли эту работу быстрее и лучше человека. К тому же они не знают усталости. Теперь тебе ясно, почему военные их так любят? История войн периода Распада полна упоминаний о битвах, в которых сражались исключительно роботы. Такие битвы были крайне дорогостоящими, но, по крайней мере, не смертоносными. Люди могли пострадать только в том случае, если одна из сторон терпела поражение. Но обычно, если автоматическая система обороны планеты подавлялась, население сразу сдавалось.

— Значит, боевые роботы могут спокойно убивать людей?

— А чего им волноваться, они ведь начисто лишены эмоций. Роботы просто выполняют программу. Боевая программа этого танка предусматривала поиск и уничтожение людей. И ты сама видела, как прилежно он исполнил задачу.

— Но программу составляли люди. Значит, они несут ответственность за все убийства?

— Полностью. Это преступники, которых надо судить.

Леа с растущим отвращением смотрела на мелькающие перед глазами кадры.

— Хорошо, что хоть один робот-убийца уничтожен. Возможно, в том и состоит смысл войны. Может быть, пилоты самолетов пытаются остановить роботов?

— Может быть. Но откуда известно, что существуют сами пилоты? А если и самолетами управляют роботы?

— Но это сумасшествие. Две армии роботов воюют на заброшенной планете, подстреливая мимоходом уцелевших людей. В этом нет никакого смысла.

— С нашей точки зрения. Тем не менее это происходит, и отрицать данный факт трудно. Во всяком слу-

чае, должно быть такое место, откуда появляется на свет вся эта техника.

— Подземные заводы?

— Возможно. Но мы уже обсуждали эту версию. Сейчас нам нужно отыскать Место Без Названия.

— Не скажу, что меня это сильно печалит, однако Равн погиб, а без него справиться будет тяжело.

— Тяжело, но не невозможно. Нам остается продолжать движение на север, — по возможности, лесами. Мы уже видели, что будет, если нас обнаружат.

— Может быть, лучше идти ночью?

— Нет. Днем безопасней. Боевые машины оснащены разными радио-, тепло-, инфравизорами и локаторами, которые ночью работают ничуть не хуже, чем днем. А мы полностью зависим от зрения. Мои способности могут уберечь нас от нападения людей, но перед боевой техникой любая телепатия бессильна... Если мы будем идти днем, то, по крайней мере, сможем вовремя заметить опасность.

Хотя опасностей и трудностей не убавилось, без зловещего присутствия Равна путешествие стало намного приятнее. Он погиб как предатель — туда ему и дорога. Они держали путь на север, оставляя Центральное озеро справа. Идти пришлось лесом, параллельно открытой местности. Шли дни, стада ящеров встречались все реже и реже — в этом районе военная активность была значительно выше. Что ни день, в небе кружили самолеты, словно что-то высматривая. Однажды ночью вспыхнул бой: они видели сполохи разрывов за горизонтом, земля сотрясалась от далеких разрывов.

На следующий день мимо прокатилась колонна техники. Сначала на севере появилась туча пыли, она вздымалась все выше и выше, словно надвигалась песчаная буря — но крутом была травянистая равнина, а не пустыня, к тому же стена пыли приближалась неестественно равномерно.

— Скорее в лес, — приказал Брайон, устремляясь огромными шагами вперед. — Там, чуть повыше, скальный гребень. Нам лучше спрятаться за ним. Камень закроет нас от приборов наведения.

Он зашвырнул узел с вещами за гребень скалы и потащил Леа вверх. Крутом громоздились огромные валуны; они забрались в узкую щель под самым большим камнем. Желая обезопасить себя, Брайон спрятал

узел со снаряжением ниже по склону. Потом сложил из камней бруствер, оставив для наблюдения лишь небольшую щель.

— Я слышу их! — воскликнула Леа. — Какой грохот! Вот они!

Впереди пылевой тучи двигалась темная масса, она росла прямо на глазах. Уже различались массивные силуэты огромных боевых машин. Вокруг метались легкие танкетки, прикрывая колонну с флангов. Силы прикрытия развернулись широко — от берега озера до предгорий. Над укрытием на малой высоте пронеслось звено сверхзвуковых самолетов, — Леа от неожиданности припала к земле, и тут же сверху обрушился грохот звукового следа. Армада надвигалась, равнина почернела от техники. Вокруг, насколько хватало взгляда, были одни машины. От рева двигателей болели уши.

Когда прошли основные силы, было уже далеко за полдень; внизу проносились отдельные отряды легких танков, прикрывавших основную колонну.

— Впечатляющее зрелище, — отметила Леа.

— Нечеловеческое. Одни машины. Роботизированные механизмы. Если бы ими управляли водители, я бы почувствовал общий эмоциональный фон даже на таком расстоянии. Но здесь — ровным счетом ничего.

— Может быть, среди этой армады все-таки затерялись несколько человек? Командиры, так сказать?

— Вполне возможно, что я не уловил их присутствия. Но даже если колонной управляла горстка людей, это означает, что девяносто пять — девяносто восемь процентов машин роботизировано.

— Какой ужас...

— Эта война ужасна в принципе. И смертоносна. Мы останемся здесь до утра. Я хочу, чтобы колонна отошла подальше, прежде чем мы снова тронемся в путь. Одно хорошо — теперь точно известно, куда идти.

— Что ты имеешь в виду?

Брайон указал на глубокие колеи, что прочертили равнину.

— Они оставили такой след, по которому можно идти с закрытыми глазами. Мы пойдем в противоположную сторону и выясним, откуда они появились.

— Но это невозможно! Что, если с той стороны будут приходить все новые силы?

— Нет никакой необходимости идти прямо по следу, он виден издалека. Нельзя забывать об осторожности. Мы пройдем вперед ровно столько, сколько необходимо. И не остановимся, пока не выясним, откуда они появляются.

Первые несколько дней проблем не возникало. Но затем идти по следу стало сложнее. Ландшафт изменился. Центральное озеро исчезло из виду. Местность стала более гористой. Холмистое плато прорезали глубокие ущелья и долины. Брайон остановился на крутом склоне, глядя на следы, отчетливо видневшиеся внизу. Они пересекали равнину и исчезали в тесном ущелье.

— Что будем делать? — спросила Леа.

— Немного перекусим и пораскинем мозгами. Полагая, можно пройти холмами над ущельем.

Она взглянула на крутые скалы и фыркнула:

— Легче сказать, чем сделать.

Леа достала брикет и показала Брайону почти пустой контейнер.

— К тому же у нас заканчивается еда. Как бы там ни было, нам придется или возвращаться, или вызывать шлюпку, чтобы пополнить запасы.

— Ни то ни другое мне не нравится. Мы продвинулись по следу очень далеко. И должны идти дальше. Пополнить запасы не удастся, а сажать шлюпку в районе с таким скоплением боевой техники очень рискованно. Остается только одно...

— Замолчать и тщательно пережевывать пищу. А потом мы сделаем вот что. Вернемся на равнину, вызовем шлюпку и отправимся на орбиту, где будем в полной безопасности. Подробно обо всем доложим и примемся ждать прибытия экспедиционного корпуса.

Брайон отрицательно покачал головой:

— Мы с тобой не имеем права возвращаться, пока не выясним до конца, что здесь происходит. Нам остается только одно: отправиться в ущелье...

— Ты сошел с ума. Тебе что, жить надоело?

— Не думаю. У нас неплохие шансы. Если быстро обернуться туда и обратно, можно успеть до появления новой партии машин.

— Понимаю, к чему ты клонишь. Это будет одиночное самоубийство, не так ли? Помчишься, как ветер, навстречу опасности, размахивая своим прозрачным

кинжалом. А я буду сидеть, охранять снаряжение и терпеливо дожидаться твоего возвращения.

— Что-то в этом роде. У тебя есть замечания, дополнения?

— Только одно. Не проще ли пустить себе пулю в лоб прямо сейчас, чтобы избежать лишних хлопот?

Он взял хрупкую ладонь Леа в свою большую руку и ясно ощутил страх и тревогу, крывшиеся за ее словами.

— Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, и не могу винить тебя за это. Но у нас нет другого выбора. Или мы поворачиваем назад, и тогда всю операцию придется начинать заново. Или идем до победного конца. Я думаю, что мы зашли слишком далеко, чтобы взять и все вот так бросить. Я смогу постоять за себя. И я хочу разобраться с этой планетой раз и навсегда.

Спорить было бесполезно. Как только Леа поняла это, ее душа исполнилась мрачной покорности. Они молча упаковали вещи и двинулись в холмы, прочь от ущелья, и шли, пока не отыскивали подходящую стоянку. Над берегом небольшой горной речушки нависала каменная площадка.

— Здесь ты будешь в безопасности. — Брайон протянул Леа скорострельный пистолет. — Держи его под рукой. Если что-нибудь заметишь, стреляй не задумываясь. Здесь нет друзей — только враги: ящеры, машины и даже люди. Я постараюсь предупредить тебя заранее о своем возвращении, так что не бойся, меня ты не подстрелишь.

Впервые за все время выдалась прохладная ночь, видимо, потому, что они были в горах. Им пришлось вместе забраться в спальник, чтобы хоть как-нибудь согреться. Ко всему привычный, Брайон заснул почти мгновенно, но к Леа сон не шел. Она долго лежала, разглядывая сквозь кроны деревьев чужое звездное небо, столь непохожее на небо Земли. Дом был так далеко!..

Леа проснулась от легкого прикосновения. Было уже совсем светло. Брайон прятал кинжал в ножны.

— В последнем докладе мы успели передать все самое важное, поэтому радио тебе лучше не включать. Я надеюсь вернуться на четвертый день к вечеру, если считать, что сегодня — день первый. Обещаю тебе: я вернусь, что бы ни случилось. Но если к условленному сроку меня не будет — ты не должна здесь задержи-

ваться. Надеюсь, ты понимаешь, что отправляться вслед за мной по меньшей мере глупо. Вернусь я или нет — на пятый день ты должна уходить. Как только доберешься до равнины, сразу вызывай шлюпку и отправляйся на орбиту. Как можно быстрее. Если мы потерпим неудачу, за нами придут другие. Но не забивай себе голову мрачными мыслями. Через четыре дня я вернусь.

Он развернулся и быстро пошел прочь. Она и сказать ничего не успела. Похоже, он хотел уйти именно так. Ей оставалось только смотреть, как крупная фигура Брайона становилась все меньше и меньше, пока не скрылась за гребнем горы.

Глава 15

ЭКСПЕДИЦИЯ В УЩЕЛЬЕ

Никаких разумных причин задерживаться у входа в ущелье не имелось, но разум тут был ни при чем. Брайон в несколько прыжков преодолел последние метры ступенчатого склона — и замер, вслушиваясь в тишину. По сторонам вздымались отвесные каменные стены, образуя естественный коридор, уходящий в глубь горы. Ущелье просматривалось вперед примерно на полкилометра, а дальше делало поворот. Когда-то его дно было покрыто травой и кустами, но всю растительность давно перемололи с землей. Только у стен сохранилось несколько клочков зелени. Все остальное погибло под безжалостными гусеницами наступающих армий. Машина за машиной вгрызались траками в каменистую почву, пока та не покрылась сплошным кружевом следов. Брайон глянул под ноги и увидел, что стоит на отпечатке трака размером в добрый квадратный метр. И это был лишь один трак гигантской боевой машины, а их — легион. Недавно здесь прошла целая армада, и, возможно, еще одна на подходе. Неужели ему придется встретиться с такой армией в одиночку?

— Да! — гордо воскликнул он и криво усмехнулся. Шансов на успех было немного — но это были его шансы. И с каждой секундой, пока он стоял здесь, они убывали, а вероятность того, что он встретит в узком

ущелье врага, становилась все выше и выше. Брайон побежал вперед.

Стены ущелья проносились мимо, изрытая почва прыгала под ногами. Приблизительно через час пришлось сбавить темп и перейти на шаг, дыхание стало тяжелым. Немного отдышавшись, он взял прежний темп. Ущелье тянулось километр за километром, несколько с виду не меняясь. Только к полудню стены расступились, и Брайон вбежал в скалистую долину.

Здесь можно было передохнуть. В первый раз он свернул с разбитой дороги и взобрался на лужайку между валунами. Отсюда хорошо было видно, что дорога пересекает долину и исчезает в ущелье с противоположной стороны. Он сделал несколько глотков воды, откинулся на спину и прикрыл глаза. Час на сон, а потом — дальше. На этой высоте было довольно прохладно, поэтому спать лучше днем, а двигаться ночью. Он знал, что легко перенесет такой режим. На его родной планете, на Хаврке, провизию на долгую зиму заготавливали за короткое лето. Ему часто приходилось проводить без сна по четыре-пять дней, это его не страшило. Трава мягко пружинила, нагретые солнцем стенки валунов излучали тепло и закрывали от ветра. Брайон улегся поудобнее и сразу уснул.

Глаза открылись точно в назначенное время, и он увидел безоблачное небо. Солнце уже скрылось за вершинами гор, в тени похолодало. Дорога внизу по-прежнему была пуста. Он поправил на поясе ножны, сделал маленький глоток воды и отправился в путь.

Ущелье стало шире, но теперь часто поворачивало, что мешало смотреть вперед. Поначалу он замедлял бег и осторожно огибал каждый поворот, но вскоре понял, что зря теряет время. Будь что будет, здесь, в ущелье, от судьбы не уйдешь. Надо поторапливаться, придется положиться на везение.

Дно ущелья стало более ровным — теперь это была скальная порода, вся расцарапанная стальными гусеницами. Он приспособился к ритму бега, дыхание стало ровным и глубоким. Бежалось легко. Обогнув очередной поворот, он увидел впереди, всего в нескольких метрах от себя, боевую машину.

Реакция у нее была вполне боевой. Четырехствольное орудие только что смотрело вверх, но молниеносно развернулось и уставилось прямо на него. Четыре чер-

ных жерла он заметил уже в прыжке. Снаряды ударят в спину, эти штуки бьют без промаха...

Он упал и закатился за скалу, удивляясь тому, что еще жив. Ничего не случилось. Орудия почему-то не стреляли.

Брайон лежал и, тяжело дыша, ждал, когда загрохот гусеницы и танк двинется вперед. Убежать не получится, это понятно. Как же выбраться? А никак: стены ущелья ровные и отвесные. Спасения не было.

Двигатель взревел, но вдруг заскрежетал и стал давать перебои, а затем заглох совсем. Повисла звенящая тишина. Машина не стала его атаковать, но дорогу заблокировала. Почему она остановилась?

Брайон порывисто вздохнул и медленно встал на ноги. На этот раз он уцелел — а что дальше? Дальше что делать? Скоро стемнеет. Может, удастся обойти танк в темноте? Да нет, для машины темнота не помеха; система наведения работает при любом освещении. Повернуть назад? Можно — но это означает конец. Поражение. Такого он себе позволить не мог. Но почему же эта штука не стреляет? Любопытство, как известно, сильнее страха.

Медленно, сантиметр за сантиметром, он подполз к скале. Поднял голову...

И рухнул на спину, увидев жерла четырех стволов.

Они опять не выстрелили. Машина явно обнаружила его, но действовать не торопится. Что за кошки-мышки? У нее же нет другой программы, кроме как на уничтожение. Что же делать?

Он выбрал приличный булыжник, хорошенько размахнулся и швырнул, словно гранату. Когда камень ударился о землю, он вскинул голову.

Двигатель взвыл, башня метнулась за камнем, рев повторился, и орудия вновь уставились в лицо Брайону. Машина уже дважды могла его убить — и до сих пор этого не произошло. Теперь у нее есть третий шанс. Если она сейчас выстрелит, он не услышит даже звука.

Прошла секунда, две, три. Пушки молчали. Сбравшись с духом, он вышел из-за укрытия и двинулся к танку. Орудия медленно вращались, держа его на мушке.

Брайон замер, как только взревели двигатели. Танк задрожал, рванулся вперед и застыл на месте. Тут-то Брайон заметил, что танк потерял одну гусеницу и не может двигаться.

Если обойти танк, тот просто не сможет его преследовать! Брайон рванулся вверх по ущелью, кожей ощущая неотрывный взгляд четырех орудий. Когда он поравнялся с танком, пушки вдруг замерли. Башня развернулась, и орудия поднялись вертикально вверх. Брайон остановился и посмотрел на танк.

Казалось, грозная машина потеряла к нему всякий интерес. Похоже, он вышел из зоны слежения системы наведения, и бортовой компьютер вычеркнул его из памяти. Может, стоит задержаться и осмотреть танк?

Это было чистое любопытство. Напряжение и страх пропали, в голову ударило отчаянное безрассудство. Он во что бы то ни стало должен осмотреть танк. И совершенно неважно, что из этого выйдет.

Осторожно, шаг за шагом, Брайон приблизился, но танк никак не реагировал. Он подошел так близко, что мог рассмотреть сварные швы на броне. Оперся ногой о ведущее колесо и взобрался на борт. Наверху, прямо за орудийной башней, был люк с одной ручкой. Брайон на секунду замешкался, затем протянул руку и налег изо всех сил.

Люк распахнулся легко и бесшумно.

Ничего не случилось. Сердце громко застучало, когда Брайон нагнулся и заглянул внутрь. В танке не было ни души. В полутьме поблескивали приборы, загудел и сразу стих сервомотор. Патронные ленты тянулись к затворам орудий. Все было в полной боевой готовности. Так почему же пушки не стреляли?

Ну довольно! Он рассердился на себя за бестолковость. Чем он тут занимается — попусту рискует жизнью? Удалось обойти танк без вреда для здоровья, и ладно. А теперь нужно двигаться дальше. Он сердито топнул по обшивке, прыгнул вниз и, не оглядываясь, помчался вверх по ущелью.

К тем тайнам, на которых зиждется этот смертоносный мир, добавилась еще одна загадка. И ни одну из них не удастся разгадать, пока он не выяснит, откуда появляются армии.

Когда стемнело, Брайон не стал останавливаться; он по-прежнему бежал. В свете звезд дорогу было видно хорошо. Даже для него это было нелегким испытанием. Пришлось отдохнуть, хотя до рассвета было еще далеко. И опять в дорогу. Он был совсем измотан, когда добрался до устья бокового ущелья. Опустившись на

четвереньки, Брайон тщательно осмотрел землю, но никаких следов не обнаружил. Второе ущелье представлялось безопасным. Он забрался повыше, чтобы не быть замеченным снизу, спрятался между двумя огромными валунами и завалился спать.

Позже его что-то разбудило. На небе, от горизонта до горизонта, ярко горели звезды. Из нижнего ущелья не доносилось ни шороха, но вдали затихал звук реактивных двигателей. Ну, это не по его душе. Он снова закрыл глаза, а когда открыл их, небо было уже серым.

Он замерз, устал, все мышцы болели. Вода обожгла рот ледяным холодом, и, сдержав себя, Брайон сделал лишь несколько осторожных глотков.

Мучительно хотелось есть. Но ничего не поделаешь; он решительно пресек предательские мысли о еде. Надо делать дело. Движение согреет его, а голод и жажду можно пережить. Нужно поторапливаться.

Ущелье стало расширяться, Брайон бежал ближе к восточной стене, стараясь держаться в тени. Хоть какая-то защита на случай, если повстречаются танки. Ущелье пошло вверх, одновременно расширяясь, дорога под ногами стала тверже. Это уже была не просто утрамбованная почва пополам со щебнем, а что-то гладкое и ровное. Брайон нагнулся, чтобы рассмотреть ее получше.

Это была расплавленная порода. Причем не бугристая и в потеках, как бывает при вулканических извержениях, а ровная, будто ее сначала расплавили термопушками, затем выровняли.

Дно ущелья было явно искусственного происхождения.

Солнце выбралось из-за горных вершин и поднялось довольно высоко. Оно освещало идеально ровную поверхность дороги. Брайон осторожно шел вперед, поглядывая на отвесные стены. Те были гладкими, без единой трещины, до самого конца ущелья.

Ничего. Вокруг только древние стены. А в конце — тупик. Отсюда ущелье начиналось и опускалось на равнину. Узкий коридор с единственным входом.

Но ведь именно из этого коридора вышла механическая армада, в том нет сомнений. Он видел ее собственными глазами, и след привел его сюда. Почему же здесь ничего нет? Невероятно.

Брайон подошел к стене, потрогал ее рукой и в полном отчаянии несколько раз ударил рукояткой кинжала. Самый настоящий камень. Этого никак не могло быть. И именно так было.

Он обернулся, окинул взглядом ущелье и тут заметил черную колонну. Она была не выше двух метров и стояла метрах в десяти от тупика. Брайон медленно приблизился, обошел колонну кругом и только потом дотронулся. Металл, вернее, какой-то сплав. Слегка тронутый временем, потускневший. Надписей никаких. Непонятно, зачем она здесь. Он поскреб поверхность острием кинжала, на закругленной верхушке появилась блестящая царапина. Сунув кинжал в ножны, он ощутил, как в душе закипает ярость.

— Что же это такое? — вскричал Брайон в полный голос. — Что все это значит?!

Звуки, отскакивая от стен, понеслись вниз по ущелью и провалились в бездонную тишину.

Глава 16

ТАЙНА ЧЕРНОЙ КОЛОННЫ

В бессильной ярости Брайон лягнул черную колонну. Раздался глухой звук, ногу пронзила боль — вот, в сущности, и весь результат.

— Да, Брайон, очень эффектно, — вслух прокомментировал он. — Поступок, достойный гомо сапиенса. Полегче стало? Теперь, когда ты немного разрядился — а заодно слегка ушиб ногу, — не пора ли поразмыслить над этой проблемой? Самое время. Так, что тебе известно? Во-первых, — он загнул палец, — механическая армада вышла из этого ущелья. В этом сомневаться не приходится. Все следы ведут сюда, в это самое место. Никаких других дорог здесь нет. Что позволяет сделать заключение номер два — машины появляются именно здесь, в конце ущелья, в том месте, где ты сейчас стоишь. Скалы и дно ущелья выглядят монолитными — но возможно, что это не так. Надо проверить. А что, если сначала разобраться с колонной? Она сделана из металла, явно искусственного происхождения, и — ставлю сто против одного — имеет прямое отношение к нашей проблеме. Итак, третье: исследование колонны — задача номер один.

В мозгу крутилась некая мысль. Какая? Когда он лягнул колонну и ушиб палец, произошло что-то странное. Что? Да, конечно — звук был такой, будто она

полая; скорее даже звон, а не просто глухой удар башмака.

Брайон вынул кинжал, взял его за лезвие. Постучал рукояткой по верху колонны, там, где раньше царапал металл. Звук был глухой. Но когда постучал пониже, звук стал звонче. Полая!

Сразу возник вопрос: а что, если эта полая труба с начинкой? Более чем возможно. Надо постараться вскрыть ее, проникнуть внутрь.

Брайон медленно провел пальцами сверху вниз — поверхность колонны была гладкой. Встав на колени, он внимательно осмотрел нижнюю половину, а затем лег на землю, чтобы обследовать самый низ. Похоже, вокруг основания есть паз, толщиной с волос. Брайон сильно надавил кончиком кинжала — и тот вошел в металл! Паз был — он огибал колонну. Хотя на первый взгляд колонна уходила в каменное основание, в действительности на поверхности она имела съемную оболочку. Вставая, Брайон краем глаза заметил легкий серебристый блик, в полуметре от основания.

Царапина!

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что царапина находилась на краю шлица, который был миллиметров пятнадцати длиной, а вокруг шлица виднелся тонкий кружок.

Головка винта! И довольно большая. А винты существуют для того, чтобы их выкручивать.

У него был единственный инструмент — кинжал, но сойдет и он. Брайон вогнал острие в паз, нажал на ручку. Ничего. Сильнее. Мускулы напряглись, лезвие согнулось. Как бы не сломать. Ну да ладно. Еще чуть-чуть...

С отчаянным скрипом металлический кружок повернулся на пару миллиметров. Брайон прикоснулся пальцем и почувствовал, что шляпка слегка выступает над поверхностью. Теперь, когда винт стронулся, крутить стало легче. Раз, раз — и вот головка вышла уже вся, блеснули первые витки резьбы. Еще немного — теперь можно крутить пальцами. Брайон выкрутил винт, бросил его на землю, потом нагнулся и заглянул в отверстие. Черно, ничего не видно. Но винт был вкручен здесь не просто так. Он должен что-то крепить. Но что?

Брайон поднял было кинжал, чтобы ткнуть острием внутрь колонны, но передумал. Гораздо мудрее пора-

скинуть для начала мозгами, чем тыкать наугад. Для чего здесь этот винт? Может он закрывать, например, кнопку? Возможно, но маловероятно. А может, он фиксирует верхнюю полую часть колонны? Это больше похоже на правду.

Нагнувшись, Брайон загнал лезвие в паз и попытался приподнять трубу. Та поддалась!

Понемногу раскачивая колонну, Брайону удалось загнать лезвие в паз на целый сантиметр. Теперь труба должна пойти вверх. Оставив кинжал, он присел и плотно обхватил руками тридцатисантиметровую трубу, обнял ее изо всех сил, медленно распрямил ноги.

Пошло дело! Труба оторвалась от земли. Он глянул вниз и увидел, что труба приподнялась на добрых пару сантиметров, но что-то держало ее изнутри. Медленно и осторожно Брайон переместил руки и потянул снова. Мало-помалу он поднял трубу сантиметров на сорок.

Наконец ему удалось захватить кончиками пальцев нижний обрез. Брайон присел на корточки, набрал в грудь воздуха и стал подниматься. Труба скользила все выше и выше и, вдруг освободившись, повалилась набок.

Брайон отпрыгнул в сторону, труба со всего маху грянулась о камень. Тяжело дыша, он рассматривал то, что открылось его взору.

В блестящей металлической раме помещался портативный электронный прибор. Тут были и привычные глазу блоки памяти, трансформаторы, преобразователи, густо опутанные проводами. Из распределительной коробки выходил толстый кабель, который опускался вниз и соединялся с массивным корпусом атомной батареи, установленной в самом низу. Это была крупная батарея, при небольших нагрузках она могла прослужить несколько лет. Но для чего предназначен сам прибор? Почти все его детали выглядели достаточно знакомо. Рассматривая прибор, Брайон услышал легкое гудение. Неужели работает? Он обошел вокруг, и точно — вот они, дисплей, по которым пробегали колонки цифр. Прекрасно, значит, работает. Но что это за устройство и как оно связано с появлением военной техники?

Брайон нагнулся, подобрал кинжал, отступил назад, окинул взглядом прибор. Полная загадка. Приподняв кинжал, он прицелился, выглядывая, куда бы половчее ткнуть. Но удержался. Так он ничего не добьется.

Может, здесь есть хоть какие-нибудь надписи? Он наклонился, чтобы присмотреться повнимательнее. Внезапно за спиной послышался резкий хлопок взрыва.

Брайон инстинктивно упал, перекатился и выставил перед собой кинжал.

На него глядели трое. Секунду назад этих людей не было.

Все трое были одеты в толстые черные скафандры, на ногах у них были тяжелые черные башмаки. Их лица скрывали поляризованные щитки шлемов. Каждый держал в руках небольшой металлический чемоданчик, но оружия у них, похоже, не было. Они не меньше его были удивлены неожиданной встречей и при виде ножа испуганно отпрянули. Брайон медленно поднялся, сунул кинжал в ножны и сделал шаг к ближайшему из людей. Тот отступил и нажал кнопку на поясе. Раздался резкий хлопок, и человек исчез так же внезапно, как и появился.

— Что здесь происходит? Кто вы? — спросил Брайон.

Двое оставшихся попятись. Вновь послышались хлопки. Они повторялись один за другим, пока не появилась по меньшей мере дюжина людей в таких же костюмах.

Но эти были вооружены. Тяжелые винтовки смотрели прямо на него. Брайон замер, стараясь не двигаться, чтобы никого не испугать. Стоявший впереди, с нашивками на рукаве, опустил оружие и коснулся шлема. Щиток откинулся.

— Кто вы? — спросил человек. — И что вы тут делаете?

Глава 17

УБИЙЦЫ

Остальные тоже открыли свои шлемы.

— Сержант, он понимает вас? — спросил один из них.

— А ножичек у него приличный.

— Скажите ему, пусть бросит.

Брайон понимал их достаточно хорошо: они говорили на космоэсперанто. Этот межзвездный язык знали все, в дополнение к родному. Он медленно положил руку на кинжал.

— Я сейчас брошу оружие на землю. Пожалуйста, не стреляйте.

Пока Брайон доставал кинжал, сержант держал Брайона на мушке. Когда нож упал на землю, тот опустил винтовку и подошел ближе. Это был угрюмый человек с раскосыми глазами, плохо выбритый и с бледной кожей.

— Ты не похож на техника из Гонгонга, — произнес он, — костюм не тот. Что ты тут делаешь?

— Об этом я вас хотел спросить, сержант, — отрезал Брайон. — Отвечайте. У меня гораздо больше вопросов к вам, чем...

— Только не ко мне. Не нравится мне все это. — Он крикнул через плечо: — Капрал! Сгоняйте обратно и принесите скафандр, побольше. Доложите обо всем

капитану, пусть он поставит в известность Военное управление.

Снова раздался хлопок. Брайон уже понял, что это напрямую связано с появлением и исчезновением людей, будто они двигались с такой скоростью, что разрывали воздух как молнии. Звания, рапорты, Военное управление — они наверняка имеют отношение к механизированным армиям, что воюют на этой планете. Похоже, что боевая техника появляется здесь тем же манером.

— Это ваши танки и бронемашины находятся на планете, не так ли?

Сержант поднял винтовку.

— Ничего не знаю, мое дело выполнять приказы. А теперь заткнись, пока я не сдам тебя по команде. Если хочешь поговорить — поговори с Разведкой. Там это любят.

Несмотря на нацеленные винтовки, Брайона переполняло чувство победы. Между этими людьми и битвами на планете несомненно существует прямая связь. Разгадка была близка, но нужно держать себя в руках. Он внимательно наблюдал, как группа техников занимается наладкой аппаратуры в черной колонне. Они прозванивали блоки и цепи. Похоже, все было в порядке, потому что управились они быстро. Техники спрятали аппаратуру и взялись устанавливать кожух. Покончив с кожухом, они ввернули на место фиксирующий винт, который ему удалось выкрутить. Брайон хотел задать им несколько вопросов, но сдержался. Такая возможность еще будет. Он обернулся на знакомый хлопок. Вернулся капрал со свертком под мышкой.

— Лейтенант приказал доставить его, к приему все готово. Вот скафандр.

Упоминание о приеме прозвучало несколько злое, но под дулами винтовок выбирать не приходилось. Как и было приказано, он натянул костюм и наглухо застегнулся. Сержант захлопнул его шлем и нажал кнопку на поясе. Ощущение было настолько необычным, что его трудно передать словами: все изменилось в одно мгновение. Солдаты, ущелье — все пропало, он стоял на металлической платформе. Вспыхнули прожектора, подбежали солдаты. Под присмотром молоденького офицера они сняли с него скафандр.

— Следуйте за мной, — приказал Брайону офицер. Упираться смысла не было, не тот момент, и он подчинился. Прежде чем его вывели через массивную дверь, Брайон успел заметить огромное сооружение, опутанное толстыми кабелями, изоляторы размером в человеческий рост. Коридор был выкрашен серым, в него выходило несколько дверей. Они остановились у двери с надписью «Отдел 3», офицер открыл ее и жестом приказал Брайону войти. Он вошел, и дверь за ним захлопнулась.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — спокойным голосом предложил человек, который сидел в кресле, метрах в двух от Брайона. Человек был худ, на его остросулом, бледном лице выделялись глубоко посаженные глаза. Он был одет в серый мундир. Человек улыбнулся Брайону, но то был просто мимический жест, лишенный теплоты и искренности, так, движение лица. Брайон отлично его слышал, несмотря на то что их разделяла прозрачная перегородка, проходившая посреди комнаты. Брайон сел в кресло — это был единственный предмет обстановки на его половине.

— У меня есть к вам несколько вопросов, — начал Брайон.

— Я вас понимаю. У меня к вам тоже. Давайте попробуем помочь друг другу: Я Хегедус, полковник Народной армии Ополе. А вы кто?

— Меня зовут Брайон Брандд. Я так понимаю, что Отдел 3 представляет военную разведку?

— Да. А вы очень наблюдательны. Мы не причиним вам никакого зла, Брайон. Но нам хотелось бы знать, что вы собирались сделать с дельта-бакеном, когда взялись его разбирать.

— А, так вот как называется эта штука?! Я решил его обследовать, поскольку подозревал, что это устройство имеет отношение к военным действиям на Сельме-II.

— То есть вы намекаете на то, что вы некоторым образом шпион?

— А вы намекаете на то, что эта планета может в некотором смысле представлять для шпиона интерес?

— Давайте оставим эти игры, Брайон. Как вам, должно быть, известно, вас обнаружили в важной стратегической точке. Если вы работаете на разведку Гонгонга, то лучше скажите сразу — мы все равно вытащим из вас правду.

— Боюсь, я не понимаю, о чем идет речь. Правду сказать, я совершенно сбит с толку всем происходящим. Я прибыл на эту планету и сразу попал в самую гущу военных действий...

— Извините, но на этой планете никакой войны нет... — В первый раз на лице Хегедуса проявилась эмоция — страх. — Ах нет, вам, конечно, неизвестно. Вы до сих пор считаете, что находитесь на Сельме-II. Значит, вы не из Гонгонга...

Он, видимо, принял решение и, наклонившись, нажал какую-то кнопку на пульте у кресла. Брайон почувствовал резкий укол и отдернул руку. Но было поздно. Сверкающая игла втянулась в подлокотник кресла. Он попытался встать, но не смог. Глаза закрылись против его воли. Он провалился в темноту.

Первый день ожидания Леа провела без всякого беспокойства. Было приятно отдохнуть после утомительного перехода, посидеть, опустив ноги в прохладный ручей. Над кронами деревьев проплывали облака; нет, нет да пролетала стайка ящериц. Сухое питание было безвкусным, но голод утоляло хорошо и отлично отбивало аппетит. Когда солнце село и в воздухе похолодало, она забралась в спальный мешок. Пистолет положила в изголовье, как наказывал Брайон. Она тревожилась о нем, но старалась об этом не думать. Кроны деревьев превратились в темные заплатки на усыпанном звездами небе. Глаза сомкнулись, сон мягко подхватил Леа.

Посреди ночи она проснулась от крика какого-то животного и испуганно схватилась за пистолет. Ей и раньше не раз доводилось слышать крики ночных животных, но тогда они ее не пугали. Потому что рядом всегда был Брайон. Его молчаливое присутствие давало ощущение безопасности. Она могла спокойно спать, зная, что всегда находится под его защитой. А вот теперь его рядом не было. Ей с трудом удалось заснуть — но она просыпалась еще не раз и с тревогой прислушивалась к ночным звукам. В общем, ночь выдалась беспокойная, и по-настоящему выспаться ей удалось только утром.

Остаток дня Леа провела, исправляя и дополняя последний доклад. Бортовой компьютер шлюпки прокручивал запись, а она устраняла неточности и вносила дополнения. И старалась не думать о том, как Брайон пробирается вверх по ущелью. И о том, что будет, если он повстречается с танками.

Вторая ночь прошла не лучше первой — к утру она была совершенно разбита. Леа выкупалась в прохладной горной речке и при помощи гребня попыталась привести волосы в порядок. Сухое питание было отвратительно как никогда, она попыталась запить его водой и тут заметила какое-то движение среди деревьев. Там кто-то был!

Она дала Брайону твердое обещание, что будет строго следовать его инструкциям, и тут же приступила к исполнению данного слова. Схватила пистолет и выпустила очередь в ту сторону. Разрывными. Когда шум стрельбы стих, послышался голос, который обращался к ней на эсперанто:

— Мы ваши друзья...

Последовала вторая очередь. Нет здесь у нее никаких друзей! Спрятавшись за камнями, она наблюдала за суетой в лесу. В глубине чащи что-то противно чавкнуло, рядом послышался взрыв, затем другой. Со всех сторон повалил едкий дым. Она попыталась задержать дыхание — но всему есть предел. Закашлялась, села, улеглась на бок и, все еще покашливая, закрыла глаза. Она лежала безмолвно и неподвижно, когда из леса высыпали люди в противогазах.

Глава 18

КОШМАР МИЛИТАРИЗМА

Брайон моргнул, открыл глаза и уставился в незнакомый потолок. Мысли путались, не сразу удалось вспомнить, что с ним случилось. Ущелье... нет, он дошел до конца ущелья... черная колонна. Потом солдаты, арест, разговор с человеком по имени Хегедус. Что-то произошло... теперь вспомнил: укол, наркотик, а потом... ничего. Осталось только ощущение того, что прошло немало времени. Он огляделся и обнаружил, что лежит на кровати у стены, в большой комнате без окон. Был еще стол, кое-какая металлическая мебель, стулья, покрытые той же тканью, что и кровать. Сильно кружилась голова. Когда он попытался сесть, то накатило так, что пришлось ухватиться за кровать. Однако злость тут же вытеснила дурноту. Такое обращение пришлось ему сильно не по нраву. А загадка Сельма-II оставалась по-прежнему загадкой. Он встал и, преодолевая головокружение, подошел к двери, потрогал ручку. Закрыто. Он уже было отвернулся, но тут в дверном замке что-то загудело. Ручка повернулась, и дверь тихо отворилась.

Подняв огромный кулак, Брайон отступил в сторону. Один раз его уже накачали наркотиками. Сейчас они поймут, что второй раз им придется потрудиться. С них причиталось, и он точно знал сколько. Дверь распахнулась, он напрягся. Приготовились!

Вошла Леа.

Рука Брайона в растерянности опустилась, когда Леа обернулась к нему.

— Ты в порядке? — спросила она. — Они мне ничего не говорят.

— Ты как тут оказалась? Все-таки пошла следом?

— Да нет, я оставалась в укрытии. Но на второй день после твоего ухода появились солдаты. Они тихо подобрались и сначала обратились ко мне. Я вспомнила твои инструкции и принялась палить, надо признаться, практически наугад. Потом слышались взрывы, повалил дым. Я попыталась было бежать, но, похоже, в дыму был какой-то газ. Помню, как я упала, и все. И только недавно очнулась. Потом пришла женщина и, не говоря ни слова, привела меня сюда. Только я никак в толк не возьму: где это мы и что происходит?

В ее голосе явно слышались истерические нотки, руки были нервно сжаты. Брайон подошел и взял их в свои ладони.

— Не волнуйся, все в порядке. Я знаю не больше твоего, а если больше, то совсем не намного. Я дошел до конца ущелья. Потом появились солдаты, арестовали меня, и я очутился здесь. Не думаю, что нам что-нибудь грозит, у них было достаточно времени, чтобы сделать с нами что угодно. Но кто они — и как они нашли тебя? Вот что хотелось бы узнать...

— Сейчас я вам все расскажу, — сказал Хегедус, входя в комнату. — Присаживайтесь, доктор Морис. Вы тоже, Брайон...

— Откуда вы узнали мое имя? — поразилась Леа.

— Ваш приятель нам сказал. Видите ли, мы располагаем достаточно совершенными методиками, наркотическими препаратами, приборами для того, чтобы проникнуть в память любого человека. Метод совершенно безвреден и побочных эффектов не дает. Так мы узнали о вашем задании и о том, где вы дожидаетесь Брайона. И сразу отправились за вами, чтобы избавить вас от тягот пребывания на лоне дикой природы. Нам также было известно, что вы выполняете особое задание ФОКУСа. Мы сожалеем, что причинили вам такие неудобства, но постараемся это компенсировать.

— Тогда для начала расскажите нам, что происходит на Сельме-II, — предложил Брайон.

— С огромным удовольствием. Для этого я и пришел. Садитесь, садитесь. Может быть, желаете чего-нибудь? Поесть или выпить...

— Ничего. Кроме объяснений...

Терпение Брайона истощилось. Он буквально выпаливал слова. Леа согласно кивнула.

Хегедус уселся напротив, закинул ногу на ногу и положил руки на колени.

— Чтобы объяснить вам все происшедшее, мне придется начать с краткой истории нашей планеты — Арао...

— Значит, мы сейчас не на Сельме-II? — воскликнула пораженная Леа.

Хегедус кивнул:

— Вы сейчас находитесь на расстоянии в несколько тысяч световых лет от Сельма-II, в другой солнечной системе, на планете Арао. Как показали архивные исследования, наша планета была заселена одной из последних перед Распадом. Здесь поселились люди, бежавшие от надвигающихся войн. Наши предки желали жить в мире и для достижения этой цели избрали единственно верный путь — упорный труд, самопожертвование...

— Не возражаете, если мы сократим исторический экскурс и перейдем непосредственно к современной ситуации? — перебила его Леа. — Нам всем пришлось пройти через борьбу и самопожертвование.

— Конечно! Извините. Но вступление необходимо. Потерпите пару минут. Как я уже говорил, беглецы захватили два межзвездных крейсера, погрузили все необходимое и отправились в глубокий космос. Курс был известен только узкому кругу посвященных лиц. Наконец была обнаружена планета — плодородная, незаселенная и далеко за пределами колонизированной части Галактики. Так они попали на Арао, и с тех пор, каждый год, мы в Ополе празднуем День Поселения... — Он заметил нехороший взгляд Леа и ускорил рассказ. — Но не прошло и века с тех пор, как мы обосновались на самом плодородном из двух континентов нашей обетованной планеты, как внезапно разыгралась трагедия. Целый флот военных кораблей свалился на наши головы, это были остатки космической армады, разгромленной в битве. Они, как и мы когда-то, убегали от ужасов Распада. Возник конфликт, который унес мно-

жество жизней, принес неисчислимые страдания и разруху. Хотя наши противники были лучше вооружены, имели численное преимущество, в конце концов победил разум и взаимное уничтожение было остановлено, воцарился мир. Пришельцы согласились поселиться на Гонгонге, втором материке, расположенном в другом полушарии планеты. С тех пор мы так и жили.

Теперь перейдем к дням сегодняшним. Несмотря на то что мы разделили планету и жили достаточно мирно, известная напряженность в отношениях сохранялась. Мы, первопоселенцы, чувствовали себя в каком-то смысле побежденными и ограбленными и опасались, что в один прекрасный день гонгонгцы нападут опять и уничтожат нас окончательно. Хотя я и не одобряю политику Гонгонга в целом, но могу понять, почему они продолжали вооружаться. В конце концов, их было значительно меньше и они чувствовали себя виноватыми за вторжение. Но это уже история, перейдем, пожалуй, к сегодняшней ситуации...

— Давно пора, — буркнул Брайон.

— Потерпите, пожалуйста. Есть планета Арао, плодородная и благополучная. Теплый океан омывает два континента, населенные счастливыми потомками двух групп переселенцев. Все было бы прекрасно, если бы не те исторические события, которые я уже вкратце изложил. Именно по этим причинам военные бюджеты обеих стран достигли астрономических размеров, промышленность в основном производит оружие, а большую часть общества составляют военные. Война и угроза войны отравляли наше сознание. И война вполне могла разрушить этот рай, если бы не был изобретен дельта-преобразователь массы. Конечно, честь изобретения принадлежит ученым Ополе, но шпионы Гонгонга украли изобретение. И тем не менее ДПМ стал нашим спасителем, потому что отодвинул угрозу войны от нашей планеты.

— И подсунул этот подарочек другим людям! — воскликнул Брайон. — Я начинаю понимать, к чему вы клоните.

— Вы очень проницательны — хотя догадаться теперь совсем не трудно. ДПМ — это разновидность ССП, которым оснащены все межзвездные корабли. Корабли совершают прыжки в сверхсветовом про-

странстве. Мы осуществляем то же самое при помощи ДПМ...

— Но при этом вы можете обойтись без корабля — был бы только приемник, бакен, который возвращает материю в прежнее состояние! — Брайон хлопнул себя по лбу. — Эта черная колонна и есть дельта-бакен, установленный вашими людьми. Стоит кораблю установить такую штуку на сколь угодно далекой планете, и вы сможете обходиться без кораблей.

— Совершенно верно. Это был великий план. Корабли-разведчики отправились на поиски подходящей планеты. Наконец был обнаружен Сельм-II, идеальный театр военных действий. Огромные равнины для танковых батальев. Единственная форма жизни — примитивные ящеры, но наши боевые компьютеры запрограммированы так, чтобы ящеры не страдали. Людей нет...

— Ваши разведчики ошиблись, — поправила его Леа. — На планете есть люди!

Хегедус пожал плечами:

— Произошла небольшая ошибка.

— Для вас — возможно. Но не для тех бедолаг, которые гибнут ни за что ни про что в вашей безумной войне.

Пораженный внезапной догадкой, Брайон повернулся к Леа:

— Помнишь, мы обнаружили разрушенный рудник, который аборигены почитают как Святое Место? Теперь все понятно. Когда эти воинствующие подонки отправили на Сельм-II свою боевую технику, там был горняцкий поселок. Но эти нелюди так спешили затеять драку, что просто не заметили рудник, в результате прилетели бомбардировщики и разбомбили его. А те, кто выжил, учились жить рядом с чужой войной и преуспели в этом. Выжили. Но при этом образовалась тупиковая культура по типу концентрационного лагеря. Огонь под запретом — чтобы не привлекать внимания боевых роботов. Металл под запретом — его легко обнаружить. Никаких постоянных поселений — их легко уничтожить. Все, что мы узнали, напоминает кошмар. — Брайон повернулся к Хегедусу. — Вам придется за многое ответить.

Хегедус кивнул:

— Мы это понимаем. Изучив вашу память, мы узнали реальную обстановку на Сельме-II и, естественно,

сожалеем, что причинили столько зла местным жителям. К сожалению, время нельзя повернуть вспять. Что случилось, то случилось, тут уж ничего не поделаешь. Но мы гарантируем им мирное будущее. Приказ о полном прекращении боевых действий уже отдан. Война на Сельме-II окончена. Самолеты стоят на аэродромах. Боевая техника замерла навсегда. Не будут больше рваться бомбы, стрелять орудия...

— Очень мило с вашей стороны, — съязвила Леа. — Но как быть с бедными аборигенами? Вы хотите бросить их в том жутком состоянии, в которое они попали по вашей милости?

— Конечно. Мы бы могли предпринять определенные шаги, чтобы помочь им, если бы не присутствие ФОКУСа. Ваша организация достаточно богата и создана именно для этих целей. Я уверен, что аборигены только выиграют от вашего присутствия на планете.

— А вы тоже выиграете? — спросил Брайон. — Вы хоть понимаете, насколько разорительна и с экономической точки зрения безумна ваша бесконечная война?

— Что вы несете? — сердито воскликнул Хегедус, впервые утратив выдержку. — Вы говорите совсем как член партии Мира. Производство должно работать на потребителя, а не на войну; больше хороших товаров; свободные профсоюзы... Все это мы уже слышали. Грязная болтовня. Всякий, кто произносит такие речи, есть враг нашего общества и должен быть уничтожен. Партия Мира объявлена вне закона, ее членам — место в лагерях. Армия — мать свободы; потеря бдительности — преступление...

Он даже вспотел и, запыхавшись, умолк.

— Ой-ой-ой, — сладко пропела Леа, — мы, кажется, задели вас за живое. Похоже, люди начали уставать от дремучей военной тупости...

— Молчать! — вскричал Хегедус, вне себя от гнева. — Вы находитесь в военном учреждении. Хоть вы и не граждане нашей страны, но за предательские речи вас могут сурово наказать. Все, что вы говорили до сих пор, вам прощается по незнанию. Но предупреждаю: далее вас будут наказывать. Понятно?

— Понятно, — спокойно отозвался Брайон. — В дальнейшем мы постараемся воздержаться от высказывания собственных мыслей. Примите наши извинения. Мы не со зла, а по незнанию, уверяю вас.

Леа собралась было возразить, но вовремя сообразила, куда клонит Брайон, и промолчала. С ополоумевшим воякой спорить бесполезно. Такие, как он, воспринимают окружающий мир как большую казарму. Взвейтесь-развейтесь, за Родину и Отечество; пуля — дура, штык — молодец — и так без конца. Этим миром правят генералы, и они свои кресла добровольно не оставят. Тут-то до обоих и дошло, что на самом деле они — пленники. И попусту дразнить своих тюремщиков равносильно самоубийству. Слова Брайона прозвучали в унисон ее мыслям:

— Поскольку вы прекратили войну на Сельме-II, то, вероятно, продолжите ее где-нибудь еще?

Хегедус кивнул, достал из кармана платок и промокнул вспотевший лоб:

— По отчетам разведки уже выбрана другая планета. В настоящий момент воюющие стороны ведут переговоры на самом высоком уровне о том, какие шаги следует предпринять, чтобы перенести военные действия на эту планету.

— Значит, здесь мы больше не нужны, — заметил Брайон. — Я полагаю, нам следует вернуться на Сельм-II.

Хегедус глянул на него и отрицательно покачал головой:

— Вы останетесь здесь. Военные власти сейчас рассматривают ваше дело.

Глава 19

КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ

— Какое отношение к нам имеют ваши военные власти? — спросил Брайон.

Хегедус уже взял себя в руки.

— Перестаньте, Брайон. Минуту назад я вам все объяснил. Наша страна находится в состоянии войны. И живет по военным законам. Вы были арестованы в стратегической зоне, где пытались разрушить важный военный объект. Скажите спасибо, что мы цивилизованные люди и не пристрелили вас на месте.

— А меня почему задержали? — спросила Леа. — Ваши головорезы сначала обстреляли меня газовыми снарядами, а потом похитили. По-вашему, именно так поступают цивилизованные люди?

— Именно. Особенно когда вы шпионите в зоне боевых действий. Однако не будем ссориться. Считайте, что вы наши гости. Почетные гости, поскольку вы первые представители иных миров, ступившие на нашу планету. При всех политических разногласиях Гонгонг и Ополе полностью сходятся в одном вопросе. Это полный запрет на межпланетные контакты. Наши страны нашли здесь убежище от разрушительных войн времен Распада. Галактическое сообщество не может предложить нам ничего полезного.

— Войны закончились несколько тысяч лет назад, — вскричал Брайон. — Вы, часом, не рехнулись?

— Нисколько. Нас вполне удовлетворяет нынешнее положение. Нам ничего не нужно от остального мира. Однако внешнее влияние может создать трудности и вызвать к жизни вредные политические движения, которые могут разрушить нашу счастливую жизнь. Такая игра сулит нам только проигрыш. Поэтому мы проводим изоляционистскую политику. А теперь... извините меня; дела. Сержант!

Дверь тут же распахнулась, вошел сержант, грохоча тяжелыми ботинками, и встал по стойке смирно. Брайон сразу узнал это суровое лицо настоящего солдата. Это был тот самый сержант, который командовал захватившим его отрядом. Хегедус пошел к двери:

— Пока я не вернусь, с вами побудет сержант. Обращайтесь к нему по любым вопросам. Вы, должно быть, проголодались.

Упоминание о голоде повергло Брайона в такой шок, что он едва заметил, как Хегедус вышел из комнаты. Ощущение было такое, будто он не ел целую неделю. Последнее время он и не вспоминал о еде — но сейчас голод терзал его как дикий зверь, даже желудок грозно зарычал.

— Сержант, может, принесете нам поесть?

— Да, сэр. Чего бы вы хотели?

— Бифштексы на этой планете найдутся?

— Мы не дикари — конечно, найдутся. И даже пиво...

— На двоих, пожалуйста, — добавила Леа. — Прекрасно. Хотя на время можно забыть о сухом пайке.

Сержант кивнул и пробормотал что-то в нашлемный микрофон. Брайон чувствовал, как в желудке бурлит целый океан желудочного сока. Появился солдат с огромным подносом, поставил его на стол и исчез. Брайон и Леа набросились на еду.

— В жизни не ел таких бифштексов, — промывчал Брайон с набитым ртом.

— И пиво не хуже, — со вздохом добавила Леа, осушив стакан. — Вам бы надо возить сюда туристов с вегетарианских планет — показать им, что значит настоящая еда.

— Да, мэм, — ответил сержант, глядя прямо перед собой.

— Может быть, пивка? Присоединяйтесь, — предложил Брайон.

— На службе не могу, — ответил сержант, уставившись в стену.

— Сержант, а чем вы занимались до армии? — после первого штурма Леа деликатно расправлялась с остатками еды. Брайон искоса глянул на нее и одобритительно кивнул.

— Я в армии всю жизнь.

— А ваши родные? Тоже в армии — или бьются на трудовом фронте...

Вопрос прозвучал вполне невинно, но сержант был начеку. Он скосил глаза ровно настолько, чтобы одарить Леа свирепым взглядом, и опять уставился в стену.

— На службе посторонние разговоры запрещены.

Вот и весь разговор. Но от Леа было не так просто отделаться.

— Понятно. Но про войну-то можете рассказать? Какое участие лично вы принимаете в боевых действиях?

— Это военная тайна. Каждый житель Арао принимает участие в войне. И по телевизору каждый день показывают, целый день, очень интересно. Народ даже делает ставки. Очень увлекает.

— Могу себе представить, — сказал Брайон. Что-то он уже читал в одной книжке по древней истории, там было что-то о хлебе и зрелищах.

— Не подумайте, что я что-то вынюхиваю, если это военная тайна — можете не отвечать. Но интересно знать: неужели обе стороны используют одну и ту же линию ДПМ для доставки техники на Сельм-II? Ту самую, по которой меня сюда доставили?

Сержант сверлил его взглядом, не зная, на что решиться.

— Это не тайна. Стороны пользуются одной системой. Так удобнее следить за равновесием сил на театре военных действий.

— А что же мешает одной из сторон — противнику, конечно, — сделать засаду и уничтожить ваши войска в момент высадки?

— Нейтральная зона, сэр! Это знает всякий, кто смотрит телевизор. Кодированный радиосигнал блокирует все оружие в радиусе тридцати километров от дельта-бакена. Зона свободна от боевых действий.

— Теперь понятно, — сказал Брайон. — Когда я поднимался вверх по ущелью, то наткнулся на танк с порванной гусеницей. Но в остальном он был совершенно исправен. Танк навел на меня орудия, но так и не выстрелил. Это что — уже была нейтральная зона?

— Похоже на то, сэр. В радиусе тридцати километров оружие не стреляет. Больше никаких вопросов! — рявкнул сержант.

Разговор был окончен. Дальше обед проходил в полном молчании. А когда закончился — появился Хегедус. Сержант отдал ему честь, развернулся и вышел.

— Надеюсь, обед вам понравился...

— Довольно! — в голосе Брайона зазвучали сержантские нотки. — Хватит пустой болтовни. Говорите, что вы там решили.

Хегедус позволил себе маленькое удовольствие — прежде чем ответить, он подошел к креслу и сел. Затем закинул ногу на ногу, тщательно разгладил на брюках складку:

— Я принес хорошие вести. Вы причинили нам немало неприятностей и еще больше хлопот, но мы люди терпеливые. Мы не убиваем гонцов, приносящих дурные вести. Принято решение немедленно вернуть вас на Сельм-II. Там вы получите все ваше снаряжение, и служебная машина доставит вас на равнину, откуда вы сможете вызвать свой корабль. Это будет единственная действующая машина на планете, так что вам нечего опасаться. Как только вы покинете машину, ее тоже отключат. Дельта-бакен будет разрушен сразу после вашей транспортировки. На этом контакт с планетой Сельм-II закончится. Навсегда.

— Вы нас просто отпускаете? — Леа это потрясло, такого поворота событий она никак не ожидала.

— А почему бы и нет? Я же говорил — мы не дикари. Вы выполнили свой долг, а мы свой. Вы не причинили нам никакого зла — да уже и никогда не сможете.

— А если все-таки сможем? Допустим, мы известим галактическое сообщество о вашей планете и сюда прилетят отряды наших...

Хегедус холодно улыбнулся, заметив, как Брайон сокрушенно покачал головой:

— Не так это просто. Если не невозможно. В нашей Галактике миллионы, миллиарды звезд. Как мы обнару-

жим эту солнечную систему? У нас нет никакой зацепки — мы даже не видели солнца и не знаем, какого оно типа. У нас нет никаких шансов. Как только будет разрушен дельта-бакен, контакт с Арао прекратится. Навсегда. Если только они сами не захотят возобновить связь с сообществом.

— На это надеяться не стоит, — заметил Хегедус. — А в остальном все, что вы сказали, — истинная правда. Мы не хотим вашего вмешательства и никогда его не допустим. Как лицо официальное, я не хочу вспоминать о ваших подрывных речах в духе партии Мира — но как частное лицо, я прекрасно знаю ваши настрояния. Вашему псевдоблаготворительному ФОКУСу не удастся проникнуть на нашу планету и разрушить нашу счастливую жизнь. Мы не позволим вам подстрекать наших рабочих и диссидентов. Нам наша жизнь нравится. Мы не хотим ничего менять. Однако пора. Чем меньше вы будете знать, тем счастливее мы будем. Сержант!

— Сэр! — сержант в ту же секунду распахнул дверь.

— Приказываю вашему отделению немедленно доставить этих двоих в транспортную зону. И никаких разговоров с задержанными.

— Слушаюсь, сэр!

В отделении было восемь хорошо вооруженных солдат. Они с грохотом и топотом ввалились в комнату, под окрики сержанта выстроились в боевой порядок и взяли ружья на изготовку. До сих пор Леа сдерживалась, но топот и крики вывели ее из себя:

— Идиоты! Вы самые тупые...

— Молчать! — зарычал сержант и потащил ее к двери, держа на мушке Брайона, который инстинктивно рванулся на помощь. — Выполняйте приказы и все будет хорошо. Вперед... марш!

Оставалось только подчиниться. Брайон взял Леа за руку и почувствовал, что она вся дрожит, — от ярости, понятно, не от страха. Он чувствовал то же самое. Полное отчаяние. Как бы ни хотелось, изменить уже ничего нельзя. Их отправят на Сельм-II. Живыми или мертвыми. А безумная война будет продолжаться, пока не истощатся ресурсы планеты.

Они шли, и каждый шаг гулко отдавался в длинном металлическом коридоре. Четыре солдата впереди и

четыре сзади. Сержант, зловещий Цербер, держался на шаг позади.

— Неужели ничего нельзя сделать?! — в отчаянии воскликнула Леа.

— Ничего. Не терзайся попусту. Мы сделали все, что могли. Война на Сельме-II окончена, население планеты будет взято под опеку.

— А как же население этой планеты? Неужели жизнь этих людей будет навсегда отравлена военным кашмаром?

— Не разговаривать! — рявкнул сержант так громко, что заболели уши. — Слушать мою команду! Смотреть только вперед! Пошевеливайтесь!

И снова заговорил, но на этот раз тихим шепотом, едва различимым за грохотом ботинок:

— Мы не все такие, как Хегедус. Он генерал. Он вам этого не скажет. У нас в армии шесть тысяч генералов. И зарабатывают они побольше, чем сержанты. Не оборачивайтесь, иначе мы пропали. Ваша комната прослушивалась, и я все слышал. В коридоре микрофонов нет. Осталось несколько секунд. Людям, вроде меня, приходится идти либо в армию, либо на завод. И никакого мяса. Вы ели генеральские бифштексы. Это надо прекратить. Может, вы сможете нам помочь. Расскажите о нашей беде. Объясните им, что нам нужна помощь. Очень.

В конце коридора показалась большая дверь, которую охраняли двое солдат.

— Слушайте, — прошептал сержант, — Брайон Брандд, повернитесь ко мне и скажите что-нибудь, прежде чем мы войдем в эту дверь. Я вас толкну. Держите руку на уровне груди... дайте!

Брайон сделал шаг, другой. Чего он хочет? Может, это ловушка Хегедуса? Они уже были возле двери. Может, все это придумано для того, чтобы погубить их?

— Давай же! — прошипела Леа. — Давай, или я сама это сделаю!

— Вы не имеете права вышвыривать нас с планеты таким образом! — вскричал Брайон, обернувшись.

— Закрой пасть! — заорал сержант и с такой силой ударил Брайона в грудь, что тот повалился на спину. — Поднимите его. Тащите внутрь! Женщину тоже!

Грубые руки подхватили их, протащили сквозь дверь в огромное помещение и бросили на помятый металлический пол. Солдаты отступили, подняли винтовки.

— Надевайте, — приказал сержант, когда техники принесли черные скафандры.

Они молча оделись, застегнулись, опустили щитки. И вот они остались одни на металлической платформе. Брайон поднял на прощание руку, и тут...

Светило солнце, они стояли на скале. Раздался взрыв. Брайон резко обернулся — дельта-бакен превратился в груды дымящихся обломков. Он выбрался из скафандра и помог Леа.

— Что произошло? — спросила она, как только освободилась от шлема.

— Вот что он мне дал, — ответил Брайон, медленно разжав руку.

У него на ладони лежал скрученный клочок бумаги. Он медленно развернул его и, увидев ряд наспех нацарапанных цифр, улыбнулся.

— Я догадываюсь, что это такое, — сказала Леа.

— Правильно, галактические координаты. Положение звезды относительно навигационного центра. Звезда, солнце...

— Вокруг которого вращается планета Арао! Теперь сотрудникам ФОКУСа придется потрудиться, чтобы создать социальную систему, при которой людям на Арао будет жить легче, чем сейчас.

— Тут любое изменение будет во благо. Я хочу сам заняться этим делом. Для меня это будет наслаждением.

— Ты хотел сказать «для нас»? Конечно, на это уйдут годы, но я обещаю быть терпеливой. Потому что мне очень хочется посмотреть на физиономию Хегедуса, когда мы войдем к нему в кабинет.

Солнце висело над ущельем, его лучи играли на блестящей обшивке небольшой машины на гусеничном ходу. Когда они подошли, двигатель заурчал, машина мягко задрожала.

— Последняя машина на планете, — с этими словами Брайон захлопнул дверцу, и они покатали вперед.

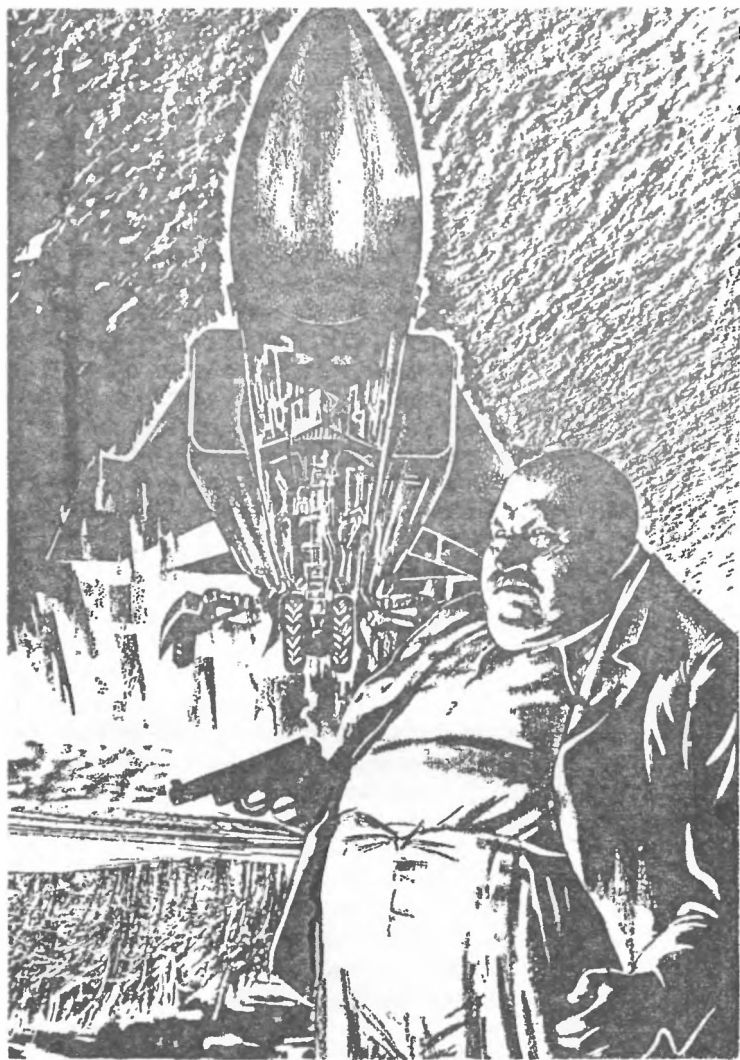
На одном из сидений лежала коробка с экипировкой. Все было в целости и сохранности. Леа вынула передатчик и вручила его Брайону:

— Вызывай шлюпку. Да поскорее, хочется, чтобы она нас уже ждала, когда мы выберемся из этого

проклятого ущелья. Я по горло сыта этой планетой — да и другой тоже.

Когда ущелье выплеснулось на равнину, их взорам предстала серебряная игла космошлюпки. Машина остановилась, двигатель смолк.

Впервые за несколько веков стих шум сражений. Война закончилась.

**ВРЕМЯ ДЛЯ
МЯТЕЖНИКА**

Глава 1

Главная Окружная дорога бетонным кольцом опоясывает столицу Соединенных Штатов Америки. Шестью рядами широко разливается она среди лесов Вирджинии, захватывает спальные кварталы Александрии и через Потомак перебрасывается в Мэриленд. Здесь, на сравнительно дешевой земле, оседают правления фирм и бездымные заводы, вдруг вырастающие на лесных просеках по сторонам дороги. Примерно в этих местах отходит от Окружной на боковую магистраль съезд 42. И как раз перед стоп-знаком остановки уходит за деревья проселочная одnorядка.

У дорожного знака старый «понтиак» свернул на проселок. За первым же поворотом стоял большой белый дом без окон. Водитель не обратил внимания ни на дом, ни на знак, приглашающий в Лабораторию номер два компании «Уикс электроникс». Водитель направился дальше по дороге, пока здание не скрылось из виду, и лишь затем свернул на поляну и заглушил двигатель.

Водитель вышел из машины и аккуратно, без щелчка, закрыл дверцу. Встав спиной к радиатору, он посмотрел на часы, явно равнодушный к первым проблескам багрянца и золота в листве осеннего леса. Им владела какая-то мысль, и она привлекала его внимание к часам. Случись здесь наблюдатель, он увидел бы высокого мужчину ростом чуть больше шести футов, с не слишком

привлекательным лицом, которое портил чересчур острый нос. Однако этот дефект с лихвой искупался ровным загаром кожи и благородной сединой на висках, придававшими незнакомцу вполне достойный вид. Он сосредоточенно глядел на часы. Одет он был в неопределенного вида плащ, темно-синие брюки и черные ботинки.

Наконец человек удовлетворенно кивнул, нажал кнопку на часах, повернулся и пошел между деревьями. Двигаясь быстро, но бесшумно, он дошел до поваленного бурей дуба — поваленного совсем недавно, ибо листья его только начали вянуть. Здесь человек припал к земле и прополз под прикрытием дерева не меньше пятнадцати футов. Потом он поднялся на ноги и поспешил вперед.

Через двадцать ярдов лес обрывался узкой, глубокой, заросшей травой канавой, окружавшей фундамент ограды. За оградой начиналась парковая лужайка с редкими деревьями, сквозь листву которых проглядывал угол здания «Уикс электроникс». Человек спустился в канаву — и быстро выбрался из нее под защиту деревьев. Минутой позже с другой стороны вдоль ограды прошел охранник в униформе с немецкой овчаркой на коротком поводке. Едва они скрылись из виду, человек поспешил вдоль канавы, натягивая на ходу пару кожаных перчаток. Не останавливаясь, он вскарабкался на ограду, балансируя на самом верху под двойной полосой колючей проволоки. Он согнул колени, удерживая равновесие вытянутыми руками, потом мягко перепрыгнул через проволоку на другую сторону и рванул к ближайшей группе деревьев. Но не успел. Откуда-то вынырнул джип и, разрывая шинами дерн, резко затормозил перед бегущим. Охранник, сидящий рядом с водителем, поднял карабин и наставил его на чужака. Тот остановился и поднял голову. Охранник молча смотрел, как высокий человек медленно вскинул руку, взглянул на часы и нажал кнопку.

— Шесть минут девять и три десятых секунды, Лопес.

Охранник равнодушно кивнул и опустил оружие:

— Да, полковник.

— Плохо, черт побери, совсем плохо. — Человек уселся на заднее сиденье джипа. — Поехали в караулку.

Они объехали здание лаборатории, направляясь к низкому строению, не видимому с дороги. Возле дома

стояли люди в униформе. Они молча смотрели, как подъехал джип, и седой охранник с нашивками сержанта выступил вперед. Из джипа вышел полковник и показал на часы:

— Ваше мнение по поводу шести минут девяти и трех десятых секунды, в течение которых я шел незамеченным по лесу от дороги до объекта?

— Мне это не нравится, полковник Мак-Каллох, — ответил сержант.

— И мне тоже, Гринбаум, мне тоже. Я уже был на полпути к лаборатории. Нарушитель мог многое успеть за это время. У вас есть что сказать?

— Ничего, сэр.

— Вопросы есть?

— Нет, сэр.

— Совсем нет? Вас не интересует, как я прошел до самой ограды необнаруженным?

— Интересует, сэр.

— Отлично, — полковник Мак-Каллох кивнул, словно разговаривал с дебильным ребенком. — Но ваш интерес несколько запоздал, сержант. Ровно на одну неделю, если быть точным. Именно тогда я обратил внимание, что свежеповаленное дерево блокирует часть поля зрения одной из дистанционных телекамер. Ровно неделю я ждал, пока вы или кто-нибудь из ваших людей это заметите. Не заметил никто. Поэтому я и устроил эту демонстрацию дыры в вашей охране.

— Я обеспечу ее ликвидацию, полковник...

— Не вы, Гринбаум, а кто-нибудь другой. Вы лишаетесь своих нашивок, ваше жалование соответственно уменьшается, а в ваше личное дело будет записан выговор...

— Не будет, Мак-Каллох. Плевал я на эту работу. Все, я смываюсь.

Полковник кивнул:

— Совершенно верно. Вы именно смываетесь, как дезертир. На службу вам наплевать. Прослужить в армии двадцать лет и вот так...

— Это я дезертир? Не вешайте мне лапшу, полковник! Извините за выражение. — Гринбаум, вне себя от злости, сжал кулаки. — Не на службу мне плевать, а штабных вонючек я видеть не могу. Вы главный в службе безопасности этой лаборатории, а значит, вас прежде всего должна интересовать безопасность. А вы

из мелкой пакостности целую неделю молчите о дыре в охране. Мы должны работать вместе, а не играть в индейцев и разведчиков. Играйте без меня.

Он повернулся и широко зашагал прочь. Полковник молча смотрел ему вслед. И только когда сержант скрылся из виду, обратился к молчавшим охранникам:

— Письменный рапорт о происшедшем от каждого. Утром ко мне на стол. — Он махнул рукой Лопесу, приказывая ему выйти из джипа, и занял его место. — К моему автомобилю, — сказал он водителю и повернулся к охранникам: — Зарубите себе на носу, незаменимых среди вас нет. Кто залупится, как Гринбаум, — вылетит следом за ним.

В джипе Мак-Каллох ни разу не оглянулся.

Пока джип, доставив Мак-Каллоха, разворачивался, полковник снял плащ и положил его в багажник своей машины. Под плащом был мундир без знаков различия и орденских планок, но с серебряными орлами на плечах. Из багажника полковник достал берет, плотно надвинул его на уши, вынул черный дипломат и захлопнул крышку багажника. Несколько минут спустя он уже ехал по бульвару Мак-Артура, направляясь в город.

Поездка была недолгой. Через несколько минут автомобиль въехал на стоянку филиала окружного банка в большом торговом центре. Мак-Каллох запер автомобиль и вошел в банк, прихватив с собой дипломат. Визит был кратким. Не прошло и десяти минут, как он вернулся к своей машине — под пристальным наблюдением человека из черной «импалы», припаркованной через два ряда. Человек в «импале» поднес к губам микрофон:

— «Дорога-1» к «Дороге-2». Джордж уезжает со стоянки и сворачивает к югу, на Мак-Артура. Принимай его. Прием.

— Принимаю. Конец связи.

Человек положил микрофон и вышел из машины. Это был тощий блондин в непримечательном сером костюме, в белой рубашке с темным галстуком. Он пересек вестибюль наискосок и остановился перед секретаршей.

— Моя фамилия Рипли. Мне нужно видеть менеджера. Я бы хотел поговорить с ним о возможных инвестициях.

— Разумеется, мистер Рипли. — Девушка сняла трубку. — Я узнаю, свободен ли мистер Брайс.

Менеджер встал навстречу посетителю и пожал ему руку через стол.

— Рад быть полезным вам, мистер Рипли. Чем могу служить?

— Государственное дело, сэр. Будьте любезны, взгляните на мое удостоверение.

Из нагрудного кармана он достал книжечку в кожаном переплете. Брайс посмотрел на золотое тиснение удостоверения, на пластиковую карточку в окошке и кивнул.

— Итак, мистер Рипли? Чем могу быть полезен Федеральному бюро расследований?

Он сделал движение, намереваясь вернуть документ, но агент его остановил.

— Я бы просил вас проверить подлинность удостоверения, сэр. Полагаю, у вас есть телефон для таких случаев.

Брайс кивнул и открыл верхний ящик стола.

— Да, есть. Однажды я им уже пользовался. Минутку...

Менеджер набрал номер и назвал себя абоненту на другом конце линии. Потом прочел вслух номер удостоверения и прикрыл микрофон рукой.

— Они хотят знать, по какому делу.

— Скажите им: расследование «Джордж».

Менеджер повторил эти слова, кивнул и повесил трубку, затем протянул агенту ФБР его удостоверение.

— Я получил указание сотрудничать с вами и предоставить в ваше распоряжение всю имеющуюся у нас информацию об одном из наших клиентов. Но должен заметить, что этим нарушаются все обычные...

— Я это понимаю, мистер Брайс. Но в данный момент вы принимаете участие в чрезвычайно важном расследовании, связанном с вопросом безопасности. Если вы отказываетесь от сотрудничества, я обязан обратиться к вашему начальству...

— Нет, вы не поняли! Я не это имел в виду. Разумеется, я готов сотрудничать. Я просто хотел сказать, что информация о клиентах всегда строго конфиденциальна — при нормальном ходе событий. Но, конечно, вопросы национальной безопасности — это совсем другое дело. Так чем я могу вам помочь?

Брайс прервал сбивчивую речь, машинально достал носовой платок и вытер вдруг вспотевший лоб. Агент, без малейшего намека на улыбку, кивнул:

— Понимаю вас, мистер Брайс. Надеюсь, и вы понимаете, что в силу вашего добровольного согласия на сотрудничество вы по закону несете ответственность за разглашение содержания наших переговоров и даже просто за упоминание о них.

— В самом деле? Я не знал, но, конечно, я ни одной живой душе не скажу.

— Прекрасно. Итак, несколько минут назад из вашего банка вышел человек, совершивший некую сделку. Его имя — Уэсли Мак-Каллох, он полковник армии Соединенных Штатов. Нет, не записывайте. Это легко запомнить. Вы найдете банковского работника, который его обслуживал, и принесете сюда записи о сделке или сделках этого полковника. О причине своего интереса вы не скажете никому.

— Разумеется!

— Мы ценим вашу добрую волю, мистер Брайс. Если вы не возражаете, я подожду вашего возвращения.

— Да, конечно, будьте как дома. Я ненадолго.

Меньше чем через пять минут менеджер вернулся с папкой в руке. Он тщательно закрыл и запер дверь и раскрыл папку:

— Полковник Мак-Каллох совершил покупку...

— Он платил чеком или наличными?

— Наличными. Купюрами большого достоинства. Он покупал золото и платил наличными. Восемь тысяч пятьсот тридцать два доллара. Золото он забрал с собой. Это та информация, которую вы хотели получить, мистер Рипли?

— Да, мистер Брайс. Это именно то, что я хотел узнать.

Глава 2

Сержант Трой Хармон ехал в метро от Пентагона, ломая голову, что бы могло скрываться за его новым назначением. Второпях ему абсолютно ничего не сказали. Кроме того, что ему надлежит как можно скорее прибыть по указанному адресу на Массачусетс-авеню возле станции метро «Юнион». Транспортные средства не предоставляются.

Он ехал в метро, поглядывая на тяжелый запечатанный пакет в руках. Его собственное личное дело, история девяти лет в армии. Награды, продвижения по службе, проступки, заключение из Фицсиммонского госпиталя, где из его спины вынимали шрапнель. Два года во Вьетнаме без единой царапины, и надо же — хороший подарок от собственной батареи поддержки. Орден «Пурпурное сердце» из куска детройтской стали. Перевод в военную полицию, затем в G2 — военную разведку. Все документы здесь. Интересно бы на них взглянуть. И совершить служебное самоубийство, вскрыв пакет.

А что, интересно, за организация на Массачусетс-авеню? Все тайные организации, начиная от ЦРУ в Лэнгли, были ему известны. Но об этой он не слышал. Доложить мистеру Келли. Кто такой, прах его возьми, мистер Келли? Ладно, хватит. Все равно это скоро выяснится. Он посмотрел, какая станция следующая (Макферсон-Сквер), потом опустил глаза вниз как раз

вовремя, чтобы перехватить взгляд сидящей напротив девицы. Она быстро отвела глаза. Лисонька — так в их школьной компании называли ярко-рыжих девиц. Она опять на него взглянула, и он выдал ей улыбку с рекламы зубной пасты: растянул губы, и белоснежные зубы ярко засияли на фоне темно-коричневой кожи. В этот раз она вздернула носик и фыркнула, отвернувшись.

Ну и ладно. Он улыбнулся еще шире. Неужто она не поняла, чего не хватает ее костюму? Пяти футов десяти дюймов красивого и хорошо сложенного солдата.

Поезд затормозил на станции «Центр». Трой оказался во главе толпы, ринувшейся к эскалатору перехода на «Красную линию». Он въехал в грот с рассеянным светом, напоминавший скорее фантастический ангар для звездолетов, чем вестибюль метро. По сравнению с ним старуха «Индепендент» в Нью-Йорке выглядела грязной дырой. Каковой и была.

Наслаждаясь прохладным осенним воздухом, он шагивал по Массачусетс-авеню и разглядывал номера. Вот и он, высокий кирпичного цвета дом, как раз на углу Джерси-стрит. Ни названия, ни таблички. Он поднялся по ступенькам и нажал полированную медную кнопку, заметив над ней миниатюрную телевизионную камеру. Дверь загудела, и он оказался перед второй дверью шлюза, которая не открылась, пока не закрылась первая. Очень грамотно. И вторую телекамеру тоже не забыли.

За второй дверью оказался мраморный пол вестибюля, а в дальнем его конце — стол. За столом сидела ничего себе рыжая девица в слишком тугом свитере. Заслышав клацанье его каблучков, она подняла голову и улыбнулась:

— Чем могу служить?

— Сержант Хармон. По вызову мистера Келли.

— Прошу вас, сержант Хармон. Присядьте на минутку, я ему сообщу, что вы прибыли.

На слишком мягком и глубоком диване сидеть было неудобно. На журнальном столике лежал экземпляр «Форчун» и экземпляр «Джет». Интересно, это специально для него положили или нет? Фотографии с большого приема в отеле «Тереза». Покусанные крысами дети в трущобах. Для него это был другой мир. Он вырос в Квинсе, улица Южная Ямайка, — чистый, без-

опасный район для среднего класса, добротные дома и зеленые деревья. О Гарлеме * он знал примерно столько же, сколько об обратной стороне луны.

— Мистер Келли вас ждет.

Он бросил журнал на стол, взял пакет и вслед за покачивающей бедрами секретаршей вошел в соседний кабинет.

— Заходите, сержант Хармон. Рад познакомиться. — Келли вышел из-за стола, протягивая Трою руку. По произношению слова «Хармон» было ясно, что он из Бостона. По элегантной тройке можно было предположить и Бэк Бэй, и Гарвардский университет. — Спасибо, пакет я возьму.

Келли взял пакет с личным делом и положил его на лежавшие на столе папки, постучал, подравнивая, по краям стопки, пока она не стала безупречно ровной. Выполняя эту важную работу, он глядел на сержанта, одновременно анализируя свои впечатления. Меньше тридцати, хороший послужной список, — это понятно по орденским планкам даже без личного дела. Не слишком высокий, но крепко сложенный. Челюсть как камень, лицо без выражения. Глаза черные, непроницаемые. Сержант Трой явно был профессиональным солдатом и отлично владел собой.

— Вы получили временное назначение к нам из G2 в связи с вашими специальными знаниями, — сказал Келли.

— Какими именно, сэр? Я снайперски стреляю из винтовки М-16.

— Дело абсолютно не в этом. — Келли впервые улыбнулся. — Мы полагаем, что вы много знаете о золоте. Это так?

— Да, сэр.

— Отлично. Именно эти конкретные знания будут нам наиболее полезны, поскольку мы в КССС по большей части являемся штабными работниками. Оперативных же работников нам предоставляют другие секретные службы. — Он посмотрел на свой «ролекс». — Через несколько минут вы увидите с адмиралом Колонном, и он объяснит вам детали операции. Сейчас у вас есть вопросы?

* Квинс и Гарлем — районы Нью-Йорка. — *Примеч. ред.*

— Нет, сэр. Я слишком мало знаю о том, что здесь у вас происходит, чтобы задавать вопросы. Мне дали адрес и велели доставить сюда мое личное дело. Вы сейчас назвали этот отдел буквами КССС. Мне неизвестно даже значение этого сокращения.

— Это вам тоже объяснит адмирал. Моя работа — только поддержание связи. Все ваши рапорты будете подавать мне. — Он что-то быстро написал на листке бумаги и протянул через стол. — Это мой круглосуточный номер. Расходы записывайте и подавайте мне отчет раз в неделю. Необходимую помощь или специальное оборудование также заказывайте через меня. Адмирал введет вас в курс операции. Ее кодовое название — «Джордж».

Келли побарабанил пальцами по столу, раздумывая, продолжать или закончить. Потом сказал:

— Адмирал — старый морской волк, кончил Аннаполис*, служит очень давно. Вы понимаете, что это значит?

— Нет.

— Полагаю, знаете, сержант. Когда он был на службе, во время второй мировой войны, чернокожих называли неграми и не допускали на флот. Только в качестве... э-э... вспомогательного состава.

— Назовем это «галюнщиками», мистер Келли, потому что так это называлось. И мой отец тоже был тогда в армии, спасая демократию для мира. Только в армии была сегрегация, и поскольку черным не доверяли носить оружие, они водили грузовики и копали траншеи. Но это было давно.

— Для нас — может быть. Будем надеяться, что для адмирала тоже. Но наш отдел — на сто процентов белые англосаксы-протестанты. Вряд ли это случайно... Я, может быть, слишком много говорю, сержант.

Трой улыбнулся:

— Я понимаю вашу мысль, мистер Келли. Но я твердо верю в работников полевой разведки. Насчет адмирала я спокоен.

— Это правильно. Он хороший человек. А работа эта дьявольски важная. — Келли взял папку и встал. — Сейчас мы к нему пройдем.

* Аннаполис — Высшая академия ВМФ США. — *Примеч. ред.*

В большой зал для совещаний грохот Массачусетс-авеню доносился лишь слабым гулом. На окнах тяжелые портьеры, вдоль стен от пола до потолка книжные полки. Адмирал за большим столом красного дерева тщательно набивал табаком антикварную трубку. Его лицо покрывал загар, а голова была почти лысой. Гладкий, без морщинки синий мундир с впечатляющими рядами орденов. Он показал Трою на стул напротив себя, кивнул, когда Келли положил перед ним папку, зажег деревянную спичку и стал раскуривать трубку. Пока Келли не вышел и не закрыл дверь, адмирал не произнес ни единого слова.

— Вы командированы к нам из военной разведки из-за ваших специальных знаний, сержант. Прошу вас рассказать мне о золоте.

— Это металл, адмирал, очень тяжелый, и высоко ценится людьми.

— Это все? — Адмирал Колонн нахмурился. — Вы пытаетесь проявить остроумие, сержант Хармон?

— Нет, сэр. Я говорю правду. Золото широко применяется в промышленности, но любят его не за это. Его покупают, крадут и прячут, поскольку у него очень высокая цена. Мы, западные народы, рассматриваем его как товар, но в остальной части мира его считают наилучшим вложением капитала — более надежным, чем банки или акции. Цена легально купленного здесь золота удваивается, если его контрабандно переправить в другую страну, — скажем в Индию. Вот поэтому мне и пришлось им заниматься. Военнослужащие армии США находятся во многих странах, а соблазн сорвать шальные баксы на продаже золота настолько велик, что не каждый может ему противиться.

Адмирал кивнул:

— Ладно, с этим ясно. А о каких промышленных применениях вы говорили? Кроме ювелирных изделий, на что оно еще идет?

— Электроника. Легко обрабатывается, не окисляется, не ржавеет и хорошо проводит ток. Золотом покрывают контакты компьютеров. В оконных стеклах добавка золота регулирует количество пропускаемого света...

— И все это не имеет ни малейшего отношения к нашему случаю! — Адмирал хлопнул по лежащей перед ним папке. — Мы интересуемся причиной, по ко-

торой некий полковник армии США покупает много золота. Я знаю, это вполне легально, но все равно хочу знать — почему.

— Можно спросить, сколько это «много», сэр?

— Чуть больше ста тысяч долларов по цене на вчерашний день. Вы знаете, что значит КССС?

Трой воспринял неожиданную перемену темы без комментариев.

— Нет, сэр, не знаю. Мистер Келли сказал, что я узнаю это от вас.

— «*Quis custodiet ipsos custodes*». Знаете, что это значит?

— Должен знать. После двух лет латыни в колледже. Дословный перевод — «Кто сторожит самих стражей»?

— Правильно. Кто должен проверять проверяющих? Эта проблема существует очень давно — иначе не было бы латинской поговорки. Кто-то должен следить, чтобы полисмен не брал взятку. И тем более кто-то должен следить за теми, кому доверена безопасность нации. Вот мы это и делаем. В этом смысл существования нашего агентства. Вы должны понять, что наша работа жизненно важна для безопасности этой страны. И, не преувеличивая, скажу, что она важнее любых других операций по безопасности. Мы не можем позволить себе ошибиться, потому что играем за вратаря и наши ошибки исправлять некому. Окончательная ответственность за безопасность страны лежит на нас, поскольку мы наблюдаем за всеми остальными спецслужбами. Вот почему я утвердил ваше назначение к нам. В вашем послужном списке есть три пункта, которые мне понравились. Первое: вы работали с золотом. Второе: у вас допуск высшей категории. Что третье — можете догадаться?

Трой медленно кивнул:

— Думаю, что да. Очевидно, то, что я стукнул на своего непосредственного начальника, когда поймал его на взятке?

— Именно это. Большинство солдат просто отвернулось бы в другую сторону. Вы рассчитывали на какое-то вознаграждение за свой поступок?

— Нет, адмирал, не рассчитывал. — Трой старался сохранить контроль над собой, и ему это удавалось. — Если я и ждал чего-нибудь, то прямо противоположного.

Я отлично понимаю, что в армии не любят стукачей, особенно когда солдаты стучат на офицеров. Но случай был особый. Если бы он прикарманил денежки офицерского клуба или толкнул налево списанный хлам, я бы сначала два раза подумал. Но мы были отделом военной полиции и с ног сбивались, стараясь очистить казармы от наркотиков. И дело было не в травке или колесах, или, там, маковой соломке, мы имели дело с крепкой дурью — с героином, и черт его душу знает, через какие ворота он шел в казармы. Так вот, когда я узнал, что мой непосредственный начальник, ответственный за пресечение потока наркотика, берет хабар с толкача, продавца то есть, я понял, что в самый раз, хватит. — Трой холодно улыбнулся. — Когда я о нем слышал последний раз, он все еще сидел в Ливенворте. Из отдела меня выперли, и я этого ждал, а вот чего я не ждал, так того, что меня повысят на два звания и переведут в G2.

— Это была моя работа. Так распорядился я, не считаясь с некоторыми вашими офицерами, которые собирались сделать именно то, чего вы ожидали. Ставьте десять к одному, что военный поступит так, как подсказывает ему рефлекс, — и вы своих денег не потеряете. Вот с тех пор я держу вас под наблюдением. Поскольку люди вроде вас попадают достаточно редко.

Он поймал выражение лица Троя и улыбнулся:

— Нет, сержант, это не попытка лести, а чистая правда. Я имею в виду, что ценю людей, которые присягу ставят выше личных отношений или карьеры. Вы нам нужны. Я надеюсь, что по окончании этой операции вы поразмыслите о постоянном переводе к нам. Но это в будущем. Теперь же я хотел бы привлечь ваше внимание к операции под кодовым названием «Джордж».

Он вынул из папки стопку бумаг и перелистал их:

— Операция «Джордж» начиналась как рутинная проверка. Такие проверки проводятся регулярно и постоянно относительно всех служащих с высоким допуском. Объектом данного конкретного расследования является полковник армии Соединенных Штатов по имени Уэсли Мак-Каллох. Отличный послужной список и допуск первой категории. Не женат, но и не монах. Поддерживает форму, лыжи зимой, серфинг летом. Имеет небольшой дом в Александрии и еще несколько

тысяч для выплаты процентов по закладной. Все это совершенно ординарно и ничем не примечательно.

— Кроме того, что полковник покупал золото.

— Верно. Это началось недавно, чуть больше полугода назад. У него тогда были некоторые сбережения в привилегированных акциях и еще кое-что на банковском счете. Он все это обратил в наличность и купил золото. Продал еще некоторое имущество, полученное в наследство. Мы оба знаем, что это все вполне легально. Но я все равно хочу знать — зачем.

— Разрешите мне посмотреть документы, адмирал?

Трой быстро, но методично перелистал дело и положил его на стол.

— Здесь нет даже упоминания о службе полковника.

— И не должно быть. Агенты ФБР, составлявшие этот доклад, знали только то, что должны были знать. Мак-Каллох отвечает за безопасность одной из наиболее важных и секретных лабораторий. Его работа безупречна — он профессионал высочайшего класса. Здесь к нему нет претензий. Нас волнует золото. Это дело, как бы это сказать...

— Выглядит не совсем чистым?

— Верно. Считайте, что у меня взрыв интуиции, приступ паранойи или что угодно. Но это слишком необычная вещь и единственный необычный поступок полковника Мак-Каллоха за всю его жизнь. И ваше задание состоит в том, чтобы выяснить, зачем он покупает золото.

— Я это сделаю, адмирал. Я сам заинтригован. Не вижу никаких разумных причин для подобного поступка. По крайней мере, законных причин.

— Вы считаете, что здесь что-то незаконное?

— Я пока ничего не считаю, адмирал. Не признаю предвзятых мнений. Прежде надо собрать конкретный фактический материал.

Глава 3

Небо хлестало тропическим ливнем. Несмотря на конец октября, воздух был парной и душный, — одна из причин, по которой Вашингтон имел прозвище «Туманная дыра» Трой Хармон сидел за рулем «понтиака», откинувшись на сиденье и надвинув на глаза шляпу. То, что эта шляпа, как и плащ, в точности походила на те, в которых полковник Мак-Каллох вышел из дому полчаса назад, не было случайным совпадением. Полковник ездил на старом «понтиаке» того же цвета и года выпуска, что и Трой. Сквозь стук дождя по железной крыше еле пробился звук радиотелефона. Трой поднял трубку и нажал рычажок.

— Джордж Бейкер слушает.

Телефон заверещал:

— Джордж паркуется на обычном месте, на стоянке.

— Спасибо. Конец связи.

Трой включил зажигание. Подготовка велась четыре дня, медленно и методично. Ошибки исключались. Он никогда не начинал действовать, пока не был готов полностью. Теперь начиналась следующая часть операции. Все подробности суточного и недельного распорядка жизни полковника Мак-Каллоха были в докладах ФБР. Трой их тщательно изучил, и теперь он знал, как лучше использовать имеющиеся возможности. ФБР снабдило его гостевым билетом спортивного клуба, в котором полковник три раза в неделю играл в сквош. Трой

там побывал, и, чтобы открыть шкафчик полковника и снять слепки с ключей, понадобилось не более минуты. Сейчас, когда он ехал по трехрядной улице, дубликаты лежали у него в кармане. В автомобиле из-за открытых окон душно и жарко — зато стекла хорошо запотели, и снаружи ничего не было видно, хотя приходилось постоянно протирать ветровое стекло. Свернув к дому полковника, Трой нажал на кнопку дистанционного управления, настроенного теперь на частоту гаражного замка Мак-Каллоха. Ворота открылись, и Трой въехал внутрь. Любой случайный наблюдатель решил бы, что полковник просто вернулся домой. Поскольку у полковника среди соседей не было ни друзей, ни знакомых, было мало шансов, что об этом незапланированном визите ему станет известно. Трой подождал, пока за ним закроется дверь, и только тогда вышел из машины. Плащ и шляпу он оставил на сиденье, пристегнул радиотелефон к поясу и взял дипломат. Света он зажигать не стал, а достал из кармана куртки фонарик.

Сигнализация находилась рядом с дверью, ведущей из гаража в дом. Техники из КССС пометили ключ от нее и объяснили, как им пользоваться. Вставить, повернуть на полный оборот по часовой стрелке, затем вынуть. Он так и сделал. Голубая лампочка на коробке погасла. При выходе придется повторить в обратном порядке. Ключ к входной двери он подобрал со второй попытки, отпер дверь и собирался потянуть ее на себя. Но остановился.

Слишком просто. Уж если полковнику было что прятать, неужто он ограничился бы сигнализацией от воров?

Трой посветил фонариком на верхний край двери, затем вдоль всего косяка. Вроде бы ничего. Но ведь можно вложить в дверную щель клочок бумажки, который выпадет, если дверь откроют. Он наклонился — так оно и есть.

Обгорелая спичка. Как раз под дверной петлей, кончик хорошо виден. Отлично. Он нагнулся ниже. Оставленная спичкой бороздка была ясно различима. Когда он уйдет, спичка опять ляжет в эту бороздку.

Он широко распахнул дверь и вошел. Холл был прохладный и тихий. В дальнем конце дверь открыта в кухню.

Времени было навалом.

Использовать его следовало с толком, без промедления, но ни в коем случае не торопясь. Мак-Каллох появится в доме не раньше восьми вечера. За ним следят, и если у него изменятся планы, будет достаточно времени, чтобы спокойно уйти.

— Теперь, полковник, — сказал Трой, оглядывая комнату, — разберемся, что за колесики у вас вертятся внутри.

Он снял куртку и повесил ее на кухонный стул, потом расстегнул воротник и ослабил галстук. Кухонный стол чистый и полированный. Трой расстелил на нем носовой платок, достал из дипломата термос с кофе, налил себе чашку и поставил термос на платок. Отхлебывая кофе, он огляделся.

Стиль американской армии. Чисто, как в казарме перед инспекторской проверкой. Это не удивительно, поскольку Мак-Каллох большую часть своей жизни был военным. Из школы — прямо в армию. Чистый послужной список, богатый боевой опыт, хороший солдат. Потом офицерские курсы, и военная карьера на всю жизнь. Да, это заметно. Тарелки чисто вымыты и стоят в сушильном шкафу. Даже сковородка тщательно вымыта и убрана на место. На завтрак — яичница с ветчиной, в регулярно очищаемом мусорном ведре сейчас скорлупа и обертка. Молоко, масло, яйца, в холодильнике нераспечатанный молочный пакет.

Медленно, тщательно Трой обходил комнату за комнатой. В гостиной бюро, ящики закрыты. Заняться ими позже. На столике рядом с диваном несколько журналов. Военные, спортивные, несколько прилично засаленных экземпляров «Ньюсуик» и «Ридерс дайджест». Книжные полки. Старые учебники и руководства для офицерских курсов. Несколько поновее, неразвернутых. Популярные романы, технические тексты, несколько исследований по истории, руководство по горным лыжам. Надо бы составить список заглавий и на досуге над ним подумать.

Что у КССС хорошо, так это то, что у них много всяких удобных штучек. Например, японская камера, полностью автоматизированная. Она снимает не на пленку, а на электронные карточки — до десяти снимков в секунду. Настраивается на любой видимый или невидимый свет. Вот сейчас она поставлена на ультрафиолет. Ультрафиолетовая вспышка давала слабое, почти неза-

метное голубое сияние, но для камеры это было то, что нужно. Он сфотографировал корешки книг и спрятал камеру.

Вставную панель он нашел на втором этаже в спальне, под ковром возле двуспальной кровати. Пол был из дубового паркета, и деревянная панель была сделана заподлицо с полом. На одном краю была маленькая зазубринка, как раз для пальца. Он потянул, и панель отошла, как дверь на петлях. Под ней в бетонной нише находился сейф с шифровым замком.

— Ну разве не прелесть, — произнес Трой, потирая руки. — Очень красивая и большая. Даже чересчур большая, чтобы держать в ней только медали и чековую книжку. Интересно, что там еще?

По телефону, стоявшему рядом с кроватью, он позвонил Келли.

— Говорит Хармон. Я нашел потайной сейф в полу, большого размера. Запрашиваю помощь.

— Весьма интересно. Вы обратили внимание, чьего производства сейф?

— Фирмы «Атлас экзекьютив». Замочная скважина отсутствует. Видимые дверные петли отсутствуют. Единственный цифровой диск с числами вплоть до девяноста девяти.

— Отлично. К вам подъедут в течение часа.

Поджидая помощь, Трой спустился вниз и осмотрел письменный стол, который легко открывался отмычкой. Там были какие-то письма, обычный набор счетов и квитанций, корешки чековых книжек и погашенные чеки. Он не стал в них разбираться, но тщательно сфотографировал. Он успел разложить все как было, когда во двор въехал потрепанный жизнью и годами грузовик. Почти через сорок пять минут после телефонного разговора. На борту грузовика красовалась надпись: «ЭНДИ-СЛЕСАРЬ — КРУГЛОСУТОЧНАЯ АВАРИЙНАЯ». Энди был одет в робу и тащил большой помятый ящик. Он запер грузовик и пошел, насвистывая, вверх по дорожке. Трой открыл дверь раньше, чем тот успел позвонить.

— Меня зовут Энди, как написано на машине. Говорят, у тебя тут есть слесарно-финансовая работа. — Он вынул изо рта зубочистку и аккуратно вложил в карман. — Это где?

— Наверху. Пойдем со мной.

Энди свое дело знал. Старый ящик оказался изнутри футляром с бархатными нишами для сияющих инструментов. Энди опустился на колени, любуясь сейфом.

— Отлично, — сказал он, потирая руки. — Классная защита. Огнестойкий, выдерживает пару тысяч градусов в течение нескольких часов. Взлом невозможен.

— Так ты его не можешь открыть?

— Кто сказал? — Он вынул металлическую коробочку с выдвижной антенной и перебросил тумблер. — Я сказал, что нормальный медвежатник с ним ничего не сделает. Постучится и уйдет. А я могу открыть все, что открывается. Но сначала надо посмотреть, нет ли на нем какой-нибудь сигнальной электроники. Нет, чисто. Так, теперь послушаем, что он нам споет. Тумблеров на нем нет, их переключение поэтому не услышишь. Но есть свои способы.

Трой не спросил, какие именно. Не его это дело. Может быть, Энди использует ультразвук, чтобы заглянуть сейфу в кишки. К ручке и передней поверхности сейфа он прилепил кучу устройств на батарейках с какими-то цифровыми панельками. Минут пятнадцать у него ушло на то, чтобы запустить эту механику, а потом он, посвистывая, убрал все свои машинки и сложил их в ящик.

— Ты не собираешься его открывать? — спросил Трой.

Энди покачал головой:

— Не моя работа. Я техник, а не уголовник.

Выбрав из своих машинок что-то похожее на калькулятор с принтером, Энди нажал на нем какие-то кнопки, прибор загудел и выплюнул листок бумаги. Энди передал его Трою. На листке были напечатаны короткие строчки из букв и цифр.

— «R» — значит «направо», — сказал Энди. — Как ты, быть может, догадываешься, «L» означает «налево». Для сброса поверни рукоятку пару раз против часовой стрелки, а потом просто набери числа в том порядке, в котором они написаны. Пружина взведена, и на последнем номере дверь откроется. Когда закроешь ее, сделай еще пару поворотов, а потом поставь на пятьдесят шесть. Она так стояла, когда я пришел, а бывает, что люди запоминают номера. Все, меня нет.

Трой проследил, как он отъехал, потом вернулся в спальню. Энди знал свое дело. Трой набрал последний

номер и почувствовал, как дверь под его рукой пружинит. Она открылась примерно на дюйм, и можно было свободно просунуть руку, чтобы открыть ее полностью. Он заглянул и увидел, что в сейфе было только одно.

Золото. Слитки, листы и проволока.

Это выглядело захватывающе. Чем дольше он работал с золотом, тем больше им любовался. Нет в мире ничего похожего на золото. Наклонившись, он вытащил верхний слиток и взвесил его на ладони. В самом деле чистое золото, без примесей, даже без свинца — судя по весу и соотношению его с объемом слитка. Он собрался было положить слиток обратно, но вдруг остановился и сощурил глаза. Была здесь какая-то неувязка.

Трой положил слиток на ковер, наклонился к сейфу, пытаясь прикинуть, сколько там слитков. Они не все видны, но примерно оценить их число можно. Калькулятор подтвердил его подозрения, но Трой хотел быть уверен.

Положив блокнот на борт сейфа, он лег на пол возле открытой дверцы. Художник из него неважный, но достаточно грубого наброска. Он тщательно зарисовал штабель слитков и отметил положение проволоки и листов золота. Когда рисунок его удовлетворил, он отложил блокнот и тщательно, по одному, стал вытаскивать куски золота из сейфа и складывать на свой дипломат. Уложив почти треть золота, он встал и принес из ванной примеченные им раньше пружинные весы. Для примерной оценки подойдут.

Трой встал на весы. Сто семьдесят пять в одежде, прибор сбит на пять фунтов. Несущественно. Он отметил в блокноте вес, затем снова встал на весы, держа в руках дипломат с золотом. Так он сделал три раза, каждый раз отмечая полный вес. Потом уложил золото в сейф в точности так, как оно там лежало.

Считать было просто. Собственный вес с ненагруженным чемоданчиком был равен ста восьмидесяти трем фунтам. Умножив этот вес на три, он сложил показания весов, когда стоял на них с нагруженным дипломатом, и вычел из большего числа меньшее.

Результат был чуть больше тридцати девяти фунтов. Тридцать девять фунтов золота.

Чудовищно много. Еще раз подсчитать на калькуляторе. Последняя известная ему цена золота была около четырехсот тридцати шести долларов за унцию. Но

тройский фунт составляет ноль целых восемьсот двадцать три тысячных от английского фунта.

Он ввел поправку и разделил на двенадцать, поскольку в тройском фунте только двенадцать унций.

Трой посмотрел на результат и покачал головой. Вот это да! Это именно то, о чем адмирал захочет узнать немедленно.

Келли сразу соединил его с адмиралом.

— Адмирал Колонн у телефона. Это вы, сержант Хармон?

— Так точно, сэр. Я нашел сейф, в котором полковник хранит золото. Я взвесил металл, неточно, но для примерной оценки приемлемо — ошибка не более пяти процентов в любую сторону. Похоже, что полковник работает лучше, чем это представляется ФБР. У него золота больше чем на те сто тысяч, о которых им известно.

— Насколько больше?

— Я бы сказал, что у полковника в сейфе золота на двести пятьдесят тысяч долларов, адмирал. Четверть миллиона долларов.

Глава 4

— Предпочитаю устный доклад, — сказал адмирал. — Свои заключения напишете позже. Сейчас я хочу узнать, что вы там нашли.

Трой кивнул и разложил на столе свои заметки. Комната была та же. Задернутые портьеры, звукопоглощающая обивка, присутствуют только они двое. Он постучал пальцем по цифре на первой странице:

— Разумеется, вам известно, что у полковника оказалось по крайней мере в два с половиной раза больше золота, чем мы предполагали?

Адмирал кивнул:

— Вообще-то это не существенно, но возникают дополнительные вопросы. Как он набрал столько втайне от ФБР? И еще острее становится наш исходный вопрос: зачем? Куда ему столько золота? Вы пришли к какому-нибудь выводу?

— Нет, сэр. Но у меня есть некоторые наводящие соображения. — Трой развернул следующий лист бумаги. — Поведение полковника Мак-Каллоха за последний год резко изменилось. Он стал покупать книги, ходить в библиотеки и музеи, чего за ним раньше не наблюдалось. Я просмотрел все записи в его досье, начиная со школьного периода, а ФБР опросило его инструкторов и преподавателей. Под предлогом рутинной проверки. Его новые интересы просто не увязываются с образом прежнего полковника Мак-Каллоха.

— Что вы имеете в виду?

— Насколько я могу судить, Мак-Каллох никогда не проявлял каких-бы то ни было интеллектуальных интересов. Это не значит, что он глуп. В школе он мог хорошо учиться, если хотел. Но чтобы добиться успехов выше среднего, ему приходилось здорово потеть. И после школы он явно отложил книги подальше и, как мне кажется, никогда не открывал ни одной без особой необходимости. Это подтверждают те, кто с ним служил. В кино его тоже ни разу не видели. Телевизор он смотрел только в компании, и обычно только футбол. Дома у него телевизора нет.

— Что он делает в свободное время? — спросил адмирал,ковыряя в трубке перочинным ножом. — Он что, приходя домой, садится и тупо глядит на обои?

— Нет, сэр. Он тренируется в спортзале, играет в сквош, по выходным — в гольф. Развлечения физического характера. Он общителен, выпивает с друзьями не реже раза в неделю, но умеренно. Часто встречается с дамами. Обед, коктейль, потом танцы, потом в койку. У него заполненная жизнь, и она ему подходит. Но он не читает. Вот это не вяжется с его новыми интересами. И периоды, когда он стал покупать книги и покупать золото, совпадают.

— Вы считаете, что здесь есть связь?

Трой подровнял разложенные на столе бумаги и перед ответом выдержал паузу.

— У меня нет никаких внешних свидетельств наличия такой связи. Но я помню о бритве Оккама.

— Это что-то насчет того, что не следует умножать сущности бесконечно?

— Именно так, сэр. Поэтому из множества возможных ответов следует выбирать наипростейший. В жизни полковника Мак-Каллоха произошли два резких изменения, и оба приблизительно в одно и то же время. И это наводит на мысль, что они вызваны одной причиной. Найти, какой именно, — это и будет моей следующей задачей. Из документов я уже извлек все, что мог. Теперь мне надо познакомиться с полковником и найти ту пружинку, от которой он крутится.

— Возможно. А книги, которые он покупает, дали вам какую-нибудь зацепку?

— Ничего осмысленного. — Трой открыл еще одну страницу. — Вот что стоит у него на полке над пись-

менным столом, переписаны в том порядке, в котором они стояли. «Энциклопедия военной истории», «Мост вдалеке», «Митральеза Гэтлинга», «Расчет напряжений в сплавах», «Кавалеристы», «Унесенные ветром», «Крещение огнем», «Ниндзя», «Изменение»...

— Достаточно. Я понимаю, что вы имеете в виду. Смесь беллетристики, документальных и научных книг, случайно собранных в кучу, как в лавке у букиниста.

— Не совсем случайно, сэр. Одна линия прослеживается: военная история.

— Согласен. Но полковник — человек военный. Военная карьера — цель и смысл его жизни. Так что из этого много не вытянешь. Все, что у нас есть, — это наводящие соображения, догадки и единственный факт — четверть миллиона долларов золотом. Ладно, я утверждаю ваш план подобраться поближе к Мак-Каллоху. Что вы предлагаете?

— Вы мне говорили, что он заведует безопасностью в какой-то государственной лаборатории. У него там в подчинении есть какие-нибудь армейские подразделения? В рапорте ФБР я этого не нашел.

Адмирал продул трубку, потом, считая, что она достаточно вычищена, стал набивать ее снова.

— Там этого и не может быть. ФБР в «Уикс электроникс» не заглядывает. Не их работа. Но вроде бы там есть под его началом какие-то техники по вооружению и еще специалисты по засекречиванию электроники. Может быть, еще кто-то. Почему вы спрашиваете?

— Я хотел бы проглядеть досье этих людей. Найти повод для проверки благонадежности кого-нибудь из них.

— Они все чистые, иначе их бы там не было. Высшая степень секретности. Там ведутся исследования, насколько мне известно, по лучам смерти. Чтобы там служить, нужно быть чистым, как лебединый пух.

— Я в этом уверен, адмирал. И мне все равно, какие там ведутся исследования, поскольку для нас это не важно. И проверки благонадежности тамошних служащих я вести не собираюсь. Мне просто нужно подобраться к Мак-Каллоху, поработать с ним, вытянуть его из скорлупы. А в армии нет ни одного деятеля, которого нельзя было бы по тем или иным причинам проверить. Может, он проиграл на бегах несколько долларов, или захаживает в бордель, который отчасти контролируется

мафией, или у его девицы бывший приятель имеет привод в полицию. Мне просто нужен крючок, на который можно повесить проверку благонадежности. Она будет выглядеть как настоящая, — мне такую работу приходилось делать годами.

— Согласен. — Адмирал нажал кнопку на краю стола. В дверь постучали, и вошел Келли. Адмирал махнул ему рукой:

— Свяжитесь с Пентагоном, пусть они раскопают копии личных дел некоторых военнослужащих. Сержант объяснит вам, что нам требуется. Если они спросят зачем, скажите, что КССС ведет проверку благонадежности, и второй раз они не спросят. Сержант Хармон, я жду вашего доклада, как только вы найдете то, что мы ищем.

Эту работу Трой делал раньше много раз и знал хорошо. В третьей папке он нашел то, что искал. Сейчас только три часа дня, и адмирал еще должен быть в здании. Да, сказал секретарь, через пять минут, в комнате для совещаний. Трой подумал, что у адмирала должен быть кабинет, раз у него есть секретарь, но Трой понятия не имел, где этот кабинет находится и почему они каждый раз встречаются в большой комнате. Загадка, но не очень существенная. Он посмотрел на часы и пошел к лестнице.

— Есть один, сэр, — сказал Трой, передвигая папку через полированный стол, — капрал Аурелио Мендес. Все зовут его по кличке — Чучо. Он здорово разбирается в электронике, но парень совсем не военного склада. Родом он из Балтиморы и ездит туда, если не на службе, на каждый уик-энд. Пьет и играет в пирамидку с ребятами из своей бывшей уличной компании. Ничегостораживающего, кроме того что он — один из очень немногих, кому удалось вырваться из пуэрто-риканского гетто. А это значит, что среди его знакомых полно сутенеров, наперсточников и вообще мелких жуликов всех мастей.

Адмирал склонил голову к папке:

— Вы имеете в виду, что действительно нашли неблагонадежность? Лаборатория «Уикс» имеет гриф высшей секретности.

— С его благонадежностью все в порядке. На выяснение этого дела потратил больше месяца секретный агент, тоже пуэрториканец. Приятели Чучо уважают

его, и он сумел им объяснить, что приставать к нему не надо. Еще он сладкоежка и все время попадает на ковер по поводу лишнего веса. Один из его партнеров как-то попытался подразнить его насчет военной карьеры и получил по голове бильярдным кием. Когда парень пришел в себя, на череп пришлось наложить семь швов. Об этом инциденте никто никуда не сообщал, и они остались приятелями. Все знают, что Чучо — настоящий парень, по-испански — *мачо*, и научились к нему не цепляться. Тем не менее этого случая более чем достаточно, чтобы запустить проверку благонадежности.

— Тогда давайте. Чем скорее, тем лучше. Чем глубже мы лезем в это дело, тем больше вопросов у нас возникает, и ни на один нет ответов. Да, еще одно. В лаборатории вам придется взаимодействовать с полковником, высшим офицерским чином. На этот случай вам неплохо бы самому иметь какой-то минимальный ранг. Давайте-ка мы вас временно произведем в лейтенанты. Или нет, ведь лейтенантов никто за людей не считает, это хуже сержанта. Вам надо быть капитаном. Вы не против?

— Нет, сэр. Мне в G2 приходилось работать в разных званиях. И лейтенанта вполне достаточно, а то слишком большая власть может вскружить мне голову. Но для получения новой формы мне требуется разрешение начальства. И на новые «собачьи жетончики» * — тоже.

— Разумеется. Сегодня к концу дня все будет сделано.

На следующее утро Трой Хармон съехал на военном джипе с Окружной на сорок второй выезд, потом повернул на проселочную дорогу, которая вела к Лаборатории номер два «Уикс электроникс».

* «Собачий жетончик» — на армейском жаргоне означает личный знак военнослужащего, носимый на нагрудной цепочке. — *Примеч. ред.*

Глава 5

— Доброе утро, лейтенант, чем могу служить?

Одетый в мундир охранник, средних лет, с приличным пузом — и без оружия. Случайный посетитель решил бы, что объект охраняется кое-как и охранять там, скорее всего, нечего. Однако внутри проходной второй охранник, вооруженный как следует, выглядывал через массивное стекло, наверняка пуленепробиваемое. Лаборатория охранялась хорошо и надежно. Трой протянул удостоверение:

— Я к полковнику Мак-Каллоху.

— Понятно. Он вас ждет? — Охранник передал удостоверение через прорезь в стальной стене.

— Нет, но у меня есть предписание доложить лично полковнику.

— Тогда покажи мне предписание, и ты победил.

Предписание также прошло через амбразуру, и охранник, все еще улыбаясь, отступил в сторону. Трой оказался полностью открыт установленной на стене телевизионной камере. Ясно, что его не только осматривали, но и вели видеозапись. Все процедуры выполнялись по первому классу, и безопасность поддерживалась как следует. Мак-Каллох — профессионал, и Трой понимал, что ему придется все время быть настороже. Зазвонил телефон, и наружный охранник открыл позади себя стальную дверь в стене. Он снял трубку, слушал и протянул ее Трою.

— Это вас, лейтенант Хармон.

Трой выключил зажигание и вышел из машины, потом взял у охранника трубку:

— Лейтенант Хармон.

— Говорит полковник Мак-Каллох. В чем дело, лейтенант?

Полковник говорил с глубоким южным акцентом. Родился в Миссисипи, вспомнил Трой.

— Вопросы безопасности, сэр.

— Это мне известно. — Полковник говорил очень холодно. — Я спросил вас о цели вашего посещения.

— Вопросы безопасности, сэр. Все подробности только лично.

На другом конце повесили трубку. Выражение лица Троя не изменилось, но, вешая трубку, он улыбнулся про себя. Первое очко заработано. Полковник разозлен. Отлично. Может быть, он даже выйдет из себя.

Изнутри проходной донесся звук телефона. Охранник взял трубку, что-то коротко сказал и положил ее на место. Он нажал кнопку, и его голос зазвучал из громкоговорителя под крышей:

— Можете въезжать, лейтенант Хармон. Охранник покажет вам, куда поставить машину.

— Спасибо. У вас там мое удостоверение и предписание.

— Вы их получите на выезде.

— Разумеется. Но дело в том, что я не въеду, пока мне их не вернут.

Охранник посмотрел на Троя долгим холодным взглядом и передал документы обратно через окошко проходной. Трой сунул их в карман куртки и сел в машину; наружный охранник сел рядом с ним. Тяжелые металлические ворота медленно открылись, и они въехали внутрь.

— Вот по этой дороге, пока справа не покажется большой дом, а тогда первый поворот налево.

— Понял. Похоже по голосу, что ваш полковник на меня взъелся.

— Ничего подобного, с чего вы взяли? — умиротворяюще сказал охранник. — Вот ваш поворот.

— Может, я и не прав. Но, судя по голосу, с ним трудно иметь дело.

Охранник быстро взглянул на него и снова отвернулся.

— Мир вообще трудное место, сынок, и работу во время спада тоже трудно найти. Особенно в моем возрасте.

— Понял, папаша. А полковник просто лапушка.

— Это вы сказали, а не я, — уточнил охранник. — Поставьте машину в гараж номер восемь, и я вас проведу.

Здание охраны чистое и без лишней мебели, как и должно быть в армии. Когда они проходили мимо открытой двери, где работали два клерка, те даже головы не подняли. Охранник постучал в дверь без таблички в конце коридора и отворил ее. Трой сказал «спасибо», расправил плечи и вошел.

Полковник сидел за столом и писал. Трой стоял по стойке «смирно», пока полковник не поднял голову, потом отдал честь. Ответное приветствие несколько задержалось и оказалось просто движением руки куда-то вверх.

— Покажите ваше предписание, лейтенант.

— Есть, сэр.

Мак-Каллох быстро просмотрел бумаги и бросил их на стол. Его лицо не изменилось, но в голосе звучала холодная злость:

— Здесь только подтверждение ваших полномочий и ничего не сказано о причине вашего посещения. Что вам нужно?

— Могу я встать «вольно», сэр?

— Да. Зачем вы приехали?

— У нас есть запрос на проверку благонадежности одного из ваших людей — капрала Аурелио Мендеса.

— Мендес проверен. Все мои люди проверены. От кого запрос?

— От полицейского управления Балтимора. Разрешите сесть, полковник?

— Какого черта вам надо, лейтенант? Вламываетесь сюда, как...

— Послушайте, полковник, я не ваш подчиненный и к вам не прикомандирован. Я приехал сюда, чтобы попросить вашего сотрудничества в нашем расследовании, и больше ничего. В случае отказа я просто вернусь в Пентагон и доложу генералу Браунли. Вы его подпись на предписании узнаете?

Чтобы довести дело до конца, Трой повернулся спиной к полковнику, взял стоящий у стены стул, про-

вез его по полу и уселся. У полковника лицо наливалось кровью, и Трой ждал взрыва. Полковник, должно быть, легко срывался.

Взрыва не последовало. Стиснутые кулаки разжались, и Мак-Каллох отвернулся к окну. Повернувшись обратно, он уже полностью владел собой:

— Хорошо, лейтенант, продолжим. Что вы хотите?

— Мне бы хотелось поговорить с капралом Мендесом неофициально. Если здесь найдется свободная комната...

— Отказано. Если вы собираетесь его допрашивать, я должен присутствовать. Я полностью отвечаю за охрану и безопасность этой лаборатории, и за надежность моих людей также отвечаю я.

— Это против инструкций.

— Это соответствует моим инструкциям. Вы сделаете так, как я вам сказал, или я немедленно организую перевод Мендеса из охраны этой лаборатории.

Трой пожал плечами:

— Как скажете, полковник. Вы здесь старший. Но мне придется доложить о вашем неподчинении предписанию.

— Только попробуй, н... лейтенант, только попробуй.

Способность полковника владеть собой подвергалась очевидному испытанию. Что это он собрался сказать, а потом передумал? Но раньше, чем Трой смог его еще раздражить, полковник схватил трубку и набрал номер. Не получив ответа, он без единого слова вышел из комнаты. Трой подошел к окну, не утруждая себя осмотром комнаты. Он был уверен, что искать здесь что-либо бесполезно.

Мак-Каллох вернулся только почти через четверть часа. Он швырком распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская грузного капрала в испачканных смазкой штанах. Потом вошел сам и закрыл дверь.

— Капрал Мендес, это лейтенант Хармон из военной полиции. Он хочет задать вам несколько вопросов.

— Что стряслось, лейтенант? — спросил Чучо, медленно перекатывая во рту порцию жвачки. Индейские черты его лица были непроницаемы.

— Садись, Чучо...

— Это кликуха для друзей. Меня зовут Мендес, капрал Мендес. — Он остался стоять, глядя на Троя с холодным презрением.

Полковник с ним уже поговорил, понял Трой, подходя к стулу и садясь. Что же он ему сказал? Могло ли связывать этих людей что-то помимо общей службы? Следует попытаться это разведать.

— В чем дело, Чучо? Я еще с тобой двух слов не сказал, а ты уже собачишься. Что не так?

— Все так, только я ментов не люблю. Ни армейских, ни штатских — никаких.

— Прискорбно слышать, поскольку в этом деле участвует полиция. Потому я и здесь. Дело в том, что полиция Балтиморы ведет расследование. Насколько я понял, один из твоих друзей...

— Что делают мои друзья, меня не касается. Послушайте, у меня есть работа, и если у вас все...

— Нет, капрал, не все. И это дело тебя касается, иначе меня бы здесь не было, это понятно? — Трой глядел прямо на Чучо, но в то же время ясно видел полковника. Мак-Каллох в этот раз полностью владел собой, и на его лице, как и на лице Чучо, ничего не отражалось. — У тебя есть приятель — ну, скажем, знакомый, если слово «приятель» тебе не нравится, — с которым ты, как говорят свидетели, играл в пирамидку...

— Что за херня? Я играю в пирамидку с половиной Балтиморы.

— Дослушай до конца. Дело серьезное. Твой знакомый, по имени Пабло Колладо, получил по голове. Когда в расследовании всплыло твое имя, дело передали в мой департамент...

— Полковник, оно мне надо, все это слушать? — спросил Чучо, повернувшись спиной к Трою. — Когда я пришел сюда ловить жучков в закрытых сетях, разве это не утрясли тогда, раз и навсегда? Или оно снова здорово начинается?

— Нет, не начинается, — твердо сказал полковник Мак-Каллох. — Возвращайтесь к работе, капрал.

Он перешел через комнату, постоял, глядя в окно, пока не услышал, как закрылась дверь. И тогда повернулся к Трою:

— Капрал прав. Это дело давнее, и оно закрыто. Если ваши люди считают, что его снова следует открыть, организуйте перевод капрала. Но никакого вмешательства в действия моей боевой единицы я не допущу. Вам ясно, лейтенант?

— Абсолютно ясно, сэр. Мне придется доложить генералу обо всем, что здесь произошло.

— Вот так и сделайте, лейтенант Хармон. А теперь — свободны.

Трой вышел. Дело с золотом никак не прояснилось, но он встретился с полковником и по крайней мере одну вещь понял. Задушевными друзьями на всю жизнь им не стать. Он улыбнулся этой мысли, садясь в джип и выводя его со стоянки. Полковник ему не понравился — этакий сукин-сын-военная-косточка. И почему-то полковник Мак-Каллох его тоже невзлюбил с первого взгляда. Это было очевидно с того момента, когда он вошел в комнату. А когда полковник вышел из себя, он собрался что-то сказать — но сдержался. Что же это?

Глава 6

— Ниггер! — выдохнул полковник Мак-Каллох в дверь, за которой скрылась спина лейтенанта Хармона. Так тихо он сказал это слово, что его и за фут не было бы слышно, но дышало оно неопикуемой злостью.

А ведь я его почти назвал, подумал полковник. Почти произнес вслух. Но «почти» не считается. Он меня достал, паразит, просто под шкуру влез. Он бы нарочно не смог разозлить меня сильнее...

Эта мысль поразила внезапным холодом. Он остановился, повернулся к окну. Проследил, как лейтенант выходит из здания и садится в джип.

Существовала ли возможность — пусть самая маленькая — что все сделано нарочно? Неужто они напали на его след? За последнюю неделю ему дважды показалось, что за ним следят, но уверенности не было. Каждый раз, когда он сворачивал со своего обычного маршрута, отмеченный им автомобиль не сворачивал за ним, но это еще ничего не значит. Два или три радиофицированных автомобиля, не будучи обнаруженными, легко могли передавать его друг другу. А четыре дня назад в собственном доме у него возникло чувство, что кто-то здесь был и трогал бумаги. Никаких следов, просто чувство, что вещи брали и положили на место. Все три обгорелые спички на месте, в парадной двери,

в задней двери и в гараже. И все же он чувствовал, что кто-то здесь побывал.

Может, с приближением критического момента он стал немножко параноиком? Но в том, что касается вопросов безопасности, быть параноиком — единственный способ избежать проколов. Предвидеть наихудший исход — и принять все меры предосторожности.

А потому — что, если кто-то следил за ним и известно, что он покупает золото? Каким будет их следующий ход? Ответ очевиден, он сам не раз участвовал в таких операциях. Начнется глубокая разработка объекта наблюдения. Под тем или иным предлогом будет организована его встреча с оперативным работником. Полковник ощутил мороз по коже и передернулся. Мог этот черномазый лейтенант быть оперативником? А расследование благонадежности Чучо — не могло ли оно быть прикрытием для контакта с ним? А почему нет? Этот черненький мог оказаться умнее, чем кажется.

Но неважно, сказал он сам себе, это уже неважно. Он скоро забудет, что все вообще когда-то было. Даже если его подозрения оправданы, ничего не поделаешь, надо жить по обычному расписанию. Осталось всего несколько дней. И не надо делать ничего такого, что привлечет дополнительное внимание. Надо сделать усилие и не менять сложившегося стиля жизни. Нельзя, чтобы в оставшееся время возникли какие-нибудь шероховатости. Если они его подозревают, — ну что ж, пусть продолжают. По крайней мере до тех пор, пока не будет уже поздно.

Мак-Каллох резко отвернулся от окна и сел за стол. Сегодня вечером у него встреча, и ее нельзя отменять, нравится ему это или нет. Зато можно кое-что улучшить. Этой мысли он улыбнулся и набрал номер.

— Марианна? Правильно, это Уэс. Готова обедать? И аппетит есть? Отлично. Но что, если вместо очередных сарделек в «Старой Европе» мы съедим по приличному бифштексу в Жокей-клубе? Согласна? По-моему, да. Если я правильно понял твой радостный визг. Ну что значит дорого? Разве я тебе когда-нибудь в чем-нибудь отказывал? Так я закажу столик. В семь часов, прямо там. Если все в порядке, то больше звонить не буду. В баре увидимся.

Он заказал столик, и остаток дня занимался рутинной бумажной работой, заставляя себя не отрываться до шести часов. Дисциплина — вот что следует соблюдать любой ценой. К тому же работа заполняла мысли и отвлекала от напрасного беспокойства.

Он прошел по комнатам, проверяя, выключен ли свет. Большинство служащих уже ушли. Одна машинка осталась незакрытой, и он позвал девиц, направлявшихся к выходу.

— Чья это машинка?

Три девицы обернулись, молча глядя на полковника, и наконец отозвалась Дэйзи:

— Эта? Эта моя.

Сучка недоразвитая.

— Разве я не говорил вам, что нельзя покидать помещение, оставив пишущую машинку без чехла?

— Ага. Но я забыла.

— Забыли? В таком случае вычет пяти долларов из зарплаты за причинение дополнительного износа и небрежность по отношению к государственному имуществу освежит вашу память. В следующий раз не забудете.

— Вы не имеете права! Только попробуйте...

— Уже попробовал.

На этот туповатый умишко акция должна была произвести впечатление. Она будет жаловаться в союз, но это уже не его проблемы. Девицы ушли. Он погасил свет и запер помещение. Бормоча себе под нос, полковник поехал в город.

Он потягивал второй коктейль, когда вошла Марианна. Полковник махнул бармену:

— То же самое для леди.

— Мартини со льдом? Сию минуту, сэр.

Марианна влетела в чем-то длинном и шелковом, обрезанном очень коротко спереди. Прильнув к нему щекой (он не любил вкуса помады, и она это помнила), она громко чмокнула воздух.

— Ты в этом платье выглядишь на миллион. Что-то новенькое?

— Нет. Но платье — сверхпарадное, надевается не чаще раза в год. Ты меня просто потряс своим сегодняшним звонком. Жокей-клуб, вот это да! Я даже

пораньше закончила работу и забежала домой переодеться. Торжественный случай — парадное платье.

Они чокнулись, Марианна отпила из бокала и рассмеялась:

— Нет, в самом деле, Уэс, твои поступки непредсказуемы!

— Тогда не пытайся.

— Нет, мы с тобой встречаемся, все хорошо, все довольны, и вдруг ни с того ни с сего — вот такое. Да это же самое дорогое место во всем городе.

— Одно из самых. Ты не волнуйся, здесь платят кредитной карточкой. — Он вдруг рассмеялся, и она, не понимая причины, все же рассмеялась вместе с ним. Да, вечер явно запомнится на всю жизнь.

Он был необычаен во всем. Пока она никак не могла выбрать между бифштексом и омаром, он заказал для нее и то и другое, да еще бутылку французского шампанского, которое, как он объяснил, единственно подходит к обоим блюдам. Она случайно глянула на цену и не поверила своим глазам. Наверно, она ошибалась насчет Уэса. Может быть, он встречался с ней не только развлечения ради. В Вашингтоне случались и не такие чудеса.

Когда на сладкое подали креп-сюзетт, она уже настолько наелась, что смогла отщипнуть только кусочек. Но зрелище язычков пламени на поверхности бренди захватывало.

— Довольна? — спросил он, закуривая одну из черных сигар, к которым пристрастился за последнее время. Она усмехнулась и сжала его руку:

— Не то слово. Я никогда не получала большего удовольствия. С тех самых пор как попала в Вашингтон.

— Ты ела такое в Сент-Луисе?

— Ты что, смеешься? В Сент-Луисе бифштекс, который меньше крышки люка, за еду не считается. Я почти стала вегетарианкой к тому времени, когда сюда приехала — полгода назад. Нет, честно, это уже слишком.

— Ты этого достойна. Потанцуем, чтобы сбросить лишние калории?

— А что, если их сбросить у тебя дома?

Она чуть сильнее сжала его руку и кончиком языка облизнула полные, сочные губы. Он ощутил ответную

тягу к этой чувственной женщине, и в ее словах было обещание, которое, он знал, не обманет его надежд.

— Порочная девушка, — улыбнулся он в ответ. — Только выпей рюмку арманьяка, пока я докурю сигару. Предвкушение — часть наслаждения.

На обратном пути она положила голову ему на плечо. Он нашел какую-то легкую музыку по радио, и она подпевала приятным голоском. Дома он въехал в гараж, отключил как обычно сигнализацию, обошел автомобиль и открыл ей дверь. Она не заметила, как он проверил, на месте ли спичка.

— Выпьем?

— С удовольствием. Еще чуточку этого божественного коньяка — как ты его назвал?

— Арманьяк. Это бренди, сделанный в Арманьяке, точно так же, как коньяк — бренди из Коньяка. Только этот лучше.

— Со специалистами я не спору.

Марианна знала, что слегка навеселе, но ей это шло. Так легче было сохранить настроение, а настроение, надо сказать, было дивным. Сколько она уже знакома с Уэсом? Почти четыре месяца. Обеды время от времени, иногда театр, дансинги, потом к нему домой и в постель. Она не имела ничего против, но все время чувствовала, что мероприятия идут в комплексе. Нет секса — незачем и встречаться. Она никогда не формулировала это так многословно, даже не намекала. Может быть, чувство ее обманывало. По крайней мере, хотелось надеяться.

А сегодня все было так хорошо, лучше, чем когда бы то ни было. Так естественно и так чудесно. Они были на тахте, и он сказал что-то смешное, она засмеялась, и он ее поцеловал. И все было по-другому, будто в первый раз. И когда его рука скользнула к ней на грудь, у нее дыхание перехватило от страсти. И еще раз, когда он стал ее целовать и она ощутила на сосках его губы.

Так, на тахте, все и произошло, и ее одежда разлетелась во все стороны, и опять как будто в первый раз. Только потом он отнес ее, прижимая теплое и нагое тело к своей груди, наверх, в спальню. И снова, и еще раз. Таких ощущений ей еще никогда не приходилось испытывать.

Вдруг она вскрикнула — он сделал ей больно, впился в ее плоть зубами, но он ее поцеловал, успокоил, и все прошло. Он просто сильный, слишком сильный, но и это было хорошо.

Впервые она так хорошо заснула после любви. Все было по-другому. Она почувствовала, что он встал и прошел в ванную. Услышала шум воды, он всегда принимал душ после этого, но шум только убаюкивал. Проснулась она от включенного ночника. Уэс, одетый в халат, склонился над ней. Волосы еще влажные после душа.

— Еще арманьяка?

— Господи, ни за что! У меня такое чувство, что это меня добьет.

— Как скажешь. Джин с тоником, как обычно?

Она кивнула, провожая его взглядом, и ее мысли и чувства понеслись по кругу. Обычные процедуры вступали в силу. Душ, коктейль, дорога домой. Но сегодня все было иначе! Она потянулась за халатом, который он всегда оставлял в ногах, но халата не было.

Он забыл, или действительно начиналась какая-то новая страница? Она не позволяла себе надеяться. Старая шутка, и недаром одинокие девицы со всей страны слетались в Вашингтон. Работа в офисе, встречи с боссом, знакомство с красавцем-офицером, романтика, свадьба — и съездить навестить родную Пеорию или Мэйкон — или даже Сент-Луис! — на зависть всем, кто остался дома. Но штука в том, что мечты редко сбывались. Тем не менее она, сбросив одеяло и копаясь в стенном шкафу, радостно напевала себе под нос. Никогда не знаешь, где и кому повезет. В комнате было прохладно, она решила надеть его длинный шерстяной купальный халат, свисающий до пола. Она потянула за халат, тот соскользнул с вешалки на пол. Наклонившись за ним, она увидела пару седельных, как у мотоциклиста, сумок. Оттуда торчали какие-то документы, синьки с угловым штемпелем.

Она надела халат и, когда он вошел в комнату, уже вернулась в постель.

— Спасибо. — Она взяла у него бокал. — Ммм, вкусно.

Он поставил бокал на столик возле кровати и пошел погасить свет в ванной.

— У тебя там сумки в шкафу, — сказала она. — Я и не знала, что ты мотоциклист.

Он стоял к ней спиной, и она не видела, что глаза его вдруг расширились, затем сузились. Щелкнув выключателем, он повернулся к ней.

— Что ты там говорила о сумках? — изо всех сил стараясь не выдать голосом холодную злость, спросил он.

Глава 7

— Ничего особенного. — Марианна пыталась выдавить соломинкой еще чуть-чуть сока из ломтика лимона в коктейле и не видела взгляда Мак-Каллоха. — Просто из одной торчал угол синьки из Министерства обороны, какое-то оружие, да еще с грифом «Секретно». Я и не знала, что ты берешь работу на дом.

— Я говорил тебе, что я из службы безопасности. Мы никогда не спим!

— Верю. Я знаю, что ты делаешь в кровати.

Она рассмеялась собственной остроте, и он тоже улыбнулся, подошел к ней и поцеловал. Сумки, синьки, грифы — все сразу было забыто.

— Допивай, — сказал он. — Пора домой, а то будешь на работе на мебель натекаться.

— Ты прав, но не вызывай такси, пока я не оденусь.

— Какое такси? Сейчас столько развелось маньяков и насильников, что я и таксистам не доверяю. Я сам тебя отвезу.

Последнюю фразу он произнес на ходу и не видел, какой надеждой озарилось ее лицо. Одним глотком допив бокал, она бросилась за одеждой. Впервые он предложил отвезти ее домой! Раньше всегда на такси, всегда. Девушка, держи себя в руках! Пока еще ничего, кроме намеков. Но каких! Одеваясь, она весело напевала.

Вашингтон укладывается спать рано, и поездка из Александрии через Потомак и мимо Белого дома была

приятной. Белый дом сиял, освещенный прожекторами. Чудесный конец чудесного вечера, подумала Марианна. Как этот город бывает красив!

— Пригласишь меня на чашку кофе? — спросил он, когда они проехали мимо зоопарка.

— Я бы рада, Уэс, но стоит швейцару тебя увидеть, и он раззвонит по всему свету. Старые девы, которыми мой дом набит, сэживут меня со свету.

— А если подъехать сзади, со стороны стоянки?

— Ну конечно! Я просто не подумала.

Дом был построен на склоне холма, и, войдя со стоянки, они оказались в самой нижней его части, в цоколе. В маленьком вестибюле тихо и в лифте пусто, на двенадцатом этаже — тоже.

— Ну и ключей у тебя, — сказал он, когда она вставила в секретный замок третий ключ.

— По требованию страховой компании. Нас тут грабили почти каждую неделю. На третьем этаже даже вломилась в квартиру — кто-то проник через подвал. Теперь у нас на входной двери двойной замок. Вашингтон — это нечто.

— И все хуже и хуже.

— Да уж, не говори.

Замок громко щелкнул, и она отворила тяжелую дверь.

— Будь как дома. Сейчас я поставлю воду. Растворимый годится?

— Вполне. — Они вошли в миниатюрную кухню. — Мы твою соседку не разбудим?

— Трайсию? Ни в коем случае. Ее дверь открыта, а значит, ее точно нет дома. Она со своим приятелем встречается основательно и домой раньше часу ночи не приходит. А утром натывается на стены с недосыпу. Ее, того и гляди, уволят за это.

— Сейчас только полпервого. Мы успеем спокойно выпить кофе.

Он прошел в гостиную, разглядывая мебель. Его взгляд остановился на камине:

— Эта штука работает?

— Какая? — Она выглянула из кухни, рассмеялась. Чайник засвистел, забулькал, и она рванула обратно. — Это фикция. Хорошо иметь настоящий камин, как дома. Люблю открытый огонь. И при энергетическом кризисе

очень выгодно. Но не на двенадцатом же этаже! Тебе с сахаром?

— Одну ложечку. И капни чуть-чуть сливок, если есть. Только не молоко.

Он наклонился, разглядывая каминные щипцы. Декоративная имитация для фальшивого камина. Штампованная медь, ни разу не бывшая в работе. Зато кочерга из хорошего куска стали. Он взвесил ее в руке. Вполне увесистая.

— Твой кофе готов, — входя в комнату, сказала Марианна. — А если вздумаешь ковырять этой штукой в поддельном камине, все лампочки перебьешь.

— Перебью, это уж точно, — обернулся он все еще с кочергой в руке. — А твой кофе где?

— В кухне, он еще слишком горячий... Уэс, ты что?

Она не произнесла ни звука; стальная кочерга обрушилась на горло. Тяжело, мешком с песком, она упала на пол, уронив чашку. Удар был сокрушающим, и умерла она, вероятно, раньше, чем коснулась ковра. Для верности он ударил еще раз по голове, и еще раз, и еще — для уверенности.

Он не удивился, обнаружив, что тяжело дышит. Это тебе не стрелять из М-16 по желтомордым. Убийство более персональное, что ли, но не менее важное. Он стоял целую минуту, пока сердце не пришло в норму. Он заставил себя вспомнить, что трогал в комнате. Ничего, только кочергу. Собственным платком он тщательно протер кочергу, до места, где она была залеплена кровью, волосами и обрывками кожи. Кочергу он бросил поверх тела.

Потом достал из кармана тонкие кожаные перчатки и надел. Было без двадцати двенадцать. Удивительно, всего несколько минут, а казалось — целый час. Теперь он стал осматривать окна — тщательно, одно за другим.

Шторы были закрыты, и, чтобы выглянуть наружу, он их чуть-чуть отодвинул. Пожарная лестница оказалась у окна ванной комнаты.

— Отлично, Уэс, — сказал он себе и выключил в ванной свет. Окно было как раз над ванной, и прежде чем стать в нее, он положил туда коврик. Все учесть, все предусмотреть. Ни отпечатков пальцев, ни следов обуви. Ограбление, совершенное неизвестным лицом или лицами.

Но окно не открывалось годами и отказывалось сдвинуться даже на волос. Он стучал по нему ладонью до тех пор, пока оно не поддалось и не поехало вверх. На полпути оно снова застряло, но это было уже неважно. Тощий грабитель влезет даже через такую дырку. В темноте он потянулся за полотенцами и выбрал самое большое. Егохватило, чтобы закрыть стекло изнутри, пропустить через край и намотать на кулак, он ударил по стеклу снаружи. С первого же удара оно треснуло, несколько осколков со звоном упали в ванну — звук, вряд ли услышанный вне комнаты. Он аккуратно вышел из ванны, откинув ногой коврик в сторону, и сбросил в ванну сломанное стекло.

Все выглядело очень логично. Коврик он положил обратно на пол, а полотенце швырнул в ванну. Вломщик проник через разбитое окно. Полотенце эти неряхи бросили в ванну, оттого на нем столько стекла. Вот он проник в квартиру. Что дальше?

Грабитель идет в гостиную. Ищет ценности. Очень тихо, потому что стены здесь как бумага. Вытаскивает ящики из столов, высыпает на коврик. Теперь книги. Он, почти не обратив внимания, перешагнул через труп, систематически громя квартиру. В комоде были какие-то украшения, не очень ценные, и он сунул их в карман. Грабителям нужны деньги. В комоде за коробкой с украшениями он нашел ее дневник.

Читать было забавно. Но как можно писать такую чушь? Такой-то, и такая-то, и еще кого-то встретила, и сегодня сделала себе перманент. Он пролистал несколько страниц, пока не нашел свое имя. Ах ты, зараза! Его обозвать скупердьяем! Она и в самом деле свое заслужила. Он сунул блокнот в карман. Ее кошелек лежал на кровати. Он вытащил деньги и бросил кошелек на пол в кухне. Только тут ему попала на глаза чашка остывающего на столе кофе.

Господи, какой же он дурак! Она лежит там, в комнате, и под ней чашка. Кофе на двоих? Она что, вела с грабителем светскую беседу за чашечкой кофе? Полиция такого не пропустит. Он обругал себя, вылил кофе в раковину, прополоскал чашку, ложку и блюдо. Вытер их и отложил в сторону.

Закончил он почти в час. Усилием воли заставил себя не думать о времени. Она сказала, что Трайсия вернется самое раннее в час. Надо еще раз все аккуратно прове-

рить. Медленно, комната за комнатой он обошел квартиру, пока не уверился, что не оставил никаких следов своего пребывания. Была простая кража со взломом, и, когда появилась эта девица, ее пришлось убить. И никаких других гипотез. Отличная работа. Предохранитель в кухне, за дверью. Он вывинтил главный предохранитель, и свет погас. Пришлось идти в гостиную с фонариком. Подтянув к себе кресло, он сел так, чтобы видеть входную дверь, и стал ждать.

Время тянулось все медленней и медленней, и он подумал, что где-то возможен прокол. Вообще-то он не отличался избытком воображения, но сейчас стал ерзать в кресле. Мог кто-нибудь увидеть его автомобиль на стоянке и отметить, что машина не отсюда? Могли записать номер или даже — позвонить в полицию. А вдруг Трайсия не придет домой, завевшись со своим приятелем на всю ночь. Или припрется на рассвете вместе с ним. Или...

В замке повернулся ключ.

В ту же секунду он вскочил на ноги, осторожно, не торопясь, прошел и стал возле стены. Три ключа, времени достаточно. Так, второй. Теперь поехала щеколда — третий. Из холла упал свет, мелькнул силуэт входящей девушки.

— Марианна, ты дома? — Она говорила шепотом. — Эй, ты не спишь?

Нью-йоркский акцент. Еще одна сучка-янки.

Она закрыла дверь и ощупью пробиралась к выключателю. Пощелкала им.

— Сгорел, паскуда!

Он скользнул по стенке на голос.

После долгого пребывания в темноте он легко различил ее силуэт на фоне освещенных с улицы штор.

Она успела только пискнуть на выдохе, когда пальцы сомкнулись на ее горле. Шансов у нее никаких. Он стоял сзади, она не могла ни лягнуть его, ни вцепиться ногтями. Она была молода и сильна, но недостаточно сильна. Он рванул ее на себя, оторвав от пола.

Она извивалась и все слабее и слабее била ногами. Руки устали, но он держал ее, крепко вцепившись в горло, и после того, как она умерла. Он действовал наверняка. Всегда наверняка. Даже оторвавшись от ее шеи, он еще раз проверил: схватил за полные груди и

изо всех сил сдавил их обеими руками. Она не издала ни звука. Отлично, подумал он. Чистая работа.

Она медленно соскальзывала на пол, когда зазвонил телефон.

Кто бы это? Кто мог звонить в такое время? Сосед что-то услышал? Не может быть, все было сделано тихо.

Он стоял в темноте, парализованный нерешительностью. Ответить на звонок нельзя, но открывать дверь, пока звонит телефон, тоже нельзя. Слишком громкий звук. Просто снять трубку? Также нельзя.

Телефон замолчал, и Уэс с облегчением вздохнул. Пора убираться. Он ощупью дошел до двери, и что-то хрустнуло под ногой. Что? Раньше этого не было. Он ногой отбросил это нечто, приоткрыл дверь и выглянул. На лестнице никого не было. Он открыл дверь чуть пошире и посмотрел вниз.

Он наступил на дамскую сумку. Любое пожертвование принимается с благодарностью, улыбнулся он. Руки, неуклюжие в перчатках, извлекли банкноты. На пол упала помада и покатилась к большому зеркалу у входа.

Это навело на мысль. Чуть-чуть увести полицию в сторону. Достаточно света из приоткрытой двери. Написать на зеркале печатными буквами, большими, неровными, с ошибками. Произведение искусства. Он отбросил помаду и открыл дверь чуть шире — полюбоваться.

УБЕВАЙТЕ БЕЛЫХ СВИНЕЙ

Это их точно собьет со следа. А теперь пора уходить.

В час тридцать ночи посреди недели на лестницах многоквартирных домов округа Колумбия малолюдно. Цифры индикаторов обоих лифтов застыли, один лифт стоял на его этаже. Он миновал их и пошел к аварийной лестнице. Действовать наверняка, только наверняка. Ступая как можно тише, он прошел по лестнице до подвала и осторожно толкнул дверь; в холле тоже пусто. Вестибюльчик возле задней двери тускло освещен, а стоянка темна и пустынна. Начинался мелкий дождик. Уэс вышел, наклонив голову, и двинулся к машине. Двигатель завелся сразу. Не включая фар, он выехал со стоянки, потом включил ближний свет и подгадал под зеленый на Коннектикут-авеню. Не было видно ни пешеходов, ни других машин.

Он проехал два квартала и вдруг вспомнил, что в кухне не вкрутил на место предохранитель. Его охватил

страх. Возвращаться — поздно, невозможно. Что может подумать полиция? Но одно ясно: случившееся с ним связать не смогут. Полковник нервно засмеялся, но постепенно страх прошел.

Он проехал через пустынный парк Рок-Крик и свернул вдоль Потомака. Никто не видел, как он остановился и выбросил в реку украшения. Дневник — он боялся, что дневник может всплыть, — он порвал на клочки и засунул в мусорную корзину между старыми газетами и пакетами от сэндвичей.

Оставшуюся часть дороги домой он одолел без происшествий и въезжал в гараж, успокоенно посвистывая сквозь зубы.

Глава 8

Трой Хармон подал свой рапорт, но его интересовало, услышит ли он когда-нибудь о полковнике Мак-Каллохе. В конце рапорта он просил, чтобы его уведомили о дальнейшем ходе дела, если оно будет иметь продолжение. Зачем нужно закупать такое количество золота? Он бы очень хотел понять это.

Но сейчас, судя по всему, никакого дела не было. Да, полковник закупал золото в больших количествах. Но почему бы ему не делать этого? С тех пор как золото поступило в свободную продажу, для его покупки не нужно предъявлять удостоверения личности или составлять какие бы то ни было декларации. Ничего незаконного полковник Мак-Каллох не совершал. Он закупил золото на все свои деньги — и спрятал его в сейф. Он использовал все свои сбережения, продал новую машину и купил старую, взял вторую закладную под дом. И покупал золото и снова золото. Это могло казаться эксцентричным — но опять-таки было вполне законным. Трой описал это во всех подробностях, доклад доставил секретарю адмирала Колонна, оставив для себя копию. К сожалению, адмирал пару дней будет отсутствовать, но он свяжется с ним, когда вернется. Отлично. Трой использует два свободных дня. В Нью-Йорке женится старый друг. Трой вообще-то уже сообщил по телефону, что не сможет приехать, — но ни-

когда не поздно позвонить еще раз. В пятницу вечером ни одна собака в Вашингтоне не заметит его отсутствия.

Уик-энд провели отлично. Сначала мальчишник, как следует выпили с друзьями по Ямайской школе, с которыми он сто лет не виделся и вообще про них забыл. Он-то уехал, а они остались, и связь с ребятами заглохла. Сначала колледж в Итаке, потом армия; много воды утекло. Он собирался съездить домой, да все как-то не удавалось. Семьи в городе у него не осталось, все родные, что еще были живы, жили в Детройте. Отец помер, пока Трой воевал во Вьетнаме, — от рака. Через несколько месяцев — мать. Говорили — от тоски. Может быть... Но все это было давно.

Возвращение в пенаты отметили не только воспоминаниями, но и таким весельем, что Трой не полетел в воскресенье в Вашингтон.

Первый утренний рейс в понедельник из «Ла Гардии» при сыром холодном ветре — специфическая пытка, достойная включения в адский арсенал. Особенно если с бодуна. Сначала торчать, пока не объявят посадку, между хромированными рельсами, потягивая из пакета отдающий картоном кофе и глядя одним глазом в «Нью-Йорк таймс», потом втиснуться в тесное кресло самолета внутренних линий и узнать, что перед тобой стартуют всего-навсего двенадцать самолетов, которые надо переждать. На земле больше времени, чем в воздухе. Мы рады приветствовать вас на борту самолета компании «Восточные линии». Температура за бортом...

В КССС кофеварка была существенно лучше. Трой налил себе кофе в толстую глиняную кружку, чтобы отбить вкус картона во рту. В числе «входящих» только одна бумажка. Телефонный звонок, просьба ответить срочно. От какого-то лейтенанта, с незнакомым номером телефона. В армии много лейтенантов.

Но этот был не из армии. Из столичной полиции.

— Лейтенант... лейтенант Андерсон? Говорит лейтенант Хармон. Отвечаю на ваш звонок.

— Спасибо, лейтенант. Я хотел бы попросить вас подъехать — для разговора. Адрес я вам продиктую...

— А скажите, пожалуйста, по какому поводу?

— Могу только сказать, что расследуется дело об убийстве и мы считаем, что вы будете нам полезны. Сможете приехать сегодня утром?

Уже еду.

Что за убийство? И чем он может помочь? Но зато можно отвлечься от этого зануды-полковника с его золотым складом.

Он попросил секретаршу вызвать такси. Тяжесть в голове еще напоминала о том, что уик-энд закончился только-только. И желания идти по городу через холодную морось у него не было.

Полицейский участок обставлен в современном стиле — без всяких деревянных панелей, примелькавшихся в телесериалах. И лейтенант Андерсон тоже не походил на телегероя. Тощий, хорошо за пятьдесят, коротко подстриженные седые волосы и толстая оправа очков больше напоминали учителя, чем полицейского. И был он черным, очень черным.

— Садитесь, лейтенант, — Андерсон говорил с легким вирджинским акцентом. — Я тут кофе пью, не хотите ли?

— С удовольствием.

— Извините за срочный вызов, но на нас тут свалилось двойное убийство. И я начинаю верить, что ваша помощь может нам понадобиться. Поскольку на этой картине вырисовывается нечто военное.

— Рад помочь. В такой мерзкий понеделник я был бы рад заняться чем-нибудь полезным.

— Отлично. — Андерсон подтянул к себе толстую папку. — Вначале дело выглядело как обычный взлом со случайным убийством. Это на Коннектикут, за парком. Окно рядом с пожарной лестницей выдавлено — в двери тройной замок, а окно без решеток, — никто никогда ничему не учится. Квартира перевернута, ценности исчезли, девушка по имени Марианна Собелл забита до смерти железной кочергой на полу гостиной. Выглядит так, будто она неожиданно застала неизвестного или неизвестных и была убита как возможный свидетель. Ее компаньонка по квартире, некто Трайсия Бродерик, также случайно вошла в разгар веселья и была придушена во избежание неприятностей. Это у нас часто бывает, каждый день по несколько раз.

— Я не вижу, что здесь военного. Какая-то из девиц работала на армию?

— Нет. Погодите, я вам расскажу. Нас заинтересовала пара моментов. Прежде всего: кто и зачем вывернул предохранитель и отключил свет? Это не согласуется с образом действий случайного грабителя. Больше

похоже, что убийца или убийцы проникли через дверь, если она была только захлопнута, а замки не заперты. Но есть кое-что поинтереснее. — Он взял фотографию из папки. — Вот это было написано над дверью.

Трой взял фотографию, и его глаза сузились. **УБЕ-
ВАЙТЕ БЕЛЫХ СВИНЕЙ.** Он бросил ее обратно:

— Ну и что? Да, это сделал черный. Какой-то солдат с вывихнутыми мозгами. Который даже не знает, как пишется «убивать». Что здесь особенного? Слушай, ты все же темноват для клановца, как ты считаешь?

— Спокойствие, о брат мой, — сказал лейтенант Андерсон. — Это дело попало ко мне самым что ни на есть рутинным порядком, и я даже не знал, как ты выглядишь, пока ты не вошел в дверь. Я не пытаюсь сделать из этой истории убийства на расовой почве. А кто-то пытается. Вот давай я тебе покажу, что именно тут припахивает, чтобы не сказать — воняет. Вот фотография первой убитой девушки — Марианны.

Плохо, но он видал и похуже, во Вьетнаме. Правда, там не было таких симпатичных девушек. Но смерть есть смерть, хотя на этой фотографии ее слишком много.

— А это вторая девушка, Трайсия.

Трой взял фотографию — и похолодел. Медленно подняв голову, он встретился глазами с Андерсоном.

— Проклятый гад, — выдохнул он сквозь зубы. Андерсон понимающе кивнул.

Трайсия Бродерик — негритянка. Она была, по крайней мере при жизни, темнокожей, темноволосой красавицей. Даже после смерти она все еще хороша.

— Это для прикрытия, — сказал Трой. — Это не просто взлом.

— И я так думаю. Запланированное убийство, которое замаскировано под убийство при ограблении. Какой-то непонятного цвета сукин сын пытается отвести от себя подозрения, имитируя убийство на расовой почве. Я не знаю, что имел в виду убийца, но я знаю, что не собираюсь сдать это дело в архив и забыть. Потому я и стал копать глубже. Обеих девиц я проверил, и сначала нашел приятеля Трайсии. Он гоняет через всю страну контейнеровозы. Вчера он приехал, и у них было вечером свидание. Они на ближайший месяц запланировали свадьбу. Парень буквально убит. Из дома своих родителей он отправил ее в такси, а сам во

время убийства был в гараже, так что он вне подозрений. Гараж от него в двух кварталах, и он пошел туда пешком. Оттуда, как у них было принято, он позвонил ей домой, но телефон не ответил. У него график работы очень строгий, так что он вывел свою машину и поехал, но сильно волновался. Из закусочной на девяносто пятом шоссе он снова позвонил ей и, не дождавшись ответа, позвонил в полицию. Поэтому мы так быстро появились на сцене.

— А как быстро это «быстро»? — спросил Трой, пристально разглядывая фотографии. Андерсон вздохнул.

— Достаточно быстро не бывает никогда. С Трайсией я уперся в тупик, но другая девушка, Марианна, дала какую-то зацепку. В ее машбюро девицы, с которыми она имела привычку трепаться, сказали, что настоящего друга у нее не было, но в последние несколько месяцев объявился какой-то более или менее постоянный приятель, армейский офицер...

— Это и есть то, что связано с армией?

— Именно. Мы хотели кое о чем с этим офицером поговорить, так что восстановили все ее перемещения в последний вечер. Она никогда не называла ни его имени, ни звания, однако в день убийства рано ушла с работы, потому что, как она сказала, свидание будет особым. В Жокей-клубе, где она раньше никогда не бывала. По ее словам, она должна была быть там в семь. Мы проверили. Единственным офицером, который на это время заказал столик на двоих, был полковник Мак-Каллох.

Трой вскочил, ударив руками по столу.

— Полковник Мак-Каллох? Вы имеете в виду полковника Уэсли Мак-Каллоха?

— Именно его. Теперь ты знаешь, почему ты здесь. Мы, конечно, хотели его допросить, но полковника почему-то не нашли. Ни дома, ни на службе. Он пропал. Как ты понимаешь, расследование вызвало переполох. Через десять минут после нашего звонка в его лабораторию к нам нагрянуло ФБР. А когда мы им сказали, что случилось, они посоветовали связаться с тобой. Они сказали, что ты тот человек, с которым следует поговорить, но почему — не объяснили. Может быть, ты объяснишь?

— Не знаю, имею ли я право. Дай-ка я сначала позвоню.

Андерсон подпихнул к нему телефон и, пока Трой вызывал адмирала Колонна и описывал последние события, углубился в какие-то бумаги. Трой положил трубку, и лейтенант Андерсон вопросительно поднял бровь. Трой стал загибать пальцы:

— Первое. Полковник принимает участие в работе наивысшей секретности. Поэтому, если я чего-то не скажу, не допытывайся о подробностях. Второе. Мне позволено рассказать тебе о полковнике все то, что знает ФБР, что, откровенно говоря, совпадает с тем, что знаю о нем я. Третье. Если ты свистнешь, как твои коллеги в телевизоре, чтобы подали машину, то я тебе все расскажу по дороге к дому Мак-Каллоха.

— Уже свистнул. Но таких шоферов, как в телевизоре, у меня нет. Есть только старый, просящий ремонта «форд», который я сам вожу. Поехали.

У «форда» по крайней мере были сирена и мигалка, и они быстро проехали через забытые улицы к Александрии. У дома стоял посыльный из КССС, на мотоцикле он их опередил. Протянув Трою пакет, он взревел мотором и умчался. Трой открыл пакет и вынул связку ключей.

— Это законно? — спросил он, открывая входную дверь.

— Мы расследуем дело об убийстве. Без тебя я бы эту дверь просто взломал. Открывай и отойди в сторону.

Андерсон откинул полу пиджака и достал полицейский револьвер тридцать восьмого калибра. Трой посмотрел на пожилого полицейского и улыбнулся.

— Думаю, что после Вьетнама я прошел больше дверей, чем ты, лейтенант. Стань сзади и держи эту штуку наготове.

Они резко вломились в дом, но предосторожности оказались ненужными. Дом был пуст. С тех пор как Трой впервые, без приглашения, был здесь, ничего не изменилось. В спальне он откинул ногой коврик, открыл панель и показал на сейф.

— Что, если я это открою? Расследование убийства дает такие права?

— В зависимости от того, что мы там найдем. Я так понимаю, что ты с тем же успехом сможешь его закрыть. Ты видел фотографии. А я видел этих девчонок.

Так что ломай эту хреновину, а законностью озаботимся потом.

Трой достал бумажку, которую ему дал слесарь, и аккуратно набрал все цифры. Как и тогда, на последней цифре дверь спружинила ему в руку. Он открыл ее.

Сейф был пуст. Золота не было.

Не совсем пуст. На дне лежала сложенная в несколько раз бумажка. Они оба склонились над нею.

— На ней твое имя, — сказал Андерсон.

— Прочесть?

— Почему бы нет? Для мины-ловушки она маловата. Просто держи за край, когда будешь вынимать, и разверни концом пера. Там могут быть отпечатки пальцев.

Трой кончиками пальцев вытащил записку и аккуратно положил на столик. Андерсон придержал ее своей авторучкой.

На бумаге жирно, красным фломастером было написано: «Ищи меня, черномазый. Никогда не найдешь!»

Глава 9

— Это ты и есть тот самый черномазый? — спросил Андерсон.

Трой медленно кивнул; на его лице застыло выражение холодной ярости:

— Это я, все правильно. Он на меня взъелся, еще когда мы увиделись в первый раз. Разозлился с самого начала, и потом злился все больше и больше.

— Для армейского офицера у него довольно мерзкая лексика. Как у вас в армии с интеграцией?

— Порядок, но это не значит, что у нас там нет гнилья. И ты думаешь, что именно это гнилье неграмотно настолько, что не знает, как пишется «убивать»?

Андерсон кивнул:

— Здесь что-то здорово нечисто, я в этом уверен. Законно или незаконно, но закупка золота — что-то важное, иначе ни вы, ни ФБР в это дело бы не полезли. Давай сопоставим факты. Марианна на своем серьезном свидании в пятницу вечером была с полковником. Они ели бифштексы, омаров, шампанское — божественный вечер. У него дома вдвоем наслаждались любовной близостью. И что-то она заприметила. Я не знаю что — но что-то, чего она не должна была видеть. Поэтому галантный полковник не отправил ее в такси, а отвез домой самолично, прямо до квартиры. Убил и инсценировал ограбление. Затем выключил свет и подождал в темноте ее соседку, которая могла на него

указать как на спутника Марианны в этот вечер. И тоже убил. Вроде бы все складывается? И очень неприятным образом.

— Сколько здесь догадок, а что — достоверно?

— Из области догадок только то, что она что-то заметила и что заметила это в доме полковника. Остальное — факты, которые отлично складываются в мозаику. Мы знаем, что они вместе ужинали. Коронер* утверждает, что она не изнасилована, но имела сношение. Она принимала пилюли, в крови обнаружены их следы. Сперма во влагалище, на груди и на плечах свежие синяки. Швейцар утверждает, что последние несколько месяцев она возвращалась со свиданий в такси. Этой ночью она не проходила через парадную дверь, но у всех обитателей дома есть ключи от черного хода.

Трой перечитал записку и гадливо перевернул ее.

— Не очень-то приятно об этом думать, но есть какая-то извращенная логика в его действиях. Если его исчезновение как-то связано с золотом и, очевидно, планировалось давно, то он действительно способен убрать любого, кто знал слишком много и мог бы помешать ему. Он был в «зеленых беретах» и в убийствах разбирается. И куда это нас приводит?

— Меня это отсюда выводит, — ответил Андерсон. — Расследование моего отдела на этом заканчивается. Мы, конечно, прощупаем записку, пропылесосим дом, дадим сведения на полковника в розыск и всю прочую рутину запустим. Но у меня такое чувство, что мы свои средства исчерпали. Мы будем расследовать дело дальше, раскручивать все прочие версии, и я буду держать тебя в курсе. Но похоже, наше маленькое убийство перерастает в гигантское дело об угрозе национальной безопасности. Ты говорил, что Мак-Каллох связан с секретной работой?

— Был. И то, что он исчез, в самом деле плохо. Чувствую, что нас ждет большая плюха. Если будет что-нибудь новенькое, я тебе сообщу.

— Да уж. Я звонить не буду, звони сам.

— Извини, но больше мне сказать нечего.

* Коронер — лицо, дающее официальное заключение о причине смерти. — *Примеч. ред.*

— Не бери в голову, сынок. Я всю жизнь работаю в столице. Там, где в дело вступает правительство, мы уходим.

— Спасибо, что понимаешь. Слушай, ты не отдашь мне эту записку?

— Оригинал останется у нас. Мы снимем тебе копию, завтра получишь. Годится?

— Вполне. Подбросишь меня на обратном пути?

— Прямо до двери.

К концу дня туманная изморось сменилась тоскливым осенним дождем, который отлично соответствовал настроению Троя. Он ехал молча, погружившись в свои мысли, снова и снова вспоминая убитых женщин, пустой сейф, издевательскую записку и опустевший дом полковника. Он так же, как и полисмен, не понимал, что к чему, но чувствовал, что все эти необъяснимые действия как-то связаны. И он собирался сделать все возможное, чтобы узнать — как.

Когда он вошел в здание на Массачусетс-авеню, секретарша махнула ему рукой:

— Приказ адмирала. Немедленно явиться в его кабинет. Третий этаж, маленькая зеленая дверь в конце коридора.

— Не в конференц-зале?

— Восчувствуйте, вы среди немногих избранных. Бросьте здесь плащ и бегом наверх.

Дверь была полуоткрыта. Он остановился в нерешительности, и изнутри раздался голос адмирала:

— Толкни дверь, Трой. И закрой ее за собой.

Трой не знал, чего ожидать — но уж точно не этого. Никакой мебели, обычной в кабинетах высших чинов или в адмиральских каютах, здесь не было. В лишенной окон комнате пусто, если не считать серых металлических ящиков, закрывавших одну стену. Адмирал сидел у другой стены, глядя на экран компьютера. Кроме компьютера, в комнате был еще только лазерный принтер и рядом с ним — телефон. Даже второго стула не было.

— Вот здесь и идет работа, — сказал адмирал. — Все, что мне нужно знать, я узнаю по компьютерной сети или по телефону. Обратно информация уходит так же. Бумаге я больше не доверяю — мы живем в век электроники. А теперь расскажи, что там за ужасы с полковником.

Сесть было не на что — разве что на пол, поэтому Трой стал «вольно», сцепил руки за спиной и аккуратно изложил факты и те заключения, к которым пришли они с Андерсоном. Адмирал, разговаривая с ним, смотрел не на него, а на экран, время от времени набирая что-то на клавиатуре, будто что-то редактируя. Он только однажды поднял глаза, когда речь зашла о пустом сейфе и записке.

— Ты помнишь, что там написано?

— Трудновато забыть, адмирал. Там было сказано: «Ищи меня, черномазый. Никогда не найдешь!»

— Интересно. Очевидно, он понял, что ты приходил к нему из-за него, а не из-за армейского капрала. А это значит, что он знает и о наблюдении ФБР — или, по крайней мере, считает его возможным. Убийство двух женщин означает, что у него был какой-то план, с четкими сроками, и он не мог позволить себе отступить от них. Если мои предположения верны, он старался выиграть время, чтобы закончить свои приготовления к какому-то заключительному этапу. Он намеревался исчезнуть куда-то со всем золотом, бросив налаженную жизнь и военную карьеру. Такое можно сделать только ради чего-то дьявольски важного. Можешь представить, что бы это могло быть?

— Нет, сэр. Но у меня есть кое-какие предложения по немедленным действиям. Считаю необходимым разослать описание Мак-Каллоха по всем аэропортам, пограничным пунктам, таможням — всюду, откуда можно попытаться уехать из страны. Уверен, что основания для его задержания найдутся.

— Наверняка. Для начала можно объявить его дезертиром. Достаточно серьезное обвинение.

Адмирал быстро нажимал клавиши. Он прочитал ответ, ввел еще одну команду и откинулся на стул. Принтер зажужжал и выплюнул лист бумаги.

— Подтверждение от ФБР о готовности к действию. Слава компьютерным сетям! Сейчас все дырки в границе мы зашьем за три минуты.

— Как вы считаете, это поможет?

— Нет. Куда бы он ни направлялся, он наверняка уже там. Но если запереть дверь в обворованном доме, вреда не будет. Что дальше?

— Я думал об этом всю дорогу. Но сначала я хотел бы знать: я все еще отвечаю за эту операцию?

— Пока не получишь другого приказа.

— Отлично. Тогда я хотел бы потратить немножко казенных денег. Мне понадобится помощь ФБР здесь и ЦРУ за границей. Мне нужна каждая подробность жизни Мак-Каллоха, каждый клочок его биографии, который они смогут раздобыть. Я хочу знать, кто его друзья, и когда их найдут, я хотел бы, чтобы их опросили; чтобы врагов его тоже нашли. Я хочу знать все его контакты, всех его подружек, все и вся об этом человеке. Конечно, будет куча мусора, которую придется долго и медленно перелопачивать. Но где-то в ней ответ на все наши вопросы о полковнике и его золоте.

Адмирал кивнул:

— Для начала разумно. Я организую. Кстати, ты сам что собираешься делать?

— Хочу поехать на место службы полковника и поговорить с каждым, кто его знал. Это может дать ниточку. Не исключено, что кто-то из них с этим связан. Я уже знаю, что он сказал про меня капралу Мендесу, которого я якобы хотел допросить, — что-то такое, что сразу его разозлило. Я хочу знать, что именно. Я должен иметь свободный доступ в лабораторию «Уикс электроникс» и иметь возможность говорить с каждым ее сотрудником. Вы знаете, какие работы там ведутся?

— Нет. Знаю только, что работы высшей секретности по суперсовременным технологиям. Вы думаете, этот проект имеет какое-то отношение к исчезновению полковника?

— Понятия не имею. Но хочу исследовать все возможные нити. Мак-Каллох знал, какие работы там ведутся?

— Наверняка знал.

— Тогда и я должен знать. Вы можете это устроить?

— Возможно. Если у тебя достаточный допуск, проблем быть не должно. Я спрошу кого надо.

Согласие пришло меньше чем через час, что для бюрократии, связанной с вопросами допуска, было просто чудом. И следствием того интереса, который проявили высшие инстанции к исчезновению полковника Мак-Каллоха. Еще через час после получения разрешения адмирал позвал Троя в конференц-зал. Трой постарался не показать волнения при виде полковника и двухзвездного генерала.

— Генерал Стрингхэм, полковник Буркхардт, перед вами сержант Хармон. Как вам известно, в данной операции он выступает под званием лейтенанта.

Трой отдал честь так, как не отдавал никогда в жизни. Приветствие было возвращено в молчании, которое не нарушилось, пока адмирал не покинул комнату.

— Генерал примет у вас присягу в связи с допуском к высшей форме секретности, — сказал полковник. — Как только это будет сделано и засвидетельствовано мной, вы получите новое удостоверение и пропуск в проект «Гномен». Я сопровожу вас туда. Поднимите правую руку.

Трой впервые услышал имя проекта, над которым работала лаборатория. Для него оно ничего не значило. Церемония прошла быстро, и как только она закончилась, Трой с полковником поспешили к штабному автомобилю. Два мотоциклиста расчищали им путь в вечернем потоке машин. Трой стал понимать, в какие глубокие воды забросил удочку.

— Мерзкая погода, — сказал полковник Буркхардт. — Хотя могу спорить, что зима будет еще хуже. Он потянулся к перегородке водителя и закрыл ее.

— Вы должны узнать, куда скрылся этот подлючий сукин сын, и прибить его за принадлежности гвоздем к стенке. Вам ясно?

— Так точно, сэр. Разрешите спросить: вы знакомы с проектом «Гномен»?

— Нет. Не знаю ничего, но директор проекта — доктор Делькур, и к этому директору мы направляемся. Кроме того, это самый секретный из всех секретных проектов, которыми мы когда-либо занимались. Бюджет проходит только по ЦРУ. Так что когда пропадает офицер безопасности, охраняющий нечто подобное, мне становится страшно. И вы должны понимать, что с самых верхов будет дана команда начать расследование наилучшей командой специалистов; как только они там договорятся, чья это епархия. Но вы начинали это расследование, вы его и продолжите, пока вас не сменят. Это значит, что мы хотим получить от вас ответы, причем сию минуту или даже быстрее.

На такие речи только и можно отвечать, что «Есть, сэр». Когда односторонний разговор иссяк, Буркхардт откинулся на сиденье и всю дорогу остервенело жевал незажженную сигару. В лаборатории у них еще раз

проверили документы и препроводили в главное здание. Сопровождающий ввел их в лифт, который поднимал прямо в кабинет директора.

Доктору Роксане Делькур было за пятьдесят. Седая, но все еще привлекательная, с не совсем удачной косметикой, но эффектно одетая, в сером костюме джерси. Единственное украшение — ожерелье искусственного жемчуга, заправленное под воротник блузки. Колец не было, в том числе и обручального. Она пожала руку Трою и проводила Буркхардта к выходу.

— Ну, лейтенант, садитесь. Очень тяжелый сегодня день, со всеми этими визитами. Похоже, Уэс Мак-Каллох не вышел на работу, что воспринимается как конец света.

— Вы должны мне поверить, доктор, — это очень серьезно. Как бы там ни было, он отвечал за безопасность.

— Я знаю, но у нас нет ничего, что могло бы заинтересовать хоть какого-нибудь шпиона. «Гномен» — чисто исследовательский проект, простой и ясный. Упражнение по высшей математике и теоретической физике. Есть первые результаты, но до применения, боюсь, еще далеко.

— Мак-Каллох знал что-нибудь о здешних работах?

— Он отвечал за безопасность, так что должен был знать все.

— Тогда, доктор, боюсь, что мне тоже придется узнать, что здесь делается. Вы не могли бы мне рассказать о проекте?

Глава 10

— О Господи, — сказала Роксана Делькур. — Вы хотите, чтобы я вам объяснила, чем мы тут занимаемся? — Она откинулась на спинку стула, вертя в руках желтый карандаш. — Это будет трудновато. В основе лежит теорема...

— Должен сказать, доктор, что математика никогда не была моей сильной стороной.

— Как, боюсь, и большинства. И, кстати, меня зовут не доктор, а Роксана. Вас, насколько я понимаю, тоже не крестили лейтенантом.

— Совершенно верно, доктор... извините, Роксана. Меня зовут Трой.

— Отлично, Трой. Давайте я, не вдаваясь в тонкости, популярно расскажу вам о математике, которой мы занимаемся. Моя работа была всегда связана с элементарными частицами, в основном с движением субатомных частиц и их связью с единой теорией поля...

— Я отстал на первом же барьере. Какой теорией?

— Единая теория поля выросла из общей теории относительности Эйнштейна. Проще говоря, она связывает вместе все существующие в природе силы и доказывает их единство. Это не просто. Много лет люди искали доказательство, или опровержение, или вообще какой-нибудь подход к этой задаче. Я, как и Эйнштейн, математик, а не физик. Но в моем распоряжении гораздо больше результатов лабораторных исследований и

больше возможностей проверять мои расчеты экспериментом. То есть заниматься тем, что мы сейчас делаем.

— Чем же? — спросил он, заинтересованный.

— Пытаемся найти соотношения между пространством и временем. Давайте я вам покажу нашу лабораторию, может быть, вы лучше поймете.

Это не помогло. Трой шел за ней, глядел на ускорители частиц, следящие камеры, стойки и шкафы с аппаратурой, у которой, ясное дело, даже названий не было. Какие-то ученые с энтузиазмом показывали ему белые треки на черных фотографиях с такой гордостью, с какой обычно показывают фотографии детей. Экскурсия здорово его озадачила и повергла в размышление о том, что все-таки можно из нее извлечь. Потом Роксана повела его в зал для руководства, отгороженный от общей столовой, попить первоклассного кофе с воздушными пирожными.

— У вас тут все организовано весьма впечатляюще, — заметил Трой, жуя пирожное.

— Верно. Вы заметили, какая у нас захватывающая работа?

— Нет, — сознался он. — Но охрана и режим секретности поставлены по высшему классу.

Они рассмеялись.

— Нет, я серьезно. Мак-Каллох замешан в каком-то темном деле, о котором мы еще не знаем. Но как офицер безопасности он это место зашил наглухо. Все учреждение разделено на зоны безопасности с контролем переходов первого класса надежности. Каждый входящий и выходящий регистрируется в каждой зоне. Данные идут в компьютер, который таким образом содержит информацию о местонахождении каждого сотрудника в каждый момент. Высочайшая эффективность.

— А кроме этого, Трой?

— Почти не врубился. Понимаете, доктор Делькур...

— Роксана.

— Извините, Роксана. Вы меня поразили двумя вещами. Первая — вы знаете во всех подробностях, что здесь происходит. Я не знаю, обратили ли вы внимание, что вам задают кучу вопросов о тысяче предметов и вы отвечаете сразу и не задумываясь. Я, конечно, не имею понятия, что именно вы говорите, но людей ваши ответы удовлетворяли. Вы настоящий руководитель.

— Спасибо, Трой. Я уже много лет не слышала ни от кого комплиментов. — Она улыбнулась поверх кофейной чашки, и ее лицо, утратив деловое выражение, стало вполне привлекательным.

— Это не лесть, а чистая правда.

— Еще лучше. Но вы говорили о двух вещах. Ну, еще один комплимент для завершения речи!

Они оба засмеялись.

— Вторая: вы из тех, кто знает свое дело. Из профессионалов, которые никогда не... как бы это сказать...

— Не вешают лапшу?

— Именно. Нечто в этом роде я и имел в виду. Вы знаете, что делаете, вы полностью управляете этой конторой, и в то же время вы могли бы служить ходячей рекламой для феминисток. И все это вместе меня еще больше расстраивает.

— Почему же?

— Из-за моей тупости. Я по-прежнему представления не имею о том, что тут делается.

Она покачала головой:

— Нет, Трой, это моя вина, и я должна принести извинения. Обычно я разговариваю со специалистами и почти забыла, как говорят нормальным человеческим языком. Я не даю интервью газетам, у меня нет мужа для разговоров на бытовые темы, да и нет интересов вне работы. Мне сейчас вот пришло в голову, что я довольно занудная особа.

— Я этого не говорил!

— Ну, так я сказала. И прямо сейчас с этим покончу. Бросим кофе, пойдем ко мне в кабинет и откроем бар. — Она как-то иначе глянула на него: — Пить умеете?

— Испытайте меня!

— Ладно. Я смешаю пару хороших коктейлей и под благотворным воздействием алкоголя сделаю попытку вернуться в ряды человечества.

Через пятнадцать минут Трой в глубоком кресле с благодарностью потягивал оживляющий холодный джин.

— Что хорошо, то хорошо. Должен сознаться, что в субботу и воскресенье я несколько увлекся алкоголем, и вы сегодня предложили мне лекарство.

— Чудесно. — Роксана отпила из бокала, прихватила пальцами мелкую белую луковичку и задумчиво пожевала ее. — Итак, начнем. Если я забреду в сторо-

ну от прямой дороги или если ты не поймешь хоть слово, просто скажи «тпру!». Согласен?

— Вперед.

— Все формы энергии во Вселенной неизбежно связаны между собой. Для примера рассмотрим электрическую лампочку, где электрическая энергия превращается в тепловую, которая, в свою очередь, превращается в энергию света. Иногда такую связь найти труднее. Возьмем, например, движение объекта в гравитационном поле. Допустим, ты поднял груз и привязал его к потолку. Казалось бы, он просто себе висит там. Но при этом он содержит и ту мускульную энергию, которую ты ему сообщил, поднимая, хотя эта энергия теперь имеет другую форму — это потенциальная энергия. Если ты перережешь веревку, она превратится в кинетическую и груз упадет.

— Пока отлично. — Трой протянул бокал, подставив его под шейкер. — Вроде бы мы это проходили в старших классах.

— Механика, первый раздел физики. Ты это сам знаешь, а я только напоминаю. А теперь попробуем перескочить от этой теории и мысленного эксперимента к тому реальному делу, которым мы здесь занимаемся и для которого, собственно, и открыли нашу лабораторию. Мы проверили несколькими способами мои исходные теоретические положения. Теория получила достаточное подтверждение, хотя некоторые дырки нас все еще беспокоят. И все-таки эксперименты уже дают желаемый результат. Используя многомерные параметры, понятийно затрагивающие темпоральные смещения без нарушения физической четности...

— Вот сейчас, — перебил Трой.

— Что сейчас?

— Вы произнесли фразу, в которой мне понятно только «используя».

— Ты прав, приношу извинения. Попробую еще раз. В лабораторных условиях, затрачивая большие количества электроэнергии, мы организуем минимальные трансформации в темпоральную энергию, вызывающую физическое смещение.

Произнеся последние слова, она сообразила, как они звучат, и расхохоталась.

— Неисправима, — сказал Трой. — Но какой-то смысл я все же уловил. Вы сказали, что каким-то образом на время что-то переместили?

— Да, то есть нет. Переместили, но не «на время», а «во времени».

Трой со всей осторожностью поставил бокал на стол и посмотрел прямо на Роксану.

— Если я вас правильно понял, — начал он, — вы пытаетесь мне объяснить, что переместили кусок чего-то сквозь время?

— Грубо говоря, нечто в этом роде.

— То есть вы говорите, что там, среди всего этого железа, вы построили машину времени?

— Ну, я думаю... — Она лучезарно улыбнулась. — Вообще говоря, я полагаю, что построили.

Глава 11

— Тогда не удивительно, что все так зациклились на вопросах вашей безопасности, — сказал Трой. — Машина времени — даже сама идея настолько неохватна! В телевизоре, конечно, прыгают во времени туда и сюда, но каждый знает, что это только актеры в костюмах среди декораций. А у вас здесь, в лаборатории, настоящая... — у него не хватило слов, он развел руками, посмотрел, что в бокале почти пусто, и допил остатки. Роксана встала и подошла к бару:

— Извини, я плохая хозяйка. Но ты прав, машины времени, которые туда и сюда снуют, как троллейбусы, бывают только на телевидении. Наша не так впечатляет. А когда ее включают, ей нужно столько энергии, сколько идет на освещение Чикаго, причем чтобы сделать, скажем так, очень мало.

— Что, например?

— Сейчас я тебе покажу. Давай допьем, пока лед не растаял.

Он допил — и вдруг его поразила внезапная догадка.

— А не может ваша машина иметь отношение к исчезновению Мак-Каллоха?

Роксана на минуту задумалась, потом решительно качнула головой:

— Мне представляется это крайне маловероятным. Ты спрашиваешь, не мог ли он переправить с ее помощью куда-то свое золото? Это настолько близко к

невозможному, что просто невозможно. Наибольший объект, с которым мы работали, весил несколько граммов. Но пойдем в девятую, пока она не закрылась. Боб Клейман приходит на рассвете, зато и уходит рано.

Лаборатория девять располагалась в нижнем этаже здания. Трой еще здесь не был. Тяжелая входная дверь была заперта, и даже охранник не мог ее открыть. Ему пришлось позвонить на центральный пост и назвать посетителей, и только тогда замок щелкнул и дверь открылась. Когда за ними снова закрылась тяжелая дверь, Трой почувствовал, что волосы на его голове шевелятся. Он попытался их пригладить, но они вставали дыбом. Роксана усмехнулась.

— Не волнуйся. — Она провела руками по своим волосам, ореолом вставшим вокруг головы. — Статическое электричество. Несколько миллионов вольт, но токи ничтожные и беспокоиться совершенно незачем. Побочный эффект работы машины. Зато теперь ты видишь, в какой обстановке мы работаем.

Обстановка впечатляла. Особенно электрооборудование. Провода толщиной в человеческую руку, обвитые вокруг гигантских фарфоровых изоляторов, уходили в чрево огромных машин. Большая часть аппаратов громоздилась в центре ярко освещенной комнаты, где пол заметно поднимался вверх. И не просто поднимался, заметил Трой, а в этом месте из бетона выступал гребень серой скалы. Одни машины были закреплены на ней стальными болтами, другие перекидывали над ней стальные рычаги. У машины человек в лабораторном халате. Он оглянулся на голос Роксаны:

— Боб, к тебе посетитель. Лейтенант Хармон, доктор Клейман. Трой, Боб.

— Рад познакомиться. — Клейман вытер руку о заляпанный халат, и они поздоровались.

Доктор Клейман очень напоминал классически-карикатурный образ ученого. Седые, небрежно подстриженные пряди давно зывали к ножницам парикмахера. Сквозь очки с бутылочнов-выпуклыми стеклами он, моргая, глядел на Троя:

— Если ты пришел призывать меня в армию, то не совсем по адресу. У меня от рождения белый билет.

— Не бойсь, — улыбнулся Трой. — По мне, ты не совсем похож на гренадера.

— Могу спорить. Но если ты с неофициальной целью, то с какой?

— Для ознакомления, — сказала Роксана. — Я считаю, что Трой лучше поймет смысл проекта, если он увидит нашу работу. Ты проводишь калибровку?

— Целый день. Чтобы не замалчивать достижения гения, сообщаю, что добавил еще два знака после запятой.

— Не может быть!

Роксана хлопнула в ладоши, и Трою почти захотелось тоже прийти в восторг от двух знаков после запятой. Но он понимал, что сейчас не время для вопросов.

— Не веришь на слово? И правильно. Дай-ка я введу еще кое-какую информацию, а потом покажу. Трой, у тебя есть четвертак? Плата за вход в два этапа. Спасибо.

Боб положил монету на верстак, слегка поцарапал напильником и протянул обратно:

— Вот, смотри. Я нацарапал птичку возле хвостика парика старого Джорджа. Видишь?

— Вижу.

— На монете стоит дата: 1965. Тебе достаточно примет, чтобы отличить эту монету от любых других? Есть такие люди, которые всегда боятся, как бы их не надули.

— Я не заметил дату, когда передал тебе монету, — сказал Трой. У тебя была возможность заменить ее похожей монетой, дубликатом.

— Ты прав. Рокси, ты с ним поосторожнее, парень ушлый. Ладно, мистер сообразяга, возьми напильник и поставь такую метку, чтобы ты отличил эту монету от всех других и удостоверился, что тебе не втирают очки.

Трой нацарапал крест на благородном лбу Вашингтона и вернул монету. Боб отступил и спрятал руки за спину.

— Нет уж, Фома неверующий. Ты ее сам положишь, вот сюда, под лазер, чтобы потом не говорил, что я ее в ладони спрятал.

На верхушке скалы было ровное место, посередине которого застыл рубиново-красный круг. Трой положил монету под луч и отступил назад.

— Эксперимент начинается, — объявил Боб, перебросив несколько тумблеров и глядя на цифры, поплыв-

шие по дисплею компьютера. По ним он настроил еще какие-то приборы и произнес:

— Готово! Если вы, леди и джентльмены, соблаговолите присоединиться ко мне за этим вот изолирующим барьером, то мы счастливо избежим образования искр. Рекомендую встать на резиновый коврик и взяться рукой за медный рельс. Трой, на твоей армейской наручной луковице есть секундомер?

— Есть.

— О'кей. Заведи его и запусти, когда я толкну рукоятку. Давай!

В воздухе резко затрещало, и вокруг металлических поверхностей засветился коронный разряд. Свечение исчезло так же быстро, как и возникло, и Боб вывел их обратно к установке. Скала была пуста.

— Где твоя монета? — спросил Боб.

— Нету.

— Ну ты и востроглазый!

— Спасибо на добром слове. Куда она девалась?

— Правильнее было бы спросить «когда она девалась». Смотри внимательно. Должно быть точно семнадцать секунд. Вот!

Монета появилась снова, там же, будто никуда и не исчезала. К ней никто не подходил, и ближайший аппарат стоял в двух футах. Трой рефлекторно нажал кнопку секундомера. Семнадцать и семь десятых. Он взял монету. Царапина на месте и крест тоже. Год 1965.

— Классно, Боб, — сказал он, зажав монету в кулаке. — А теперь не будешь ли ты столь любезен объяснить мне, что, черт побери, с ней произошло?

— С удовольствием. За счет расхода электроэнергии примерно на четыре бакса твой четвертак был послан вперед по направлению времени точно на семнадцать секунд. Нам, наблюдателям из стационарного потока времени, показалось, что монета исчезла. Однако она не исчезла, она находилась здесь же, на скале, только на семнадцать секунд позже. Через эти самые семнадцать секунд нам показалось, что она появилась, что на самом деле неверно. Она была там, а нам понадобилось семнадцать секунд, чтобы до нее добраться. А теперь самое время сказать «Не верю ни единому слову».

Трой медленно разжал кулак и посмотрел на монету.

— Я верю, — сказал он, и сам поразился хрипоте своего голоса. — Понять не могу, но верю.

— Мои поздравления, — сказала Роксана. — Подавляющее большинство тех, кто видел, просто не верят своим глазам. Все настолько противоречит их восприятию мира, что принять это невозможно. Потому-то мы и занимаемся этими игрушками, помечая монеты. И все равно почти никто не верит, пытаюсь разгадать трюк, с помощью которого их надули.

— Один генерал ткнул в скалу перочинным ножом, — сказал Клейман. — Божился, что она картонная. Вон, видишь царапину? Лезвие сломал.

— Я верю вам, — сказал Трой. — Хотя у меня чуть-чуть крыша едет. Она в обе стороны работает?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ее послал вперед во времени, а назад можешь?

— Теоретически — да, — сказал Клейман, выключая какие-то кнопки. — Но пока мы не знаем. Мы экспериментировали с частицами, потом с объектами чуть побольше. Они исчезали из виду и никогда не появлялись снова. Так что нам пришлось вернуться к столу и пересмотреть всю теорию до начала новой серии экспериментов.

Трой пытался представить себе все возможности машины. Но его беспокоила мысль, что машина была связана с делом полковника Мак-Каллоха.

— А посылать можно все, любой предмет?

— Пока что все, что передавалось, — передавалось. Ты имеешь в виду что-то конкретное?

— Золото?

— Почему бы и нет? В твоем четвертаке было серебро, и следы золота тоже могли быть. Нет проблем.

Нет? Одна, по крайней мере, была, и большая. Что общего у этой машины, золота Мак-Каллоха и будущего, если прошлое исключается? Ничего не придумаете. И голова начинала болеть.

— Спасибо за демонстрацию, Боб. И за помощь.

— Всегда рад, заходите еще. Слушай, а ты зачем здесь? Или это секрет?

— Ничего секретного. Я из службы безопасности и провожу расследование, которое касается некоторых здешних сотрудников. Вот мне и понадобились детали проекта.

— Безопасность? Отлично! — Боб перегнулся через консоль и отсоединил разъем. — Ты-то мне и нужен. Я целый день пытаюсь связаться со Старым Брюзгой, этим вашим Мак-Каллохом, а в ответ получаю одни извинения.

Трой взглянул на Роксану и увидел на ее лице собственную тревогу.

— Зачем он тебе нужен? — спросила Роксана.

— Чтобы делал свою работу, вот зачем. — Он выпрямился и махнул в ее сторону концом кабеля. — Меня заставляют писать отчеты да еще кричат, что крайний срок — вчера, но разве я жалуюсь? Пока есть Харпер, ассистент, на которого я сваливаю бумажную работу и который никогда не опаздывает и никогда не болеет. А сегодня он не только опоздал, но вообще не пришел. Телефон у него дома не отвечает. И Старый Брюзга, когда он нужен, тоже отсутствует. Может, ты знаешь, что здесь происходит?

Глава 12

— Именно такими делами я и занимаюсь, — сказал Трой, стараясь ничем не выдать, насколько для него важно услышанное. — Я проверю, что тут делается, и доложу тебе. А на твоём месте я бы не волновался по этому поводу.

— Это я волнуюсь? Я просто зарабатываю себе язву. Небольшую. А потом я буду сидеть до полуночи, делая его работу после своей. Будешь говорить с Харпером, не забудь про язву.

— Спасибо за демонстрацию, — сказал Трой. Клейман в ответ приподнял воображаемую шляпу и отвернулся к своей машинерии.

— Кто этот Харпер? — спросил Трой.

— Алан Харпер, — ответила Роксана. — Электронщик, волшебник в своём деле. По-моему, ты забеспокоился. В чём дело?

— Что-то не так. Слишком много совпадений, чтобы они оказались случайными. Мак-Каллох исчез — и Харпер одновременно с ним.

— Ты думаешь, они заодно?

— У меня нет данных даже, чтобы гадать, и я очень надеюсь, что это не так. Однако связаны они или нет, дело серьёзное. Особенно если Харпер имел доступ к секретной информации. Что ему известно о проекте «Гномен»?

— Все, — ответила Роксана, заражаясь его тревогой. — Пойдем в кабинет. У меня есть его домашний адрес.

Трой набрал номер и услышал длинные гудки. С каждым гудком внутреннее напряжение росло. Дом был в Бетезде, недалеко. Придерживая трубку плечом, он вынул из бумажника визитную карточку инспектора полиции.

— Не отвечает? — спросила Роксана.

— Нет. У вас тут есть автомобиль, который я мог бы взять?

— Панелевоз и фургон, вообще-то...

— Фургон, если можно.

Он нажал на рычаг и быстро набрал номер инспектора:

— Алло, мне нужен лейтенант Андерсон. Лейтенант Хармон. Нет на месте? Вы можете с ним связаться по радио? Хорошо, скажите ему мой номер. Срочно. Скажите, что это по делу об убийствах на Коннектикутавену.

Через минуту позвонил Андерсон и, ни о чем не спрашивая, согласился на встречу на шоссе Шеви.

Трой с трудом вел фургон по Окружной, выдерживая пятьдесят пять миль в час. На выезде тридцать три он свернул и стал искать нужную улицу; свернул в нее и увидел полицейскую машину. Трой подъехал, из машины вышел лейтенант Андерсон.

— Что случилось? — спросил Андерсон.

— Я сейчас из лаборатории, в которой полковник состоял начальником службы безопасности. Один из главных работников сегодня не вышел на работу. На телефонные звонки не отвечает. Возможна связь с делом Мак-Каллоха.

— Или нет. Что еще расскажешь?

— Честно говоря, ничего. Кроме того, что работа высшей секретности и высшего приоритета.

— Поверю на слово. Но мы не можем просто по подозрению высаживать дверь. — Он посмотрел на старый многоквартирный дом. — Он женат?

Трой покачал головой:

— Нет. И живет один.

— Если человек не реагирует на звонок в дверь, мы можем заподозрить болезнь или несчастный случай. Это достаточное основание, чтобы просить суперинтенданта открыть дверь.

Супер был небрит, ворчлив и явно только что проснулся.

— А чего вам от него надо?

— Нам от него ничего не надо, — терпеливо объяснял Андерсон. — Мы проводим расследование по заявлению об исчезновении человека. От вас требуется только открыть дверь и войти вместе с нами.

Супер не проявил ни малейшей охоты к сотрудничеству, но позолоченная бляха Андерсона оказалась мощным аргументом. Ворча себе под нос, суперинтендант вошел с ними в лифт. Он не только не брился, но и мыться явно не любил. Когда на пятом этаже дверь лифта открылась, Трой с Андерсоном облегченно вздохнули. Звякая большой связкой, супер долго выбирал нужный ключ. Дверь открылась, Андерсон вошел первым. Шторы были задернуты и всюду включен свет.

— Мистер Харпер, — позвал Андерсон. — Вы дома?

Ответа не было.

— Трой, постой здесь с супером, а я посмотрю.

Трой молча глядел, как он прошел по гостиной и заглянул в спальню. Открывая дверь ногой и ни к чему не прикасаясь. В спальне, очевидно, было пусто, потому что он повернулся и направился в кухню. Там он остановился в дверях, заглянул внутрь, повернулся и пошел обратно, что-то вытаскивая на ходу из кармана. Вынув одну из своих карточек, он протянул ее суперинтенданту:

— Позвони по этому телефону. Спроси инспектора сержанта Линдберга. Прочти ему мое имя с карточки и скажи, где я нахожусь. Скажи, чтобы прислал бригаду по расследованию убийств.

— Слушайте, мистер, у меня есть своя работа. Мне некогда тут раззванивать для всех, кто...

Тут до него дошло, что было сказано. Он вытаращил глаза и сделал шаг назад, потом захлопнул рот, повернулся и побежал.

— Мертвый? — спросил Трой.

— Исключительно. Пойди посмотри.

Алан Харпер лежал на спине, раскинувшись на кухонном полу. Рядом валялся разбитый стакан, молоко из него затекло ему под голову и уже высохло. Выкаченные глаза застыли, рот скривился в беззвучном крике боли.

— Чем он убит? — спросил Трой.

Андерсон пожал плечами:

— Ни оружия, ни ран не видно. Скоро узнаем. Тебе это здорово не в жилу?

— Не говори. Теперь еще важнее раскопать, не был ли этот человек связан с Мак-Каллохом. Я возвращаюсь в лабораторию. Номер телефона у тебя есть, спросишь службу безопасности. Сможешь мне сообщить, что с ним случилось?

— Без проблем. Но мне придется задать тебе несколько вопросов о покойнике.

— Ладно. Я расскажу тебе все, что еще не засекретили. А сейчас мне надо поднять его личное дело.

Трой направился прямо к зданию службы безопасности. Сначала ему нужны были какие-то факты, чтобы ответить на несколько вопросов. Внутри здания чувствовалось напряжение, готовое вот-вот разразиться взрывом. Когда вошел Трой, три сидевшие в комнате девицы старательно отвернулись.

— Кто здесь старший? — спросил Трой. Не получив ответа, он показал на блондинку с роскошными локонами. — Вот вы, мисс. Будьте добры подойти сюда. Как вас зовут?

— Дэйзи, — ответила она почти шепотом.

— Вот, Дэйзи, мое удостоверение и допуск...

— Я в этом ничего не понимаю. Я просто технический работник.

— Я знаю, но... Ладно, кто здесь главный?

— Полковник Мак-Каллох.

— И это я знаю, но, когда его нет, кто его замещает?

— Никто, сэр. Полковник всегда здесь.

— А сейчас его нет, и что-то с этим надо делать. Если он никого не оставил за себя, то он должен был доложить по начальству. Кому он подчиняется?

— Министерству обороны, сэр.

Трой постарался не скрипнуть зубами.

— Это мне известно. Но кто... Ладно, Бог с ним. Свяжитесь с Пентагоном и найдите генерала Стрингхэма. Если это невозможно, попросите полковника Буркхардта. Я буду говорить с любым из них.

Генерала нашли только через пятнадцать минут, но это помогло. Дэйзи вытаращила глаза.

— Вы здесь главный, сэр! Так они сказали. Лейтенант Хармон — это вы?

— Верно. А теперь достаньте мне секретное досье одного из работников лаборатории. Некого Алана Харпера.

— Да, сэр. Сейчас сделаем распечатку из компьютера.

Чтобы заставить компьютер найти нужную запись, потребовалось больше времени, чем ожидалось. Трой, слыша шепот в соседней комнате, методично осматривал стол полковника. Дэйзи нерешительно вошла в кабинет с единственным листком бумаги в руках: Трой поднял глаза.

— Я не знаю, что случилось, лейтенант Хармон, но у нас не получается. Мы не можем найти досье мистера Харпера. Наверное, компьютер сломался, но все остальное, что мы запрашиваем, он выдает.

Трой взял листок и заметил, что рука у нее дрожит. Трой прочел листок и сказал:

— Спасибо, Дэйзи. Кто имеет доступ к файлам компьютера?

— Мы. То есть все девушки из отдела.

— Понимаю. То есть вы имеете право и вводить информацию, и запрашивать?

— Нет, сэр. Мы не знаем пароля для ввода или изменений. Только полковник Мак-Каллох. Мы делаем распечатки, ищем, что нам скажут, ну и...

— Спасибо, Дэйзи. Пока все.

Зазвонил телефон в офисе и через минуту загудел телефон у него в кабинете. Он поднял трубку, не сводя взгляда с лежащего перед ним листка.

— Лейтенант Хармон.

— Хармон? Это лейтенант Андерсон. Причина смерти Харпера установлена. Отравление. Стрихнин. Очень болезненно и очень быстро. Яд в стакане с молоком и в пакете на столе.

— Самоубийство?

— Не похоже. В холодильнике еще один пакет молока, и тоже сильно начинен стрихнином. Дальнейший осмотр установил наличие прокола под наклейкой. Возможно, вещество введено в пакет шприцом. Самоубийцы обычно так не поступают.

— Зато так мог бы поступить убийца. У меня есть для тебя подозреваемый. Полковник Уэсли Мак-Каллох.

— Есть основания для подозрения?

— Наверняка. — Трой так сжал распечатку, что она порвалась под пальцами. — То, что я тебе сейчас скажу, пока еще не зафиксировано. Но только полковник Мак-Каллох имел доступ к секретным личным делам. И дело Харпера он начисто стер. Полностью. На этом месте осталось только сообщение для того, кто следующим обратится к этой записи.

— Можешь его пересказать?

— Конечно. Оно короткое. Вот такое:

«Черномазый, я же сказал, что ты меня не найдешь».

Глава 13

— Вот уже неделя, как исчез Мак-Каллох. У тебя есть что-нибудь новое?

Они опять сидели не в кабинете у адмирала, а в комнате для совещаний. Здесь адмирал мог откинуться на стул и расслабиться, затягиваясь трубкой, но, хотя его тело отдыхало, разум был все так же остер, и Трой поежился под его пронизательным взглядом.

— Не так много, как мне хотелось бы, — сказал Трой, вытаскивая пачку бумаг из лежащей перед ним папки. — Единственное, чем мы располагаем, — это дополнительные вопросы.

— Какие?

— Первый и самый главный — зачем полковнику потребовалось убивать Алана Харпера, электронщика из лаборатории?

— Ты уверен, что убийца — он?

— Полиция настолько уверена в этом, что выписала ордер на его арест. Мак-Каллох абсолютно не пытался замести следы. В ближайшей к его дому аптеке нашелся подложный рецепт на его имя. Рецепт выписан на большую дозу гидрохлорида стрихнина, того самого, что был найден в молочных пакетах. Графолог утверждает, что рецепт написан самим Мак-Каллохом, а доктор вспомнил визит Мак-Каллоха несколько месяцев назад под предлогом проверки секретности.

— И тогда же он мог сунуть в карман рецептурный бланк?

— Верно. Но, при всей очевидности связи Мак-Каллоха с убийством, нам абсолютно не ясен его мотив. Однако я хочу проследить, чем он занимался в лаборатории «Уикс электроникс». Я уверен, что есть связь между золотом, исчезновением Мак-Каллоха и убийством. Вас уже информировали, чем занимается лаборатория?

— Нет. Но я, по твоему предложению, отправил запрос соответствующим властям. Они ответили, что я проверен и имею право на получение любой засекреченной информации по проекту, который они называли «Гномен». Так что можешь мне рассказать, чем они занимаются и как это связано с нашим делом.

— Так будет гораздо проще изложить мои предположения. Позвольте взглянуть на разрешение?

Адмирал вынул изо рта трубку и откинулся назад, в настоящем или деланном изумлении:

— Я твой начальник, мой мальчик, и можешь поверить мне на слово.

— Не имею права, сэр, — серьезно отозвался Трой. — Но я мог бы связаться с генералом Стрингхэмом...

— Нет необходимости, вот разрешение.

Он вынул конверт из кармана куртки и передал через стол. Трой открыл конверт, чувствуя, что он выдержал экзамен, хотя не предполагал, что подвергнется ему. Прочитав документ и проглядев подпись, он вернул конверт.

— Эта комната защищена от подслушивания, адмирал?

— Проверяется дважды в день. Можем считать, что защищена.

— Хорошо. Итак, ученые в этой лаборатории построили машину времени...

— Я бы попросил тебя сохранять серьезность, — нахмурился адмирал.

— Никогда в жизни не был серьезнее. Она еще дорабатывается, но она построена и работает. Вопрос в том, как ее хотел использовать полковник Мак-Каллох. Харпер мог в этом участвовать, поскольку он хорошо разбирался в работе машины. Его убийство могло понадобиться, если он знал о планах полковника. Есть шанс,

что он знал и то, что собирается делать с золотом полковник Мак-Каллох.

— Если машина времени работает, — а я воспринимаю сейчас эту гипотезу, не рассматривая всех ее невероятных последствий, — то я немедленно могу предложить хороший план. Можно послать золото назад самому себе. Так можно составить состояние. Инвестируй его из десяти процентов годовых, и меньше чем за тринадцать лет капитал утроится. А послать его на тридцать лет назад — ха! — Адмирал вытащил калькулятор и быстро пощелкал кнопками. — Вот тебе и ответ, Трой. За тридцать лет десять тысяч дадут — ого! — больше ста семидесяти четырех тысяч долларов. А золота у него гораздо больше десяти тысяч долларов. Вот тебе и мотив.

— Возможно, сэр, но машина времени не работает назад. Она посылает предметы только в будущее.

— Тогда не проходит. — Адмирал нажал сброс и сунул калькулятор в карман. — Что еще удалось найти?

— Кое-что. Капрал Мендес не замешан. Он грубил мне, поскольку Мак-Каллох сказал ему — цитирую: «Там сильно нарывается какой-то ниггер из военной полиции». А вот расследование, которое я запустил насчет полковника, принесло кучу информации. — Он постучал по толстой пачке бумаги. — Здесь основные сведения. Разрешите мне доложить о самых важных. Прежде всего, Мак-Каллох врал в сведениях о себе еще с момента прихода в армию. Он поступал на офицерские курсы, но провалился из-за плохого школьного аттестата и неудачи на экзаменах. Поэтому он трудно выслуживался от звания к званию. Далее. Каждый, с кем он общался, знал, что он происходит из знатной южной семьи, пережившей упадок после Гражданской войны. Он про это прожужжал уши всем, кто соглашался слушать. Его семья гордо хранила свое историческое имя и была в родстве со знаменитейшими фамилиями Юга. Среди его предков — генерал Конфедерации Бен Мак-Каллох. Благородная история.

— Действительно. Что здесь не так?

— Все. Все вранье. Полковник — выходец из белого отребья, и со своими родичами он не знает с тех пор, как ушел из дома. Они все, можно сказать, захребетники и паразиты, и все, кого мы нашли, живут на пособие.

— Что же здесь недостойного? Парень из глубинки пробился наверх. Американская повесть об успехе.

— Не совсем. Мак-Каллох очень старался скрыть от всех свое происхождение, а сам — скрыться от родичей. Насколько нам известно, только один из них его разыскал и нанес ему визит. Двоюродный брат, который приехал к нему в Форт Дикс. Мак-Каллох так его вздул, что тот три недели провалялся в больнице. Речь шла о судебном разбирательстве, но братец снял обвинения и уехал домой. Ходили слухи, что от брата откупились приличной суммой.

— Он мне все меньше и меньше нравится, ваш полковник. Еще что нашли?

— В прошлом году у него объявились интересы, не вяжущиеся с его биографией. Вы помните, он никогда не читал, никогда не покупал книг, в кино не ходил и даже телевизор не смотрел. Все переменялось сразу и вдруг. Он начал покупать книги, ходить по музеям и библиотекам, и мне очень любопытно почему. Ребята из ФБР запустили в компьютер все, что мы нашли, и теперь обсчитывают тренды, тенденции и что-то там еще, что может помочь понять мотивы его поступков. А через час у меня встреча, которая может многое прояснить. — Трой встряхнул письмом.

— Полиция перехватывает всю почту, которая приходит Мак-Каллоху. Вот это письмо пришло с утренней почтой. Куратор из Смитсоновского института немедленно требует встречи по важнейшему делу. Он, очевидно, не знает, что полковник пропал. Я договорился с ним от имени полковника.

— Это не имеет смысла, — сказал адмирал и заглянул в трубку, будто надеялся там что-то найти.

— Пока не имеет. Но будет иметь. Просто надо сложить вместе всю мозаику и посмотреть, на что это будет похоже.

Сидя в захлавленной приемной Смитсоновского института, Трой подумал, что хорошо бы, если бы ответы на вопросы обладали той ясностью, которую он пытался придать им в разговоре с адмиралом. Но ясность появится, обязана появиться. Ответ может быть невероятным, зато ясным.

— Мистер Драйер вас ждет, — позвала секретарша. Трой вошел. Вместо мундира на нем был черный костюм, а сверху плащ.

— Вы не полковник Мак-Каллох! — Драйер в негодовании отпрянул назад. Тощий и длинный, как жердь, и на нем болтался изрядно потрепанный пиджак. В сочетании с морщинистой шеей и редеющим ореолом седых волос картина являла собой развивающееся старческое слабоумие, если бы не черные глаза, ясные, молодые и пронизательные.

— Нет, я не полковник Мак-Каллох. Моя фамилия Хармон. Я занимаюсь...

— Род ваших занятий меня ни в коей мере не интересует. Мне требуется обсудить с полковником некоторые конфиденциальные вопросы, так что будьте добры вернуться к нему и сказать, что он должен прийти лично. Он знает почему.

— Я бы тоже хотел знать почему, мистер Драйер. Вот мое удостоверение. Полковник в данный момент находится под следствием. Мы надеемся на вашу помощь, а если у вас есть сомнения, я могу попросить вас позвонить в Пентагон...

— У меня нет никаких сомнений, молодой человек. Я по долгу службы имею дело с военной документацией и легко могу отличить настоящее удостоверение от поддельного. По поводу чего следствие?

— К сожалению, эта информация засекречена. Однако могу вас заверить, что полковник Мак-Каллох в данный момент увидаться с вами не может. Вся его корреспонденция передается в полицию, и таким образом ваше письмо попало ко мне.

Драйер пригладил волосы (они тут же снова встали дыбом).

— Хорошо, я больше ни о чем не спрашиваю. Но все это гораздо более неприятно, чем то, что я собирался обсудить с полковником. Я хотел ему указать, что некоторые взятые им документы принадлежат библиотеке и, вообще говоря, не должны были бы выходить из этого здания. Разумеется, для военных такого ранга иногда делаются исключения, связанные с содержанием нашего фонда.

— Простите, а каково его содержание?

— Технологические архивы армии Соединенных Штатов. Нам предоставляют материалы как военные власти, так и частный бизнес. Наши фонды не являются открытыми, но любой квалифицированный исследова-

тель может получить к ним доступ. Разумеется, и военный исследователь в ранге офицера.

— Простите, а что именно содержится в архивах?

— Книги, модели и документы, относящиеся к истории военной техники Америки — от зарождения нашей нации и до наших дней. У нас есть довольно редкие образцы первых нарезных орудий, и даже рабочие чертежи первых танков...

— Вынужден согласиться, что это впечатляет. Но мне больше хотелось бы узнать, в чем заключались интересы полковника Мак-Каллоха?

— История легкого стрелкового вооружения. Он — пехотный офицер, так что это понятно. Полковник в этой области действительно весьма эрудирован, и я со всей ответственностью могу сказать...

— Разумеется, мистер Драйер. — У Троя было ощущение, что если он немедленно не перебьет мистера Драйера, остаток жизни ему придется провести, внимая бесконечной лекции. — Но что именно взял и не вернул полковник Мак-Каллох?

— Некоторые синьки. Снятые с чертежей автомата «стен». Точнее, автоматического карабина «стен» модели два калибра девять миллиметров.

— Никогда о нем не слышал.

— Трудно предположить обратное. Он не выпускается уже около сорока лет. Однако в некоторых военных кругах он достаточно известен, а синьки представляют собой определенную историческую ценность. Я хочу, чтобы они были немедленно возвращены. В этом случае инцидент будет исчерпан. Однако вы понимаете, что пропажа исторических документов — дело весьма серьезное.

— Действительно, — согласился Трой. И убийства, подумал он, тоже. Но как они связаны с древним автоматом? — Вы не знаете, почему полковник интересовался конкретно этим видом оружия?

— Я уверен, что без какой-то особой причины. Я вам говорил, что он интересуется оружием такого типа. Он еще увлекается сравнением различных марок оружия и часто, когда ему в руки попадала настоящая вещь, указывал мне на тонкости, которых я сам не замечал. Я искренне надеюсь, что по окончании данного неприятного инцидента...

— Извините, что позволяю себе вас перебить, но вы сказали, «когда ему в руки попадала...»? Вы храните модели?

— Нет, сэр, не модели, а настоящие вещи. Много устаревшего оружия нам передает армия, и частные коллекционеры с нами делятся.

Может быть, стоит взглянуть на эту старую машинку? Это может что-то прояснить в интересе Мак-Каллоха, да и Драйер будет счастлив ее показать.

— Он вообще-то не для общего обозрения, — объяснял Драйер, отпирая дверь и ведя Троя в темный подвал здания. Там пахло пылью и ружейным маслом. — Мы готовим экспозиции для музеев и выставок, когда нам отпускают на это средства. Ну, конечно, только дубликаты. Некоторых видов оружия у нас несколько экземпляров, а лучшие образцы мы сохраняем. Сюда, пожалуйста.

В темноту уходили шеренги металлических коробок. На полках таблички, которые Драйер внимательно разглядывал. Около одной из них он остановился.

— Вот он. Сейчас я его разверну.

С этими словами он вынул из коробки брезентовый сверток и осторожно развернул. Оружие в свертке было покрыто толстым слоем смазки. Драйер повернул автомат в руках.

— Нет, не этот. — Он аккуратно завернул ткань обратно. — Это интересная модификация, с глушителем, применялась во время Корейской войны...

Драйер неожиданно замолчал, вынув из коробки кусок брезента, потом уронил его обратно. Пошарив в темноте коробки, он отступил на шаг.

— Что случилось? — спросил Трой.

— Не понимаю. Я сам его сюда положил. Даже помню как. Но его нет. Как это может быть?

В самом деле, как? Мак-Каллох, конечно. Только зачем? Тайны, тайны... Что могло значить последнее открытие?

Глава 14

Приятно, когда благословенная осень золотит и багрянит листья, выехать из города по шоссе, проходящему мимо мемориала Джорджа Вашингтона. Внизу, в крутых лесистых берегах вьется река, и пейзаж успокаивает и навеивает мысли... если только миновал час пик и шоссе не забито намертво пресловутым столичным потоком машин. Сейчас, однако, в этот послеполуденный час поток несколько иссяк, и Трой мог не думать о дороге. Он ехал от Смитсоновского института, глубоко погрузившись в тревожные мысли. Зацепиться не за что. Неожиданно для себя он обнаружил, что едет к Пентагону. Там тоже нет ответов. На следующей развилке он свернул в противоположную сторону, к северу.

Интуиция подсказывала, что все кусочки мозаики уже собраны. Но картинка не складывалась. Как увязать в одно целое золото и убийства, да еще прицепить к ним синьки и оружие из музея? Они, конечно, связаны, но как? И, конечно, ключевой камешек — машина времени. Все странности Мак-Каллоха начались с его приходом в проект «Гномен». Его там что-то заинтересовало, и он начал думать, ходить в музей — а потом покупать золото. Явно так. Значит, ответ надо искать в лаборатории, а именно — проследить за всеми движениями Мак-Каллоха с момента его назначения. И начать надо сейчас.

Трой нажал на газ и поехал на предельно разрешенной скорости, сворачивая на развязку с Окружной дорогой. В лаборатории он заглянул в службу безопасности. Почты не было. Он хотел было поговорить с директором, но передумал. Роксана уже помогла ему, чем могла. А то, что заинтересовало Мак-Каллоха, находилось в лаборатории номер девять. Туда Трой и направился.

Боб Клейман сидел за столом, глядя в пространство поверх чашки остывшего кофе. Он повернулся на звук двери:

— Умер? Убит? Вот прямо так и убит? У меня в голове не укладывается, да, трудно поверить, честно говоря... Мы же с ним работали тут еще в пятницу вечером. Может, еще можно было что-то сделать?

— Да нет, Боб. Когда мы нашли тело, было поздно. К тому времени он уже был мертв.

— А если раньше? Если бы я сначала позвонил в полицию, вместо того чтобы шляться тут и груши окочивать...

— Не грызи себя, Боб. Он умер где-то в субботу, так что в понедельник ты ничего не мог сделать. Однако кое в чем ты еще можешь помочь.

— Ты что имеешь в виду? — Боб глотнул холодного кофе, скривился и отодвинул чашку.

— Ты бы мог помочь мне найти убийцу. Полиция уверена, что знает убийцу.

— Правда? В газетах ничего не писали.

— Это пока не для публики. Смерть Харпера — часть гораздо более важного дела, и оно засекречено по высшей категории. Я имею в виду исчезновение полковника Мак-Каллоха.

— Тайна, которая, извини меня, не стоит возни. Если Старый Брюзга исчез, то, ей-богу, никто о нем скучать не будет.

— Даже если он убил Харпера?

— А это он? — Клейман повернулся вместе со стулом. — Он и есть тот момзер, который убил Алана Харпера?

— Мы почти уверены. А я не меньше уверен, что убийство, исчезновение и еще кое-что, о чем долго рассказывать, связаны с проектом «Гномы».

— Как?

— А это я пойму из твоего рассказа.

Клейман озадаченно покачал головой:

— Ты меня сильно сбил с толку, Трой. Что я тебе могу рассказать такого, что поможет тебе в расследовании?

— Ты можешь рассказать подробнее о проекте. Я понимаю дело так, что какой-то аспект вашей работы привлек внимание полковника. И вот, чтобы понять, какой именно, я должен узнать все, что знал полковник Мак-Каллох. То, что он мог узнать сам и что мог рассказать ему Харпер. Для начала давай вспомним, какие у них были отношения. Они были друзьями?

— Насколько мне известно, нет. Если припомнить, они вообще почти и не разговаривали. Так, знаешь, восстанавливая свои впечатления, могу сказать, что Харпер побаивался Железного Полковника и даже тихо его ненавидел. Пару раз я заметил, как Алан смотрел ему в спину, и физиономия у парня так перекашивалась, будто он убить его хотел. Но он никогда об этом не говорил.

— Что-то между ними было — иначе полковник не стал бы убивать его. Зачем ему это понадобилось? Может быть, Харпер что-то про него знал, или узнал, что Мак-Каллох что-то делает в лаборатории, или...

— Не годится. Полковник — тупица без всякого воображения. Я не уверен, что у него хватило бы интеллекта сменить пробку. Чтобы он работал с высокоточной электроникой — это просто бубкес.

— Существенная информация. Теперь мы знаем, что работать в лаборатории в одиночку он не мог. Если он пользовался машиной времени, ему нужен был помощник. Мог им быть Харпер? Ты сказал, что Харпер его не выносил. Значит, Харпер мог работать под принуждением — что объясняет и его неприязнь. Мак-Каллох, пользуясь своим положением, мог его шантажировать.

— Похоже на правду. И дальше что?

— Полковник с Харпером могли получить доступ к здешнему оборудованию?

— Почему бы и нет? Вечером я обычно уходил, а Харпер оставался на ночь работать. Всю профилактику и настройку он делал с вечера, так что утром я мог сразу приниматься за эксперименты. До обеда Харпер вообще не приходил. Такое расписание устраивало нас обоих.

Трой поскреб челюсть и окинул взглядом комнату, набитую непонятной машинерией. У него было чувство, что ответ в этой комнате, рядом, протяни руку и возьми.

— Так, значит, они вдвоем могли гонять машину и ставить неутвержденные эксперименты?

— Не думаю. Во-первых, я бы им этого не разрешил.

— А ты бы как узнал?

— Хороший вопрос. — Клейман встал и быстро заходил по комнате — так ему легче думалось. — Могла бы остаться запись в книге, однако я не уверен. И потом, охранники фиксируют приходы и уходы. И что? Видно, на месте человек или нет, но что он там делает — поди пойми. Включали они машину или нет? Не знаю. Если они и записывали опыты, я этих записей не видел. Этого теперь не выяснить.

— Но нам придется это выяснить. Ты подумай. Может быть, где-то есть книга регистрации включений, или индикатор, или, там, счетчик...

— Слушай, Трой, это огромный и самый сложный аппарат ценой в миллиард баксов, а не конторский ксерокс со счетчиком копий. Он целиком экспериментальный, и таких узлов в нем просто нет.

— Я понимаю. Но все-таки хоть что-то регистрируется? Какие-то расходные материалы, ну вроде сварочных электродов или угольных стержней для дуговых ламп?

Клейман качнулся назад и сцепил руки перед лицом.

— О Господи, Трой! Ты блуждаешь в техническом средневековье. О высоких технологиях ты хоть что-нибудь читал? Вот корейцы, те даже на них разбогатели. Неужто ты ничего не слышал о полупроводниках или интегральных схемах? Мы не используем электронных ламп или элементов накаливания, а уж тем более твоих сварочных электродов или угольных стержней. И выключателей у нас нет, и без реле обходимся. Сейчас все делается на интегральных схемах, а это один большой кусок камня. Единственный движущийся элемент — электроны, а их не видно. Расходуемые материалы — только бумага для принтера да электричество.

— Ну ладно, электричество. Счетчик у вас есть? Записи о том, сколько его ушло, ведутся?

— Да нет. Я полагаю, раз в месяц приходит счет, как в любую другую контору. Это не по моей части. Я только знаю, что его уходит чертова уйма. Бывает даже,

что на станции вырубаются автоматы и им приходится подключать резервную линию...

Клейман запнулся и уставился прямо перед собой. Потом заморгал и медленно повернулся:

— Ты знаешь, кто ты? Ты гений. Ты Шерлок Холмс из Болотного Угла. Ты в науке не понимаешь ни бельмеса, и все время вел меня за ручку к правильному ответу. А я — дубарь. Без твоего пинка в зад я бы ни за что не вспомнил.

— Чего не вспомнил?

— Был случай, когда электрическая компания подняла бучу, а мы тоже возбухли насчет того, что у нас эксперименты пропадают, когда отрубается ток. Тогда-то мы и поставили монитор на линию, чтобы точно знать, сколько мы оттуда высасываем, и сообщать им, сколько они нам должны гарантировать.

Трой чувствовал, что они близки к ответу.

— Что за монитор?

— Ну, этот монитор — не железка. Они-то хотели поставить какой-то из стандартных самописцев, но видел бы ты это уродство. Скрипит пером, плюется чернилами и ляпает кривульки на круглом барабане. Знаешь, нам не хотелось, чтобы у нас стоял такой уродец и мазал красными чернилами все вокруг. Технология каменного века. Помню, они пытались его поставить, но мы его выбросили. У нас вся аппаратура управляется от центрального компьютера. Там в нем хрен знает сколько оперативной памяти и до фига дисковой, ну, еще встроенные часы и еще куча прибабасов. Так кто-то из наших программистов написал программку-монитор для слежения за расходом электроэнергии, и все были счастливы. У нас были все записи, которые нам требовались, и жизнь стала прекрасной.

Трой был озадачен:

— Но этот ваш компьютерный счетчик сняли, когда он стал не нужен?

— Ты не понял. Мы ничего не добавляли и не присоединяли никаких счетчиков. Мы написали программу, инструкцию для компьютера, чтобы он для нас запоминал некоторые факты. Его работа не видна, пока кто-то не захочет взглянуть на результат. Мы добавили еще пару собственных штучек для записи экспериментов. В те первые дни это нам очень пригодилось.

— Больше вы этой программой не пользовались?

— Мы ни разу больше не адресовались к результатам. Если ты хочешь добиться толку от нас, усвой этот профжаргон. Программа запущена, и она работает, пока ее не снимут. — Он обвел рукой ряды стальных ящичков. — Это все здесь, и мне надо только спросить.

Трой уставился на гладкие дверцы.

— Ты серьезно? И мы можем найти записи обо всех экспериментах?

— Каждый может. Надо только правильно спросить.

— Так спроси!

— Не моя работа, — Клейман потянулся к телефону. — Наш век — это, молодой человек, век специалистов. Я — физик, а не технолог. А вот кто нам нужен для этой работы. Нина Васселла, наш главный программист. Она знает... Хелло, это Нина? Нина, come 'sta? Вепе? Рад слышать. Слушай, у нас тут в девятой задача как раз для тебя. Что? Конечно, сейчас. Ну, будь лапонькой. Хорошая девочка. Вот спасибо! — Он повесил трубку. — Сейчас она спустится.

Нина была темноволосой, миниатюрной, миловидной и знала свое дело.

— Программу? Конечно, помню. С тех самых пор, как я ее писала.

— Она еще работает?

— Несомненно. Если кто-то из вас, безруких гениев космических теорий, полез бы в систему, она бы сломалась. А я сама эту программу не снимала. Так что она там до сих пор тикает. Сейчас посмотрим.

Она подтянула стул к терминалу и подняла сиденье под свой рост. Сидя, она не доставала ногами до пола и обернула их вокруг ножки стула, как девочка. Но что делать, она знала хорошо.

Пробежав пальцами по клавиатуре, она открыла меню всех работающих программ, вызвала нужную и просмотрела. Через тридцать секунд она показала пальцем на строчки цифр, бегущих по экрану:

— Вот она. Готова и ждет.

— Класс! — Клейман потрепал ее по плечу. — Ты гений, доченька. А теперь сделай нам, пожалуйста, распечатку.

— Ты серьезно? Здесь два года накопленных данных слежения. Как насчет энергетического кризиса и дефицита бумаги?

— Таковы правила игры. Давай.

Она нажала две клавиши, и принтер возле дальней стены загудел и начал гнать бумагу. Печатающая головка почти беззвучно моталась вперед и назад, и в приемном поддоне вырастал штабель готовой бумажной ленты.

— Это все, что вам, гениям, было нужно? — спросила Нина.

— Спасибо, детка. Я тебя вспомню в своем завещании.

Когда принтер наконец замолчал, Клейман оторвал бумагу и перенес на свой стол стопку листов толщиной в книгу.

— А теперь посмотрим, сказал слепой, — пробормотал Клейман, переворачивая пачку и разглядывая последние страницы. — Вот так, правильно, это я делал сегодня утром. Теперь чуть назад, последняя пятница, перед тем, как пропал полковник... Мама миа!

— Что там такое?

— Вот оно, в субботу поздно вечером, когда замыкался выключатель. Энергия, друг, вот она! Не знаю, что они тут делали, но энергии сожгли столько, что можно было бы иллюминировать Чикаго. Мы даже одной десятичной от этого количества за один раз не брали. Удивительно, что они не сожгли ни одной схемы. А это что? Не верю, не может быть! Столько не бывает!

Он показал на строку в распечатке, ткнул в группу цифр, которая, на взгляд Троя, ничем не отличалась от других на той же странице. Клейман внимательно рассмотрел другие страницы, а затем вернулся к первой.

Он с сомнением покачал головой:

— Смотри, вот здесь. Полярность тау-входа изменена. Так быть не должно. Мы так не делали — вот посмотри. Результат был отрицательный, и мы от этого подхода ушли.

Трой что было сил сдерживал нетерпение.

— А что оно значит, это самое «тау»? Почему оно тебя волнует?

— Меня оно не волнует — это просто невозможно, вот и все. Так сделать нельзя. Но так было сделано.

Клейман выпустил бумагу, и она скользнула на пол. Он повернулся к Трою, и лицо его вытянулось, а голос охрип:

— Что бы там ни было послано во времени, оно не было послано вперед. Оно было послано в обратном направлении. В прошлое.

Глава 15

Трой без всякого сомнения воспринял путешествия во времени как факт. А почему нет? Он вырос в век технических чудес. Сначала атомная бомба, задолго до его рождения, потом реактивный самолет, летящий быстрее звука, орбитальные спутники, телевизор, передающий в прямой эфир высадку человека на Луну. Новшества сыпались из лабораторий, как из рога изобилия, и он, как и большинство, уже не интересовался, как это все работает. Работает — и хорошо. В армии приходилось использовать ракеты с электронным наведением. Нажал кнопку — и пошла.

А здесь ты нажал другую кнопку, и что-то поехало сквозь время. Никакой разницы. Единственный вопрос — для чего использовалась машина? Что послали через время Мак-Каллох с Харпером? Золото? А что они с ним хотят сделать? А если не золото, то что?

При такой постановке вопроса ответ становится очевидным. Осколки ложатся в узор. Трой повернулся и позвал Клеймана. Тот не услышал. Физик что-то бормотал, разгребая кучу бумажных листов распечатки. Трою пришлось позвать погромче.

— Что? — Клейман заморгал, отвлекаясь от своих мыслей. — Ты что-то сказал?

— Я спросил, можно ли по этим цифрам сказать, какой предмет они послали.

— Ты имеешь в виду его массу? Да, я могу. Надо посчитать по формуле, учесть расход энергии по отношению к параметру тау и аспект фактора...

— А прямо сейчас, грубо, можешь сказать, какой была эта масса?

— Мы использовали малые объекты, но теоретически ограничения на массу нет. Создай большое поле — и можешь двинуть, к примеру, памятник Вашингтона. Теоретически такая возможность не исключена.

Следующий вопрос Трой задал после паузы:

— А если это правда, то есть возможно, можно ли послать через время человека?

— Ну почему же нет? Масса есть масса... — Клейман остановился и взглянул на Троя. — И ты о том же подумал? О странном исчезновении полковника?

— Возможно. Становится понятной куча разных вещей. И способ совершения грубых убийств — просто важно было выиграть время. И его очевидное безразличие к оставленным следам. Ему все равно, что он натворил, раз ему не грозят последствия.

— Ты прав, ему было наплевать. Если бегство сквозь время возможно. Мы до сих пор не экспериментировали с живыми существами. А эксперимент может оказаться смертельным. Мы же не пробовали.

— Так попробуй.

— Сказано в духе чистой науки. И я знаю, что нам нужно.

Клейман обошел вокруг стола и нашел телефонный справочник. Проверив номер, он защелкал кнопками телефона. Потом откинулся в кресле, положил ноги на стол и слушал редкие гудки.

— Хьюго, ты? Да, Боб Клейман. Да, давненько. Контора большая, все перегружены. Слушай, у меня к тебе, если у тебя есть две минуты, вопрос. Отлично. Помнишь, я полгода назад давал тебе маленький тау-генератор для исследования воздействия тау-поля на живую клетку? Ну и что? Ладно, отрицательный результат — тоже результат. А многоклеточных ты тоже пробовал? Тоже хорошо. Белые мыши? Я мог бы помочь. Верно, я думал, что тебя заинтересует. Ты мне пришли какую-нибудь, которую любишь меньше других. Ну, я же не знаю, что с ней будет после прохода через пространственно-временной континуум. Ну, ты гигант. Спасибо.

Он повесил трубку и повернулся к Трою:

— Он уже послал к нам человека с мышами. Сейчас поставим эксперимент и ответим на один из твоих вопросов.

Белая мышка была очень маленькой, с розовыми глазками и розовым носом. Она сидела в клетке и чистила усы передними лапками, не проявляя никакого интереса к тому, что клетку ставили на стенд под лазерную метку.

— Разряд! — скомандовал Клейман, нажимая кнопку. Клетка исчезла. — Я ей дал полных пять минут. За десять секунд до возвращения сработает сигнал. Дай-ка мне еще раз распечатку, тут есть о чем подумать. У меня такое чувство, что эти юмористы проделали эксперимент, о котором мы даже не думали. Они нашли способ проверки и экспериментально проверили теорию без возникновения парадокса времени.

— Не врубился.

— Извини. Однако рассуждения об обращении времени волей-неволей приводят к старой хохме насчет того, что случится со мной, если я вернусь в прошлое и убью своего деда, пребывающего в младенческом возрасте.

— А что случится?

— Вот в этом весь вопрос. Если я его убил, то я не смогу родиться, а если меня нет, то я не могу вернуться в прошлое и убить его, поэтому...

— Парадокс?

— Именно. Поставить эксперимент, который его прояснит, невозможно. Однако очень короткие перемещения во времени не делались. Мы знали об этом еще до начала работы.

— Ты мне ничего не объяснил, и я понятия не имею, о чем ты.

— Это же очевидно. Мы никогда ничего не находили на точке передачи на скале — значит, ничего из никогда не посылали назад. Если бы мы неожиданно что-нибудь нашли, это значило бы, что оно прислано нам из будущего в то время, в которое мы его найдем, а следовательно, в будущем мы должны произвести этот эксперимент и послать это в прошлое. Выглядит несколько сложно.

Трой расхохотался.

— Для тебя сложно, а подумай, каково мне! Все это не по моей части! Я после школы попал в колледж,

доучился до степени бакалавра в области истории, потом меня вдруг дернули в армию. Пару лет я служил живой мишенью, и пришлось научиться отстреливаться. После войны остался в армии. Большую часть истории я уже забыл, зато хорошо выучил современное вооружение и знаю, как остаться в живых, когда целая кода пытается тебя прикончить. В твоих словах я понимаю не больше, чем — как ты сказал? — бобкес?

— Отличное слово на идише. Означает козы катышки. Но...

— Ну, ладно, все равно я должен понять и надо с чего-то начать. Ну, например, зачем здесь скала?

Клейман взглянул на монолит серого гранита над бетонным полом и пожал плечами.

— Это как раз просто. Думая о времени, не следует упускать из виду физические перемещения. В пределах некоторого временного интервала происходят не только перемещения людей и вещей, но и перемещение самой Земли вокруг Солнца. И сама Солнечная система движется в межзвездном пространстве. Но с этой сложностью нам, слава Богу, возиться не приходится. Тау-поле работает в так называемом мировом времени. Это значит, что объекты смещаются во времени, но не в пространстве. Объект с верхушки скалы попадет в будущее через пять минут, а скала будет на месте, и он снова окажется на верхушке. Потому-то мы ее и используем. Если бы мы использовали какой-нибудь стенд, оставался бы шанс, что кто-то его передвинет. Объект переместится туда, где стенд был раньше — а теперь его нет. Бум! Эксперимент хлопнулся на пол. Затем-то здесь наша лапушка-скала. Твердый объект из стопроцентного гранита. Он стоит тут уже пару миллионов лет и, даст Бог, простоят еще столько же. Предварительные исследования выполнялись еще до меня, но, я так понимаю, геологию тут исследовали серьезно. В сущности, лабораторию построили именно здесь потому, что здесь была скала...

Его прервал звонок. Трой повернулся к скале как раз вовремя, чтобы заметить появление клетки. Мышь спокойно сидела на месте, а когда Трой просунул палец сквозь прутья, обнюхала его.

— Еще один ответ, — радостно завопил Клейман, хватая клетку и улыбаясь ее жизнерадостному обитателю. — Тебе пошло на пользу путешествие во времени.

Как бодрящее. Эта мышь прекрасна, как никогда. Хьюго будет счастлив. — Он стал серьезным. — Так, вот еще один ответ на твои вопросы. Железный Полковник мог уйти этой дорогой. Как и почему, я понятия не имею.

— Вот это мы и должны узнать. Слушай, ты здорово меня продвинул. Не мог бы ты еще и узнать, как далеко в прошлое он забрался?

— По этим цифрам и в данный момент я практически ничего не могу сказать. Надо откалибровать — и мы можем сэкономить время, если поймем, каким образом Мак-Каллох и компания калибровали свои эксперименты. Для начала обратимся к формуле, по которой рассчитывали смещение в будущее. Правда, у нас нет гарантии, что в обратном направлении формула даст ту же точность. Однако Мак-Каллоху и Харперу пришлось выполнить калибровку, иначе они бы не решились на большое путешествие. Если так, мы должны отследить их путь, получить результаты и воспользоваться ими. А ну-ка посмотрим, где они. Слушай, пока я вожусь тут с распечаткой и ищу их следы, сваргань пару чашек кофе вон из той кофеварки. Я быстро.

Быстро не получилось. Они уже допивали кофе когда Клейман нашел нужную запись.

— Эврика! На случай, если твоего классического образования не хватает, сообщаю, что по-гречески это означает «Нашел!» Вот здесь у них пробные эксперименты, целая куча... а вот и большой. Его-то я и искал. Смотри, сколько тока спалили! Упаси Боже показывать счет за энергию налогоплательщикам. Так, теперь быстро посчитаем.

Клейман дважды проверил цифры, и результаты повторились. Он черкнул что-то в блокноте, оторвал листок и перебросил его Трою:

— Десятое декабря тысяча девятьсот сорок первого года.

Трой взглянул на листок:

— Это дата прибытия?

— Верно. Туда было доставлено нечто весом около пятнадцати килограммов. По крайней мере, я считаю эту дату датой прибытия. В оценке массы я уверен, однако дата получена просто обращением формулы для расчета смещения в будущее. Она может быть неточной, но мы ее проверим так же, как и они. Посмотрим

газеты. Что бы это ни было, но оно, по необычности своей, должно было попасть в газеты. Бешеный волк, двадцать пять двухголовых замороженных цыплят в чешуе или не знаю что, но не могло оно проскочить мимо газет.

— Ты уверен?

— Не-а. Но для начала это неплохая теория. Слушай, давай поделим работу? Я покопаюсь в этой распечатке и выясню, сколько они посылали и в какое время. А ты тем временем съезди в «Вашингтон пост», посмотри их подшивки того времени. Если не найдешь, посмотри немножко вперед и назад. Должно быть хоть что-то, иначе Мак-Каллох не решился бы на свой сволочный план.

— Согласен. Ты еще сколько здесь будешь?

— До твоего звонка. — Клейман положил руку на сердце и поднял глаза к небу. — Да простит меня небо, ибо я нарушаю святое правило смываться с работы в пять и выпивать первый martini в пять тридцать. Но нет жертвы, которой я бы не принес для дела. Иди, о воин, и возвращайся со щитом иль на щите. Мне нужны хорошие новости — или никаких. Ты можешь.

А почему бы и нет, думал Трой, ведя машину в город. Будем держаться того, что у нас есть, пока не нападём на след. Должно получиться, раз получилось у Мак-Каллоха.

У «Вашингтон пост» хранение подшивок было поставлено как следует. Все предыдущие выпуски доступны для просмотра или покупки. Однако в целях экономии места по прошествии нескольких недель со дня выпуска газеты переводились на микрофильмы. Трой заполнил требование на ролик за декабрь сорок первого года и вызвал клерка нажатием кнопки. Ждать пришлось долго. Клерк не соизволил появиться, пока Трой не позвонил еще раз.

— Терпение, о брат мой. Хладнокровней.

Это был молодой мулат с хорошо выраженными африканскими чертами и копной волос размером в добрых восемь дюймов. Взяв у Троя требование, он скрылся между полками. Но вернулся тотчас и отдал Трою требование.

— Не получается, — сказал он. — Никак не могу выдать этот ролик.

— Почему?

— А потому, что его здесь нет, земляк. Случается. Кто-то не поставил на место или какой-то олух ушел прямо с ним. Таков наш мир. И случиться это могло довольно давно, я полагаю. Редко бывают запросы на такую старину, и ролика могли не хватиться. Но как бы там ни было, а его нет, точно.

Глава 16

Полковник успел раньше их.

Трой посмотрел на листок требования и понял, что они угадали верно. Мак-Каллох уже был здесь, нашел, что хотел, и замел следы.

— А за предыдущий месяц или за следующий? — спросил Трой.

— Ну такой уж день у тебя сегодня, что тебе официально не везет. На каждом ролике у нас подшивка за четыре месяца. А то, что ты просил, точно посередине.

— Ладно, но это же копии. У вас хранятся где-то исходные экземпляры фильмов?

— Ну есть, конечно, резервные копии для восстановления испорченных. В наши дни люди потеряли уважение к собственности. Извозят пальцами чужую вещь или исцарапают до полной негодности, и приходится восстанавливать. Однако это требует времени, друг. Сегодня же поставлю в заказ, но получишь не раньше чем через три дня.

— Времени у меня нет. А на исходную копию нельзя взглянуть?

Клерк покачал головой:

— Никак. У нас тут правила. Оригиналы только в хранилище. И мне никоим образом не разрешено выдавать их. Тебе придется чуток остынуть и прийти, когда отпечатки будут готовы.

Они были одни в комнате. Трой вынул из кармана бумажник и извлек купюру в двадцать долларов. Положил ее на конторку; клерк следил за его руками.

— Нельзя ли сделать некоторое исключение из правил?

Клерк отступил назад и оглянулся:

— Человек! Ты пытаешься меня подкупить?

— Да.

— Годится. Старые клуши, которые тут командуют, мне давно уже поперек горла.

Бумажка исчезла, и через пятнадцать секунд на ее месте появился микрофильм. Клерк прижал палец к губам:

— Пусть это будет нашей маленькой тайной. Иди к первому аппарату и верни мне ролик, когда будешь смываться.

— Спасибо. Мне ненадолго.

Оказалось, надолго.

За десятое декабря не нашлось ничего подходящего при самом тщательном поиске. Для гарантии пришлось просмотреть номер три раза. Ладно, продолжим. Боб Клейман сказал, что не уверен в точности даты. Будем искать дальше.

Через час он нашел.

То самое. Подходило идеально. Маленькая заметка на второй странице.

УГРОЗА ВТОРЖЕНИЯ В МЭРИЛЕНДЕ

Таинственные взрывы и вспышки. Тревога населения

Сотни человек были встревожены угрозой немецкого вторжения из-за серии взрывов и вспышек, разорвавших тишину ночи близ Кливерволла. Вызванные полиция и пожарные легко нашли источник беспокойства, поскольку взрывы продолжались около двух часов на некотором скалистом массиве вблизи фермы Сондерса. Как сообщил репортерам шеф полиции О'Салливен, это работа хулиганствующих идиотов. Была найдена металлическая коробка с сигнальными ракетами,

применяемыми на флоте для подачи сигналов бедствия. Инициаторов хулиганской шутки обнаружить не удалось.

Это было оно. Никаких сомнений. Трой вернул ролик и получил отпечаток страницы. Выйдя, он попал в густой поток машин, — гражданские служащие возвращались по домам. В лабораторию удалось вернуться только после шести.

— Вам просили передать, — сказал охранник на въезде. — Доктор Клейман в кабинете директора.

— Спасибо, уже иду.

Когда Трой вошел, Роксана Делькур стояла у открытого бара, смешивая приличную порцию коктейля. Боб Клейман уже отоварился большим бокалом.

— Ну и как? — спросил он.

— Отлично, — ответил Трой. — Мак-Каллох или кто-то другой украл микрофильм с газетой, но мне удалось раскопать дубликат. Вот фотокопия за ту же дату.

— Выпьешь? — спросила Роксана, пока Клейман изучал вырезку. Она передала Трою бокал. — Боб поймал меня уже на выходе и рассказал, что вы нашли вдвоем. Он думает, что ты сыщик получше Дика Трейси.

— Так оно и есть. Вот спасибо, как раз то, что нужно. — Трой щедро глотнул. — Просто мы упорные. Мак-Каллох оставил след — и мы по нему пошли.

— Теперь легко сказать. Но если бы не ты, мы бы не нашли ничего. Ты понимаешь, кроме дела Мак-Каллоха, твоя находка еще колоссально сдвинула нашу работу. Мы, случалось, попадали на реверсное тау, но экспериментов в эту сторону не планировали. Совершенно новое направление исследований, и все благодаря тебе.

— Слушайте, не надо — у меня и так голова пухнет. Я рад, что помог вашей работе, но пока у меня и своей полно. Мак-Каллох — вор и убийца, и, пока я его не поймаю, я занимаюсь только этим, и ничем другим.

Клейман протянул Роксане фотокопию вырезки:

— Мало шансов поймать беглеца, который дернул сквозь время. Если твой полковник это сделал, уймись.

— Почему же?

— Хотя бы по одной простой причине: если он отправился более чем на пятьдесят лет назад, он уже наверняка мертв и дело закрыто.

— А если он ушел назад всего на несколько лет и прихватил с собой золото? Тогда он где-то здесь, и я рассчитываю его найти. Поэтому — второй вопрос, и очень важный: если он использовал машину времени, как далеко он мог уйти? Как ты думаешь, последний большой эксперимент — это его?

— Не знаю. После твоего ухода я отвлекся и не закончил расчетов. Понимаешь, результаты нашего исследования оказались такими впечатляющими, что я начисто забыл о его причине. Ты прости меня, тупоголового, сейчас подсчитаю.

— Сначала допей, — заметила Роксана. — Забыл, так забыл. Ничего уже не изменишь, и пять минут ничего не решают.

— Верно, — согласился Трой. — Но я все равно хочу знать дату, чтобы понять мотивацию.

— Я тебе предложил, помнишь? — спросил Клейман. — Отправить золото назад, инвестировать, вернуться в настоящее, а теперь шлепай в банк — и ты миллионер.

— Не годится, — сказала Роксана. — Ты забыл самое важное.

— Верно, — согласился Клейман, — не сработает. Дорога-то в один конец, разве что ты прихватишь с собой всю девятую лабораторию. Кто этого не сделал, тот не собирается вернуться. Однако мою теорию это не опровергает. Просто возьми с собой эту кучу золота в тридцатый год, во времена депрессии, когда ликвидных активов почти не было, — и ты богач. Могу спорить, что именно так он и поступил.

Трой покачал головой:

— Не звучит, Боб. Хорошо, но не для этого человека. Насколько нам известно, материальные потребности полковника Мак-Каллоха удовлетворялись полностью. Проще говоря, все, чего ему хотелось, было у него здесь и сейчас. Уходить в прошлое обогащения ради не имело смысла. И это не объясняет подбор книг и

исследования, которыми занимался полковник. А кража синек и автомата? Нет, у него был другой мотив, и его надо найти.

— Вы правы, Шерлок, — согласился Клейман. — Найдите мотив, и вы найдете преступника. А потому пущу-ка я в работу мой верный ржавый калькулятор. Показания приборов у меня с собой... да, это мог быть человек. Масса объекта — девяносто пять и сорок пять сотых килограмма.

— Полковник столько не весит, — возразила Роксана.

— Не весит, — согласился Трой. — Если у него нет с собой чемодана с золотом на четверть миллиона.

— Разумеется. Посмотрим, что Боб сможет извлечь из цифр.

— Сначала я должен внести поправки, — бормотал Клейман, щелкая клавишами. — Дата прибытия далека от предсказанной. Если перевести разность в секунды и грубо оценить распределение...

Оба они молча смотрели на Боба, погрузившись в свои мысли. Роксану Делькур мало волновал полковник, с которого все началось, поскольку ей виделись широкие горизонты, уготованные неожиданным открытием. Какие дороги открывались перед проектом, которому она отдала столько сил и лет!

Трою не легко было забыть Мак-Каллоха. Дух убийцы, спрятанный под маской джентльмена, и так хорошо спрятанный, что никто не заподозрил. Можно ли найти его и отдать в руки правосудия? Трудно сказать.

— Нашел, — сказал Клейман, пряча калькулятор в карман. — Это неточно, поскольку для скорости я кое-какие цифры округлил. Но ошибка не больше нескольких дней, максимум — неделя. Я глубоко уверен, что при допущениях...

— Роберт, — прервала его Роксана. — Хватит лекций. Давай сюда дату.

— Ах да, извините, ребята. В пределах упомянутых мной допусков можно сказать, что масса чуть более восьмьсот пяти килограммов была отправлена назад на сто двадцать четыре года. Так что, Трой, можешь больше не искать Старого Брюзгу. Он давно уже умер и

похоронен. Однако основной вопрос остается открытым.

— Именно, — сказал Трой. — Его мотивы.

— Совершенно верно. За каким лешим расставаться с удобствами, бедами и антибиотиками двадцатого века ради ухода в год от Рождества Господа нашего тысяча восемьсот пятьдесят восьмой?

Глава 17

Пачка документов, составлявших дело Мак-Каллоха, имела внушительный вид. В сложенном виде она достигала тридцати сантиметров высоты. Трой перенес их с Массачусетс-авеню в кабинет здания охраны лаборатории, который раньше занимал полковник. А теперь — он. Их лучше изучать именно там, где полковник работал.

Полковник Уэсли Мак-Каллох, для своих — Уэс. Трой устроился за столом, подтянул к себе разлинованный желтый блокнот и написал наверху страницы слово «Уэс». Он хотел понять этого человека, влезть в его шкуру и взглянуть на мир его глазами. Ключи к разгадке были где-то в этой пачке документов. Если изучить их как следует, понять движущие пружины этого человека, причины всех событий всплывут сами собой.

В одиннадцать он прервался, чтобы выпить чашку кофе, потянуться и выпрямить спину. Сидеть за столом несколько утомительно. Зато желтый блокнот заполнялся, и сквозь записи проступал пунктирный контур человека. Отрываться Трой не хотелось. Он отнес кофе в кабинет и подошел к окну, как это много-много раз мог делать полковник. Ему хотелось увидеть законный пейзаж точно так, как его видел Уэс Мак-Каллох.

Мысли Троя прервал стук в дверь.

— Меня зовут ван Дайвер, — сказал стоящий в дверях человек в мундире. — Майор ван Дайвер.

Он вошел в комнату, и Трой увидел за его плечом целую группу военных, потом дверь закрылась.

— Могу ли я спросить, какого черта здесь делается? — спросил Трой.

Майор кивнул головой с жиденькими белесыми волосами, и его розовые щеки зателепались, как у бульдога. Белые зубы явно были искусственными, а водянистые голубые глаза за стеклами очков в стальной оправе помаргивали.

— Я вас освобождаю. Вот приказ. Отдан в Пентагоне сегодня утром. Лей-те-нант...

Последнее слово он произнес врасстяжку, с натянутой холодной улыбкой — чуть-чуть высунулись и спрятались снова зубы за тонкими губами. Похоже, верхняя челюсть была плохо подогнана, и он все поправлял ее языком. Стараясь не обращать на это внимания, Трой прочитал все официальные документы. Они были в полном порядке. Колеса военной машины наконец завертелись и выбросили его из дела. Трой вернул документы:

— Хорошо, майор. Мне нужно полчаса для очистки стола и сбора документов...

— Нет. Все бумаги останутся здесь, а вот вы уберетесь немедленно. Мои люди не в курсе, но я знаю, что здесь происходит. И я знаю, что вы — всего лишь сержант, прикомандированный к одному из секретных подразделений. И когда я сказал, что я вас освобождаю, сержант, это означало, что вы свободны с этой минуты. В любом смысле. Мне не нужны эти чертовы секретные службы, которые поналезли всюду при нынешней администрации. Армия в состоянии провести расследование по делу своего офицера — на то у нас и военная разведка и контрразведка. Вы этим занимались на вашем уровне — что-то там про золото. То дело закончено, а это гораздо более важное. Вы отстранены. Документы остаются здесь. Надеюсь, вам все ясно. Свободны, сержант.

Трой открыл рот — и медленно закрыл его. Он получил приказ. Все. Точка. Ничего, что могло бы изменить ситуацию, он сказать не может. Все, что он сделал, что еще собирался сделать, все его теории никому не нужны. Его выгнали, и все. Выбора у него нет, и изменить ничего нельзя.

Трой щелкнул каблуками по стойке «смирно» и отдал честь. Майор ван Дайвер вернул приветствие. Трой повернулся на каблуках, подошел к двери кабинета, открыл ее и вышел. Через приемную, не глядя по сторонам, на автостоянку к машине. Он выехал и направился к воротам, которые открылись при его приближении. Охранник кивнул ему, и он, проезжая, помахал рукой. Только отъехав на приличное расстояние, он почувствовал, как его отпускает напряжение. Он улыбнулся, потом рассмеялся в голос.

— Отстранили! — крикнул он, когда здания в зеркале заднего обзора уменьшились и исчезли совсем. — Новый приказ! Дело поступает в распоряжение специалистов! Ну давайте, работайте, гвардии мудаки правительства Соединенных Штатов! Ничего-то вы не найдете. Вы, болваны, даже забыли изъять у меня пропуск.

Он похлопал себя по карману, где лежал пропуск. Он по пунктам знал, что они собираются делать. И знал, как мало они найдут. Так им и надо. Это его дело, и он еще над ним работает. Или нет? Это будет решать адмирал. С ним-то и надо повидаться. Трой направился в город. По дороге ему попалась закусочная для водителей, и он вспомнил, что уже шесть часов ничего не ел. Покончив с сэндвичем, он позвонил из будки секретарше адмирала. Да, адмирал на месте. Да, примет вас через тридцать минут.

Адмирала Колонна действия армии по отношению к Трою не удивили ни в малейшей степени. Слушая подробности, он посасывал трубку и кивал.

— Это СОП. Наше агентство выполнило свою работу — мы сторожили сторожа и доложили результат. Сторож исчез. Дело вышло из нашего круга обязанностей. Им занимаются те, кому полагается, а мы отходим в сторону. Стандартная Оперативная Процедура. Дело закрыто.

— Извините, адмирал, но не могу с этим согласиться. Вы дали мне задачу: узнать, зачем полковник покупает золото. Задача не выполнена. Во время ее выполнения Мак-Каллох исчез, совершив несколько преступлений, которые сейчас расследуются полицией и военной разведкой. Все согласно уставу. Но исходное дело все еще открыто и не доведено до конца.

Адмирал наклонил голову:

— Я понимаю твою точку зрения. Но что мы можем сделать такого, чего не могут другие отделы?

— Я могу обнаружить, что произошло на самом деле. У меня уже неплохие результаты — доклады вы видели. На самом деле я только начал. Должна быть связь между золотом, убийствами и кражами. Как только я пойму одно из этих действий, я пойму и остальные.

— Ты веришь, что сможешь?

— Думаю, что смогу, сэр. На дело затрачено столько времени и сил, и я прошу еще немного времени. По крайней мере разрешения испробовать свой шанс. Сэр, я еще занимаюсь этим делом?

Адмирал с минуту молча смотрел на него сквозь облако дыма:

— Занимаешься. Я согласен с твоими соображениями. В той мере, в какой это касается нашего отдела, расследование по полковнику Мак-Каллоху продолжается. Что ты собираешься делать дальше?

— Просить вашего разрешения связаться со всеми агентствами, собиравшими для нас информацию, и запросить копии докладов. Майор так быстро вышиб меня вон, что я не смог взять даже свои заметки.

— Не получится. Согласны мы или нет, официально КССС выведено из этого расследования. Даже если я запрошу информацию, нам наверняка откажут.

— М-м-мать! — Трой вскочил и заходил по комнате, вбивая кулак в ладонь. — Полный нокаут. Без этих сведений мне этого парня не раскусить. Дурак я был. Мне бы сразу сделать копии с документов, как только я их получил!

Адмирал кивнул в знак согласия:

— Ты довольно поздно приходишь к выводу, который я сделал много лет назад. Следует установить стандартную процедуру: пришла бумага — немедленно сделать с нее копию и подшить. Полагаю, после вполне предметного урока ты согласишься с разумностью такого подхода.

— Так вы... так у этих документов есть копии?

— Разумеется. Я же сказал, что это стандартная процедура. Сейчас с них будут сняты дубликаты и посланы в тот ящик внизу, который служил тебе кабинетом. — Он поднял руку. — Не нужно благодарностей. КССС — мой отдел. И я не меньше тебя хочу,

чтобы это дело было раскрыто, к нашему общему удовлетворению.

Трой не мог сдержать радость:

— Великолепно, сэр! Я должен вас благодарить, поскольку вы спасли мою шкуру. И я это дело расколю.

— Буду ждать твоего доклада.

Трой двинулся к двери, но вдруг обернулся:

— Могу я задать вам личный вопрос, сэр?

— Задать можешь. Ответить не обещаю.

— Ну, он не совсем личный, скорее — для информации. Сэр, что вы делали на флоте? Не поймите меня неправильно, я не критикую флот, но я смотрю, как вы управляетесь с отделом, и думаю, что, наверное, ошибался в представлениях о флотском порядке.

— И опять же, возможно, не ошибаешься. Флот вырабатывает привычку работать с книгой и не проявлять излишнего воображения. Может быть, поэтому я оказался здесь. Кроме того, я, может, никогда и не был на флоте. Посмотри на себя — разве ты лейтенант? Однако на тебе форма лейтенанта. И закончим на этом. Жду твоих докладов о ходе расследования.

Трой спустился в свой отсек и погрузился в работу. Бумаги расползались по столу и даже скользили на пол, Трой перекалывал их, пытаясь как-то классифицировать. Только просмотрев все подробные доклады ФБР, он позволил себе сбросить первый слой. Далее шли расчеты личности Мак-Каллоха, выполненные психиатром по данным личного дела и медицинской карты Мак-Каллоха.

Работа была выполнена трудная и очень фрейдистская. Много выводов основано на том, что полковник рано покинул дом. Далее шли спекулятивные рассуждения на тему отторжения от матери и извращения братских чувств. Трой перелистнул несколько страниц и перешел к заключению.

«В силу изложенного я прихожу к заключению, ослабленному, к сожалению, как я упоминал ранее, отсутствием личного контакта с объектом и состоящему в том, что объект обладает сильной личностью параноидального типа и его приспособленность к жизни подвергается напряжению в силу наличия шизофренических тенденций. Он ощущает, что его обходят по службе менее квалифицированные работники и что его недостаточный успех является не следствием его собствен-

ных недостатков, а следствием пороков общества в целом. Служба в военных структурах приучила его действовать адекватным образом, несмотря на подобные настроения. Однако его послужной список, равно как и обвинения в убийствах, совершенных в период службы во Вьетнаме, хотя таковые обвинения были впоследствии сняты, свидетельствуют о сильной склонности к человекоубийству. Он не теряет способности отличать правильное от неправильного, однако всегда полагает себя правым и испытывает желание поступить по своей воле с тем, кого считает неправым. Наиболее серьезными для офицера действительной службы представляются его, хотя и подавленные, тем не менее злобные и подразумевающие насилие антинегритянские побуждения. Этот вывод подтверждается его прежним членством в ку-клукс-клане. Наиболее глубокой мотивацией для объекта является ненависть, вызванная этими побуждениями. Я уверен, что он не сможет подавлять эти чувства еще сколько-нибудь продолжительное время».

— Для этого не надо быть психиатром, — сказал Трой, бросая документы на захлащенный стол и брезгливо вытирая руку о брюки. — Я это знал с первого взгляда. Ну ладно, это хотя бы доказательство. Что я еще знаю?

Он брал документы по одному и откладывал те, которые казались ему существенными. При этом он рассуждал вслух, чтобы лучше сформулировать собственные мысли.

— Психиатр говорит, что у Мак-Каллоха склонность к убийствам и что он сдвинулся на расизме еще в своем Миссисипи. К этому можно добавить полицейский рапорт о трех убийствах, совершенных им для сохранения в секрете своего плана. Об этом плане мы знаем только то, что в нем участвует большое количество золота, а также автомат и полный комплект чертежей для его изготовления. Поскольку для приобретения этих предметов Мак-Каллох затратил значительные усилия, резонно предположить, что они представляют для него определенную важность. Если он отправился назад во времени, то он наверняка взял их с собой. В одна тысяча восемьсот пятьдесят восьмой год. Зачем? И почему в этот год? Что в нем особенного? Как я помню, ничего. Относительно спокойный период в истории Америки, в

котором ничего примечательного не случилось. Много политических взаимодействий и трений между штатами, но до Гражданской войны еще два с половиной года.

— Не знаю я, что он задумал! — рывкнул Трой, неожиданно разозлясь и стукнув кулаком по стопке документов. — Знаю только, что какую-то гадость, мерзость какую-то! Будут убийства — иначе зачем ему оружие? И без волшебного зеркала могу сказать, зная полковника, что среди убитых будет много черных. Это уж будьте спокойны.

Однако злость — не решение. Мотивация поступков полковника должна быть найдена разумом и логикой, а не приступами эмоций. Трой взял чистый лист бумаги и разделил его пополам вертикальной линией.

Вопрос: Что взял с собой полковник?

Ответ: Золото, автомат, чертежи автомата.

Вопрос: Как связаны между собой эти предметы?

Ответ: Неясно. Следует подумать. Золото — это деньги. Такие деньги, которые годятся в любое время и в любом месте. В 1858 год Мак-Каллох прибыл богатым человеком, и он явно собирается быть богатым на Юге. На Север он ни за что не поедет! Он нырнет в Дикси*, добрый старый рабовладельческий Дикси. Там он будет дома. Так, для полковника, с его предубеждениями, это уже достаточная мотивация отправиться сквозь время. Жить на любимой земле в такие времена, когда слово «интеграция» вызывало чисто математические ассоциации. Прекрасно. Однако почему год 1858? Через три года — Гражданская война, и этот дивный мир полковника исчезнет навсегда. Вот если бы отправиться в 1830-й, он бы мог всю жизнь прожить, щелкая кнутом по черным спинам. И ему бы это нравилось. А в 1858-м оставалась всего пара лет такого удовольствия.

Но кроме золота он взял с собой автомат. Приближающаяся война — и смертоносное оружие. Вот это гармонировало. Это сходилось.

Трой вдруг с ужасом и отчаянием почувствовал, что нашел правду. Нет, это невозможно! Но это правда. Все сходилось.

Полковник отбыл назад во времени с золотом, автоматом и чертежами.

* Так в Америке называют южные штаты. — *Примеч. ред.*

Психиатр предположил, что Мак-Каллох — паранойк с криминальными отклонениями шизофренического характера. По-другому говоря, он сумасшедший. Сама его идея сумасшедшая. Самая сумасшедшая идея, которую когда-либо вымечтал самый сумасшедший псих.

Полковник Мак-Каллох отправился в прошлое для того, чтобы изменить исход Гражданской войны.

В измененной истории Юг должен был победить.

Глава 18

— В чем конкретно состоит ваш вопрос? Каковы особенности автомата «стен»? Боюсь, я не понял, что вы имеете в виду, сэр, — заявил Драйер. Куратор вертел в руках автомат, будто пытался прочесть на нем ответ.

— Я плохо выразил свою мысль, — сказал Трой. — Позвольте, я попробую снова. Мы с вами оба смотрим на автомат не так, как случайный наблюдатель. Вы — куратор технологического архива, специалист по оружию любых видов. Я — тоже специалист, поскольку применял его в деле. Равно как и полковник Мак-Каллох...

— Ах да, полковник. Вы тут несколько дней назад спрашивали о нем, я правильно помню? Вы нашли пропавшие предметы?

— Пока нет, но дело расследуется. Потому-то мне и нужна ваша консультация по поводу автомата, с которым ушел полковник. Что это за оружие? У него высокая точность попадания? Большая скорострельность или малая вероятность отказа?

— На самом деле как раз наоборот. Этот автомат разработали в страшной спешке в начале второй мировой. Скорострельность низкая, точность невысокая, а затвор часто заедает.

— Не слишком заманчиво, — заметил Трой. Он взял автомат и провел пальцем по грубым сварным швам,

соединявшим ствольную коробку с металлической трубой, образовывавшей ложу. — И много их выпустили?

— Всего более четырех миллионов.

— Это же чертова уйма стволов. А зачем? Если оружие настолько плохое, зачем его шлепать в таких количествах?

— Вы, молодой человек, представьте себе тогдашнюю ситуацию. Германия выигрывает войну начисто. Франция и Нидерланды с Бельгией и Данией захвачены, и англичане противостоят мощнейшему врагу почти в одиночку. Современного оружия у них очень мало, если вообще есть. Несмотря на все уроки о значении современного оружия, которые Гражданская война в Испании не просто преподавала, а разжевала и в рот положила, Англия вступила в войну, вообще не имея на вооружении автоматического стрелкового оружия. Была паника, и вторжение немцев ожидалось в любую минуту. И любое оружие было лучше его полного отсутствия. Этот автомат, системы «стен», делался в страшной спешке. И, несмотря на все упомянутые мной дефекты, он весьма прост в производстве. Субподрядчики его клепали буквально в переоборудованных амбарах и складах. И еще он был баснословно дешев. Каждый экземпляр обходился, если память мне не изменяет, в два фунта десять шиллингов. Это меньше шести долларов. В наши дни многомиллионных систем в это трудно поверить. Потому-то их и штамповали миллионами. Маленький уродец-автомат — самое выдающееся оружие во всем арсенале союзников. И заметьте себе, это только первая модель. История второй модели еще интереснее.

Драйер отложил автомат в сторону и развернул другой, который принес из хранилища. Автомат был уродливей своего предшественника. На патроннике следы напильника, а на кожухе затвора грубая сварка. Драйер ласково по нему похлопал.

— Этих было сделано больше двух миллионов меньше чем за два года. Возможно, самое простое из всех видов автоматического оружия, и уж наверное самый простой пистолет-пулемет. Смотрите, ствол — просто стальная труба, закрепленная скобой на болтах, а ствольная коробка — кусок гнутой трубы. Ударный механизм — проще не бывает боек да пружина. Нажал спусковой крючок — и пошел палить. Пули разбрызги-

ваются как вода из шланга. Смертельное оружие, и очень простое.

— Простое — подходящее слово. Сделай его вручную, он не мог бы быть грубее.

Драйер усмехнулся и погладил автомат.

— Так оно и было, мистер Хармон. Во многих странах бойцы Сопротивления делали его вручную. Вот этот сделан в Копенгагене бойцами датского Сопротивления прямо под носом у немцев.

Кусочки плана Мак-Каллоха вставляли на свои места. Трой не очень помнил, какое оружие применялось в Гражданской войне, но таких автоматов в то время точно быть не могло. Полковник был сумасшедший, но совсем не дурак. Он разбирался и в оружии, и в тактике, и в войне. Он знал Вьетнам, где примитивная армия, не имеющая даже такого оружия, прилично потрепала армию страны с самой высокой в мире технологией. Мак-Каллох хорошо выучил этот урок.

— Что еще я мог бы вам сообщить?

Вопрос Драйера вывел Троя из мрачного раздумья. Он качнул головой:

— Спасибо, мистер Драйер, больше ничего. Ваша помощь неоценима. О дальнейшем ходе дела мы вам сообщим. Однако между нами скажу: я полагаю, что чертежи и автомат вы можете списать как потерю. Они уже не вернутся.

— Боже мой, это очень плохо. Синьки восстановить можно, но само оружие было уникальным.

— Примите мои соболезнования, мистер Драйер. Еще раз спасибо за помощь.

Дорога до лаборатории была недолгой; у ограды охранник замахал Трою рукой. Уж не вспомнил ли майор ван Дайвер о его пропуске?

— Для вас сообщение, лейтенант. От доктора Делькур. Она просила вас сразу, как приедете, подняться к ней в кабинет.

— Спасибо, Чарли. Я прямо сейчас туда.

Чтобы не попасться на глаза охране, он объехал здание с другой стороны. Если они забыли отобрать у него пропуск, напоминать им он не собирается. По черной лестнице он поднялся на нужный этаж и вошел в приемную.

Секретарша сразу впустила его в кабинет. Там сидел Боб Клейман, откинувшись в кресле и держа в руках

чашку кофе. Он замахал Трой свободной рукой. Роксана подняла голову от бумаг на столе и улыбнулась.

— Заходи, Трой. Тебе передали мою просьбу. В твоём офисе мне сказали, что тебя нет.

— Я все равно ехал сюда, и охранник у ворот сказал, что ты хочешь меня видеть.

— Я хотела тебе сообщить, что мы выделили то смещение времени, которое использовал Мак-Каллох. — Она оторвала полоску от листа бумаги на столе. — Он вернулся в эту дату — Четвертое июля * тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года. Похоже, наш друг полковник горячий патриот.

— Очень сомневаюсь. Здесь должна быть другая причина. Наверное, он хотел иметь гарантию, что его прибытие пройдет незамеченным. Четвертого июля народ смотрит парад и вообще занят празднеством.

— Ты прав. Я просто не подумала об этом.

— Я подумал, — серьезно ответил Трой. — Я в течение некоторого времени пытался влезть в шкуру полковника, рассуждать, как он, и реагировать, как он. До некоторой степени я преуспел. Но в шкуре полковника не очень приятно. Он псих. Я не хочу вдаваться во все детали того, как я восстановил план полковника, но теперь я его знаю. Это может прозвучать несколько неожиданно, так что постарайтесь не смеяться.

— Во всем, что касается полковника, нет ничего смешного, — заметил Клейман. — Алан Харпер был моим другом. Отравление — ужасная смерть.

Они терпеливо слушали, сначала с недоверием, потом с возрастающим пониманием.

— То, что ты говоришь, может быть правдой, — заметила Роксана. — Идея сумасшедшая — но и полковник сумасшедший.

— Сдвинутый, как целый дурдом, — добавил Клейман. — И позвольте мне вам сказать, что я надеюсь, что Трой прав. Потому что тогда он, с нашей точки зрения, давно уже помер. Какое-то время в прошлом он еще жил, но свой дурацкий план он не осуществил.

— Откуда ты знаешь? — спросил Трой.

* Четвертое июля — День независимости США, государственный праздник. — *Примеч. ред.*

— Потому что история не изменилась, друг. Как Юг проиграл войну, так оно и осталось.

— Здесь они проиграли войну, — сказала Роксана, — но в параллельной ветви, может, и нет.

Трой поднял брови:

— Я тебя не понял.

— Это одна из многих теорий о природе времени. Она отрицает наиболее распространенное представление о времени как о реке, протекающей из прошлого в будущее через настоящее и при этом неизменной. За ней можно наблюдать, но на нее нельзя воздействовать. Современная версия древнего понятия о предопределении, которое вступает в конфликт с понятием свободы воли. Если будущее неизменно, то мы — только игрушки в руках времени, живущие предопределенной нам жизнью и имеющие не больше свободы, чем актеры на экране кино. Если же воля человека свободна и мы имеем возможность изменять будущее, то с точки зрения этого будущего мы изменяем прошлое.

— Глубокая мысль, — встрял Клейман. — Физика, замешанная на философии. Именно этими вопросами нам придется заниматься сейчас, поскольку мы-то знаем, что путешествия во времени возможны. Это приводит нас к другой теории о природе времени, а именно: о возможности ветвления времени и параллельных временных потоках. Например, допустим, что англичане расстреляли как изменника Джорджа Вашингтона раньше, чем он победил в Революции. В этом случае США до сих пор были бы колонией Великобритании. Возможно, что существует вселенная, то есть мир, параллельный нашему, в котором это случилось. Таких вселенных может быть бесконечно много, и каждая из них порождена вероятностью во времени, возможностью выбора, изменением, сделанным из другого мира.

— Сложная теория, — сказал Трой.

— Уж конечно, — согласился Клейман. — И мы возвращаемся к тому, с чего начали. Если существует вселенная параллельных возможностей, нам без разницы, что там, в прошлом, сделал полковник Мак-Каллох. Нас это не затронет. Если он ничего не добьется, у нас все останется как было. Если он выполнит свой сволочный план, он создаст новую ветвь времени, и нас это опять-таки не коснется. Но если наше время можно

изменить, а это не сделано, то его планы потерпели крах.

— Ты забыл еще одну возможность, — возразил Трой. — Допустим, его планы потерпели крах потому, что кто-то его остановил. Кто-то из настоящего, кто знал, что он задумал, отправился вслед за ним и помешал.

— Интересное рассуждение, — согласилась Роксана. — Но о его истинности принципиально невозможно сказать что-либо. Еще один парадокс времени. Либо полковник потерпел неудачу потому, что такова его судьба, и тогда его никто не должен был останавливать. Либо он был остановлен кем-то из настоящего, но, так как мы знаем, что его остановили, нам нечего беспокоиться. В любом случае что сделано, то сделано, и дальнейшее уже не наша забота.

— Все еще не могу согласиться, — утрировано заметил Трой. — Я не могу его забыть, этого полковника. И то, что он сделал, я тоже не забуду. И что он еще может сделать. Что бы вы ни говорили, а остановить его надо.

— Если это можно сделать — отлично, но как? — спросил Клейман. — Ты видишь, как непросто ответить на этот вопрос. От сегодняшнего правосудия он сбежал сквозь время. И проще всего нам действительно забыть о нем. Понимаешь, с точки зрения нашего мира он уже давно сдох и похоронен.

— Для нас сегодня все в порядке, — согласился Трой. — А что с теми, которых это затронет? Мы знаем, что он там, в прошлом, и с каким-то преступным планом в голове. Есть ли способ как-нибудь обезвредить его?

— Сомневаюсь, — сказал Клейман. — Что мы можем? Послать сообщение в полицию того времени? Предупредить, что некто Уэсли Мак-Каллох разыскивается полицией следующего столетия по обвинению в убийстве?

— Я понимаю, что это невозможно. Но у вас есть машина времени. Должен же быть какой-то способ ее использовать. Если бы мы могли послать за ним команду — даже и команду не надо, хватит одного человека. Одного определенного человека. Мак-Каллох этого не ждет, поскольку считает, что его след во времени не найти.

— Верно. Но, знаешь, ни от кого не потребуешь выполнения подобной задачи. Покинуть мир своего

рождения, оказаться в прошлом, среди неизвестных опасностей да еще знать, что дорога — в один конец, навсегда. Нет, Трой, даже и не думай. Полковник исчез — и скатертью дорога.

— Я знаю, что отсюда он ушел навсегда. Но меня мучает мысль, что где-то — или когда-то, если так вернее, — он творит какую-то мерзость.

— Трой, мы разобрали ситуацию в деталях, — мягко сказал Клейман. — Ты сам видишь, что нет никакой возможности хоть что-то сделать. Он ускользнул от сегодняшнего правосудия в прошлое, и лучшее, что ты можешь сделать, — это забыть его. Он умер и похоронен.

— Нет, — сказал Трой. — Не забуду.

Сказано это было твердо, но без эмоций. Он пришел к решению, о котором подсознательно думал уже несколько дней. Теперь он осознал его. И понял, что это решение давно уже им принято.

— Мак-Каллох не удерет. Я пойду за ним.

Глава 19

Эти слова упали в наступившую тишину.

Клейман собрался что-то сказать, но передумал. Заговорила Роксана Делькур:

— Решение очень серьезное. Ты продумал его до конца?

— Вообще-то нет. Скорее эмоции, чем рассудок. Просто я взялся за это дело. Однажды я видел полковника, и он мне не понравился. Потом я видел, что он натворил, и знаю, что дальше будет еще хуже. Кто-то должен встать у него на дороге. И похоже, что этот «кто-то» — я.

— Слушай, — сказал Клейман. — Ведь это необратимо. Туда ты попадешь, а обратно никак.

Трой медленно кивнул:

— Я знаю. Но в конце концов, это не так уж далеко. Все те же Соединенные Штаты нашей любимой Америки. Только чуть пораньше. Зато сколько новых впечатлений! Добавим, что терять мне тут особенно нечего. Можете назвать это депрессивным восприятием или неадекватной оценкой, но после смерти моей жены все в этом мире стало как-то не так. Уже почти два года. Перед смертью она долго болела. Ей несладко пришлось, и меня это прилично стукнуло. Так что какое-то время я был готовым клиентом для восьмого отдела. Работа спасла. Вообще-то я не склонен к самоубийству, но... Извините, ребята, сам не знаю, с чего это я разговорился.

— Потому что мы — твои друзья, — ответила Роксана.

— Ты права. На военной службе друзья заводятся нелегко — переводы то туда, то сюда, особенно если работа вроде моей. Пока Лили была жива, в друзьях и нужды не было. Близких родных у меня нет, и ничто не мешает мне отправиться за полковником. — Он поднял глаза от сцепленных рук и улыбнулся. — Не так чтобы великий подвиг, но я собираюсь его совершить.

— Нельзя! — взорвался Клейман. — Посмотри, что ты бросаешь! Технологию, научный прогресс, потрясающие открытия двадцатого...

— Боб! Мне это все без разницы. У нас с тобой разная жизнь. Работу, которую делаю я, можно делать и в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом, и в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом. А чего мне в самом деле хочется, так это придавить эту сволочь. Ты мне поможешь?

— Нет, потому что это самоубийство! И я в этой дурости не участвую. И вообще... — Вспышка злости Боба тихо увядала под спокойным взглядом Троя. Боб опустил глаза.

— Ладно, ты меня уговорил. Но мне все равно не хочется. — Клейман вдруг заулыбался и потер руки. — Но слушай, какой эксперимент по изучению структуры времени! Сколько можно узнать нового! Слушай, пообещай нам помочь. Надо будет подумать, как ты сможешь с нами связаться, а, Роксана?

— Я думаю, мы обязаны помочь Трою, если он считает, что выполняет свой долг. Хотя бы из благодарности за то, что он открыл нам глаза на истинную природу нашей машины. Но ты должен представить свое предложение начальству, Трой?

— Не стоит. Они примут меня за сумасшедшего. По крайней мере мое армейское начальство. Вот адмирал Колонн, с которым я сейчас работаю, — тот поймет. И еще одна вещь: вам не придется об этом докладывать? Как бы не втравить вас в неприятности.

— Ничего серьезного, — успокоила его Роксана. — Мы составляем отчеты, но не обязаны описывать каждый эксперимент. Так что делай, что считаешь нужным, и не волнуйся за нас. И все равно мне хотелось бы, чтобы ты передумал.

— Спасибо тебе. Но я чувствую, что надо это сделать.

Приняв решение, Трою хотелось побыть одному и обдумать все как следует. Тем более что обсуждать было больше нечего. Трой извинился и почти сразу ушел.

По дороге домой он заехал на Массачусетс-авеню за делом полковника. Ночной охранник его впустил, и он уже укладывал документы в конверт, когда заглянул адмирал.

— Ты круглые сутки, что ли, работаешь с этим делом? Что-нибудь понял?

— Да, сэр. Все свидетельствует об одном, но я не уверен, что вы согласитесь с моей теорией.

— Соглашусь, если она состоит в том, что полковник Мак-Каллох отбыл в прошлое с целью изменить исход Гражданской войны. Что уставился? Сядь и расслабься. И я тоже сяду, закурю трубочку и послушаю, как ты до этого дошел.

— Но, сэр... вы ...

— Я тебя удивил? Почему? Я же видел все твои доклады и имел копии всех документов. И я стараюсь быть в курсе всех операций моего отдела. Особенно столь экзотических, как эта. Поначалу мне не верилось, что у тупого убийцы-полковника хватит на это воображения. Но постепенно все стало очевидным. Его заикленность на расе и классе, да к тому же еще ностальгия по старому унесенному ветром Югу. В тот момент, когда ему стала известна сущность проекта «Гномен», идея должна была запасть ему в голову. А для такого плана сумасшествие только на пользу. Тем более что полковник осуществлял свой план наиболее разумным образом. Приобретение золота — наилучший способ перемещения капитала в другую эпоху. А по-настоящему мне открыла глаза история со «стеном». Простое и смертельное оружие, которое может сделать каждый, имеющий опыт работы по металлу. Мы не знаем, что он конкретно собирается делать с автоматом, однако ясно, что ничего хорошего. Ты составил план своих дальнейших действий?

— Да, сэр. Я отправлюсь за ним.

— Хорошо. Полностью согласен. Ты пришел к единственно возможному решению. Кто-то должен его придавить.

— Однако кое-кто считает, что преследовать его — такое же сумасшествие, как и его бегство в прошлое.

— Я не «кое-кто». Я тот, кто руководит организацией исключительной важности. Мы, КССС, несем окончательную ответственность за безопасность нации. Очевидно, что мы обязаны защищать ее настоящее и будущее. Не так очевидно, что мы должны защищать также и ее прошлое. Полковнику Мак-Каллоху нельзя позволить ставить под угрозу само существование нашей нации. Теперь я могу быть откровенным: мне очень приятно было услышать твое решение. При любом другом я вынужден был бы снять тебя с дела и откомандировать обратно. Теперь, к счастью, я этого делать не должен. Поздравляю. Хотя мы работали вместе недолго, скажу тебе, что ты лучший оперативник из всех, кого я знаю. Может быть, потому, что ты думаешь в точности так, как я. Сомнительный комплимент.

Трой улыбнулся:

— Может быть, но я его понимаю и принимаю. Спасибо. Но позвольте спросить: что бы вы сделали, если бы я не собирался вслед за ним?

— Мне бы пришлось отправиться самому. Никого другого послать в такую командировку, в один конец, я не мог. С другой стороны, есть очень серьезные силы, желающие моей отставки. А мне не хочется. Однако я не упустил бы шанса сделать то, что сделаешь ты. Уж если уходить из отдела, такая командировка куда лучше отставки. Тебе повезло, парень.

— В некотором смысле — да.

— Повезло. Тебя ждет такое приключение! Я даже завидую. Но перейдем к делу. Ты обсудил план с людьми из проекта?

— Да, сэр. Они согласились помочь.

— Иначе быть не могло. Твое путешествие для них просто клад. Теперь следующий вопрос: финансы. Сколько у тебя в банке и сколько ты еще можешь найти?

— Ничего похожего на сундучок полковника. Я не богатый.

— Он тоже не был богатым. Просто жулик. Он взял колоссальный заем под залог дома и забыл о нем упомянуть, когда продавал дом. Еще он взял кучу краткосрочных ссуд и хорошо перебрал по кредитным карточкам. Только четверть денег его собственные, остальные — ворованные. Сколько ты можешь собрать?

— Тысяч пять.

— Так я и думал. Этого мало. Вот чек на двадцать тысяч долларов из нашего специального фонда. Депонируй его завтра в своем банке. Затем иди в магазин де Гру, это один из самых крупных нумизматических магазинов в стране. Купи столько монет, сколько сможешь свободно унести. У Мак-Каллоха были долгосрочные планы, и он мог потратить время на реализацию золота. Монеты избавят тебя от подобных забот. Насчет оружия поговорим позже. Я подготовлю список предметов, которые тебе понадобятся. Ты тоже составь такой список, мы их потом сравним. Не жалея времени и продумай список как следует, — если что забудешь, вернуться не сможешь. Еще надо подумать о способе связи — как ты пошлешь сообщение и как мы его найдем. И еще одно. Расовый вопрос. В то время существовало рабство. Тебе нужен будет документ, подтверждающий, что ты отпущен на свободу. Этого будет достаточно?

— Об этом я еще не думал, но сделать это нужно.

— Отлично. Похоже, все. Вопросы есть?

— Только один, адмирал. — Трой посмотрел на чек, сложил его и сунул в карман. — Но важный. Допустим, я не смогу убедить власти арестовать полковника Мак-Каллоха. Что мне делать в этом случае?

— Ты знаешь ответ не хуже меня. Но если хочешь, чтобы я сформулировал его как приказ — с удовольствием. Сержант Трой Хармон, на вас возлагается задача произвести розыск полковника Мак-Каллоха и обнаружить его. По обнаружении — ликвидировать.

Глава 20

— Монеты только американские? — спросил клерк.

— Именно так, — подтвердил Трой.

— Какого-нибудь определенного достоинства?

— Не обязательно. Но не позже тысяча восемьсот пятьдесят девятого года выпуска. Что у вас есть?

Молодой человек отступил назад и поднял брови.

— Если вы минутку подождете, я попрошу подойти сюда мистера де Гру. Он большой специалист по ранним американским монетам.

Клерк поспешно ушел, а Трой оглядел помещение. В детстве он не собирал коллекций, — ни марок, ни монет, вообще ничего. Но понимал привлекательность такого рода хобби. Очень заманчиво выглядели разноцветные банкноты со всего света, монеты самых неожиданных размеров и форм. Когда вошел владелец, Трой как раз рассматривал под стеклом римский динарий.

— Чем могу служить, сэр? Интересуетесь американскими монетами?

— Совершенно верно. Причем не позже тысяча восемьсот пятьдесят девятого.

— Прекрасно! Но не будет ли нескромно с моей стороны поинтересоваться, зачем именно? Это могло бы помочь мне отобрать для вас именно то, что вам нужно.

— Особых причин нет. Меня просто интересует этот период.

— Поймите меня правильно, сэр, я хочу наилучшим образом удовлетворить ваши требования. Не хотели бы вы мне что-нибудь сообщить?

— Что, например?

— Например — зачем? Я занимаюсь монетами, сэр, и я знаю о них все. Но здесь кроется что-то, чего я не знаю и что хотел бы узнать от вас. Вы — мне, я — вам. Рука, как говорится, руку моет. Я с вас возьму самую честную цену. А вы мне расскажете, что особенного в этом периоде. Понимаете, дело в том, что пару месяцев тому назад один джентльмен совершил у меня точно такую же покупку.

— Высокий, с острым носом, седеющие волосы?

— Именно он!

— Вот он мне и сказал, чтобы я покупал такие монеты. Почему — не знаю. Я скажу ему, что вы интересовались.

— Так вы его знаете? Знаете, кто это?

— На самом деле нет. Мы случайно встретились однажды. Теперь, если не возражаете, займемся монетами.

Нумизмат вздохнул. Тайна осталась тайной, по крайней мере на время.

— Ладно, буду надеяться, что вы его спросите. — Он поставил на прилавок выставленный бархатом поднос. — Вы скажите ему, что я получил новую партию монет, которая может его заинтересовать. Вот, смотрите, отличная золотая двадцатка...

— Беру. Какие у вас еще номиналы?

— Золотые — здесь. Десять долларов, пять и три. Золотых монет по два с половиной доллара сейчас, к сожалению, нет. Но вот золотой доллар, будто только что из-под прессы.

Трой взял тонкую не больше ногтя монетку.

— И эту возьму. А монеты меньшего достоинства есть?

— Вот они. Самые интересные. Полдоллара, четвертак, один цент и трехцентовик.

— А никели?

— Конечно, нет, сэр. Вы изволите шутить — ведь мы же знаем, что в это время не было монет по пять центов. Были полудаймы. И даймы*, конечно. Вот эта

* Дайм — десять центов. — *Примеч. ред.*

красотка вышла сразу после Революции. Она называлась дисма — среднеанглийский вариант старофранцузского *disme* от латинского *decima* — одна десятая. Потом превратилась в дайм.

Трой упаковал покупки в дипломат, посмотрел на часы и поспешил на улицу. За двадцать минут он должен добраться до конюшни на урок верховой езды. У полковника в этом смысле преимущество, он служил в кавалерии. Трою уроки не нравились, от последнего еще не отошли ноющие мышцы, но выбора не было — либо ходи пешком, либо научись обращаться с лошадью.

Помощь адмирала была очень к месту. Их списки необходимых предметов во многом совпали, но адмирал предусмотрел и вещи, о которых Трой не подумал. Например, антибиотики, которые, как оказалось, существуют только около сорока лет. Эти запаянные металлические ампулы могут в один прекрасный день спасти его жизнь. Таблетки галазона. В середине девятнадцатого века об очистке воды не слыхали, чума и холера были постоянной угрозой. Руки у него до сих пор болели от всех предохранительных прививок, которые ему засадили под кожу. Пришлось также срочно смотаться к дантисту для замены золотых коронок фарфоровыми.

После верховой езды Трой немедленно направился на Массачусетс-авеню.

Адмирал его ждал. Он подтолкнул по столу пистолет с длинным стволом из вороненой стали:

— Кольт, сделанный в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом. Точная машина, хотя и бокового боя. Заряжается медленней, чем с патронами центрального боя, которые появились лишь в шестидесятых, но стреляет не хуже. Пистолет исполнен как точная копия настоящего, но ствол, камеры и все основные части механизма выполнены из современных марок стали. К нему тысяча патронов, и можно сделать еще столько же. У нас в цоколе есть небольшой тир. Спустиись туда и постреляй, привыкни к оружию. От этого может зависеть твоя жизнь.

За две недели подготовительная работа была закончена. Договор на аренду квартиры отменен, личные вещи сданы на хранение. Он был уверен, что никогда их не увидит, но не мог просто их вот так взять и

выбросить. Адмирал это понимал и обещал оплатить стоимость хранения. Никто из них не сказал, на какой срок.

Приготовления закончились, списки выполнены, все готово. В сырую дождливую ночь они вышли из здания на Массачусетс-авеню. Адмирал сидел за баранкой большого белого «кадиллака». Автомобиль дымил, как баржа. Свернув на Окружную, адмирал взглянул на безмолвного Троя.

— Список хорошо проверил?

— Не меньше тридцати раз. Одежда в чемодане на заднем сиденье. Снаряжение, которое мы собрали вместе, в седельных сумках. Осталось добавить к ним лошадей.

— Кольт и деньги?

— На дне сумок. Все как задумано

— Надеюсь. Будем считать, что ты подготовился ко всему. Но ты знаешь, что если у тебя найдут револьвер, тебя тут же вздернут?

— Знаю. Но у меня мало шансов раздобыть его по прибытии. Черные — то есть ниггеры — на старом Юге близко не подходили к подобным штукам.

— Вот это-то меня серьезно беспокоит.

— Не стоит беспокоиться. Шансы у меня те же, что были бы у белого. В конце концов, у меня есть защитная окраска.

— Не шутил бы ты на эту тему.. или ладно, шути. Черт побери, хотел бы я отправиться вместо тебя! Как я тебе завидую! Моя работа становится день ото дня скучнее.

— Она важна, сэр. И вы можете сделать ее лучше других.

— Знаю, а то бы это я, а не ты, учился верховой езде. Нам сюда?

— Правильно, сэр. Ищите маленькую дорогу.

Было половина двенадцатого. Они решили заранее принять все меры предосторожности для предотвращения расследования по поводу исчезновения Троя. В эту ночь никто из работников лаборатории или служащих охраны не дежурил, так что их можно было не учитывать. Их прибытие было рассчитано перед сменой часовых в полночь. Проезд будет зарегистрирован в компьютере охраны, однако отсутствие регистрации выхода Троя будет замечено не сразу, поскольку оно попадет

в данные следующего дня. В любом случае в здании его следов не останется, а адмирал покажет, что они уехали вместе, и неувязку спишут на сбой компьютера.

За входной дверью их ждал Боб Клейман. Трой представил его адмиралу. Клейман сказал:

— Я много о вас слышал, адмирал Колонн.

— А я о вас, доктор Клейман. Мне не терпится увидеть вашу машину. Я бы хотел поздравить вас с поистине чудесным достижением.

— Оставьте ваши поздравления для доктора Делькур — для Роксаны. Это от ее формул завертелась вся эта механика. Она нас ждет в девятой. Вот сюда, джентльмены. Помогите мне внести сумки.

Охранник тщательно проверил их пропуска и открыл им дверь. Едва дверь за ними закрылась, Трой показал на душевую:

— Я переоденусь.

Он хотел остаться один не из-за стеснительности: годы казарменной жизни ее притупили. Просто ему надо было побыть несколько минут наедине с собой.

До этой минуты все время шло обсуждение и планирование, но теперь настал момент истины. Трой не боялся. Со страхом он был так хорошо знаком, что распознал бы любую его разновидность. Нет, им владело другое чувство. Это слегка походило на ночной прыжок с парашютом: шаг во тьму. Он медленно разделся догола, складывая вещи в одну сторону.

Предмет за предметом он надел новую одежду. Хлопковое исподнее до лодыжек, грубые штаны. Хлопковая рубашка и бесформенная куртка, разорванная на плече и зашитая. Заплаты на локтях другого цвета. Стачаные вручную высокие ботинки с грубыми подошвами на гвоздях, хорошо стоптанные и пыльные. Комплект завершился старой широкополой соломенной шляпой с обвисшими краями.

Трой сложил форму, но прежде чем спрятать ее в чемодан, выгрузил все из карманов на стеклянную полочку над умывальником.

Ключи, монетки, перочинный нож, платок, значки, ручка и карандаш, бумажник с какими-то деньгами, удостоверение, членская карточка клуба, фотографии. Все это останется. Он взял фотографию Лили на фоне Диснейленда. Лили радостно смеялась. Она всегда ра-

довалась жизни и всегда, кроме последних страшных месяцев, заражала своей радостью других.

Трой положил фотографию в бумажник, бросил всю кучу в чемодан поверх мундира и стал закрывать крышку. Остановился. Открыл снова и достал ее портрет. От двадцатого столетия ему не нужно ничего. Совсем. Фотографию положить с пистолетом и патронами. Уж если их найдут, маленький, с обтрепанными краями портретик чернокожей девушки с белыми зубами не вызовет подозрений.

Он захлопнул крышку и застегнул замки.

Похлопав по карману куртки, Трой ощупал пухлый бумажник со всеми своими документами, большой складной нож и кусок беленого полотна. Еще несколько мелких монет. Все остальное в седельных сумках.

Собравшись на выход, Трой увидел себя в зеркале и застыл. На него смотрел неизвестный. Это был не маскарад — это было настоящее. Плотного сложения негр в здорово поношенной одежде. Там, куда он собирался, люди одевались именно так. Ни нейлонового белья, ни застежек-молний, ни автомобилей или самолетов. Другой век. На что, интересно, он похож? Вот уж это точно скоро выяснится.

Он взял шляпу под мышку, поднял чемодан и вышел. Дорога начиналась.

Глава 21

Они пытались объяснить адмиралу принцип работы машины, когда вышел Трой. Наступило молчание. Увидев его в новой одежде, они вдруг поняли, что это не просто очередной эксперимент, а человек уходит в прошлое, насовсем. Планировали уход все вместе, но уходить должен был он один. Уйти сквозь время и никогда уже не вернуться. С того момента как он отправится, он будет для них мертв уже более столетия. И вот момент настал, и все поняли, что это не просто посылка во времени, но еще и нечто вроде казни.

— Я в своей жизни видел столько вытянутых морд, что с меня хватит, пожалуй, — сказал Трой. — Встряхнитесь, парни — это еще не конец света! Я же, честно говоря, затем и еду, чтобы его не было.

— Ты еще можешь передумать, — заговорил Клейман. — Мы пойдем.

— Не стоит, Боб. Подумай, я же отправляюсь в здоровый мир, без смога, загрязнений, ядерной опасности, телевизионной рекламы и прочих гадостей — а ты меня отговариваешь.

— Мы тебя не отговариваем, Трой. — Роксана взяла его за локти. — Я считаю тебя самым храбрым из всех, кто жил на земле, и я хочу пожелать тебе всей удачи, что только есть под солнцем.

Она быстро его поцеловала и отвернулась, потому что плакать было бы совсем глупо.

— Готов тебя отправить, как только ты скажешь, — Клейман показал на пульт управления. — Дата твоего прибытия установлена на первое августа тысяча восемьсот пятьдесят девятого. Около трех часов утра, когда дождь лил так, что упаси Господь. Если верить тогдашним газетам. Ты уверен, что тебе нужна именно эта дата?

— Убежден, Боб. Мы с адмиралом это тщательно проработали. Мак-Каллох там уже около года, так что уже начал осуществлять свои планы и тем их обнаружил. Это поможет мне его найти, а до войны еще полтора года, и, что бы он ни задумал, я еще успею сунуть ему гаечный ключ в спицы.

— Звучит убедительно, — согласился Клейман. — Теперь еще одно. Помнишь, ты обещал подумать, как передашь нам сообщение о том, чем дело кончилось и что собирался сделать Мак-Каллох. Ты что-нибудь придумал?

— Очень просто. Я напишу доклад и запечатаю его в бутылку. Запечатаю по-настоящему, даже попробую запаять у стеклодува. Положу ее в ящик и закопаю на глубине шесть футов там, где вы легко ее найдете.

— Где?

— Прямо здесь. — Трой показал на гранитную скалу. — С северной стороны. Вам останется только выкопать.

— Колоссально! — воскликнул Клейман. — Придется только вынести все оборудование и взломать бетонный пол. Не могу ждать! Давайте прямо сейчас и...

— Боб, подожди, пока я отправлюсь!

Наступило недолгое молчание. Все посмотрели на скалу, выступавшую серым из бетонного пола. Там, под фундаментом, лежало сообщение Троя. Если, конечно, Трой его оставил, оно должно быть там. Дожидаясь уже более ста лет, пока его найдут. С тех времен, когда еще лаборатория была не построена, когда и они сами еще не родились. От этой мысли было неуютно.

— Мы подождем, — ответила Роксана. — Важный момент, и новый — временной парадокс на этом этапе. Нам это надо обдумать, но не сейчас.

— Амины! — добавил адмирал.

— Присоединяюсь, — сказал Клейман. — Парадоксы времени должны быть исключены на любом этапе. Исключены любые слова или действия, которые могут

повлиять на уже происшедшие события. Наблюдать последствия заранее мы никак не можем.

Трой кивнул и взвалил на себя седельные сумки.

— Пора, — сказал он.

— Верно подмечено, — согласился Клейман. — Смотри, я ставлю на скалу деревянную платформу. Она приподнимет тебя на дюйм над поверхностью скалы. На этот дюйм ты и упадешь по прибытии, так что согни колени. Я считаю, что лучше оказаться на дюйм над камнем, чем на долю того же дюйма под его поверхностью. Итак, начали.

Трой помог закрепить платформу и влез на нее. Адмирал подал ему сумки. Все уже было сказано. Адмирал напрягся, Боб и Роксана возились с управлением.

— Готово, — сказал Боб, занося руку над красной кнопкой. — Считаю до трех, о'кей?

— О'кей. Вперед, Джеронимо!

— Один.

Трой согнул колени.

— Два.

Тишина. Трой увидел, что у Клеймана дрожит рука, а губы сияют что-то произнести.

Трой посмотрел ему в глаза:

— Давай, парень. Пошел!

— Три!

Темно.

Пусто.

Ощущение небытия. Или ощущение отсутствия ощущений? Это длилось мгновение, а может быть, вечность, и кончилось раньше, чем началось, или продолжалось неизмеримое время. Но не успел он это осознать, как все кончилось.

Тяжелый и теплый дождь обрушился ему на плечи, и что-то твердое ударило снизу по ногам — твердый, скользкий камень. Он попытался сохранить равновесие, не смог и соскользнул по скале в дождливую тьму, ткнувшись лицом в размокшую землю. От удара пере-

хватило дыхание. В панике Трой протянул руку, нащупывая сумки. Сумки были на месте.

Черноту прорезала молния настолько близкая, что гром рванул еще при ее свете. Сквозь густой ливень мелькнул силуэт скалы на фоне неба. Но лаборатории не было, будто и не бывало никогда. Все верно, ее еще только построят в отдаленном будущем.

Он на месте. Графство Фэрфакс, штат Вирджиния. Несколько миль к северу от столицы страны.

Лето года от Рождества Христова тысяча восемьсот пятьдесят девятого.

Подхватив сумки, он прислонился спиной к скале и протер глаза, которые заливал дождь.

Он это сделал! Тысяча восемьсот пятьдесят девятый. Но осознание ситуации пока не приходило. Реален был только дождь.

Что дальше? Прежде всего определиться на местности. Днем надо будет нанести на карту этот каменный выступ, чтобы в любой момент найти его. В свое время здесь будет закопано сообщение. Это важно не только для тех, кто еще не рожден и кто когда-то будет его откапывать, но и для самого Троя. Какая ни тонкая, а это все же связь с миром, который он покинул навсегда.

Трой пристроился под скалой и стал ждать.

Дождь слабел, и Трой с удивлением заметил, что на востоке горизонт светлеет. Надо будет об этом упомянуть. Калибровка — дело важное, как говорил Клейман. Однако погрешность в несколько часов на сотню лет — не так уж плохо. Правда, надо будет проверить и дату — на всякий случай.

Дождь перешел в мелкую морось и перестал. Воздух был тяжел и душен, день обещал быть жарким. Небо светлело, туман поднимался, травянистый луг постепенно выступал из темноты, сбегая от гранитной гряды вниз к лесам. Вблизи проходила дорога — не дорога, скорее коровья тропа. Откуда-то слышалось мычание и звон колокольчиков — поблизости была ферма. Это место найти будет нетрудно. Скальная гряда, напоминающая корабль, на вершине невысокого холма, и других скал поблизости не видно. Колокольчики слышались ближе, и к ним добавился глухой звук тяжелых медленных копыт.

Они выходили из лесу одна за другой. Стадо мелких буренок прошло мимо него цепочкой, передняя корова

взглянула на него и обошла вокруг. Трой проводил ее взглядом и обернулся.

На опушке леса стоял мальчик и смотрел на Троя.

Трой не двинулся с места, когда мальчик направился к нему. Парнишка лет двенадцати с заплатами на рубашке и на штанах, с длинным зеленым прутом в руках. Густые светлые волосы нависали над веснушчатым лицом, а босые ноги месили грязь. Возле Троя он молча остановился.

— Дождь перестал, — сказал Трой.

— Ты не так говоришь, как все ниггеры, — сказал мальчик. Сам он говорил с акцентом жителя деревень Вирджинии.

— Я из Нью-Йорка.

— Впервые вижу ниггера-янки. Ты потерялся?

— Нет, просто иду на Юг. Попал под дождь и потерял дорогу. Шел в Вашингтон. Не знаешь, где туда дорога?

— Знаю, конечно. Вон до тележной колеи, а там налево до Тайсонс Корнерс, а там дойдешь до бугра. Дурной ты какой-то, даже этого не знаешь.

— Я же тебе сказал, что я не отсюда.

— Пеструха, душа из тебя вон, пошла оттуда! — Пастушонок резко повернулся и побежал за коровами.

Трой смотрел ему вслед, чувствуя, как его отпускает напряжение. Первая встреча прошла нормально. Правда, всего лишь с мальчишкой. А как будет с другими? Во всяком случае, одно было ясно: нельзя говорить как янки. А удастся ли изобразить негритянский акцент? Иес, сар! Надо постараться, от этого может зависеть жизнь. Этого акцента он в свое время наслушался от неотесанных новобранцев с Юга. В армии их приходилось даже учить читать. Иес сар. Звучит фальшиво, значит, придется потренироваться. Послушай, как говорят другие негры, и говори так же. А пока для верности разговаривай как можно меньше.

Мальчик и стадо скрылись за поворотом. Трой повернулся к ним спиной, забросил сумки за плечо и пошел в другую сторону. По дороге ощупал карманы: все было на месте.

Вперед лежал Вашингтон, округ Колумбия — столица.

И где-то там был полковник Мак-Каллох. Им предстояла встреча, о которой полковник пока еще не знал.

Глава 22

Когда Трой дошел до размокшей колеи, солнце уже прилично припекало ему спину. Было еще раннее утро, а он уже вспотел, как лошадь. Днем вообще будет духовка. Ему пришлось снять куртку, от которой уже шел пар. Дорога представляла собой две колеи, наполненные грязью и прерываемые ухабами. Трой пошел по травянистой обочине. После очередного подъема ему открылся вид на тесовые крыши среди деревьев. Тайсонс Корнерс. Деревню окружали поля окрестных ферм, а прямо впереди рядом с дорогой стояло ветхое строение.

Даже и не строение — это слишком громкое слово. Скорее, хижина. Такие жалкие жилища он раньше видел во время каникул только глубоко в лесных дебрях вокруг Миссисипи. Грубые сооружения из некрашеного леса, покоробленного дождями и солнцем. Точь-в-точь такая. В щель между досками можно было руку просунуть. Дверь открывалась прямо в слежавшуюся дворовую грязь. Половину хижины затенял старый дуб, а под дубом сидел старик, молча наблюдая за Троем. Черная кожа изрезана морщинами, а на голове оставалась пара пучков седых волос. Старик был одет в какие-то древние заплаты. Трой кивнул ему, подошел, но старик не шевельнулся.

— Привет, — сказал Трой.

Старик покачал головой:

— Пока, а не привет. Ты еще до заката помрешь.

Трой улыбнулся, пытаясь обратить слова в шутку:

— Ладно тебе, старик, еще накликаешь.

— Чего там кликать. Ты где сумки спер?

— Они мои.

— Плохо врешь, даже я не поверю. Такие сумки бывают у белых, а у ниггеров не бывают. Первый встречный белый сперва тебя пристрелит, а потом только спросит, где спер. Ты с Севера или как?

— С Севера.

— Поговору вроде так. Так вот, парень, у нас тут Юг.

— В дом не позовешь? Похоже, мне тут надо кое-чему обучиться.

— Это уж точно! — старик рассмеялся кудхтающим смехом. — Я глазам своим не поверил, когда ты вот так чапал по дороге. Мистур Янки, тебе много чего надо понять. Ты не на Севере, и здесь ты всего лишь раб.

Эта спокойная констатация факта резанула Троя сильнее, чем угроза или оскорбление. Как-то вдруг остро пришло осознание, что негры сейчас в рабстве и что рабство узаконено. Этот вот всю свою жизнь провел в рабстве. Стала ясна одна простая вещь: либо Трой научится вести себя так, как этот старик, либо может считать себя мертвым.

Он чуть не упустил шанс. С дороги, откуда он пришел, послышались голоса и стук копыт.

— Залазь! — прошипел старик. — Залазь, или ты уже покойник!

Трой не стал спорить. Он кувыркнулся в открытую дверь, подкатившись под стену. Стук копыт приблизился, а потом раздался голос:

— Эй, дядя, ты давно здесь сидишь?

— С рассвета, сар. Как рассвело, капитан, так я здесь.

— А ну-ка Расскажи, что ты здесь видел. Да говори правду, а то я спущу твою черную шкуру!

— Что видел, капитан? Да ничего, сар. Вороны только летают.

— Вороны, говоришь? А настоящую черную ворону не видел? Ниггера в чудных ботинках с краденными сумками?

— Как изволите говорить, сар? Нет, сар, не видел. Тут никто не проходил, сар, могу поклясться, капитан!

— Я вам говорил, Лютер, что этой дорогой он не пойдет, — сказал другой голос.

— Вы называете моего мальчика лжецом?

— Если бы я считал, что он лжет, меня бы здесь не было, правда? Я только считаю, что этот хмырь наврал мальчику, чтобы сбить нас со следа. Я думаю, как только мальчик скрылся из виду, он рванул в другую сторону. Вы посмотрите на той дороге, по которой мы приехали, а я сообщу в Корнерс. Тогда ему далеко не уйти. Спорить могу, что за этого ниггера и награда назначена.

Копыта отстучали прочь, но Трой не шевелился. Он вжался в стену, не обращая внимания на цепочки муравьев, переползавших со стены на него и обратно. Им овладел страх, которого он не испытывал еще никогда в жизни. Даже тогда, когда оказался отрезанным от своей роты на территории противника.

Он и сейчас был на территории противника. В своей собственной стране — но она не была его страной. Еще не была. Он знал историю по книгам, а сейчас начинал чувствовать ее собственной шкурой и понимать по крайней мере одну из причин Гражданской войны; и чувствовать, что значила победа, купленная столь дорогой ценой. Трой глянул вниз и увидел, что у него трясутся пальцы. Со злостью сжав их в кулак, он вмазал по стене. Рано еще сдаваться.

Старик, крихтя, разогнулся, устроился на пороге и глубоко вздохнул. Он сидел спиной к Трою.

— Ты спас мне жизнь, — сказал Трой. — А я даже не знаю, как тебя зовут.

— И не надо. Когда тебя поймают, ты не скажешь.

— Как мне от них удрать? И куда податься?

— Откуда приперся, туда и иди, скатертью дорога. Вылазь на задворки да спрячься в кустах за хижинкой. Туда они не полезут. Когда стемнеет — вылезешь.

— А куда потом? Ты же слышал, они поднимут на ноги всю округу. Как я выберусь?

Старик презрительно хрюкнул:

— Если будешь таким дураком, то никак. Тебя поймут, выпорют и вздернут, но сначала ты им про меня расскажешь. Я с тобой влип, парень, понял? Влип!

Он что-то проворчал себе под нос, покачиваясь на пороге, и принял решение.

— Выйдешь оттуда и пойдешь, куда я скажу. Я свяжусь с Дорогой, и путь они с тобой возьмется. А теперь пошел вон.

Под кустами было жарко. Раскаленный воздух не шевелился, мухи терзали немилосердно. Трой заставил себя вздремнуть, но мухи заползали в нос и в рот. Он их выплевывал, отмахивался. Безуспешно. По дороге иногда проходили люди, слышался скрип тележных колес. К сумеркам у Троя раскалывалась голова от гудящей боли. Шевелиться он не решался. Раздался звук медленных шагов, и он вжался в кусты. Скрипнула дверь хижины, и послышался шепот:

— Тут тебе миска с водой. Не хапай, пока я не уйду.

Вода была теплая и вонючая, но Трою она показалась самой вкусной на свете. Он заставил себя растянуть ее как можно дольше.

Когда стемнело, воздух чуть-чуть остыл, но главное — исчезли мухи. Удовольствие было недолгим, мух сменили наглые и звенящие комары. Казалось, прошли часы, пока снова хлопнула дверь и раздались шаги старика. Он куда-то прошлепал между деревьями и спустя целую вечность возвратился.

— Эй, ты! Давай вокруг дома. Там тебя встретит мальчишка.

Между облаками плыла бледная луна, и в ее свете можно было разглядеть две фигуры. Старик махнул ему рукой:

— Вот этот парень. Он боится, но он тебе поможет. И ты ему помоги. Мамаша у него болеет, надо лекарство. У тебя доллар есть? Должен быть, при таких-то шмотках.

— Конечно! Рад буду заплатить. Если я могу тебя еще чем-то отблагодарить, буду счастлив...

— Заткнись. Ничего не надо. Иди в сарай, в который он тебя поведет. И никогда не возвращайся.

Трой прошептал какие-то слова признательности в спину уходящему, но тот не обернулся. Он был беден, но горд. Трой пожалел, что предложил деньги.

В его руке оказалась маленькая теплая ручка, и он улыбнулся мальчику.

— Мы достанем лекарство для твоей мамы. И не только. Пошли.

Босые ножки ребенка шли уверенно, и Трой поспешил за ним, безуспешно стараясь не шуметь. Они шли явно каким-то кружным путем, удаляясь от главной дороги, через пахнувший смолой сосновый лес. Шли довольно долго, потом мальчик остановился. Молча и бесшумно он свернул к прогалине в чаще леса. Колеи дороги остались рядом, и лужи поблескивали в лунном свете. Облака рассеялись, ночное небо усыпали звезды. Дорога стала западней.

Мальчик потянул его за рукав, пригнул и прошептал прямо в ухо:

— Оставайся здесь и не шевелись.

Трой не успел ничего ответить, а мальчик уже исчез, скользнув как тень через дорогу. Его долго не было. Трой подумал, не достать ли из сумки пистолет, но решил, что пока не стоит. Выстрел в такую тихую ночь поднимет на ноги всю округу, а всех, кто на него пойдет, ему не перестрелять. Оставалось только ждать.

Когда мальчик коснулся его руки, он вздрогнул.

— Там люди. Пойдем. — Он потянул Троя за рукав.

Стремглав перебежав дорогу, они скрылись в кустах за обочиной. На фоне неба виднелись очертания дома, в окнах мелькал свет. Обогнув дом, они нырнули в кукурузу, отметившую их путь шелестом. Из темноты выступил темный массив сарая. Мальчик открыл дверь. Она слегка скрипнула.

— Прячься! — прошептал мальчик. — Эй! Деньги для мамы.

Трой зачерпнул горсть монет, куда больше доллара, и сунул в руку мальчишки. Пальчики сжались, и мальчик исчез. Только скрипнула, закрываясь, дверь. Трой ощупью добрался до стены, спотыкаясь и цепляя сумками невидимые предметы. Он сбросил сумки, нащупал что-то вроде сеновала и рухнул.

Он в безопасности — надолго ли? Старик был сердит и говорил что-то непонятное. Насчет какой-то дороги. Трой не знал, что это могло значить.

Рядом с сараем раздались уверенные шаги, и дверь громко закрипела. Мелькнул свет. Хлопнула дверь. Прозвучал мужской голос:

— Выходи вперед. На свет.

Выбирать не приходилось. Выпустив сумки, Трой обошел сеновал. Заморгал, ослепленный светом керосиновой лампы. Взглянул на говорившего. Это был человек с пистолетом.

Белый.

Глава 23

— Так, это ты и есть. — Голос не изменился. — Лапы держи повыше, вот так, как держишь. Я тебя искал с полудня вместе с другими, а тебя и след простыл. Люди уже думали, что мальчик все выдумал. Однако теперь я вижу, что парень описал тебя точно.

Это был здоровый и крепкий мужик с рыжими волосами и толстым брюхом, которое выпирало из штанов и натягивало красные подтяжки.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил Трой, глядя на длинный ствол нацеленного ему в диафрагму пистолета. — Пристрелить?

— Вопросы задает тот, кто держит пистолет. Так что держи лапы вверх и отвечай, кто тебя привел.

— Не знаю.

— Кто тебе сказал про меня?

— Тоже не знаю.

— Забавно. Если не смотреть на тебя, то можно подумать, что говорит янки.

— А потому что я и есть янки. Из Нью-Йорка.

— Готов поверить, что-то в тебе есть необычное. Прямо и не знаю, что мне с тобой делать.

— Пока вы решаете — у меня руки устали. Позвольте мне их опустить? — Не дожидаясь ответа, Трой опустил руки и перенес вес тела вперед. Если поднырнуть и выбить пистолет, то шанс есть.

— Опустит. — Человек сунул пистолет за пояс широких штанов, и Трой расслабил мышцы. — Ты здесь

пробудешь какое-то время. Я тебе покажу, куда спрятаться. Это просто дыра за чаном для патоки, однако она тебе сохранит жизнь. Дня через два мы отправим тебя с еще двумя, которые должны прибыть.

— Отправим — куда?

— На Север, куда же еще.

— Извините, но по моим делам мне нужно ехать на Юг. Тем не менее благодарю вас.

— Благо... — Человек от удивления не смог продолжать. Он поднял фонарь повыше и подался к Трою, чтобы получше его рассмотреть. — Ну, позволь тебе сказать, ты и в самом деле не такой, как другие. Половина всех рабов Юга рвется в Канаду, а тебе нужно обратно!

— Нужно. И я не раб. Да, тот, кто меня сюда послал, говорил о дороге. Это что — станция Подпольной Железной Дороги, нет?

— Слишком много спрашиваешь. Твои сумки? Тогда подбери. Нечего тут людям о них спотыкаться. Пойдем в дом. Я как раз сготовил обед — думаю, ты не станешь отказываться.

— Не стану, спасибо. Последний раз я ел — не припомню даже когда.

— Держись за мной поближе, я свет погашу. Чужих поблизости никого, мои собаки бы учуяли. Но на всякий случай, чтобы тебя не увидели.

Их поглотила темнота. Трой нащупал седельные сумки и вышел за человеком из сарая. Что-то большое наперло на него из темноты, и раздалось рычание.

— Тише, ребятки, тише. Это друг. А ты, незнакомец, иди медленно. Если не будешь делать резких движений, они тебя не тронут. Войди и закрой дверь, я зажгу фонарь.

Кухня была бедно обставлена, но чисто прибрана, деревянный стол свежевыскоблен. Хозяин повесил фонарь на крюк над столом и нацедил жбан свежей воды из бочки. Жбан он поставил на стол и добавил две кружки.

— Я сегодня не вздувал огонь. Есть только холодный окорок и кукурузная лепешка.

— Все, что угодно. Заранее благодарен. Кстати, меня зовут Трой Хармон.

— Что у тебя за дело на Юге, Трой?

— Частное дело, мистер... извините, не знаю как вас называть.

Человек напротив прожевал кусок обмакнутой в патоку кукурузной лепешки и удивленно покачал головой.

— Да, ты и в самом деле не от мира сего. Меня зовут Мило Дойл, если все остальное ты уже знаешь. И я из Бостона. Этим объясняется, почему я не пристрелил тебя на месте.

— Этим многое объясняется, мистер Дойл. — Ветчина была жилистой и плохо провяленной, но Трой не привередничал и запивал ее водой со сладковатым привкусом. — Этим объясняется и то, что вы мне помогаете, да и прочее, о чем вы говорили.

— Я здесь уже так давно, что все забыли, откуда я. Приехал я сюда работать на железной дороге — на настоящей, я имею в виду, женился на местной, завел хозяйство. Она умерла три года назад, я с тех пор один. Делать мне тут особо нечего, разве только себя жалеть. Подумывал все продать и вернуться домой, да руки не доходили. А потом как-то зашел ко мне друг, которого я знал еще дома — он теперь адвокат. Попросил оказать услугу. С тех пор все оказываю и оказываю. Ну вот, теперь ты про меня все знаешь и можешь в ответ рассказать про себя.

— Буду рад. Родился и вырос в Нью-Йорке, на Лонг-Айленде. В молодости ушел в армию...

— Постой, сынок. Впервые я слышу, чтобы кто-то из твоего народа попал в армию Соединенных Штатов.

— Я это сказал? Я за границей много воевал. Есть армии, где не интересуются цветом кожи. А позаботиться о себе я могу. Сейчас я занят, ну, скажем, в проекте, по ходу которого мне требуется найти одного человека. Теперь я понимаю, что в одиночку мне этого не сделать. Я прошу вашего совета и, может быть, смогу помочь в вашей работе. Насколько я понимаю, Дорога занимается важной работой, помогая бегству рабов на Север.

— Работа, слов нет, важная, — переправа грузов на Север. Однако в этой работе некоторые из нас важнее других. Наша станция маленькая, не такая, как была у бедняги Тома Каррета. Он переправил через Уилмингтон две тысячи семьсот пассажиров, пока его не поймали.

— Я не пытаюсь оценивать масштаб ваших операций. Однако такие вещи не могут обходиться дешево. У вас должны быть расходы на еду и транспорт, и они наверняка не маленькие. А значит, мы можем друг другу помочь. Я могу заплатить за любое содействие, и наши отношения будут взаимовыгодными.

У Дойла отвисла челюсть, и по подбородку сбегала струйка слюны:

— Слушай, ты не пробовал продавать змеиное молоко? Парень, который умеет говорить, как ты, был бы великим торговцем. Взаимовыгодные отношения, — надо же так придумать! Ты говоришь лучше доброй половины моих знакомых проповедников.

Трой улыбнулся:

— Преимущества хорошего образования. — Начальная школа номер 117 и средняя школа на Ямайка-стрит — да, знали бы они!

— Какое-то преимущество у тебя точно есть. Но если ты хочешь, чтобы я тебе помог, расскажи мне побольше о том, кого ты ищешь. Это твой друг?

— Совсем наоборот. Его зовут Уэсли Мак-Каллох, но он мог и сменить имя. Хотя, честно говоря, сомневаюсь. Он убил по крайней мере троих человек — это только то, что мне известно. Я хочу его разыскать и дать знать властям.

— Это белый?

— Да.

— Трудная задача, Трой. Особенно на Юге. Один ты ни за что не справишься.

— Теперь я понял. Наивно было считать, что мне это по силам. Мне нужна крыша... — Дойл изумленно посмотрел на него, не понимая. — Нет, не настоящая крыша, я имею в виду — другая роль. Я целый день об этом думал. Не мог бы я отправиться на Юг как чей-нибудь слуга? То есть найти какого-нибудь белого для прикрытия операции. Как вы думаете, это может пройти?

— Я думаю, что мне надо выпить, а то не разобраться. Не могу сказать, удастся ли это сделать, но точно знаю, что это самая странная мысль, которую я слышал за всю свою жизнь. — Он со стуком поставил на стол тяжелый кувшин, вытащил из горла затычку и налил две полные кружки. — Попробуй. Это делает фермер, что живет ниже по реке. Содрал с меня дайм за эту бурду. Как тебе?

Трой отпил глоток, о чем тут же пожалел. Давясь, он сказал:

— По-моему, тебя надули.

Дойл согласно кивнул:

— Переплатил. Сам знаю. — Он высосал остатки и долил свою кружку. — Однако я знаю человека, который тебе нужен. Он шотландец, пишет что-то для газет из Вашингтона. Ему случалось нам помогать, и он возит наши сообщения на Юг. Думаю, он подойдет.

— Если он согласится, это будет идеально. Ты можешь с ним связаться?

Дойл почесал пальцами челюсть.

— Мне нужны железные гвозди, а Хогга из Корнерз нет на месте, я спрашивал. Так что у меня есть хороший повод ехать в город. Если я поеду рано, то к закату вернусь. Если его не будет, я оставляю записку. У наших людей, которые знают, как с ним связаться. Однако ты тем временем должен спрятаться в нору.

— Я пока отдохну, ты обо мне не беспокойся.

— Я беспокоюсь о себе и о том, что меня вздернут, если тебя найдут здесь. Да, нужно еще немножко денег, чтобы уговорить газетчика.

Трой полез в карман:

— Десяти долларов хватит?

— Десяти? Я сказал «уговорить», а не «купить с потрохами». Теперь бери свои сумки, и я тебе покажу нору, где ты можешь отоспаться.

Убежище было сделано искусно. Большая бочка для патоки наклонялась в сторону, освобождая вход. За ним в песчаной почве была выкопана пещерка, укрепленная стволами деревьев, а стены удерживали расщепленные бревна. Из них же был сделан настил, приподнятый над сырым грунтом. Еще там был ночной горшок, кувшин с водой и огарок свечи на поставце. И все.

— Утром перед уходом я принесу тебе чего-нибудь поесть.

Это были последние слова, которые Дойл сказал Трою. Бочка стала на место и закрыла вход. Трой нашел спичку и зажег свечу, затем вытащил револьвер и лег. Сумки вполне заменяли подушку, и он заснул сразу.

Днем, пока не было Дойла, Трой подремывал. Все равно в темноте ямы делать больше нечего. Способа определить время тоже не было, день тянулся и тянулся, и Трой решил, что что-то не так. Он пошел вдоль

слабой тяги, пока не нашел глиняную трубку, через которую поступал свежий воздух. Трубка наверняка была изогнута, поскольку через нее не проходил даже намек на свет. Трой прижал к ней ухо. До него доносились случайные звуки, однажды он услышал телегу, другой раз — как дети перекрикивались друг с другом.

Он снова задремал и проснулся от собачьего лая. Чужой — или хозяин вернулся? В любом случае надо приготовиться. Когда открылась потайная дверь, Трой стоял у стены с пистолетом.

— Выходи, — сказал Дойл. — Все в порядке.

Трой неуверенно вышел, мигая на свет фонаря. Рядом с Дойлом стоял тощий человек в темном костюме и высоких сапогах для верховой езды.

— Кто это? — спросил Трой.

— Тот, о ком я тебе говорил, — так что спрячь колючки, ежик. Это мистер Шоу, мистер Робби Шоу. Я ему кое-что рассказал о твоих планах, и он заинтересовался. Ты можешь ему рассказать то, что рассказал мне. Оставайтесь пока здесь. Собачки на чеку, и я пока что обойду окрестности.

Он вышел и унес собой лампу. Слышно было, как скулили собаки.

— Наверное, лисы, — спокойно сказал Шоу. — Думаю, что в окрестностях их много.

— Не знаю, я не из этих мест.

— Разумеется, вы не из этих мест. Позволю себе заметить, что у вас акцент не меньше, чем у меня.

— Кстати, о вашем акценте. — Трой всматривался в темноту, но видел только расплывчатый контур. — Знаете, у вас акцент скорее англичанина, чем шотландца. Извините, если я вас обидел.

— Никоим образом. Просто преимущества образования в Сассенахе. Это в Винчестере. Мои родители хотели подготовить меня к жизни в этом мире. Вы показались мне человеком, который много путешествовал, и с каждой минутой все более интригуете. Наш хозяин упомянул два имени. Вы — Трой Хармон?

— Это так.

— Рад познакомиться, мистер Хармон. Второе же несколько меня удивило — имя человека, которого вы ищете. Уэсли Мак-Каллох, если я не ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь.

— Это не может быть полковник Уэсли Мак-Каллох?

Трой вынул кольт из-за пояса и наставил его в темноту.

— Он носил звание полковника. А почему вы его назвали? Вы о нем слышали?

— Ваш вопрос вполне уместен, мой друг. Ибо я отлично знаю полковника. Я просто интересовался, зачем он может быть нужен вам.

Глава 24

Мысли Троя были чернее темноты вокруг. Ловушка? Мак-Каллох расставил людей вокруг места своего прибытия, чтобы проследить, не будет ли погони? Дойл — человек Мак-Каллоха, приманка в западне?

Большой палец взвел курок револьвера со звонким щелчком.

— Извините, что-нибудь не так? — спросил Робби Шоу. — Это у вас револьвер?

— Револьвер. Шестизарядный кольт. Если первым выстрелом я промахнусь, то при свете вспышки я вас увижу и достану вторым выстрелом. Стойте на месте и не двигайтесь.

— Я и не собирался двигаться, дорогой друг. В этом нет необходимости, как вы понимаете. За меня может поручиться Дойл, и мои взаимоотношения с Дорогой всегда были лишены каких бы то ни было недоразумений...

— Вы работаете на Мак-Каллоха?

— Разумеется, нет. Однако должен заметить, что мое знакомство с полковником было весьма полезно для той работы, которой занимаются мои друзья. Благодаря ему я был принят в тех кругах общества, в которые иначе мог бы не проникнуть никогда.

Сверкнул фонарь, и вошел Дойл.

— Собаки поймали лису, — сказал он и вдруг заметил у Троя пистолет. — Это что еще значит?

— Страхование жизни. Ты знал, что этот журналист знаком с Мак-Каллохом?

— Нет, но меня это не удивляет. Он знает кучу народа, что на Севере, что на Юге. Убери свой дурацкий пистолет и пойдем на кухню. Я тебе сказал, что он один из нас, и тебе остается только положиться на мое слово.

Трой заколебался, потом сунул револьвер за пояс.

— Если я ошибся, приношу свои извинения. Однако вы, я думаю, должны меня понять.

— Об извинениях не может быть и речи, мой дорогой друг. — Шоу махнул рукой, предавая инцидент забвению. Тем не менее он испустил вздох облегчения. — Я, вообще говоря, не очень люблю оружие. Ах, местный эликсир жизни, благодарю. — Он принял из рук Дойла чашку с мутной жидкостью и осушил половину одним глотком.

Трой тоже взял чашку, но только слегка отхлебывал, сидя за столом.

— Самое интересное, — говорил Шоу, вглядываясь в свою кружку, — что я встречался с полковником еще до своего приезда в эту страну. Это было в Глазго, в клубе моего отца. У них был какой-то совместный бизнес.

Трой подался вперед, пытаясь не слишком проявить свой интерес:

— А чем торгует ваш отец, мистер Шоу?

— Торгует! Фи, не так грубо. Тяжелая индустрия, металлургический завод.

— Он выпускает машины для обработки стали?

Шоу озадаченно поднял бровь:

— Вообще говоря, да. А также бронзы. Вы знаете что-то, чего я не знаю?

— Может быть. Пожалуйста, рассказывайте дальше.

— Видите ли, похоже, что полковник всерьез занимается тяжелой промышленностью. Он нас утомил своими постоянными разговорами о том, что пора избавить Юг от позорной зависимости от металлургии янки. О том, что все, что делают худосочные заводские рабочие Севера, не хуже могут сделать свободные сыны Юга. И прочие сентенции того же стиля, на которые я, признаюсь, никогда не обращал особого внимания. Я только знаю, что он покупал много, платил наличными и доставлял все сюда. У него кузнечный завод в Ричмонде, и он все время говорит только о боронах, плугах, сенокосил-

ках и прочих скобяных изделиях. Правда, общение с полковником облегчается тем, что он богат и имеет много влиятельных друзей. И кроме того, проезжая мимо дома полковника, я всегда могу быть уверен, что мне не откажут в выпивке. Это все, что я могу вам сообщить. — Он допил свою кружку и улыбнулся, когда она была долита с характерным бульканьем. — Теперь неплохо было бы услышать причины вашего столь живого интереса к нему.

Трой уже обдумал свои слова, предвидя, что рано или поздно отвечать на этот вопрос придется. Каков бы ни был ответ, будет лучше, если он будет правдоподобен. Самым мудрым было бы придать правдоподобную аранжировку реальным фактам.

— Полковник Мак-Каллох, если это и есть тот человек, которого я имею в виду, — убийца и казнокрад. Он разыскивается, и его голова оценена. Я должен его найти. После этого в дело вступит закон. Уверяю вас, что дело очень важное.

— Похоже, — сказал Дойл. — И похоже, что ты в этом как-то лично заинтересован. Так ведь?

— Так. У меня с этим убийцей свои счеты. Но в данном случае это не важно. Был нарушен закон, и убийца не пойман. Я распоряжаюсь некоторыми суммами, отпущенными на расследование, и могу заплатить за помощь. Тем более что, как я понял, один я не справлюсь. Вы, мистер Шоу, согласны мне помочь?

— С удовольствием, мистер Хармон. Как из чистого альтруизма, так и из-за денег. Не стыжусь признаться, что журналистика — очень скудно оплачиваемое занятие, а мой отец, как он ни богат, держит семейную шкатулку на крепком замке с тех самых пор, как я закончил Оксфорд. В любом случае можете на меня полностью рассчитывать. Какую именно операцию вы планируете?

— Я буду вашим слугой. Это даст вам возможность организовывать все, что понадобится, и за все платить. Я же буду абсолютно незаметен, следуя за вами и таская чемоданы. Как вы думаете?

— Прекрасно! Если бы вы только смогли ухудшить ваше произношение и правильность речи. Мне было бы неприятно вступать в объяснения, почему мой слуга изъясняется лучше, чем преподаватель колледжа.

— Иес, сэр. Глупой нигтер попробует.

— Адекватно. Я думаю, что тренировкой мы добьемся совершенства. Теперь давайте о деталях. Как вы думаете — он повернулся к Дойлу, — как нам начать это приключение?

— Я предлагаю вам начать с того, что вы сегодня же смоемся отсюда. Я не привык, чтобы здесь ошивалось столько народу. Купите моего старого мула за пять долларов. У него только один глаз и спина провисла, но он еще здоров. На нем поедет Трой. Еще я дам ему пару драных башмаков, а эти чудные ботинки пусть оставит. Свой большой пистолет и все, что захочет, Трой сможет положить в мешок, а ты, Робби, повесишь его сумки у себя за седлом — для такого, как он, они слишком шикарны. Так это будет похоже на правду — если ты, Трой, не будешь раскрывать рта, пока не научишься говорить как следует.

— Иес, сар.

— Все еще плохо. Тренируйся дальше.

— Седло у твоего мула есть? — спросил Трой.

— Не-а. Ниггеры ездят просто так, если ты не заметил. Придется и тебе научиться. Я вас снабжу на дорогу, так что сможете обходить города, пока Трой не научится не выдавать себя каждым словом. Я дам вам прорезиненные плащи, одеяла, котелки и миски. Привяжите их на мула. Погода хороша для пикников на воздухе. Линяйте быстро на Юг, не теряя времени. Сейчас допьем, поедим — и вперед. Мне будет спокойнее знать, что вы уже на дороге.

На окраину Вашингтона они въехали, когда уже рассвело. Трой неуклюже ковылял, ведя в поводу тощего мула, у которого, как оказалось, вместо хребта была пила. Даже подложенные одеяла не спасали. Но он забыл о неудобствах, когда из утреннего тумана выплыл город.

Тут перед ним впервые воочию встала реальность его путешествия в девятнадцатое столетие. Пока он был слишком занят выживанием и не обращал внимания на обстановку. Грубая одежда и примитивный быт фермеров не очень бросались в глаза, тем более что в летние каникулы он встречал такое. Даже хижины были немногим лучше тех, что приходилось видеть во Вьетнаме. Но

столица нации, настоящий город, отличалась от той, которую он знал, даже по названию.

Город, конечно, был гораздо меньше того расплзшегося по сторонам мегаполиса, в который он превратится через столетие. И, конечно, он совсем по-другому выглядел без громадных каменных глыб федеральных зданий греческого и римского стилей. Дома были поменьше, деревянные или кирпичные, стояли они вдоль узких и по большей части немощеных улиц. Но больше всего поражало отсутствие в уличном движении моторов. Улицы забиты лошадьми, повозками и пешеходами. Сколько лошадей! Резкий запах конского навоза забивал все остальные, даже аромат горящего дерева из печей, примешиваясь к паровозному дыму возле железнодорожной станции. Трой мог бы растеряться, если бы Шоу не обрубал его, приказав двигаться вперед. Но невозможно было пройти мимо сияющего черного паровоза, сверкающего медью и пускающего пар. Это же не история, а живая машина, и он был поражен до немоты. Он пришел в себя только от прикосновения к ребрам ботинка Шоу.

— Эй, бой, какого черта зенки выкатил? Залазь на мула! Целый день готов так простоять, бездельник!

— Иес, сар. Щасс, только вот веревку завязать. А то все зараз поедет.

— Не тронь подпругу, безрукий! Я сам затяну.

Шоу спрыгнул с лошади и наклонился осмотреть вьюк.

— Вы слишком медленно двигаетесь, кто-нибудь заметит, — прошептал он.

— Извините меня. Однако боюсь, я все равно не смогу ехать. Хребет этой твари и так разрезал меня пополам.

— Тогда ведите его в поводу, но мы должны двигаться.

Так много хотелось посмотреть, однако Шоу прав — останавливаться и глазеть опасно. Но это танталовы муки. Капитолий издали казался очень похож сам на себя. Однако пригородов на границе с Вирджинией не было совсем. На месте Вашингтонского национального аэропорта сверкала вода болот и качалась осока. Там, где будет Пентагон, на зеленом лужке паслись коровы.

— Подходящее время для завтрака, — сказал Шоу, съезжая с дороги в поле. Трой захромал за ним.

— Самое время. Эти разбитые ботинки немилосердно натерли мне обе ноги. Идти ничуть не легче, чем ехать на этом несчастном сырье для столярного клея.

— Стоит запомнить! Как вы сказали — сырье для столярного клея? У вас, янки, бывают очень образные выражения. Теперь я собираюсь здесь полежать, а вы, я полагаю, могли бы взять ведро и сходить к тому вон ручейку за водой для этих тварей.

— Иес, масса, щасс прямо.

— Уже лучше. Вы делаете успехи.

У ручья берег обрывался. Трой прошел вдоль обрыва до сходящей вниз тропы и подошел к воде. Она казалась чистой и свежей. Трой сложил ладони ковшиком, напился глубокими и долгими глотками, потом плеснул себе в лицо, смывая пыль вашингтонских улиц. Наполнив ведро, он вылез наверх и сразу остановился, услышав голоса. Осторожно, прячась за высокой травой, он поднял голову и посмотрел.

С Робби Шоу разговаривали два подъехавших всадника. Один из них что-то сказал, другой громко захохотал и спешился, одновременно доставая из седельной кобуры пистолет. Шоу отступил назад, но человек шагнул следом, тыча стволом ему в живот. Второй спешился и подошел к коню Робби Шоу. Конь вскинулся и попятился. Человек схватил поводья, пригнул голову коня вниз и потянулся к сумкам.

Там было все имущество Троя. Деньги, пистолет — все.

Глава 25

Минуту Трой колебался, оценивая ситуацию и отмечая расположение людей, потом пошел вперед. Выйдя из укрытия, он громко позвал.

— Масса, я воду принес, как вы сказали.

Он медленно, шаркая, продвигался вперед, опустив голову, согнув плечи и держа ручку ведра двумя руками, будто она была непосильно тяжелой. Сквозь опущенные поля шляпы он видел, что спешенный человек повернулся к нему и навел на него пистолет. Тот, что остался на лошади, тоже вынул пистолет. Трой не обратил на это внимания, шаркая дальше своей дорогой, разговаривая сам с собой, будто не замечая их присутствия.

Это сработало. Двое заухмылялись, ожидая, когда он их заметит. Ладно. Будет им театр в стиле Степенфечита или, скорее, пародии на «Рочестер» Джека Бенни.

— Госиди Сусе! — взвизгнул он, подойдя ближе и заметив их. Судорожно прижав ведро к груди, он так задрожал, что вода в ведре заплескалась и пролилась. Еще он хотел закатить глаза, но это не очень получилось.

Если представление и было неважным, то аудитория попалась благодарная. Двое заржали и заухали так, что тот, который слез с коня, разинул рот, полный гнилых зубов, а его пистолет поехал вниз и указывал уже почти на землю. Трой засуетился, оглядываясь, будто ища

места, куда укрыться, не выпуская из виду второго, начавшего вылезать из седла, и ждал, пока лошадь закроет тому обзор.

В этот самый момент он швырнул ведро в хохочущую рожу.

Ее владелец опрокинулся, а Трой уже был на нем, вдвинул ему в пах колено и вывернул из руки пистолет. Человек взвизгнул, Трой перекатился через спину, поднимая отобранный пистолет. Второй показался из-за корпуса лошади, его пистолет был наведен. Трой вскинул вытянутую руку и нажал на спуск.

Грохнуло, как из пушки, а отдача не слабее лошадиного копыта подбросила руку вверх, но выстрел был удачным. Бандит скрючился, попытался прицелиться, спустил курок и упал.

В ответ на выстрел Робби Шоу испустил сдавленный крик и упал на траву. Ему досталась случайная пуля. Трой рванулся к нему, но увидел, что первый бандит уже на ногах, стонет от боли, но готов к драке. Из-за спины он извлек нож с лезвием длиной в фут и, держа его перед собой, стал наступать.

Трой навел пистолет и спустил курок, но пистолет был однозарядный. Он бросил его в лицо противнику, тот просто отбил его в сторону, одновременно испуская стоны от боли и мерзко ругаясь. И пошел вперед. Трой отступил, не спуская глаз с острия, поскользнулся и упал. Бандит зарычал и бросился.

Раздался негромкий щелчок, будто кто-то хлопнул доской по доске. У человека во лбу появилось черное пятно, оттуда брызнул фонтанчик крови, он упал на траву лицом вниз и застыл.

Трой оглянулся на Шоу, который корчился на земле. Тот приподнялся на локте; в его руке дымился маленький пистолет.

— Удобная перечница, — сказал Шоу, вымученно улыбнувшись. — Два ствола — два выстрела. Я без него не езжу. Потому что в наши дни... часто встречаются... дорожные рыцари.

Он скривился от боли, и Трой увидел, что у него по брючине бежит кровь. Резко повернувшись, Трой перевернул ближайшего мертвеца, содрал с него кожаный пояс, дважды обернул вокруг бедра Шоу и сильно затянул. Ток крови замедлился и перестал. Трой поднялся и огляделся вокруг.

— Как в лавке мясника, — заметил Шоу. — Двое мертвецов, один раненый. Ничего себе работа для одного невооруженного — вот так скрутить двух крутых ребят с пистолетами.

— Вы тоже отлично использовали этот путач. Я-то думал, что вы журналист, человек мирной профессии.

— Так и есть. Но мир жесток. Моей первой работой в этой стране был пост военного корреспондента в кампании против индейцев. Это было похуже, чем Горбалс в ночь Хогманая. Там я и научился стрелять. Теперь же меня интересует, что мы собираемся делать дальше?

— Заняться вашей раной. С дороги нас не видно, так что никто на нас не наткнется. Если бы кто-то слышал выстрелы, он уже был бы здесь. Судя по способу нападения, эта парочка следила за нами от самого города. И они бы не напали, если бы не были уверены, что никто их не видит. Ими мы займемся потом. Прежде всего — ваша рана.

Трой порылся в седельной сумке и вытащил плоскую коробку с лекарствами, вынул шприц с морфием и спрятал его в ладони, потом подошел взглянуть на рану. Складным ножом он разрезал брюки.

— Выглядит неприятно, — сказал Шоу, садясь и наклоняясь посмотреть на рану. — Как будто в меня стреляли из пушки.

— Вроде того, — ответил Трой, отбрасывая ногой упавший пистолет. — Однозарядный, заряжается с дула, канал примерно полдюйма. Так, теперь ложитесь и дайте мне посмотреть. Крови много, но не так ужасно, как кажется. Пуля вырвала у вас кусок мяса из ноги, зато прошла навывлет.

Отвернувшись, Трой раздавил ампулу и снял колпачок с иглы. Новая модель, с двойным действием. Не только снимет боль, но и усыпит пациента на несколько часов. Трой всадил шприц в ногу и надавил на поршень.

— Странное ощущение! — воскликнул Шоу. — Что это вы делаете?

— Играю в доктора. Не обращайтесь внимания.

Выдолбив ногой ямку в дерне, он бросил туда использованный шприц и закопал снова. Когда Трой вернулся с набором инструментов, Шоу лежал на спине и спал, похрапывая. Трой приступил к делу.

У него был большой опыт оказания помощи в полевых условиях, но сейчас ему приходилось выполнять обязанности медика. Тем не менее все, что он делал, было наверняка лучше того, что мог предложить этот примитивный век. Прежде всего он хорошо присыпал рану порошком антибиотика, потом ослабил жгут. Рана лишь слегка кровоточила. Он снова завязал жгут, добавил порошка и наложил давящую повязку. Это должно помочь. Больше никто ничего не смог бы сделать. В полевых условиях он использовал медицину другой эпохи. Когда появилась антисептика? В тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, хирург Листер, — так учили в школе. На даты у него всегда была хорошая память.

Флакон с таблетками пенициллина он сунул в карман, а остальное снаряжение спрятал. Недалеко на лугу жевали коровы, припекало полуденное солнце, лошади, звеня удилами, щипали сочную траву. Два трупа лежали там, где их настигла смерть. С ними что-то надо делать. Трой схватил за ноги ближайшего и отволол его в рощу под прикрытие деревьев. Потревоженные вороны снялись с громким гвалтом и улетели черным облаком.

Шоу проснулся только к вечеру. Открыв глаза, он осмотрелся вокруг. Трой стал около него на колени и протянул оловянную чашку с водой. Шоу выпил и поблагодарил. Трой наполнил чашку снова и протянул таблетку пенициллина:

— Запейте. Это хорошо для раненой ноги.

Шоу поколебался, потом проглотил таблетку.

— Мне приснилось — или совсем недавно тут была пара бандитов, верхом?

— Лучше всего забыть о них. Если мы сообщим об этом, с властями потом не развяжемся. Чем меньше нам зададут вопросов и чем меньше мы привлечем внимания, тем для нас лучше. Конечно, если бы были свидетели, тогда другое дело. Но, по-моему, никто ничего не видел, и я все убрал с глаз долой. Эти двое вон там в роще, и там же их седла, уздечки и оружие. А лошадей я свел к ручью.

— Их найдут.

— Конечно. Но нас здесь уже не будет. Не увидят нас поблизости, не будет и подозрений. И еще спорить могу, что эту пару в полиции хорошо знают. Не думаю, что по ним будут скучать. Так что поехали. Нога вам не мешает сесть на лошадь?

— Думаю, нет. По правде говоря, она меня не очень беспокоит.

— Еще будет. Но мы к тому времени наберем несколько миль. Найдём тихое место и ляжем на ночь. А завтра попробуем купить для вас какой-нибудь фургон. Если вы сможете продолжать путь. Мы еще можем все переиграть, если вы передумаете.

— Эксельсиор! — воскликнул Шоу, скривившись от боли. — Да поможет нам Господь. Вы загадочный человек, мистер Хармон, и я намереваюсь побольше узнать о вас и ваших тайнах. Чем больше я узнаю от вас, тем больше чувствую, что вы рассказываете мне не больше тысячной доли. Я не оставляю этого дела, пока не докапаюсь до истины.

— Докапывайтесь. А пока что давайте я вам помогу забраться на коня.

Они ехали до темноты, а потом нашли стоянку невдалеке от дороги. Трой держал кольт за поясом. Про себя он решил, что больше его без револьвера не застигнут. Они не разводили огонь, чтобы не привлекать внимания, прикончили всухомятку припасы, что дал им с собой Дойл. Дым костра мог бы отогнать комаров, которые совсем обнаглели, но оставалось только, несмотря на жару, завернуться в одеяла. К счастью, скоро посвежело, и им удалось уснуть.

На следующий день после полудня они добрались до маленького городка Вудбриджа. У центральной площади высилось несколько кирпичных зданий, но вообще весь город был деревянным. Шоу показал на какой-то сарай с вывеской:

— Прокат экипажей. Я, быть может, выживу.

Трой передал ему кошелек с золотыми монетами.

— Выберите хороший. Я готов платить сколько угодно за возможность снять мою задницу со спины этого мула.

Трой приготовил историю, объяснявшую, что с ними произошло. По этой легенде Шоу подвернул ногу при падении. Бинты были прикрыты запасными брюками, а реальная хромота придавала всей истории правдоподобный вид.

Трой старался держаться в тени и вышел вперед, только когда владелец сарая подозвал его запрячь лошадь Шоу в купленную повозку. Трой понятия не имел о том, как запрягать и куда девать все эти шлеи и

хомуты, и в награду за все усилия он получил от владельца конюшни в ухо и нецензурный приказ убраться подальше. Стоя в стороне и прикрыв рукой горящее ухо, он глядел в спину хозяина и смаковал про себя самые изощренные способы убийства.

Погрузив в тележку вещи, они привязали мула сзади, и путешествие сразу стало намного приятнее. Спешить они не могли, поскольку нога беспокоила Шоу на каждом ухабе и дорога его сильно утомляла. Трой старался не показывать беспокойства, когда у раненого поднялась температура, но на следующее утро она прошла. Шоу исправно глотал пенициллин, и вокруг раны не было даже следов инфекции. Все шло хорошо.

Они двигались ленивой рысцой, и до Ричмонда добрались неделю. В город они въехали уже под вечер, когда от деревьев протянулись длинные косые тени.

— Приятный городок, — сказал Шоу. — Один из моих любимых.

— Мы направляемся в гостиницу «Голубой дом»?

— Да, меня там знают, и там недорого, а готовят прилично. Ее часто посещают коммивояжеры, которые умеют считать деньги и заботиться о собственных удобствах. Но мы поедем кружным путем. Не правда ли, приятная улица?

— Просто великолепная. Нога беспокоит?

— Уже гораздо меньше. Конечно, ноет и протестует, когда я на нее наступаю, но в остальном, доктор, операция прошла успешно. Что это за пилюли, которыми вы меня пользуете?

— Я вам говорил. Средство от лихорадки, изготовленное по тайному рецепту, передаваемому внутри семьи. Похоже, что оно помогло.

— Конечно. Видите это здание впереди, белое?

— Вижу. А что в нем особенного?

— Ничего, кроме того, что оно принадлежит полковнику Уэсли Мак-Каллоху. Насколько я понимаю, нам надлежит определить, тот ли это человек, которого вы ищете.

Трой резко натянул поводья, и лошадь протестующе заржала. Он посмотрел на дом так пристально, будто пытался проникнуть взглядом за стены.

Охота кончалась.

А может быть, только начиналась?

Глава 26

РОББИ ШОУ

Без всякого сомнения, мой новый американский приятель был человеком столь необыкновенным, что я затруднился составить о нем определенное суждение.

Эти слова мои не следовало бы понимать как сомнение в храбрости моего спутника или в его надежности. Наша маленькая стычка с рыцарями большой дороги вполне показала его способности к деятельности подобного рода. Нет, лишь мелкие черты поведения его, как и облик в целом, находил я беспокоящими мое воображение. Решимость его была неуклонна, как водный поток, и неколебима как скала. Она читалась в чертах лица его и в каждом изгибе его тела, когда он глядел на дом Мак-Каллоха; казалось, он уничтожил бы самый дом, если бы имел возможность. Не стану скрывать, что и я ощутил некоторый холод при виде лица его, исполненного этой решимости. Мне бы ни в каком случае не хотелось иметь этого человека своим врагом.

— О'кей, достаточно. Куда теперь? — спросил он, встряхивая поводьями, дабы привести в движение нашего одра.

— Поезжайте вперед до третьего перекрестка, а там сверните направо.

Язык его также был в числе упомянутых мною странностей. Что, во имя Всевышнего, могло значить слово «о'кей»? Память подсказывала, что это слово мне

приходилось слышать, но когда — не припомню. Выражения, подобные этому, Трой употреблял в своей речи ненароком, особенно в минуты душевного отдыха или по рассеянности. Я вскоре оставил расспрашивать его, ибо на мои расспросы получал я лишь весьма туманные разъяснения, и мой собеседник выказывал при том очевидную охоту к перемене темы. Однако где же мог он приобрести манеру речи, ему присущую? В городе Нью-Йорке мне приходилось бывать часто, и опыт мой подтверждал, что говорил он так, как жителям этого города свойственно. Однако странность его лексикона не объяснялась этим совершенно. Временами казалось мне, что мой приятель принадлежит к могучему секретному сообществу, мистическому ордену некоего рода, отделенному от прочего человечества и замкнутому на спрятанном в океане острове, как бы некое создание безумной фантазии поэта Эдгара Аллана По. Любопытство мое подстрекало меня взглянуть, что заключалось в его седельных сумках, но благоразумие остерегалось от такого неосторожного шага.

Весьма также удивительными были его медицинские познания, превосходящие познания любого известного мне хирурга. Мое пулевое ранение заживало без нагноения, и я счастливо избежал лихорадки — несомненно, благодаря таблеткам, которые он принуждал меня принимать.

Но более всего мое любопытство было подстрекаемо его манерой держать себя. Она была такова, как если бы белый человек был обращен в черного. Вечером, в наших разговорах, когда лица бывали скрыты темнотой, ничто не могло поколебать убеждения, что собеседник мой — не кто иной, как образованный джентльмен-янки. Мне приходилось, разумеется, ранее встречать представителей этой расы, и я пришел к убеждению, что они весьма неотесанны, косноязычны, речь их неграмотна, а сами они — всего лишь дикари, совсем недавно извлеченные из своих родных джунглей. Этот же человек был исключением. Он был тайной.

Как и всегда, был я встречен в отеле «Голубой дом» с неподдельной радостью и оживлением — несомненно, поскольку владелица, миссис Хенли, питала тщетную надежду, что я обращу благосклонный взор на ее не лишенную прелести дочь Арабеллу, вступаю с ней в законный брак и увезу с собой туда, где ее ждет не в

пример лучшее общество. Я подавал ей повод для подобных надежд лишь в той степени, которая обеспечивала мне наисердечнейший прием и первоклассные услуги, но не завлекала меня в слащавую трясику брачных сетей.

Меня встретила миссис Хенли собственной персоной, я же постарался отвлечь ее внимание от выражения гнева на лице Троя, когда она небрежно отослала его ночевать к лошадям на конюшню. Я поистине сочувствовал ему, поскольку выше его сил было принимать волю обстоятельств, в которые он бывал поставлен самим цветом своей кожи. Однако это сочувствие не могло заставить меня сожалеть о ночлеге на пуховой перине, в то время как моему спутнику пришлось удовлетвориться лежалым сеном. Ибо я весьма нуждался в передышке, поскольку рана моя постоянно беспокоила меня во время ночлегов на твердой земле, лишая мое тело и мозг необходимого им отдыха. Этой же ночью я немедленно погрузился в объятия Морфея и пробудился лишь утром, впервые как следует отдохнув с минуты моего ранения. С удовольствием отдал я должное завтраку, который состоял из ветчины, кукурузного хлеба, оладий, яичницы, почек, ломтиков бекона и засахаренных фруктов.

Весело насвистывая, вошел я в конюшню, где Трой ждал меня, но немедленно прекратил это занятие, увидев выражение лица его. Сердито нахмурившись, он снимал со своей одежды клочья приставшего сена.

— Доброе утро. Изволили уже позавтракать? — спросил я его.

— Изволил — если называть завтраком холодную овсянку и прогорклую пахту.

— Здесь вообще не очень хорошо кормят, — заметил я, стараясь изгнать из памяти своей образ того завтрака, что был мне преподнесен. — Вы составили план наших действий на этот день?

— Их много, действий, и я решил, что придется рискнуть. То есть мне придется показаться на глаза Мак-Каллоху — вот что я имею в виду. Если я начну здесь рыскать, это будет гораздо более подозрительным. Я рассчитываю, что он меня не узнает, поскольку мы встречались с ним далеко отсюда и совсем в других обстоятельствах. Не думаю, что он вспомнит. Если

узнает или если спросит обо мне, вы помните, что сказать?

— Да, конечно. Я хорошо выучил свою легенду. — Он кивнул, не обратив внимания на то, что примененное мной слово «легенда» в столь необычном смысле я почерпнул из его речей лишь недавно. — Вы — слуга моего приятеля Дика ван Зандта из Нью-Йорка, и я вас одолжил на время, пока не заживет моя нога. Верно?

— Отлично. И не забудьте, меня зовут Том. — При этих словах он почему-то улыбнулся. — Пойдемте теперь. Мне хочется, чтобы все скорей осталось позади.

Дорогою Трой молчал, и мне было видно, как беспокойство овладевает им по мере нашего приближения к дому. Мы остановились перед парадным входом, и Трой помог мне выбраться из экипажа. Он остался при лошади, я же потянул за шнурок звонка. На мой вызов вышел слуга, мне знакомый.

— Дома твой хозяин? — спросил я.

Он не успел ответить, как раздался стук копыт, и на аллею галопом вылетел полковник.

— Черт меня поberi, Робби — это вы!

— Разумеется, я, — ответил я, повернувшись и хромая в его сторону, пока он слезал. На слугу моего он не обратил внимания, но я заметил через его плечо, что черты лица Троя мгновенно окаменели. Я понял, что поиски его завершились. Мак-Каллох пожал мне руку, затем показал на мою ногу:

— Упали с лошади?

— Нечто в этом роде, столь же неприятный случай. Он и вынуждает меня путешествовать в этой адской колеснице.

— Заходите, утопим ваши неприятности в бокале виски. Ваш черномазый может отвести этот ящик на задний двор.

Он обернулся наполовину и сделал Трою небрежный жест рукой, показывающий, куда тому следует направиться. Опустив руку, он задержался в повороте, в течение нескольких мгновений глядя вслед Трою, который неспешно повернулся и зашаркал прочь, ведя лошадь в поводу. Полковник же взял меня под руку и помог мне медленно забраться на ступени крыльца.

— Вы что, — спросил он, — купили нового слугу?

— Вы о Томе, полковник? Нет, я одолжил этого ниггера вместо кучера у приятеля в Нью-Йорке. А что такое?

— Просто так. Показалось, что я его где-то видел, но ведь вряд ли, правда? Все эти обезьяны на одну морду.

Он засмеялся, и я притворился, что мне тоже смешно. Будучи в Риме, соблюдай обычаи Рима. Мы вошли внутрь — и виски не обмануло моих ожиданий.

— Да, Уэс, — сказал я, облизывая губы, — как я ни люблю продукт перегонки с Западных островов, должен признать, что ваше вирджинское изделие можно смело рекомендовать лучшему другу.

— Великая похвала, тем более что исходит от шотландца. А ваш приезд как нельзя более кстати. У меня тут вопрос, связанный с некоторыми машинами, и ваша помощь может быть полезной. Я хочу написать вашему отцу, а вы можете подсказать нужные выражения.

— Я ведь не инженер. Мой отец проследил, чтобы я не прозябал в цехах заводов, а получил образование, какое полагается истинному джентльмену.

— Черт с ним, с джентльменом и с образованием! Вы же росли среди машин и знаете о них не меньше всякого другого.

— Это правда, но не говорите об этом моему отцу, иначе он потребует назад каждый фартинг, истраченный на мое образование.

— Допивайте и пойдем на завод — я там покажу вам, в чем у нас проблема. О'кей?

— Согласен, если потом мы вернемся к этой бутылке.

«О'кей». Вот от кого я слышал это странное слово. От полковника, из его собственных уст. И то же слово употреблял Трой. Какова же могла быть связь между человеком со столь высоким положением в обществе и негром, который его выслеживал? Я сгорал от любопытства, но не смел расспрашивать ни одного из них.

Полковник весьма гордился своим налаженным производством, которое он с великими трудами сумел организовать всего за год буквально на пустом месте. Трудности, которые он желал со мной обсудить, касались одной из дыропробивательных машин. Полковник показал мне на эту машину и повысил голос, перекрикивая грохот ремней, хлопающих на своих шкивах над нашими головами.

— Видите, вот этот большой опорный рычаг, сломанный пополам? Дурак-ниггер выпустил его из рук, когда

машину передвигали. Я ему всю шкуру на спине взлохматил, но машину это не спасло. Можно прислать замену, или потребуется заменять всю машину?

Я наклонился и провел пальцами по станине.

— Вот, видите, здесь номер, прямо на отливке? Он в точности соответствует той деревянной модели, по которой отлита рама. Вам достаточно будет написать моему отцу и указать этот номер. По модели будет сделана новая форма, и вам пришлют готовую отливку. Прикажете кому-нибудь из ваших монтажников высверлить старую деталь и вставить новую. Это не должно встретить затруднений.

В нашей экскурсии по заводу я старался примечать все необычное, или все, что могло таковым показаться, но единственным предметом такого рода оказалась кладовая, запертая и загороженная железными прутьями. Так как полковник совершенно меня утомил своими подробными разъяснениями, я счел уместным спросить об этой странности. По весьма небрежной манере его ответа я уверился, что полковник лжет.

— Это, Робби, производственный секрет. Я хочу усовершенствовать хлопкопрядильную машину Уитни. В один прекрасный день я сделаю на ней целое состояние, но, пока она не готова, я не хочу никому ее показывать. Теперь вернемся к бутылке.

После завтрака, так скоро как позволяли приличия, я покинул полковника, сославшись на боль в ноге, что было чистой правдой. Трой подал повозку и помог мне в нее взобраться. Он кусал губы, стараясь сохранить вид спокойствия до тех пор, пока дом полковника не скрылся из виду. Только тогда Трой заговорил:

— Это он, тот полковник Уэсли Мак-Каллох, которого я ищу!

— Похоже, что и он вас узнал. По крайней мере он спросил о вас. Моими объяснениями он был удовлетворен — по крайней мере этой темы он более не касался. Просто заметил, что представители вашего народа имеют весьма похожие лица.

— Уж конечно, для этого сукина сына мы все на одно лицо. Я могу сказать вам, что он не очень обожаем своими слугами. Они даже со мной боялись говорить о нем. Только один старик в конце концов разговорился. Кажется, Мак-Каллох одного невольника пару месяцев

назад забил насмерть. Охотно верю. Он и в самом деле гнев небес, этот масса Мак-Каллох. — Трой со злостью сплюнул в уличную пыль. — Слути мне сказали, что вы с ним были на заводе. Что вы там видели?

Тон вопроса был подчеркнуто безразличен, даже, пожалуй, чересчур. Ясно было, что есть еще нечто, что Трой весьма хотел бы узнать о полковнике Мак-Каллохе. Я прикинулся простаком:

— Еще один завод, каких я уже повидал немало. А сейчас я с удовольствием предвкушаю, как вытянусь во весь рост и положу ногу на кушетку.

— А что там делается? Я имею в виду — что делается необычного?

— Необычного — в каком понимании? — Он затруднился с ответом, и я решил, что пришла моя очередь задавать вопросы. — У меня возникает чувство, что есть много вещей, о которых вы не сочли необходимым меня информировать. Не пора ли нам их прояснить? Может быть, ты мне не доверяешь, Трой?

Он грустно покачал головой:

— Робби, я доверяю тебе, как никому на свете. Есть много вещей, которые я просто не в состоянии объяснить. Тебе придется просто поверить мне на слово. Одно могу сказать: наш друг полковник ничего хорошего не планирует. И его планы как-то связаны с оружием. Там, на заводе, делается что-нибудь похожее?

— Решительно нет! В этом я могу быть уверен. Машину для изготовления стволов «ремингтонов» я узнал бы с первого взгляда. И уж наверняка пушки там не лютят.

— Есть другие виды оружия. У меня есть причины подозревать, что Мак-Каллох занят изготовлением нового вида пистолета. Такого, который может быть собран из обычных стальных деталей. Есть там что-нибудь подобное?

— Стальных деталей, разумеется, уйма, но они совершенно не похожи на детали пистолета. Может быть, изобретены какие-то новые, о которых мне неизвестно. Должен еще сказать, что часть территории завода мы не осматривали. Она заперта на замок и запечатана. Он сказал, что там разрабатывается усовершенствованная хлопкопрядильная машина. Мне тогда подумалось, что он лжет, хотя и по неизвестной мне причине.

— Это оно! — воскликнул Трой, в порыве энтузиазма тяжело хлопая меня по плечу. — Как ты думаешь, твой окорок выдержит еще немного времени в пути? Я хочу, чтобы ты показал мне этот завод и попытался объяснить, где находится запертое помещение. Я туда наведаюсь ночью и посмотрю, что этот паразит там прячет!

Глава 27

Время приближалось к трем часам утра, и ночь застыла в тишине. Луна зашла полчаса назад, и спящий город погрузился в теплую тьму.

Трой спал на чердачном сеновале около внешней стены конюшни, где через щель в досках было видно ночное небо. Дважды он просыпался, убеждался, что луна еще на небе, и засыпал снова. Теперь он встал, подошел к ведру с водой и плеснул себе в лицо. Какая-то лошадь в стойле беспокойно переступила и фыркнула. Дверь сарая почти бесшумно открылась и снова закрылась, и лошадь опять успокоилась.

Было сыро, жарко и темно; враги со всех сторон. Так похоже было на Вьетнам, что Трою сильно не доставало винтовки М-16, которая там была частью его самого. Он хотел было взять револьвер, но передумал. Если придется применять оружие, значит, задача не выполнена. Это должна быть разведка, а не огневой контакт. Оружием будет стальная отмычка. Еще он взял складной нож, кусок свечи и спички. Больше ничего не требовалось.

На неосвещенных улицах в полной темноте он был в безопасности, зная, что увидит и услышит постороннего раньше, чем тот — его. В знакомом деле ночного поиска с четко определенной задачей он чувствовал себя уверенно.

Где-то сонно гавкнула собака, учуяв незнакомого, но он уже был далеко. Потом послышались шаги. Он замер в темноте; мимо него прошли двое, разговаривая между собой и не подозревая о его присутствии.

Меньше чем через полчаса Трой стоял, прислонившись спиной к изгороди и разглядывая очертания деревянного дома на фоне звезд. Завод Мак-Каллоха.

Трой долго стоял без движения, терпеливо наблюдая и слушая. Ничто не нарушало тишины ночи. Похоже, что нет ни охраны, ни собак. Где-то поодаль заржала лошадь, и снова наступила безмолвная и глубокая тишина.

Трой оторвался от изгороди, перешел дорогу и подошел к двери дома. Нашупал замок. Замок был прост и отнял немного времени. И уж точно не могло быть электрического сигнала тревоги. Язычок щелкнул, и дверь открылась.

Все двери внутри были не заперты. Ощупью Трой нашел дорогу в цех. На фоне света звезд проступали контуры громадных машин. Робби говорил о двери за горном. Осторожно, шаг за шагом, Трой пробирался вперед.

Горна не было видно, но его присутствие ощущалось по волнам расходящегося тепла. Ведя пальцами по деревянной стене, Трой нащупал дверной косяк. Дверь была заложена стальной полосой и заперта на висячий замок.

Трой нащупал замочную скважину, вставил отмычку, повернул. Почувствовал, как сработал замок.

Дверь была отперта.

Он остановился и затаил дыхание, не издавая ни звука. Неожиданное везение.

Везение? Или...

Разум обдумывал ситуацию, а в теле — он чувствовал — росло напряжение. Он ничего не мог поделать с нарастающим чувством беспокойства. Ничего подозрительного не видно, не слышно. Однако с нарастающим страхом ничего нельзя было поделать. Такое он ощущал лишь однажды, в ночном патруле. Как раз перед тем, как они попали под обстрел. Чувство было инстинктивным и не поддавалось осмыслению. Сплошная иррациональность и эмоции.

Но он был уверен, что за стеной его ждет нечто страшное и смертоносное. И он отделен от этого несколькими дюймами. Разумно или неразумно его пред-

чувствие, но что-то там его дожидалось, он это знал. Он попытался избавиться от ощущения, и не смог. За дверью была опасность.

И он не хотел ни встречаться с ней лицом к лицу, ни выяснять ее природу. Но с ней приходилось считаться, и даже не с ней, а с тем ужасом, который она на него наводила. Сердце, охваченное страхом, звало рвануться вон из этой темной западни, бежать немедленно и не останавливаться. Но Трой владел собой. Этого он не сделает. Он не откроет дверь и не встретится с тем дьяволом, что залег там в темноте, но изгонит его другим образом. Традиционным.

Сохраняя безмолвие, он вынул и раскрыл нож. Медленно и осторожно, не издавая ни единого звука, вытащил из штанов подол рубахи и отрезал кусок острым, как бритва, лезвием. Свернул ткань в трубочку, согнул и положил под стеной, достал спичку и зажег ее в сложенных чашечкой ладонях. Она слегка щелкнула. Когда спичка разгорелась, Трой бросил ее на ткань и подождал, пока та займется. При свете пламени, хотя и небольшого, Трой успел пересечь цех и покинуть здание той же дорогой, которой пришел, укрывшись в небольшой рощице на дальнем конце дороги.

И стал ждать, неподвижно и терпеливо.

Огонь в здании будет медленно распространяться, захватывая деревянные стены, передвигаясь вдоль пола. Через несколько минут он увидит языки пламени в окнах. Всего через секунду со стуком распахнулась задняя дверь, возбужденно заржала лошадь, и на улицу вылетел всадник.

— Пожар! Бейте в набат! Пожар, пожар!

Трой улыбнулся про себя. Он узнал голос.

Мак-Каллох.

Это его присутствие по ту сторону стены почувствовал Трой. Это он лежал там, готовый захлопнуть крышку западни. А наживка была хороша, вдруг понял Трой. И план был приведен в действие его собственным присутствием.

Мак-Каллох не был уверен, что узнал его, а то бы расправился на месте. Но сходство его обеспокоило. Как человек дотошный, он начал обдумывать ситуацию и пришел к неизбежному выводу. Он рассмотрел возможность того, что его преследуют сквозь время. А полковнику свойственна тщательность. Возможно, сход-

ство случайное, однако меры принять необходимо. Этим и была вызвана экскурсия по заводу и упоминание о секретном помещении. Мак-Каллох — мастер тактики, и его план должен был сработать.

Но не сработал. Он был на волосок от успеха. Но провалился. Если бы Трой открыл дверь хотя бы на долю дюйма, его бы убили на месте, застрелили как собаку. У него даже выступил холодный пот при мысли о том, как близок он был к гибели.

Но безопаснее ли лежать здесь, в укрытии? Пожалуй, ведь Мак-Каллох должен был проделать все в одиночку, он никому не мог доверить свою тайну. Он лежал в темноте и ждал. Теперь он поскакал за пожарными. Заглянуть в дверь?

Слишком поздно. В домах зажигались огни, слышались голоса. Пожар! Вечный ужас маленьких деревянных городков. На помощь выходил каждый. Людей все прибавлялось и прибавлялось, и Трой прятался все глубже и глубже в тень.

В считанные минуты прибыли первые пожарные помпы — примитивные, на конной тяге. Но эффективные. Люди с криком накинулись на ручки насосов, и первые струи воды ударили из шлангов.

Организация, как в бедламе, но работа делалась. Тут же сформировалась цепочка к ближайшему дому, по которой немедленно из рук в руки поплыли ведра с водой, выплескиваясь в шипящее пламя. Прибыли пожарные линейки, и с ними Мак-Каллох, возглавивший борьбу с огнем за фасад здания. Это счастливый шанс для Троя. Огонь не разбирает расовой принадлежности, и черные с белыми перемешались в битве с пожаром; Троя могли не заметить. Он бросился к тем, кто боролся с огнем на заднем дворе.

Сквозь открытую дверь были видны охваченные пламенем помещения. На крышу обрушивался поток воды из рукава, мешающий огню двигаться дальше, а огонь, что горел внизу, пытались залить две шеренги орущих в клубах пара потных людей, ввергающие в пламя ведро за ведром. Трой схватил ведро и присоединился к ним.

Работа жаркая и отчаянная. Порой казалось, что огонь уже укрощен — но он снова прорывался наружу, пожирая сухое дерево. Лица у всех были покрыты слоем пепла с бороздами стекающих потовых ручьев.

Трой работал наравне с другими, постепенно пробираясь внутрь здания, проталкиваясь через тлеющие угли и отшвыривая ногами что-то металлическое.

В какой-то момент он оглянулся, как бы выбирая, куда идти. Никто на него не смотрел. Он схватил кусок металла и бросил его в ведро. Сунул туда же обожженную горячим металлом руку. Тут же повернулся, смешавшись с людьми, и стал пробираться к выходу.

Первые жертвы огня лежали и сидели на дальней обочине дороги, откашливаясь и хрипя. Трой присоединился к ним, кашляя вполне натурально, поскольку вдоволь наглотался дыма. Он уселся на землю, натужно хрипя, сунув голову между коленями. Незаметно для постороннего глаза вытащил металл из ведра и сунул за пазуху.

Пожар отступал, и ночь становилась темнее. Стало совсем не трудно отступить и раствориться в темноте.

Сдерживая нетерпение, Трой отошел подальше от места пожара и оказался среди темных деревьев на безмолвной улице. Там он отступил под прикрытие группы деревьев, положил кусок металла на землю и склонился над ним.

Вспыхнула спичка, огарок свечи замигал и разгорелся. Трой почти сразу его потушил, но успел увидеть достаточно. Осторожно взяв в руки почерневший металлический брусок, он взвесил его на ладони.

Он видел такой брусок совсем недавно, но в другом времени и в другом месте. В Смитсоновском институте, в Вашингтоне.

Оба бруска были одинаковы.

Он держал в руках спусковую пластину от автомата «стен».

Глава 28

Пожар продолжался до рассвета. От почерневших развалин поднимались клубы пара, а вокруг стояли небольшими группками или сидели прямо на траве перемазанные копотью усталые люди. Уэс Мак-Каллох пнул ногой какой-то обгорелый чурбак и замысловато выругался. Плохо, но могло быть и хуже. Огонь остановили вовремя, и оборудование не очень пострадало. Как только восстановят помещения и заменят ремни трансмиссии, работа начнется снова. Больше всего пострадала кладовая, но восстановить все не составляло труда.

— Это ужасно, полковник, ужасно, — проговорил толстяк, аккуратно пробираясь через обломки. По его чистому костюму и начищенным ботинкам было ясно, что в тушении пожара он не участвовал. — Вам известно, отчего загорелось?

— Нет, сенатор, мне не известно, — ответил полковник. — Однако ясно, что источник огня находился здесь, на стене. Похоже, занялось около горна. Может быть, искра из него подожгла щепку — знаете, как это бывает. — Он повернулся на стук копыт — к ним кто-то приближался галопом. — Простите, сенатор, но лучше нам обоим уйти отсюда. Здесь как-то неуютно.

Мак-Каллох подождал, пока сенатор заговорит с какими-то своими друзьями, и только тогда махнул рукой двум парням сурового вида, которые давно уже следили за ним взглядом.

— Хикс, отправляйтесь с Янси в «Голубой дом». Знаете этого шотландца, Шоу, который вчера заезжал?

— А то, полковник. Чудной мужик.

— Приведите его сюда. Разбудите его и скажите, что я хочу видеть его немедленно. Если он заартачится, все равно тащите его сюда. Приведите его в дом и запирайте. В камере, что в помещениях для рабов. Он замешан в этом пожаре. Только не трепитесь про это, пока не выведете его из гостиницы. Я хочу, чтобы это дело не стало слишком известным, поскольку, когда я с ним поговорю, он исчезнет.

— Вы думаете, это он сделал?

— Он — нет, его ниггер. Так что поищите этого гада, прежде чем возьметесь за Шоу. Не думаю, что он еще там, однако посмотрите. Если не найдете, Шоу расскажет нам, где его найти. Я сам им займусь. Вы только поддержите его до моего прихода. Это будет не позже чем в середине дня. А теперь — доставьте его.

Мак-Каллох смотрел, как они вскочили на лошадей и усаkali. Трой Хармон. Он выдохнул имя, как проклятие. Это и было проклятие. Черномазый все-таки выследил его и пустился за ним! Никогда бы не подумал, что у такой твари хватит на это духу. Да не духу, а глупости — просто хватательный рефлекс, как у черепахи, которая сжимает челюсти даже после смерти. Ладно, неважно. Он здесь, и от него идут неприятности. Газетчик привел его прямо к двери дома и должен за это расплатиться. Если бы только мысли полковника не были так заняты текущими делами, если бы он сразу узнал черномазого! Но сходство стало беспокоить его лишь потом: всегда оставалась возможность, что его будут преследовать. Потому-то он и принял меры предосторожности. Отличная получилась западня, и почти сработала. Только этот черножопый что-то заподозрил, пронюхал. Но теперь это не имеет значения. Все остальное идет, как запланировано, и планы воплощаются в жизнь без сучка и задоринки. Пока. Ну, ладно. На войне бывают потери, а проигранные битвы не в счет, важна финальная победа. И ее он не собирался упускать.

Как только прибыл управляющий, Мак-Каллох поставил его руководить размещением спасенного имущества, а сам поскакал домой. Было время умыться и переодеться, и даже перекусить. Еда заменит сон, ко-

того ему сегодня не хватило. Кофе и малость бурбона. Не забыть взять с собой фляжку. Встреча назначена на десять. Если выехать даже в девять, времени хватит с запасом.

К тому времени, когда Мак-Каллох покончил с завтраком, его уже ждала свежая лошадь, оседланная и взнузданная. Но прежде полковник зашел в спальню и подошел к сейфу. Он был сделан в Лондоне по специальному заказу, и замки подогнаны в его присутствии. Их три, один над другим, и во всем мире существовал только один набор ключей. Полковник вставил ключи в скважины, один над другим, и по очереди повернул. Затем потянул на себя массивную стальную дверь. Там лежало немного золота, большие суммы наличных денег и кое-какие бумаги. И большой деревянный футляр. Его-то полковник и вытащил, улыбаясь. Там, внутри, спрятано будущее Юга.

Закрыв сейф и наложив обратно запоры, полковник обернул футляр водонепроницаемой тканью и взял футляр под мышку. Бросившийся на помощь невольник-коных получил удар хлыстом. Это не для черных лап! Укрепив футляр за седлом, полковник хлопнул себя по карману (фляжка на месте) и взвился в седло.

В десять часов он был на перекрестке проселочных дорог посреди холмов. Неподалеку отсюда фермы, но с этого места их не видно. Потому он его и выбрал. Дорога завивалась вверх на холм и скрывалась в густом лесу. Мак-Каллох посмотрел на часы, спрятал их и достал большую серебряную флягу. Сделал большой глоток, потом еще один и опустил фляжку, услышав приближение лошади. Пришпорив свою, он поехал навстречу.

— Вы полковник Мак-Каллох? — спросил вновь прибывший. Это был армейский офицер, лейтенант кавалерии, с привычной легкостью управлявший горячим вороным конем. Длинные черные волосы почти закрывали воротник. Лицо скрыто пышной бородой и длинными усами, а глаза из-под открытого высокого лба смотрели остро и пронизательно.

— Я Мак-Каллох. Благодарю вас за то, что вы проделали такой путь, не требуя подробных объяснений причины.

— У нас есть общие друзья, полковник, которые заверили меня, что дело того стоит. Один из них сказал

даже, что мне предстоит самая важная встреча в жизни. Должен признать, что я заинтригован. Может быть, полковник, вы поделитесь со мной секретом, который привел моих друзей в такое волнение?

— Обязательно, лейтенант. Но я вам не скажу ничего — я покажу. Только не здесь. Если вы еще немного потерпите, мы поедем дальше, в этот лес.

Поскольку ни один из них не был склонен к пустой болтовне, они ехали в молчании. Мак-Каллох, очевидно, знал дорогу; он уверенно свернул на тропинку, что вилась между деревьями. Она привела на небольшую поляну, выходящую к обрывистому склону холма. Полковник спешил, и спутник последовал его примеру. Лошадей привязали к дереву. Лейтенант с нескрываемым любопытством наблюдал, как полковник отвязал футляр и вынес его на солнце.

— Вы приехали, сэр, чтобы увидеть вот это, — сказал Мак-Каллох, осторожно разворачивая сверток. — Я прошу вас проявить терпение еще несколько минут, пока я повторю некоторые вещи, очевидные для нас обоих. Мы с вами — патриоты Юга, и оба верны нашему правому делу. Я имею причины считать, что приближается война, и ее приближение неизбежно, как судьба. И вы, несомненно, бросите ваш жребий на чашу весов Юга.

Офицер медленно наклонил голову:

— Вы говорите правду, хотя я лишь недавно пришел к этому решению. И я никому о нем не говорил. Как вы узнали?

— Потому что я понимаю вас, лейтенант. Я знаю вашу гордость, и ваше искусство кавалериста, и вашу непревзойденную преданность этому искусству. Я хочу показать вам оружие, которое, как я предчувствую, вам понравится. Но сначала хочу спросить у вас. Вооружены ли ваши войска новыми винтовками Шарпа, которые заряжаются с казенной части?

— Нет, и я об этом жалею. Что бы там ни говорили, в армии их сейчас наберется всего несколько штук.

— Хорошее оружие?

— Наилучшее. Несколько громоздкое для использования в конном строю, но для пехоты — отличное оружие. Обученный солдат может сделать шесть или даже семь выстрелов в минуту.

— Верно, — подтвердил Мак-Каллох. На него эта цифра явно не произвела особого впечатления. Он открыл свой ящик и запустил туда руку. — В таком случае что вы скажете, лейтенант, об оружии, которое не больше седельного пистолета и которое дает более десяти выстрелов в секунду?

Голос лейтенанта пресекся. Глядя на футляр, он ответил:

— Я бы сказал, сэр, что если бы такое оружие существовало, война была бы, скажем так, весьма отлична от той, какова она сейчас.

Мак-Каллох взял стальной автомат в руки:

— Компактный, уродливый, смертельный. В сложенном виде длина двадцать дюймов. Вес — шесть с половиной фунтов. Металлический рожковый магазин вмещает тридцать два патрона. Вставляется вот здесь, снизу. Теперь показываю, как это оружие стреляет. Маленькая рукоятка отводится до упора назад и становится на место со щелчком. Остальное сделает сам автомат. При нажатии на крючок он начинает стрелять. При отпускании спускового крючка стрельба прекращается. Так продолжается до тех пор, пока не опустеет магазин. Замена магазина занимает не больше секунды. Набор рожков входит в снаряжение солдата. Теперь смотрите.

Мак-Каллох повернулся, держа автомат на уровне пояса, и спустил курок. Автомат заревел, поливая пулями деревья и песчаный берег. В солнечных лучах взлетели сбитые листья и черенки, сломанные ветви попадали на землю. Огонь прекратился, и только эхом гремели в ушах выстрелы. Щелчок — и на траву упал пустой магазин, еще щелчок и на его место встал новый. Полковник повернулся и протянул оружие кавалеристу:

— Держите крепко. Отдача невелика, но уводит ствол вправо вверх. Стреляйте короткими очередями, наводя ствол на цель после каждой очереди.

Лейтенант протянул руку и взял автомат, ощутив холодный металл ложи и тепло короткого ствола. Медленно поднимая оружие к плечу, он прицелился и нажал на спуск. Автомат громко застучал, медные гильзы дождем посыпались на землю, послышался визг пуль. Автомат замолчал. Лейтенант взглянул на него, затем на полковника, и его глаза широко раскрылись.

— Неимоверно! Вообразить себе не мог подобного. Один солдат, один кавалерист обладает огневой мощью целого взвода!

— И он может стрелять верхом, стрелять на скаку, атакуя противника. Прицелы поставлены на сто ярдов, но на самом деле они не нужны. Пули хлещут, как вода из шланга. Проведите им туда и обратно — и противника нет. Имя этому оружию — «Победа».

— И оно принесет победу! — уверенно рассмеялся лейтенант. — Меняется роль кавалерии, и в новой армии она будет главной силой. Она будет ударять как молния, мощно, мгновенно, неотвратимо. От таких ударов противник не оправится никогда. Она может опрокидывать врага и идти вперед, оставив очистку территории пехоте. Но как он действует? Как он сделан? Я о нем ничего не слышал, даже слухов не доходило.

— Секрет, известный только нескольким истинным друзьям Юга. Этот автомат я сделал сам, на моем ричмондском заводе. В разобранном виде детали даже не напоминают оружие. Сборка ведется в тайном месте, и там же делаются патроны. Без них наша «победа» — только груда лома. С ними это — Победа!

Мак-Каллох подцепил большим пальцем патрон из магазина и передал его лейтенанту.

— Короткая и твердая пуля. Вес пули сто пятнадцать гран, заряда пороха — шесть. Гильза латунная, штампуется на особом станке, сделанном в Англии. Капсюль содержит воспламенитель того же состава, что и в патронах под игольчатый боек. Но на этом сходство кончается. Патроны центрального боя, и их не надо вставлять и выбрасывать вручную. Боек всегда попадает на нужную точку. Отдача при отходе затвора выбрасывает стреляную гильзу и досылает в ствол новый патрон.

— Так просто — и теперь, когда вы это показали, так очевидно!

Мак-Каллох согласно кивнул:

— Его только надо было спроектировать и сообразить, как использовать готовые машины для обработки стали и латуни. Здесь нет никакой мистики. Это оружие лучше, быстрее, дешевле — и смертельнее, чем все, что было до него. Представьте себе, прошу вас, использование этого оружия в бою. Ведь скоро будет образована Конфедерация, и наш Юг станет наконец самостоятельным государством. За этим, очевидно, последует

война, и она окажется короткой и эффективной. Что нужно, чтобы война окончилась сразу же?

— Разумеется, марш на Вашингтон. Он слабо защищен, гарнизон только сформирован и еще не обучен. Может быть, они будут драться и попытаются организовать оборону возле Балл Ран — наиболее очевидное место, где можно построить войска.

— Конечно, — согласился Мак-Каллох, усмехнувшись про себя. — А что будет, если вы атакуете их боевые порядки пятью тысячами всадников, и у каждого в руках «победа»?

— Что будет? Конечно же, победа. Мы будем неудержимы. Мы захватим Вашингтон и уничтожим любой армейский отряд, у которого хватит глупости попытаться его отбить. Война будет выиграна, а Юг — свободен, и мы займем подобающее нам место среди наций мира!

Он резко повернулся и схватил Мак-Каллоха за руку:

— Я с вами, сэр. Я соберу войска, если вы снабдите их оружием. Все будет так, как вы только что рассказали. Спасибо вам, полковник Мак-Каллох!

— Нет, лейтенант Стюарт, я только ваше орудие. Благодарить будут вас.

Но Дж. И. Б. Стюарт уже не слушал. Перед его мысленным взором проносились атакующие конники, и он провидел длинную цепь битв и побед, добытых его войсками и этим дивным оружием.

Глава 29

Чуть позже половины седьмого утра Хикс и Янси постучались в гостиницу «Голубой дом». Потом еще раз, погромче.

Им открыла сама миссис Хенли в домашнем платье с короткими рукавами и раскрасневшаяся от кухонного жара.

— Вы знаете, который час? Что за манера спозаранку барабанить в дверь и не давать покоя добрым людям?

— Извиняюсь, мэм, у меня тут срочное поручение от полковника Мак-Каллоха к мистеру Шоу, который здесь остановился.

— Рановато для поручений. Мистер Шоу еще спит, а у меня даже кофе не готов.

— Ладно, не будем его беспокоить, раз он еще в кровати. Я слышал, у него тут есть ниггер. Он где? Мы бы его нашли, а он бы поднял хозяина.

— Там, на конюшне. А у меня больше нет времени с вами болтать.

Дверь захлопнулась у них перед носом.

— Стой здесь, — сказал Хикс. — Следи, чтобы никто не сбежал через переднюю дверь, пока я буду за домом. А я посмотрю, где этот поджигатель.

Янси уселся на ступени, а Хикс вынул из кобуры седла большой пистолет и крадучись пошел вокруг дома. Янси откусил порцию жевательного табака и стал медленно ворочать челюстями. Хикс вернулся.

— Смылся, — сказал он, пряча пистолет за пояс и прикрывая его полой куртки. — Я и не думал, что он будет ошиваться здесь после того, что натворил. Тогда пусть этот Шоу нам чего-нибудь расскажет...

Он резко повернулся на звук открываемой двери и улыбнулся молодой девушке.

— Не обижайтесь на маму, — сказала им Арабелла. — Она по утрам всегда несколько раздражительна. — Арабелла обернулась, взяла со стола поднос и вышла к ним. На подносе стояли две чашки горячего кофе. — Друзья мистера Шоу — мои друзья. Я подумала, что вы, может быть, хотите кофе.

— Это уж точно, мы с ним друзья, — Хикс подмигнул Янси из-за плеча Арабеллы. — Кофе определенно хорош. Я уверен, что он был бы рад нас видеть. Он уже встал?

— Встал. Я ему приносила воды несколько минут назад. Пейте кофе, и я вас проведу.

Они моментально допили кофе и пошли за Арабеллой вверх по лестнице. Подождав, пока она уйдет, они постучали в дверь.

— Открыто! — отозвался Робби Шоу. Он, заканчивая бритье, увидел вошедших в зеркале. — Чем могу служить?

— Хикс меня зовут, мистер Шоу. Я на службе у полковника Мак-Каллоха.

— Я узнал вас, Хикс. Я вас видал у полковника. Что привело вас ко мне в столь ранний час? — Он сполоснул опасную бритву и вытер ее полотенцем.

— Тут у полковника на заводе был пожар...

— Да, я слышал тревогу — она меня разбудила. Много сгорело?

— Не могу сказать, сэр. Но полковник хочет видеть вас, немедленно. Послал нас за вами.

— Очень мило со стороны полковника. Возвращайтесь к нему и скажите, что я приду не позже вечера и подготовлю материал для прессы.

— Я думаю, он бы хотел встретиться с вами сейчас.

— Понимаю, однако это невозможно. Теперь, с вашего позволения, если мы закончили...

— Теперь, — сказал Хикс, вынимая из-за пояса пистолет, — пакуй свои шмотки и не говори лишних слов, понял? Мы выйдем вдвоем на небольшую прогулку, пройдем через переднюю дверь, и у тебя будет

такой вид, будто ты невесть как рад. Янси, покажи ему арканзасскую зубочистку.

С неожиданной в таком крупном теле быстротой Янси выхватил длинный нож и ткнул им в сторону Шоу.

— Наш Янси не так чтобы очень умный, но с этой штукой обращаться умеет. Так что без глупостей на выходе. Где твой чемодан?

— В чулане. Я возьму...

— Не надо. Янси возьмет. Вдруг там не только чемодан, но и пистолет, и ты, не дай Бог, поранишься. Янси, вытащи его оттуда.

Янси перебросил нож в левую руку, а правой взялся за ручку двери и потянул на себя.

Трой шагнул вперед из чулана, резко опустив ребро ладони занесенной руки на шею стоящего перед ним человека. Тот хрюкнул и сложился гармошкой; из ослабевших пальцев выпал нож.

Хикс услышал тупой, как по отбивной, удар, повернулся, вскидывая пистолет, — и взвизгнул, когда бритва Шоу полоснула его по руке. С рычанием он схватился за запястье, и между пальцами брызнула кровь.

— Много шума, — заметил Трой, делая шаг вперед и занося кулак. Хикс молча свалился.

Трой перевязал ему запястье полотенцем, а Шоу прополоскал бритву и выплеснул в окно порозовевшую воду.

— Ты думаешь, было слышно? — спросил он.

Трой прислушался и покачал головой:

— Не похоже. Все спокойно. А ты здорово работаешь лезвием.

— Приходится. Никогда не знаешь, кому и когда придет в голову вытащить пистолет. Ты был прав насчет того, что Мак-Каллох вышлет карательную экспедицию.

— Иначе быть не могло. Пожар только подтвердил его подозрения. Теперь он хочет добраться до меня раньше, чем я до него. В этом городе у него слишком большие силы. Здесь мы не можем дать ему бой. Надо отступить и перегруппироваться. Но по-умному. Потому-то я и хотел, чтобы сначала показались эти горииллы. Если бы мы сразу сбежали, он бы пустил их по нашему следу. Теперь мы выиграли время. Так воспользуемся им наилучшим образом.

С этими словами он вытащил веревку из-под кровати, отрезал кусок и, пока Шоу собирал вещи, быстро и

умело связал людей полковника и заткнул каждому рот кляпом.

— Легенду помнишь? — спросил он.

— Она простая. Я быстро перекусываю и говорю хозяйке, что собираюсь целый день сидеть у себя и писать, так что прошу меня не беспокоить. Возвращаюсь сюда и ухожу через окно на крышу каретного сарая — той дорогой, которой вошел ты. Ты тем временем выводишь повозку.

— Прекрасно. Нога не помешает?

— Мне же не карабкаться вверх, а висеть и прыгать не помешает.

— Тогда вперед. Я хочу, чтобы мы были подальше отсюда, когда их найдут.

Когда они выехали на улицу, город пробуждался.

— Ты составил какой-нибудь план? — спросил Шоу.

— Хороший вопрос. Ответ на него я обдумываю с тех самых пор, как мы сбежали. И пока ничего не нашел. Обо всем, что я пока придумал, полковник наверняка догадается. Поначалу я думал податься на Север, для безопасности. Но это решение, которое напрашивается само собой, и дороги будут под наблюдением. У полковника есть могущественные друзья, с которым и он в заговоре. Я знаю, что он действует не один. Слишком большое дело он задумал.

— А какое именно?

— Я потом тебе расскажу — все, что смогу. Давай сначала унесем ноги. Если на Север ехать глупо, то на Юг не менее — это как маршировать в львиную пасть. Мы можем попробовать пробраться на восток в Норфолк, но при попытке сесть на корабль нас поймают.

— А поездом?

— Еще хуже. Вокзалы будут под наблюдением, а если мы где-то и проскочим, нам по телеграфу организуют комиссию по встрече.

— Следующий поворот налево, — сказал Шоу.

Трой вопросительно на него взглянул:

— А зачем? Есть причины?

— Ну разумеется. Раз у тебя нет предложений, будем воплощать мои. Я предлагаю поехать по Подземной Железной Дороге.

— Господи! Какой же я болван. Я про нее забыл. Ты с ними работал, с этими людьми?

— Работал. Мы поедем на станцию, до которой всего полдня пути, близ Монпелье. Только сначала надо несколько замутить воду. Нам не надо приводить преследователей к тому месту, куда мы едем. А сейчас нас очень легко выследить.

— Ты прав, как никогда! Черный, везущий белого в зеленой повозке, за которой привязан одноглазый мул. Все равно как объявление дать.

— И я того же мнения. Так что мула мы продадим на конюшне, сразу за городом. Хозяин увидит, что мы поехали на Север. Как только мы скроемся из глаз, свернем на запад по боковой дороге. Я буду править, а ты спрячешься под рогожей на дне. Когда нападут на наш след, мы уже исчезнем.

— Звучит убедительно, вот только лежать под мешком... Ладно, зато постараюсь поспать.

Ближе к вечеру повозка выехала из низин и потащилась по пыльной дороге, что вилась по холмам подножия Пьемонтского плато. День был жаркий, но воздух оставался столь прозрачным, что были видны даже очертания гряды Голубых Гор. Лошадь притомилась, и Трой шагал рядом, ведя ее под уздцы.

— Далеко еще? — спросил Трой. — А то я скоро буду, как эта лошадь.

— Еще несколько миль, как мне помнится. Хочешь передохнуть?

— Да нет. Пойдем дальше. Чем больше мы будем торчать на дороге, тем больше шансов, что нас кто-нибудь увидит.

Дорога вилась через островок соснового леса, затем огибала крутой выступ. За поворотом на дороге стояли два крупных человека с винтовками. Винтовки были направлены на пришельцев.

Первый приступ страха у Троя прошел, едва он разглядел, что один из двоих — негр. Ясно, что те, кто работают с Мак-Каллохом, будут лилейно-белыми.

— Держите руки на виду, — сказал белый, качнув дулом. — Теперь отвечайте, кто вы и куда едете?

— Это не ваше дело, — спокойно ответил Шоу. — Если вы остановитесь, мы себя переправим.

— Странные слова, — сказал человек, но опустил ствол. — Люди много говорят, и слова «остановка» и «переправа» тоже кто-то мог подслушать. Скажи лучше, кого ты знаешь? Рассела знаешь?

— Отиса? Разумеется, знаю. И он меня знает.

— Он тебя? Тогда самое время назвать твое имя.

Шоу, очевидно, с этим согласился:

— Я — Робби Шоу. Я уже бывал на этом куске пути.

— Помню, как же! — человек закинул винтовку за спину и вышел вперед, протягивая руку. — Гарриэт Табмен говорила, что ты с ней работал.

— Она все еще в деле!

— Ее не остановить. В каждом штате за ее голову назначена награда. Она переправила уже пять тысяч человек, и все еще работает. Ну, должен сказать, хорошо, что ты знаешь ее и Отиса, потому что мы теперь не очень-то жалуем неизвестных. Слишком много приходит гостей, и слишком много происходит событий. Но сегодня у нас поход, и ты как раз приехал вовремя, чтобы нас проводить.

— Поход куда? Я ничего не слышал.

— А откуда? Все держалось в секрете, но скоро узнает весь мир. Мы выходим с фермы Кеннеди, с мэрилендского берега Потомака.

Шоу озадаченно покачал головой:

— Боюсь, не припомню. Это дом на Дороге?

— Нет, просто заброшенная ферма, которую мы используем. Несколько миль от Харперз Ферри. Снята самим мистером Айзеком Смитом. Это имя, под которым он скрывается, но ты его знаешь.

— Этот Айзек Смит — не кто иной, как Джон Браун собственной персоной! Вот он кто!

Джон Браун, вспомнил Трой, — и похолодел. Джон Браун в Харперз Ферри. А сегодня — четырнадцатое октября.

Джон Браун. Нападение на Харперз Ферри.

Четырнадцатое октября одна тысяча восемьсот пятьдесят девятого года.

Глава 30

Трой тихо сидел в углу возле камина, прихлебывая кофе. Стемнело. Поднялся ветер, и от щелей в двери потянуло холодом. Собравшиеся в доме аболиционисты были возбуждены и вели оживленный разговор. Трой в нем не участвовал. Он чувствовал неодолимую тяжесть истории и видел, что эти люди живы — и в то же время мертвы. Харперз Ферри. Атака через два дня. Ему в голову лезли воспоминания из курса истории, как проходила атака и чем закончилась, но Трой старался их отогнать. Он не хотел помнить. Его задачей было остановить полковника Мак-Каллоха, помешать ему выполнить свой сумасшедший план с производством автоматов. Он не имел права сказать даже слова — это уже было бы слишком много. Ему не было дела до того, что здесь произойдет. Но заставить себя не слушать он не мог.

Сейчас вниманием слушателей завладел молодой человек, прибывший сегодня днем. Он странно и возбужденно глядел единственным глазом, а второй прикрывала повязка. Его звали Фрэнсис Мерриам, и он приехал из Бостона.

— Вот так это и было, — говорил он, — именно так. Когда я говорил с этим негром, я вдруг понял, что у меня шанс принять участие в святом деле. Мой дядя, он большой человек в движении аболиционистов, но теперь не только он из всей нашей семьи знает, что

почем. Когда этот человек рассказал мне о Шепарде и о том, чем он занимается, я уже знал, что я должен быть здесь. Я говорил с Сэнборном, а он попросил Хиггинсона, и меня направили сюда. Вот как было дело.

Чем-то необычен этот человек, но никто из присутствующих не обращал на это внимания. Он повторялся, часто кивал. Ему часто приходилось вытирать рот рукавом, особенно когда он волновался. Теперь он пошарил сзади себя, достал коловую сумку и открыл.

— Старого Джона Брауна я знаю, я ему помогал выкрадывать рабов там, на Юге, и я знаю, что ему может быть на пользу. — Из сумки он извлек кожаный бумажник и вытряхнул на ладонь кучу золотых монет. — Оружие и патроны стоят денег, так вот они. Шестьсот долларов золотом, кто хочет — пересчитайте. И все ему, на дело.

— Благослови вас Господь, Мерриам, — проговорила старая женщина, покачиваясь в кресле у огня. — Да благословит вас Господь, и да поможет он освобождению рабов.

Как бы ставя точку в конце фразы, резко хлопнула входная дверь. Присутствующие потянулись к пистолетам; вошел высокий человек, промокший под ливнем, и застыл в двери, борясь с ветром. Потом повернулся лицом к людям в комнате — молодой, чуть больше двадцати, оглядел комнату, ища кого-то:

— Фрэнсис Джексон Мерриам — ты ли это?

Мерриам поднялся на ноги и поспешил к двери, крепко пожал руку друга.

— Джон, они сказали, что ты меня встретишь. Я не опоздал? — Не дожидаясь ответа, он отвернулся. — Люди, это Джон Коупленд, который принимал участие в походе на Оберлин. Это было в газетах.

Пришельца приняли. Кто-то сунул ему в руку дымящуюся кружку с кофе. Он с благодарностью принял и стал пить, пока остальные сгрудились в ожидании новостей. Первым не выдержал Мерриам:

— Как оно там? Как все?

— Все в порядке. Стало известно, что ты приезжаешь, и мне велено встретить тебя и проводить. У нас тут, на ферме довольно много народу. Кое-кто здесь заперт с августа. Но скоро мы ударим. Пики и ружья у нас есть. Все готово, как говорит мистер Кук. Он уже около года живет в Харперз Ферри и работает на федераль-

ной оружейной фабрике. Он про нее все знает. Он там даже женился на местной. Да, уж он дело знает, этот Джон Е. Кук! Он мой друг, мы говорили с ним в доме, и он мне все рассказал про эту фабрику. Знаете, сколько они там могут сделать оружия? Десять тысяч в год, вот сколько! У них там все есть, и большой горн, и механический цех. Они там делают капсюли, и стволы, и еще какие-то секретные пули, как сказал мистер Кук.

Пули! Это слово ударило Троя, как сама пуля. Вот оно что! «Стен» бесполезен без большого запаса перво-классных патронов. Он же так занялся автоматом, что забыл о необходимости производства сотен тысяч, миллионов патронов. Таких патронов, каких он здесь еще не видел. А ведь разгадка была у него перед самым носом. Он видел здесь массу всякого оружия — гладкоствольного, нарезного, заряжающегося с дула, пистонного и капсюльного, но патроны от них не годились для автоматического ведения огня. Патроны. На заводе Мак-Каллоха не было ни патронов, ни пороха, но ведь работу такого масштаба не спрячешь. Значит, в Ричмонде делались автоматы, а не патроны. А патроны где?

На государственном патронном заводе.

Пришелец все еще говорил, отвечая на вопросы. Трой ждал, в нетерпении постукивая костяшками пальцев, потом не выдержал.

— Извините, что перебиваю, мистер Коупленд, но, если не ошибаюсь, вы сказали, что в Харперз Ферри делают новый вид пуль?

— Так мне сказал мистер Кук, а он не из тех, кто будет трепаться зря. Эти пули делаются на винтовочном заводе Холла, на острове Шенандоа. Там всюду охрана. Даже близко не подойти.

— А мистер Кук вам не описывал, как выглядит эта пуля?

— Он сделал больше. Он сказал, что если это так секретно, значит, важно. Он велел мне сказать Джону Брауну, я так и сделал. Он сделал еще одну вещь: достал несколько бракованных гильз, которые выметали из цеха, и дал мне, чтобы показать Джону Брауну.

— Вы можете ее описать? — спросил Трой, стараясь говорить спокойным голосом.

— Лучше я вам ее покажу. У меня одна с собой.

Он порылся в карманах брюк, поморщился, полез в куртку.

— Неужто потерял? Да нет, где-то есть. А, вот она. Трой смотрел на гильзу, лежащую у него на ладони. Патрон от «парабеллума» 9 мм, ничем другим эта гильза быть не могла. Трой достаточно из него пострелял в своей жизни. Завальцована у основания и пробита под капсюль.

— Очень интересно, — сказал Трой, возвращая гильзу. — Вы ведете мистера Мерриама к остальным?

— Завтра с утра.

— Я хотел бы пойти с вами добровольцем. Можно?

— Джон Браун будет рад любому, кто придет.

— Рад это слышать, — впервые за вечер заговорил Робби Шоу. — Если есть место для одного добровольца, найдется и для другого. Я тоже пойду.

С этими словами он взглянул прямо на Троя и позволил себе намек на улыбку. Потом было еще много разговоров и волнений, и лишь позже Трою представился случай отвести Шоу в сторону.

— Ты-то зачем? — спросил Трой. — Это уже не игра. Люди идут умирать.

— И никогда не было игрой, но всегда — загадкой. Ты знаешь много такого, о чем ты мне не говорил. Но сегодня ты сказал, что этот новый вид патронов имеет отношение к тебе, к полковнику, к вам обоим. Ты подпрыгнул, услышав слова Коупленда. Не хочешь мне рассказать, что за всем этим кроется?

— Нет. Но прошу тебя смотаться отсюда, пока есть возможность. Я должен идти на Харперз Ферри, а ты можешь не ходить. Робби, будь другом, поверь мне на слово. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Я поверю тебе на слово, когда ты мне все расскажешь. Что ты искал на заводе Мак-Каллоха? Ты ведь нашел что-то, из-за чего пытался его сжечь.

Трой задумался. Он теперь точно знал, что Мак-Каллох выпускает автоматы и что он состоит в заговоре, связанном с изготовлением патронов на государственном оружейном заводе. Следовательно, многие знают об автомате, и держать это в секрете не надо. Остается умолчать только о том, что он преследует полковника из будущего.

— Ладно, Робби. Так будет честно. Я — правительственный агент, преследующий Мак-Каллоха. Он не только совершил убийства, о которых я тебе говорил, но и украл чертежи секретного и смертельного оружия.

Он твердо верит, что скоро начнется война между штатами, и вступил в сговор с другими южанами. Оружие он выпускает у себя на заводе — я там нашел деталь. Но патронов там не было, а для этого оружия нужны специальные пули. С гильзами в точности такими, какие я только что держал в руке. И загадка состоит в том, что эти патроны выпускаются на государственной фабрике, однако могу гарантировать — государство не в курсе.

— Ответ на загадку прост. Офицеры, руководящие заводом, все на стороне южан. Это легко было устроить, потому что много офицеров — из Вирджинии. А где еще так легко спрятать производство вооружения, как не здесь, у всех под носом? Это как в рассказе Эдгара Аллана По о пропавшем письме. Ты уж прости, Трой, но я пойду с тобой, и ты меня не отговаривай. Что за история будет для газет! Я — журналист, а только потом аболиционист. Что бы ни случилось в Харперз Ферри, это будет газетной статьей десятилетия. Вперед, на встречу с Джоном Брауном!

Глава 31

В ночь пятнадцатого октября буря утихла, и наступил спокойный и свежий рассвет. Добровольцы поднялись пораньше, поели и с первыми лучами зари отправились в путь. Впереди ехали верхом Коупленд и Мерриам, за ними в повозке — Трой и Шоу. Они двигались вперед, и около полудня Коупленд натянул поводья лошади, показав на подножие холма внизу.

— Вон там Харперз Ферри. Там, на той стороне Потомака, — Мэриленд. В семи милях дальше стоит ферма. Вон, видите мост через реку?

— Нам ехать через город? — спросил Шоу.

— Единственный путь, разве что еще можно вплавь.

— Тогда должен вам сообщить, что рабовладельцы ищут меня и Троя, и наше описание могли передать по телеграфу. Белый и черный в повозке.

— Это легко исправить, — сказал Коупленд. — Один из вас вылезет из повозки и проедет через город на лошади.

— Лучше я, — отозвался Трой. — У него нога забинтована, почему мы и ехали в повозке.

Так они и въехали в Харперз Ферри — Фрэнсис Мерриам в повозке рядом с Шоу, а Трой — на лошади Мерриама. Город находился на полуострове, образованном Потомаком и впадающей в него Шенандоа. Он представлял собой беспорядочное скопление домов, салунов, гостиниц и магазинов, растянувшихся по бере-

гам обеих рек и избегающих на подножие плато Боливар. Коупленд, прокладывая дорогу на Потомак-стрит среди лошадей, повозок и телег, комментировал:

— Вот видите дома вдоль улицы, похожие на фабрики? Это не фабрики, а федеральный оружейный завод. Вот он тянется, начиная от горячих цехов и до склада. Здесь кузница, потом механические цеха и склады. Вон то большое здание — арсенал, где хранится готовое оружие.

— А где винтовочный завод, о котором вы говорили?

— Винтовочный завод Холла полмилей дальше по улице Шенандоа — мы по ней сейчас едем. Вон, видите? На островке посреди реки. Там всегда стоит пара часовых, ночью и днем. Ни войти, ни выйти оттуда незамеченным нельзя.

Вот и все, что я ишу, подумал Трой. Там, должно быть, станки для штамповки гильз, склады патронов, а может, и автоматы. Здесь их собирают и складывают. Двое часовых — они не выдержат неожиданного налета.

Опять загадка, едва ли не самая большая. Почему Мак-Каллох выбрал из всех федеральных арсеналов именно этот? Он не мог не знать, что на него нападет Джон Браун — это же есть во всех книгах. Невозможно поверить, чтобы он не читал об этом. Значит, предвидя налет, полковник принял меры предосторожности. Может быть, поставил засаду. Но о засаде Джона Брауна должны были предупредить. Хотя бы этот его агент, Джон Кук. Наверняка есть и другие. Непонятно...

В городе никто на них не обратил внимания. Они спокойно въехали на мост через Потомак. Это был железнодорожный мост, и на полпути их обогнал поезд компании «Б. и О.» из Вашингтона, сотрясая конструкции моста и извергая клубы дыма. Съехав с моста, они свернули на проселочную дорогу. Проверая, нет ли за ними слежки, Коупленд вел их к секретному убежищу в предгорьях. Это была ветхая двухэтажная ферма. Две девушки работали в огороде. Завидев прибывших, они приветственно замахали руками. Пока привязывали лошадей, открылась входная дверь и вышел худой человек с большой белой бородой. На изборожденном морщинами лице темнела твердая щель губ.

— Мистер Браун, — сказал Коупленд, — я привел добровольцев.

— Всем добро пожаловать. Войдите в дом и познакомьтесь с остальными.

Он утрюмо кивнул без тени улыбки. Когда Трой вошел в дом, Джон Браун взял его за плечо и негромко сказал:

— Ты идешь на святое дело освобождения твоего народа.

Трой кивнул и отошел — что еще он мог ответить.

Дом набит людьми — всего, вместе с прибывшими, их двадцать четыре. После знакомства Фрэнсис Мерриам достал бумажник из сумки:

— Мистер Браун, это вам для того благородного дела, которому вы посвятили свою жизнь.

Он высыпал золото струйкой, а Джон Браун сложил руки и склонил голову.

— Возблагодарим Господа, — сказал он, — ибо он послал нам этих людей и это золото. Сие есть непрерываемое знамение, что Его воля движет нами. — Он оглядел молчащее собрание и сверкнул глазами, как ангел мщения. — Настает час действий, и да пробьет он для нас. В Субботу, день Господень, обрушимся мы на язычников. Ударим завтра! Мало кого из чад своих удостоил Господь права свершить столь душеспасительное и праведное деяние, как наше. Мы захватим арсенал, наши братья-негры поднимутся в праведном гневе и сбросят своих угнетателей. Да будет так!

Да будет так, подумал Трой. Но как будет на самом деле? Если в засаде ждут солдаты, эта горсточка храбрых дураков будет просто перебита. Можно ли их остановить? И надо ли останавливать? Не значит ли это изменить историю, и если да, то какие будут последствия? Но ведь Мак-Каллох пытается изменить историю, создать угодный ему мир с вечным рабством. Так нет же!

Наверное, проповедь Джона Брауна вдохновила его, как и всех прочих. Теперь ему была понятна их ненависть к самому институту рабства, гибель которого они мечтали увидеть, все делая для этого. Они хотели вызвать к жизни ту Америку, которую он знал, в которой он вырос. Она не была идеальной, и это он тоже знал, как знал и то, что не бывает идеальных обществ или институтов. Но уж, конечно, она была лучше этого рабского штата, части странной страны, наполовину рабской, наполовину свободной. Здесь он понял, и даже

не понял, а почувствовал причины той страшной войны, что должна была разразиться. Никакая страна не может так жить, разделившись сама в себе. Приближалась страшная, очищающая битва. Но если он не вмешается, могут выиграть рабовладельцы. И его мир никогда не появится.

Этого не может быть — и этого не будет! И он должен сделать все, чтобы этого не было никогда.

И он почувствовал, что не может оставаться безучастным среди этих хороших парней, идущих на самоубийство. Его долг перед ними, перед делом, в которое они все верили, предупредить их. Пусть изменится какая-то сноска в толстых книгах, но эти люди заслуживали лучшей участи, чем овечья гибель под ножом мясника.

При первой же возможности он отозвал Джона Брауна в сторону:

— Мистер Браун, могу я поговорить с вами?

— Конечно, к вашим услугам. Пойдемте на кухню, там будет тише.

Они сели у очага. Джон Браун глядел в темную глубину, будто провидя там будущее, и грел руки у огня. Провидя успех восстания. Трой тоже смотрел в огонь, думая о том, как предупредить об опасности, не выдав источника своих знаний.

— Вы знаете полковника Мак-Каллоха из Ричмонда?

— Я слышал о нем, но никогда не встречал. Человек зла. Я слышал, что он убил одного из своих рабов. Да поразит его Господь!

— Аминь. Но у меня есть сведения, — я их получил от организации, на которую я работаю, — что Мак-Каллох знает о ваших планах. Он мог поставить западню.

— Ваше желание предупредить меня прекрасно, но не страшитесь, ибо мы шествуем под защитой Господа. Многие пытались предать нас, кто из лучших побуждений, кто из худших, но не преуспели в том. Я достоверно знаю, что мой добрый друг из Айовы Дэвид Дж. Гью решил, что все мы погибнем, если осуществим наши планы. И, хотя он сокрушается о содеянном, послал письмо с предупреждением министру обороны. На письмо никто не обратил внимания. А почему? По одной причине, сын мой. Ибо мы в руке Божией, и Он — наш щит и оплот. Благодарю тебя за то, что ты предупредил

нас о кознях этого создания зла. Но да не поколеблемся мы. Планы наши готовы, силы собраны, оружие наготове. Завтра мы выступаем. Будешь ли ты с нами?

Трой заколебался, но выбора у него не было.

— Да, я буду с вами.

Быть может, эта минута была неизбежна. С того момента, когда он отправился сквозь время за Мак-Каллохом. Быть может, История уже написана — раз и навсегда.

Так или иначе, а завтра это узнается.

Они поднялись на рассвете, и Джон Браун собрал их в столовой для последней службы. Сперва он прочитал те места из Писания, что обещают утешение рабам, затем пригласил их к общей молитве Господу о помощи в освобождении угнетенных.

Потом он стал излагать боевые задачи, и Трой захотелось, чтобы было меньше молитв и больше конкретики. Не надо знать истории, чтобы понять обреченность задуманного. План состоял в нападении на федеральный арсенал и его захвате. И все. Даже маршруты отхода на случай контратаки милиции или федеральных войск не разработаны. Все уповали на то, что рабы восстанут и освободятся, — не было ни попытки оповестить рабов, ни тем более попыток как-то организовать их. На все попытки убедить Джона Брауна принять меры предосторожности или разработать запасные варианты ответ был один: «Господь наш щит и оплот».

Желание Троя возглавить нападение на винтовочный завод не вызвало возражений. Там было единственное в городе подразделение федеральных войск, и никто из добровольцев туда не рвался. К нему присоединились Шоу и несколько человек, назначенных им в помощь.

Все. Планы составлены, жребий брошен. Напряжение нарастало целый день; около восьми вечера Джон Браун собрал всех снова.

— Люди, время настает. Молю вас, не проливайте кровь без нужды, но, не колеблясь, защищайте свою жизнь. Некоторые из вас могут быть убиты, и все мы можем умереть, пытаясь нанести наш удар в защиту свободы и справедливости в этой проклятой стране рабства. У нас одна жизнь и одна смерть. Умирать так, как мы можем умереть сегодня, значит умереть ради нашего дела.

Головы склонились в последней общей молитве. Потом поднялся Джон Браун, и выступил перед ними, воздев руки к небесам, и сверкнул глазами, и белая борода его развевалась, и был он похож на ангела Гнева Господня, каким себя, впрочем, и считал.

— Братья! — воззвал он. — К оружию! Вперед, на Харперз Ферри!

Глава 32

Джон Браун вел отряд, правя фургоном, в котором лежали пики, — ими собирались вооружить освобожденных рабов. Остальные, серьезно и торжественно, как похоронная процессия шли по проселочной дороге вдоль Потомака. Была холодная, темная ночь, пошел дождь, мелкая морось, от которой еще сильнее пробирал холод. Дорога круто вилась вниз с холмов, мимо какой-то фермы и потом вниз, в долину. Впереди видны были огни Харперз Ферри. Робби ясно видел их из фургона, куда его посадили из-за раненой ноги. Он прижимал к себе седельные сумки и дрожал от холода.

Каждый участник знал свою роль в атаке. Они молча шли вдоль канала, проложенного рядом с Потомаком, потом, у моста, остановились. Двое — те, кто должен был перерезать телеграф, исчезли в темноте. Едва они ушли, Браун махнул рукой, и еще двое быстро перебежали мост и схватили охранника.

Путь свободен. Мост пересекли в молчании и быстро пошли по улицам, осторожно обходя огни салуна и гостиницы. Выставив охрану на мосту через Шенандоа, атаковали основными силами арсенал и завод, который охранял единственный пожилой сторож. Его схватили и бросились проверять здание. Ни охранников, ни сторо-

жей не было. Браун повернулся к перепутанному пленнику и поднял палец:

— Этот штат был рабовладельческий — и я освобождаю всех негров этого штата. В моих руках — оружейный завод Соединенных Штатов, и если жители попытаются мне помешать, я сожгу город, и прольется кровь.

С этими словами он махнул Трою и его людям, которые должны были захватить винтовочный завод Холла, — единственное здание, которое еще не было проверено. Они быстро продвигались по улице Шенандоа. Наконец Трой увидел то, что искал; он поднял пистолет и остановил свою группу.

— Главные ворота охраняются, и, может статься, нам не удастся застигнуть охрану врасплох. Вы, ребята, пойдете прямо на них. Если они отгонят вас огнем, отступайте и открывайте ответный огонь, для прикрытия. А я возьму лодку и попытаюсь зайти с фланга. Теперь пошли.

— Я с тобой, — сказал Шоу. Трой покачал головой.

— Нет, Робби, будет больше пользы, если ты останешься здесь. Проследи за сумками. Я не знаю этих людей, но в тебе я уверен, и я рассчитываю, что ты останешься здесь и отвлечешь огонь на себя. В этом случае мне, может быть, удастся проникнуть на завод. Сделаешь?

— Конечно. Сколько времени тебе надо?

— Несколько минут, чтобы подобраться поближе. — Когда подошли остальные, он понизил голос, чтобы его слышал только Шоу. — Мак-Каллох знает о налете, по крайней мере, может знать. Так что у нас хороший шанс влететь в западню. Береги себя.

— И ты тоже. Удачи.

Трой раскрыл нож и перепилил чалку, потом оттолкнул лодку от берега и прыгнул внутрь. В холодной воде на дне лодки он нашарил весло, единственное. Этого достаточно. Он выгреб на течение, и лодку понесло к острову. В темноте виднелся берег, то ли песчаный пляж, то ли грязевая отмель за домом. Туда он и направил лодку. Она ткнулась в берег и остановилась. Когда он прыгнул из лодки, раздался треск выстрелов. Атака началась. Цепляясь за прибрежные кусты, он привязал веревку к одному из них. Тем временем

стрельба нарастала, слышались отдаленные выкрики. Сопротивление оказалось серьезным. Задняя же сторона дома пока была погружена в темень и тишину. Окна в ней маленькие и слишком высоко. Не годится. Должен быть другой путь. Трой побежал вдоль стены с пистолетом в руке. Огонь резко усилился и вдруг затих. Атакующие прорвались? Да нет, были бы слышны случайные выстрелы внутри. Надо прорываться в дверь.

Она была заперта, эта дверь из твердого дерева, и даже не дрогнула, когда он ударил в нее всем своим весом. Оставался только один способ. Шумный, так что придется двигаться быстро.

Он два раза выстрелил в замок и снова налег на дверь. Та затрещала, послышался скрежет разбитого металла, и дверь поддалась. Трой широко распахнул ее, нырнул внутрь и перекатился за штабель реек. Ответного огня не было. Пока.

Он оказался в большой комнате, заложенной штабелями ящиков. На противоположной стене висела лампа, дававшая тусклый свет. Тихо. Весьма вероятно, что в комнате он был один. В любом случае надо двигаться. Лежать здесь не имело смысла.

Он встал и пошел с револьвером наготове к двери в дальней стене. Она вдруг распахнулась, и в проеме появилась темная фигура.

Не успев подумать, чисто рефлекторно он отбросил тело в сторону. Сильно ударившись, перекатился по пыльному полу, держа перед собой оружие.

Раздался треск выстрелов, пули высекали щепки из половиц. Он успел поднять револьвер и нажать на спуск, стреляя, пока не опустел барабан, на вспышки выстрелов. Он ждал ответного огня.

Его не было. В наступившей тишине раздался шорох ткани по дереву и затем звук падения тяжелого тела на пол. Лампа оказалась прямо над покойником и отразилась в немигающих глазах.

И в стали автомата, который все еще висел у него на груди.

Трой действовал, не рассуждая. Сунув пистолет за пояс, он нырнул вперед, выхватив «стен» из пальцев убитого. Развернулся, охватив взглядом пустой коридор с закрытой дверью в конце. Секундная передышка. Привычно держа перед собой автомат, палец на спуске,

он левой рукой обыскал труп. Выдернул два магазина из-за пояса убитого и ощупал их пальцами — полные. Засунув их за пояс, он рванулся вперед и выбил дверь ногой.

Это была бойня. Люди у окон оказались вооружены винтовками и пистолетами и стояли к нему спиной. Они начали оборачиваться, лишь услышав выстрелы.

Веер пуль скосил их на пол, магазин опустел. Он вставил новый и повернулся к раненому, что пытался дотянуться до винтовки. Сбил его. Видел, как пули рвали мундир армии Соединенных Штатов и входили в тело.

Это были солдаты. Он убил солдат армии Соединенных Штатов, растерзал их, как мясник. Стиснув зубы, он заставил себя вспомнить, что они — предатели, нарушившие присягу правительству, которому служили. Все они на стороне южан, все участвовали в заговоре. Он выбросил пустой магазин и вставил новый.

Вдруг ночь затихла. Стрельба у ворот здания прекратилась. Трой попятился к воротам, водя по сторонам стволом. Живых не осталось. Не выпуская автомата из рук, Трой одной рукой открыл входную дверь.

— Это ты? — позвал голос из темноты. Робби Шоу.

— Я. Заходи. Охрана снята начисто.

За дверью лежали два мертвых охранника. Шоу перешагнул через них и протиснулся в дверь, потом втащил за собой сумки.

— Как у вас? — поинтересовался Трой.

— Плоховато. Часовые нас заметили и открыли огонь. Мы открыли ответный и сняли обоих, но внутри поднялась тревога. Дальше ты знаешь.

— Уж я-то знаю! Мне посчастливилось застать их врасплох с тыла.

— У нас двое убитых, один раненый и еще один уцелевший.

— Иди к нему и скажи, чтобы раненого доставили к Джону Брауну. И надо ему доложить, что мы проверили винтовочный завод и что здесь все в порядке.

— Будет сделано.

Трой подождал, держа автомат наготове, пока Шоу вернулся.

— Запри дверь, — приказал он.

Шоу запер щеколду, повернулся, оглядывая посеченные тела, перевел взгляд на Троя и спросил:

— Это и есть тот пистолет, о котором ты говорил?

— Он. Ты видишь, что он может сделать. А представляешь себе мятежную армию с таким оружием?

— Господи Иисусе, — выдохнул Шоу. — Похоже, мы успели вовремя.

— Надеюсь, ведь оружие пока держится в секрете. Надо проверить, не здесь ли оно хранится. Подержи это пока.

Он сунул автомат Шоу; тот нерешительно взял его в руки.

— Я же не знаю, как с ним обращаться.

Трой кивнул:

— И не надо ничего знать. Сейчас он взведен. Просто наводишь его на цель и жмешь спуск, а он сеет смерть. Теперь прикрой меня.

Трой тщательно перезарядил револьвер. Они обходили комнату за комнатой, помещение за помещением, и Шоу стоял со «стеном» наготове. В здании никого не было. Когда они дошли до комнаты охраны, Трой показал на койки:

— Восемь. И восемь убитых солдат. Но надо проверить до конца.

Больше половины завода занимали механические цеха. Там стояли сверлильные станки для стволов, прессы для штамповки гильз, в задней половине цехов были сложены штабеля металлических прутков, а на закрытых складах стояли бочки с порохом и ящики с капсюлями. Один из складов отгорожен массивной дверью, которую пришлось выламывать минут пятнадцать двумя ломами. Когда она рухнула, Трой высоко поднял фонарь и вошел внутрь.

Сложенные штабелями ящики поднимались ряд за рядом от пола почти до стропил. Трой подошел к ближайшему, еще не заколоченному, и заглянул внутрь.

Латунные коробки с патронами.

Автоматы лежали в следующем ряду.

— Это то, что ты ищешь? — спросил Шоу.

— Оно самое. Станки для производства этого оружия, готовая продукция и патроны. Все в одном месте, даже больше, чем я ожидал. Ну что ж, такую возмож-

ность надо максимально использовать. — Он огляделся. — Давай-ка начнем, у нас много работы.

— А что ты собираешься делать?

— По-моему, это очевидно. Взорвать станки. Сжечь здание. Полностью все разрушить. А потом — искать Мак-Каллоха. Хватит от него бегать. Этого человека я должен найти и убить. Опасность должна быть устранена навеки.

Глава 33

— Если ты действительно хочешь, чтобы завод больше никогда не работал, — заметил Шоу, — задача эта архитрудная.

— Почему? Разве, если мы его сожжем, он не будет уничтожен?

— Только выведен из строя, если найдутся люди, которым отчаянно захочется его запустить. — Он хлопал по станине большого пресса. — Эта штука сделана из литого чугуна и стали. Ее можно извлечь из-под развалин, сдуть пыль и смазать — всего двадцать четыре часа, и она снова работает.

— Так что нам делать? — спросил Трой.

— Нечто такое, что наши кузены французы называют Sabotage. Мы должны сломать эти машины так, чтобы о ремонте не было и речи. Лучше всего выбрать штамповочные прессы для гильз — они наиболее уязвимы и практически незаменимы, ибо сделаны по специальному заказу в Шотландии. Достаточно будет заложить в каждый по заряду пороха.

— Согласен. Я сделаю заряды, а ты покажешь, куда их сунуть. Хорошо бы еще насыпать пороха на эти коробки с патронами, чтобы они наверняка загорелись и взорвались. Тогда остается подумать только о самих автоматах. Они запакованы, и, даже если ящики сгорят, нет гарантии, что они выйдут из строя. Если их достанут — а где-то есть еще один склад патронов, — вся наша работа насмарку.

— В реку их. Несколько дней в воде, и они уже невозстановимы.

— Тогда вперед. Этих коробок здесь тысячи.

— Следовательно, самое время начать, — сказал Шоу, снимая плащ. — Посмотрим, сколько мы их утопим до рассвета.

Работа была на износ. Заложив пороховые заряды, они перешли к ящикам с автоматами. Ящики разламывали, а автоматы выносили к берегу и кидали подальше в темную воду. Работе не видно было конца, а на востоке уже заметно посветлело. Дождь перестал, но небо в тучах. Трой упал на одну из коробок, тяжело дыша.

— Хватит. Пора закладывать запальные дорожки. К рассвету мы должны быть далеко отсюда. — Он заколебался. — Понимаешь, я точно знаю, что сегодняшнее восстание обречено. Пытался сказать Джону Брауну, но он не желал слушать. Все участники налета, все, кто не успеет удрать, погибнут. Это я знаю наверняка.

— Откуда?

— Я не могу тебе рассказать. Робби, поверь мне на слово. Надо удирать. Возьмем лодку сзади — фасад здания наверняка под наблюдением.

Уже слышались отдельные выстрелы. Дороги обратно не было.

— Ладно, пойдем. У меня нет любви к верной смерти, которая владеет нашим другом Брауном.

Аккуратно, стараясь не наступать на рассыпанные зерна пороха, они насыпали пороховые дорожки на все бочки и соединили их в одну, ведущую к открытой двери. Полупустые бочки поставили на последние штабеля автоматов. Приготовление закончилось. Трой опустил фонарь, и контуры здания проступили на фоне неба.

— Пора. Когда взорвется, мы должны оказаться под прикрытием фундамента стены. Отплываем, как только убедимся, что пожар разгорелся. Это мы возьмем с собой. — Трой положил сумки и заряженный автомат под переднюю банку лодки. — Если нас заметят, сможем защититься — эта штука уравнивает шансы. Если на нас не нападут, она пойдет в реку вслед за остальными, а у нас останутся пистолеты. Ты готов?

— Готов, давай.

Они прижались к мшистой стене, и Трой, разбив стекло фонаря, бросил его пылающим комом на пороховую дорожку. Мягко вспыхнув, огонь побежал по ней, потрескивая, и скрылся за дверью.

Через секунду стена, под которой они укрывались, затряслась от канонады взрывов. Со звоном вылетели стекла, пламя рванулось из окон, повалили клубы дыма, расцветающие багровым цветом от запылавшего внутри огня.

— Есть! — завопил Трой, перекрикивая рев пожара. — Смываемся!

Они побежали к лодке, впрыгнули и оттолкнулись. Трой схватил единственное весло и погреб изо всех сил, стараясь выбраться на быстрину и уйти подальше от горящего здания. На берегах никого. Но Трой не сбавлял темпа до тех пор, пока они не отплыли от острова настолько, что стали неразличимы в туманной серости рассвета.

Трой запыхался, и руки у него так болели, что он только обрадовался, когда Шоу забрал у него весло. Потом они гребли по очереди, и вот показался противоположный берег. За ними ярко горел винтовочный завод, впереди выплывал из рассветной серости низкий берег.

— Ты что-нибудь видишь на берегу? — спросил Шоу.

— Не вижу. Похоже, что там сплошной луг. Но поблизости должна быть дорога.

— Будь на ней кто-то, мы бы его уже увидели. Думаю, мы в безопасности.

Тишину нарушал только плеск весла. Они подходили к берегу, днище заскрипело по песку прибрежной мели, снизу заплескалась вода. Какая-то птаха песней встречала рассвет. И ни звука больше.

Шоу сильно отталкивался веслом, стараясь подойти ближе к берегу. Трой выскочил, держа веревку, и вытянул лодку на песок.

— Порядок, — сказал он. — Я ее подержу, а ты...

Трой увидел, как лицо шотландца исказила гримаса ужаса.

Грохнул выстрел. Шоу схватился обеими руками за кровавое месиво, которое только что было лицом, упал вперед и застыл.

Трой в повороте потянул револьвер, но его остановил голос с берега:

— Попробуй только вытащить пушку, и пойдешь туда же, куда и этот ниггерский жополиз.

Трой медленно поднял руки и повернулся к человеку на берегу с нацеленным на него револьвером. Это был полковник Мак-Каллох. В его голосе звучала холодная злость:

— По заслугам ему. Этот Робби Шоу бывал гостем в моем доме, а потом предал меня и привел тебя пакостить мне. Я бы его еще десять раз прикончил.

— Не надо было убивать его! — Трой тоже был разъярен. — Никакой необходимости! Поздно, полковник! Видите, пламя? Это горит завод винтовок! И все ваши автоматы и патроны, считайте, сгорели.

— Вижу пламя. Я его еще с дороги заметил и вас на фоне пламени. Я пришел убить тебя, черномазенький.

— Хармон моя фамилия. Сержант Трой Хармон. Прошу вас запомнить это, полковник. Запомните имя негра, который выследил вас на пути в сто двадцать лет назад, последовал за вами и поломал ваш бредовый план.

— Он не настолько бредовый, Хармон. — Мак-Каллох овладел собой. — У меня остались синьки. Заводы здесь и в Ричмонде будут отстроены, люди, которые мне помогли, помогут мне снова. Найдем другое место для выпуска автоматов. Временная задержка. Но время еще есть.

— До апреля шестьдесят первого, и все.

— На твоём месте я бы об этом не беспокоился, твоё время кончается прямо сейчас. Ты принес мне массу неприятностей, но, когда я спущу курок, они кончатся. У тебя есть время быстренько помолиться твоему ниггер-баптистскому боженьке. Молись, черномазенький.

Трой медленно опустил руки вдоль тела. Когда он заговорил, голос его был переполнен презрением:

— Вы больной, сумасшедший, жалкий расист, Мак-Каллох. Вы — позор своей страны и своего мундира. Вы, как дурак, полагаете, что цвет кожи или религия делает вас выше другого. Я бы плюнул вам в физиономию, но не стоит труда.

— Говоришь много, ниггер. Если попросишь пощады, я тебя, может, и помилую.

Трой расхохотался:

— Насколько же ты глуп, необразованная красноружая скотина! Стреляй и проваливай к чертовой матери!

Мак-Каллох наставил пистолет прямо в лицо Трою и медленно большим пальцем стал взводить курок. Трой застыл перед холодом неминуемой смерти, но не испытывал страха.

— Проси! Проси пощады, ниггер!

— Этого удовольствия я вам не доставлю. Но попрошу об одном одолжении...

— Никаких одолжений.

— Оно не составит труда. Скажите, зачем вы для производства патронов выбрали завод в Харперз Ферри? Вы же знали о том, что Джон Браун...

Его слова потонули в автоматной очереди; как гром разорвал тишину рассвета.

Глава 34

Трой, не веря своим глазам, смотрел, как пули впились в тело Мак-Каллоха. Полковник сложился пополам, выпустил револьвер, покатился вниз по круче к ногам Троя. Глаза его были открыты, но уже слепы. Он вздохнул последний раз, и забулькали продырявленные легкие:

— Кто... такой Джон... Браун... — и умер.

— Дай мне руку, Трой, — сказал Шоу, покачиваясь в лодке. Его лицо было залито красным. Автомат бес- сильно повис вдоль тела, и у Шоу не было сил его поднять.

С Троя мгновенно спало оцепенение, он рванулся, как от удара тока, и подхватил Шоу под мышки. Вынеся на берег, Трой осторожно положил его на траву рядом с трупом Мак-Каллоха. Обернувшись, он увидел, что лодку уносит течением. Зашлепав по воде, он догнал лодку и подтащил ее к берегу. Вытащив из лодки сумки, он достал аптечку.

— Ранения волосистой части черепа, как правило, весьма кровоточивы, — откомментировал Шоу, когда Трой перевязывал ему рану. — Мне показалось, что череп разнесло. А пришел в себя и понял, что лежу лицом вниз на дне лодки. Ощущение такое, будто срезали половину головы. Но семья Шоу всегда славилась крепкими черепами. И как только я перестал себя жалеть, я обрадовался, что остался жив. Видел я плохо,

но со слухом все было в порядке. Я по голосу определил, где стоит бешеный полковник — над нами, на берегу, на том же месте, с которого он стрелял в меня. Остальное, как говорится, принадлежит истории. Мои руки, как оказалось, лежали на автомате под сиденьем, хотя я это не сразу осознал. Я все сделал так, как ты сказал, и получилось. Ты прости, что так долго, но я хотел быть уверен, что, когда я задвигаюсь, его внимание будет отвлечено тобой.

— Не знаю, как тебя благодарить...

— Тогда и не надо. — Он минуту помолчал, глядя Трою в лицо. — Я слышал, что вы друг другу говорили.

— В самом деле?

Трой перевернул труп полковника, оторвал кусок рубашки, не залитый кровью, смочил в воде и выжал. Этой тряпицей он стер с лица Шоу засыхающую кровь.

— В ваших словах была хоть доля правды? — спросил Шоу.

— А это дальше не пойдет, Робби? Ты никому не скажешь и в газеты не напишешь?

— История, признайся, превосходная.

— А кто тебе поверит? Я ведь буду все отрицать.

— В том-то и дело, — вздохнул Шоу. — Мне не поверят, и даже печатать никто не возьмет. Так что, Трой Хармон, я даю тебе свое слово. Я тебе обязан жизнью, как и ты мне, и этим мы связаны навеки. Но если я поклянусь, что никогда никому ничего не скажу, я узнаю правду? Правда ли, что вы — вы оба — на самом деле прибыли сюда из будущего?

Трой задумался, потом кивнул, чувствуя странное облегчение от того, что можно поделиться тайной.

— И ты за ним последовал? Смелый поступок.

— Смелый? Может быть, не знаю. Это надо было сделать. Он принес сюда этот пистолет, чтобы рабовладельцы выиграли войну. Чтобы изменилась история. Этого нельзя было допустить.

— Значит, приближается война? — спросил Шоу, понизив голос. — Ты говорил про апрель шестьдесят первого.

— Робби, не спрашивай о датах. Скоро начнется война, и погибнут сотни тысяч. Но победит Союз, и рабство умрет навеки.

— Аминь. Но ты мне ответь — и в этом ты мне отказать не можешь: что ждет Англию и Шотландию? Ты ведь это знаешь, ты знаешь все будущее?

Трой встал и прислушался. Тихо. Стрельбы не было слышно, и, казалось, они в безопасности.

— Боюсь говорить, Робби. Боюсь, что, если ты будешь знать будущее, само это знание, какие-то слова или действия могут будущее изменить. Одно могу сказать: плохо не будет. Будут, конечно, войны, но твоя страна останется живой и свободной. Мир изменится, всюду появятся машины, исчезнут лошади с улиц городов. Сами города изменятся, будет сплошь бетон, сталь и асфальт. А люди останутся очень похожи на тех, каковы они сейчас. Бога ради, кончим на этом. Мы больше никогда не должны говорить об этом.

— Но я лопаюсь от вопросов! Как тот человек, которому предоставили три желания, а он боялся их использовать. Ты столько знаешь, чего я не узнаю никогда! — Трой молчал, и Шоу с усилием сел. — Я постараюсь не вспоминать — но искушение будет адово.

— Давай лучше подумаем, как отсюда выбраться, пока нас не поймали. Если Мак-Каллох увидел нас с дороги, значит, лошадь привязана где-то поблизости.

— А как быть с полковником?

— Это не единственный труп, который сегодня унесет река, — мрачно ответил Трой.

Он нагнулся, быстро ощупал карманы Мак-Каллоха и вынул бумажник и большое кольцо с ключами. Потом толкнул труп ногой. Тело тяжело перевалилось за край обрыва, плюхнулось в воду и закачалось, погружаясь и выныривая, пока его уносило течение. Полковник уходил домой, к возлюбленному Югу. Трой смотрел ему вслед, пока течение не унесло его. Потом он влез в лодку и с нескрываемым отвращением посмотрел на серые очертания автомата. Схватив за ствол, Трой с размаху закинул его подальше в воду. Раздался всплеск и пошли руши.

Лошадь Мак-Каллоха они нашли неподалеку под деревьями. Трой подержал Шоу стремя, потом забросил сумки за седло.

— Ехать сможешь? — спросил он.

— Думаю, что да. Если не считать сильной головной боли, мне не так уж плохо. У тебя есть какой-нибудь план?

— Есть. Мне надо вернуться в Ричмонд. Ты ведь слышал, что Мак-Каллох говорил о чертежах этого автоматического пистолета. Я их должен найти и уничтожить. Это, похоже, опасно, но необходимо. Так что тебя я позвать с собой не могу.

— Меня не надо звать, я иду добровольцем. Ты ведь не думаешь, что я брошу дело раньше, чем оно будет сделано? Кроме того, неоспоримый факт — ты в одиночку не сможешь этого сделать. Давай держаться проселочных дорог, мне не хочется слишком часто объяснять, почему у меня на голове бинт. А вообще говоря, я не думаю, что нас сейчас будут всерьез искать. После крушения их планов и смерти Мак-Каллоха.

К тому времени, когда они добрались до города Калпеппера, они были относительно в безопасности. И достаточно далеко от Харперз Ферри, чтобы рану Шоу не связывали с тамошними новостями. Объяснение, что он свалился с лошади и разбил лицо, принималось нормально. Трой держал лошадь, пока Шоу делал покупки в универсальном магазине. Кроме всего прочего, он еще купил газету. Развернули они ее уже за городом.

Налет на Харперз Ферри не сходил с первых полос.

— Дело закончено, — сказал Шоу, пробежав статью. — Налет продолжался тридцать шесть часов. Потом отряд морской пехоты захватил штурмом оружейный завод и взял в плен уцелевших. Штурм возглавили полковник Роберт И. Ли из второй кавалерийской армии и лейтенант Дж. И. Б. Стюарт. Никогда о таких не слышал.

— Я слышал, — утрюмо сказал Трой. — И ты еще услышишь.

Шоу не слушал его. Он читал отчет, и на его лице застыло выражение ужаса.

— Это страшно! Там бойня была. Просто мясорубка. Можешь себе представить, первым люди Брауна убили негра! А участники налета, что пытались спастись, попали в лапы к местным, и их изрубили в котлеты. Помнишь беднягу Ньюби, того мулата? Он хотел только освободить жену и детей с плантации в Вирджинии. Так ему перерезали глотку, а уши отрезали на сувениры! — Шоу отшвырнул газету и повернулся к Трою, глаза его переполняла скорбь. — Такого еще много будет, правда? Это ведь только начало?

Трой отвернулся, чтобы не отвечать, но молчание было яснее ответа. Он подобрал газету и заставил себя перечитать все подробности. Он не сказал Шоу, что Джон Браун и все, кто выжил, предстали перед судом и были повешены. Это должно случиться через несколько месяцев.

Когда они подошли к окраинам Ричмонда, у Троя созрел план, что делать дальше. Перед закатом они стали лагерем в чаще леса поодаль от дороги.

— Я должен проникнуть в дом Мак-Каллоха, — сказал Трой. — У него в карманах я не нашел ничего, что подсказало бы, где он держит чертежи пистолета. Однако я достаточно его знаю, чтобы предположить, что они у него дома. Никому другому он бы их не доверил. Парочка ключей на этом кольце смотрится заманчиво. Будто замки от сундука или сейфа. Я собираюсь войти и выйти одной и той же дорогой. Никто меня не увидит, и я вернусь до рассвета.

— Удачи.

— Спасибо. Надеюсь, она не понадобится. Простая работа по взлому и проникновению. Скоро увидимся.

Трой принял все возможные меры, чтобы не попасться никому на глаза на своем обходном пути к дому полковника. Слути Мак-Каллоха по-прежнему в невольничьих комнатах, но в доме было темно. Трой наблюдал около часа, но не обнаружил в доме света или движения. Луна то скрывалась в облаках, то выныривала; он терпеливо дождался долгого периода темноты, а потом неслышно скользнул к двери. Нужный ключ он нашел почти сразу, отпер замок и вошел с револьвером наготове. В доме стоял запах затхлости и легкой гнили. Убедившись наверняка, что он один, Трой засунул револьвер за пояс и начал поиск.

Сейф он нашел меньше чем за час. Трой просто осматривал комнату за комнатой, пока не дошел до спальни. Тщательно задернув тяжелые шторы, чтобы с улицы не увидели света, Трой для верности завесил их еще и одеялом, а затем зажег свечу и стал подбирать ключи к сейфу.

Внутри оказалось приличное количество денег, золотом и в банкнотах. А на дне — отдельный ящик. Только открыв ящик и достав сверток чертежей, Трой почувствовал облегчение. Последняя работа. Когда эти бумаж-

ки исчезнут, планы Мак-Каллоха будут разрушены окончательно.

Вынув чертежи, Трой заметил под ними книгу. Что полковнику так дорого в этой книге, хранившейся среди его самых больших сокровищ? Трой прочитал заглавие и похолодел.

Флетчер Пратт, «Крещение огнем». Краткая история Гражданской войны. Пратт, вдохновитель планов Мак-Каллоха по изменению истории. Он и в самом деле сумасшедший — взять с собой такую книгу. Ее надо немедленно уничтожить, вместе с чертежами. Однако в Трое выиграло любопытство. Последние слова Мак-Каллоха не шли из памяти. «Кто такой Джон Браун?» Он быстро перелистал книгу, заглянул в оглавление, в указатель в конце.

Упоминания о нападении на Харперз Ферри не было. Имя Джона Брауна не упоминалось.

Все стало до ужаса ясно. Мак-Каллох был плохим учеником в школе, да еще вырос в Миссисипи, — в штате, в котором самый низкий в Соединенных Штатах стандарт образования. Вполне вероятно, что в школе он ничего не читал о Джоне Брауне, а если читал, то забыл. Истории он не знал. Он верил в абстракцию, в мечту о прежнем Юге. Однако, чтобы изменить историю, ему нужно было прочесть побольше о самой войне. Для него, никогда ничему не учившегося, одной книги показалось достаточно.

И по странной иронии, гримасе судьбы, по непредугадываемому стечению обстоятельств и законов судьбы и случая ему попалась книга, в которой даже не упоминался Джон Браун и его трагическая роль в событиях последних месяцев, вызвавших войну.

Судорожным движением Трой разорвал книгу пополам. Отвратительна мысль, что невероятное открытие — машина времени — была prostituiрована с такой низкой целью и человечком такого калибра. Хватит! С этим делом покончено, его надо закрыть и забыть.

Трой сорвал с постели наволочку, запихнул в нее чертежи и книгу и повернулся к сейфу. Что делать с деньгами? Никаких причин оставлять их тут. Наследников не найдется, деньги отойдут к штату Вирджиния и пойдут на войну. Куда лучше, если они пойдут на движение аболиционистов.

Вытряхнув деньги в ту же наволочку, он захлопнул сейф и запер его.

Ключи пойдут на дно реки, чертежи и книга в огонь, и конец. Конец Мак-Каллоху, конец его планам. Конец попытки сохранить будущее за Конфедерацией.

Но веяли по-прежнему из будущего холодные ветры войны, хотя до нее еще восемнадцать месяцев. Еще много времени, чтобы проследить, хорошо ли сделана работа. С подтягиванием всей слабины и составлением окончательного доклада.

Глава 35

Только когда они добрались до Вашингтона, Трой почувствовал, как его отпускает темная волна напряжения. Они немного отдохнули, спуская деньги полковника, одевшись заново и пару раз устроив себе пир. За эти три дня Трой написал подробный доклад о всех своих действиях с момента прибытия и до настоящего времени. Был шанс, что доклад случайно обнаружат, так что он старался избегать конкретных имен и названий. Полковника он обозначил заглавной буквой М, а автомат «стен» — просто «оружие». Доклад получился тщательный и подробный, и Трой перечитал его с удовольствием. Задание выполнено, успешно завершено, и после отправки доклада по назначению Трой мог считать себя свободным. Он подписался Т. Х., поставил дату — 5 ноября 1859 года и запечатал доклад в бутылку.

Эксперименты у стеклодува показали, что невозможно запаять горлышко бутылки так, чтобы бумага не обуглилась. Трой положил доклад в бутылку из-под виски, плотно закрыл пробку и слой за слоем наложил сургуч. Не удовлетворившись этим, он поместил бутылку в массивный деревянный ящик и залил его смолой. Когда она застыла, ящик скрепили шурупами.

Ясным днем бабьего лета они отъехали к северу от города. Солнце припекало, листья обретали осеннее разноцветье. Трой хорошо помнил место, и вскоре после полудня они достигли скалы.

— Если бы ты мне сказал, что делаешь, я бы подменил тебя, — сказал Шоу.

Трой энергично вкапывался рядом со скалой, выбирая землю, как роющий нору барсук. Он отер со лба пот, перевел тяжелое дыхание и ответил:

— Ладно, скажу, только сначала закончим работу. Мне нужно выкопать яму, вложить туда коробку и закопать ее раньше, чем кто-нибудь появится. Надо, чтобы ее никто не потревожил.

Шоу сменил его. Вкопаться в мягкую почву почти на два ярда не стоило особого труда и времени. Трой положил ящик на дно ямы и пристроил поаккуратнее. Ящик походил на маленький деревянный гроб. Для кого? Может быть, для независимого Юга из планов Мак-Каллоха? Трой бросил горсть земли. Конец Мак-Каллоху, и планам его конец. Задача выполнена, и доклад представлен.

Все. Он схватил лопату и обрушил в яму поток черной земли. Засыпали яму за пару минут, Трой утрамбовывал холмик вровень с землей, а лишнюю землю сложил в захваченный для этой цели мешок. Когда же на свежей земле рассыпали опавшие листья, все следы работы были скрыты начисто. Трой показал на верхушку гранитной скалы:

— Вот сюда я прибыл. Этот скальный кряж не менялся столетиями. И в будущем он тоже не должен измениться. В один прекрасный день здесь построят лабораторию, а вокруг еще много домов. Я отправил туда доклад — в этой коробке, и моя работа окончена.

— Ты имеешь в виду, что в будущем эту коробку выкопают? — Трой кивнул. — И узнают, что случилось после твоей поездки во времени? Боже мой, Трой, ты весьма щепетильная личность. Когда твой доклад прочтут, ты уже много лет будешь покойником.

— Неважно. Я поступил, как обещал. Выполнил задачу и представил доклад.

— Я полагаю, у тебя не существует возможности явиться самому, держа доклад под мышкой?

— Никакой. Дорога была в один конец. Я это знал, когда шел, и не сожалею. Я сделал то, что считал нужным, и думаю, работа того стоила.

— Я полностью согласен, хотя сомневаюсь, что мог бы принять подобное решение. Но с этим ясно. Ты решил, что будешь делать дальше?

— Конечно, решил. Покину Юг и отправлюсь на Север, в Нью-Йорк. Это мой родной город, и мне очень любопытно взглянуть, на что он сейчас похож.

— Содом и Гоморра, — с отвращением произнес Шоу. — Целый мир, причем довольно противный. Самый продажный и порочный город в мире. Там каждый год если не чума, то бунт.

— Похоже на мой дом, — сказал Трой. — Хотелось бы посмотреть. Ты поедешь со мной?

— Разумеется. Ничего серьезного, пока не заживут раны, я все равно не планирую. Если мне все равно, где поправляться, почему бы не в море роскоши, которую предоставляет Маммона-на-Гудзоне. Но никаких лошадей. Поедем поездом.

Путешествие было медленным и грязным, в окна влетала жирная копоть и оседала повсюду. К Нью-Йорку они уже более чем созрели для того, чтобы схватить кеб и ехать в отель и принять горячую ванну. После трех дней обильной еды и сна до полудня Шоу решил, что сможет сидеть в седле. Они взяли напрокат лошадей в конюшне на Двадцать третьей улице Манхэттена, доехали до Хьюстона и на пароме переправились через Ист Ривер. Если не считать отсутствия мостов, город показался Трою на удивление знакомым. Конечно, не было небоскребов и вместо машин всюду лошади, но улицы и здания Ист-Сайда очень похожи на те, которые ему помнились. Бруклин просто крольчатник из маленьких домов, и пока они не доехали до Квинса, заметных изменений он не обнаружил. Дома уступали место фермам и извилистым проселочным дорогам. Они ехали спокойно, позавтракали в гостинице «Корона» и продолжили путь.

Через час Трой остановился на вершине холма и посмотрел вниз на деревню Ямайка у перекрестка дорог. Ее окружали фермы, а за ними болота и камыши Ямайского залива. Трой покачал головой.

— Я там родился, — сказал он показывая вниз. — И там вырос. Там были маленькие домики, а там магистраль Ван-Вайка, а вон там — надземка вдоль Ямайка-авеню.

— Как ты сказал?

— Надземка, ну, знаешь, железная дорога, поднятая на эстакаду.

— Нет, не знаю, но идея интересная.

— Шумно очень. Зимой, когда открывают двери на станциях, чертовски холодно. И снег задувает. Робби, что мне тут делать? Я здесь чужак. — Вдруг, в приступе расстройств, Трой ударил лошадь каблуками. — Поехали в гостиницу, выпьем чего покрепче.

Шоу пустился в галоп, чтобы не отстать. Потом они замедлили ход и поехали рядом. Шоу поймал остановившийся взгляд Троя и понял, что тот видит не дорогу и не деревья вокруг, а навеки утраченный собственный мир, который уже никогда не увидит наяву. Шоу положил свою руку поверх его на луку седла. Трой посмотрел на него, и глубина отчаяния в глазах друга показалась Шоу невероятной. Но на губах Троя мелькнула тень улыбки.

— Ты хороший человек, Робби Шоу, и я очень рад, что тебя встретил. Поехали в Манхэттен и развеемся. Закажем хороший обед и много-много бутылок вина. А потом в театр. Повеселимся и порадуемся, пока можно, потому что все это скоро кончится. Война на горизонте. Страшная война брата против брата, которая разорвет страну пополам. Так что повеселимся, тем более что и нам скоро расставаться. Надеюсь, мы встретимся снова, но не знаю, где и когда.

— Звучит окончательным приговором. А что ты собираешься делать?

— То, что умею лучше всего. Попробую записаться в армию. Надвигается война. И ничто ее не остановит. Ты и твои друзья аболиционисты вели мирную войну против рабства, но это время кончается. В скором будущем заговорят ружья.

И много времени пройдет, пока кончится война.

Глава 36

ПЕРВОЕ ИЮЛЯ 1863 ГОДА

Вода недавно закипела и, когда Трой вылил ее себе на руку, была еще горячеей. Она обожгла открытую шрапнельную рану, и между обрывками мышц снова показалась кровь. Рана неглубокая, но болезненная. Трой стиснул зубы и стал ее чистить. Антибиотики, потраченные на раненых в этой многолетней войне, давно кончились, оставалась лишь кипяченая вода. Кусок бинта он тоже прокипятит и теперь обмотал им руку так, чтобы рана была закрыта. Это последнее усилие утомленного долгим боем организма совсем истощило его силы, и он оперся спиной о ствол дерева, прикрыл глаза и бросил руки на колени, застыв в полудреме. Перед глазами поплыли сбивчивые воспоминания.

Как быстро прошли годы и — как медленно. Так много случилось с тех пор, как он простился в Нью-Йорке с Робби Шоу. Быстро выяснилось, что записаться в армию не так просто, как ему представлялось. Черные не требовались — только как денщики или землекопы. Он не смирился. Понадобился год тяжелой работы и изрядная толика денег полковника, чтобы создать в Бостоне первый негритянский батальон — Первый Массачусетский полк цветных добровольцев. Денег на пробивание идеи и на взятки отцам города ушло не меньше, чем на снаряжение. Но работа была сделана, а это

самое главное. К началу войны они были готовы. И они воевали — и как воевали! — и погибали. Однако в добровольцах нехватки не было никогда. За два года боев сменилась половина личного состава. Погибали лучшие. Многие лица трудно уже вспомнить, и имена забывались. Трой клевал носом, полубессознательные мысли неслись по кругу.

— Сержант, я жаркое притаранил. Все больше бобы, но если пороетесь как следует, можете надыбать кусок крольчатины.

Голос разбудил Троя. Он проснулся и посмотрел на здоровенного парня с улыбкой до ушей — у того не хватало половины зубов. Трой улыбнулся в ответ, взял оловянную миску и полез в карман за ложкой.

— Спасибо, Лютер. Этого мне и не хватало. — Он настолько устал, что до этой минуты даже не осознавал, что и проголодался не меньше. Запустил ложку в миску и набрал полный рот бобов. Отлично! Когда это он последний раз ел? Сейчас и не вспомнить, в голове только воспоминания дневного боя. Похоже, что утром, лепешка и желудевый кофе. А с тех пор — ничего, кроме пуль и снарядов. Однако их много не съешь.

Вечер был теплым и темным. На холме горели костры армии Союза, сбегаящие вниз по холму по обеим сторонам Семетри-Ридж — сигнальные огни ночи. Возле них отдыхали усталые бойцы, уцелевшие в дневной битве, готовили еду и старались не думать о завтра. Повернувшись спиной к ночи, они не глядели вдаль, туда, где далекие линии огней обозначали позиции конфедератов. И много же их собралось в эту ночь у маленького городка Геттисберга в штате Пенсильвания!

Лис мятежа, генерал Роберт И. Ли, по-прежнему жив после двух лет боев и по-прежнему нападал. А теперь лис оказался среди цыплят. Он привел на Север восемьдесят тысяч человек и перенес войну на территорию противника, за Вашингтон в Пенсильванию. Сегодня его здесь остановили. Он не разбит, но здесь, под Геттисбергом, его удалось остановить. Войска Союза целый день дрались под плотным огнем артиллерии конфедератов, отбивая одну атаку серомундирных цепей за другой. Но они выстояли. Удержали, как Трой слышал, всю линию обороны. Но это словно бы другая, далекая битва. Его война шла здесь, в лесистых холмах и долинах, среди каменных скал и извилистых ручьев.

Люди его полка, Первого Массачусетского полка цветных добровольцев, стояли, дрались — и победили. Нет, не победили, или победили не более, чем другой полк Союза в этот день. Но стоять, сражаться и удержать боевые порядки — это и была победа. Непрерывная победа с тех самых времен, когда все, включая офицеров, считали, что черные войска побегут.

Этого не случалось никогда. С самого начала войны они выдерживали все, что обрушивалось на них. Вражескую канонаду и штыковую атаку, дизентерию и вшей, презрение своих собственных офицеров и чувство превосходства белых солдат. И выдержали.

Трой доел бобы и отполировал миску дочиста, до последнего кусочка и капельки. Облизал ложку и спрятал в карман. Все в порядке. Раненые отосланы в тыл, продовольствие, что удалось найти, раздали. Фляжки у его людей наполнены, и утром надо проверить, чтобы их снова залили водой. Он делал для своих людей все, что было в его силах. Так, теперь проверить собственное снаряжение.

Он открыл ранец, и с обрамленной фотографии ему улыбнулась Лили. Он улыбнулся ей в ответ, теплея при воспоминании об их любви. Протер стекло куском ткани и аккуратно положил на место.

Когда он чистил винтовку шомполом, пришел посылный.

— Капитан ждет вас в санитарной палатке, сержант.

— Уже иду. — Трой обратился к капралу по другую сторону костра. — Хэнк, закончишь за меня?

— Тебе это влетит в пятерку.

— Как только кончится война, так сразу. Не забудь напомнить.

Хороший парень Хэнк. Все ребята были хороши. Трой только потому и спросил, что знал: стоит ему отвернуться, и капрал немедленно дочистит винтовку. Они были боевой единицей, одной семьей — лучшие из всех бойцов, с которыми Трой пришлось служить. Братство.

Трой оправил мундир, застегнул пуговицы на воротнике, постарался счистить пыль с нашивок старшего сержанта, повернулся и направился к палатке в ложине.

Он всегда считал палатки и дома Санитарной Комиссии США чем-то средним между Красным Крестом и фургоном маркитантки. Там помогали выхаживать ране-

ных, занимались вопросами жалованья и пенсии, даже снабжали кое-какими мелочами, вроде иголок или мыла, которые облегчают быт солдата. Если Трой и считал, что правительство неблагодарно и ничего не делает для организации, предоставляя ей самой перебиваться частными пожертвованиями, он об этом никогда не упоминал. Палатки существовали, и его людям они нужны.

Капитан ответил на приветствие. Он говорил с двумя штатскими: с каким-то шатеном и пожилой женщиной, которые одновременно посмотрели на вошедшего сержанта.

— Сержант Хармон, перед вами представители Санитарной Комиссии Бостона, — сказал капитан. — Они собрали большую сумму денег специально для нашего полка, и мы им глубоко обязаны. Они скоро отбывают, но прежде хотят поговорить с кем-нибудь из личного состава.

— С вашего позволения, я несколько устала, — произнесла женщина. Это неудивительно, поскольку ее совершенно седые волосы и весь вид указывали на возраст никак не меньше восьмидесяти. В такие годы утомительно целый день трястись в фургоне. — Если вы, джентльмены, не возражаете, я посижу здесь до нашего отъезда. Я думаю, что сержант сможет ответить на мои вопросы.

— Разумеется, мэм, — сказал капитан. — Сержант, оставайтесь, это не займет много времени. — Выходя, он подержал полог палатки перед штатским.

— Будьте добры присесть, сержант Хармон, — сказала женщина. — Нам нужно быстро обсудить весьма важные вопросы.

— Да, мэм, — ответил Трой, подтягивая складной стул. Чем короче будет разговор, тем лучше. До утра еще много работы.

— Ты меня не помнишь, Трой? — спросила женщина, и слова прервали его мысли. Он посмотрел на нее внимательнее.

— Извините, мэм. Ваше лицо мне знакомо. Однако простите, не могу вспомнить, где я вас видел.

— В Вашингтоне, — она улыбнулась. — Я чуть постарше, но все же это я. Роксана Делькур.

Он застыл и, будто закружилась голова, схватился за края стула. Доктор Роксана Делькур! Гость из другого времени, другой эпохи. Заботы войны выбили из головы

все воспоминания о Вашингтоне. Он привык к этому миру и даже забыл, что рожден в другом веке.

— Роксана! Черт меня побери, но это ты!

— Это я. Не та юница, которую ты знал, потому что мне почти восемьдесят пять. Но есть такие новые лекарства...

— Но тебе же не восемьдесят пять, я помню, тебе где-то пятьдесят пять. Не понимаю. И что ты здесь делаешь? Как ты меня нашла?

Возвращались давно забытые воспоминания, и вопросы рвались с цепи. Далекий мир, где жил он когда-то. Вашингтон, федеральный округ Колумбия, лаборатория за Окружной, машина, которая его сюда отправила. Как долго он о них не вспоминал! Тяготы войны, забота о выживании и о сохранении людей вытеснили все другие мысли. Теперь память возвращалась.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. — Ты же здесь не случайно. И еще... твои годы, ты прости... как-то сразу не доходит.

Она согласно кивнула:

— Извини за неожиданность. Но это был единственный способ. Мое время ограничено. Давай я тебе расскажу, что было после твоего отправления. Мы нашли твой доклад, за что тебе спасибо. Выкопали на следующее же утро. Когда взломали эту древнюю коробку и увидели пожелтевшую бумагу и выцветшие чернила, передать не могу, что с нами случилось. Прежде всего, мы почувствовали необходимость помочь тебе. Мы все над этим работали не разгибаясь. Нам помог адмирал Колонн, он теперь в отставке, но все еще бодр. Передает тебе привет. И Боб Клейман тоже, прямо заставил меня пообещать, что я тебе передам. Предполагалось, что поедет сюда он, а не я. — По ее лицу пробежала тень. — Умер от рака десять лет назад. Если, конечно, можно говорить о времени столь субъективно.

На ее лице вдруг проступили все ее годы.

— Роксана, — ласково сказал Трой. — Спасибо тебе за то, что явилась. Что ты так обо мне заботишься.

Она сморгнула, посмотрела на него и улыбнулась в ответ:

— Кто-то ведь должен, правда? После твоего ухода исследования продолжались. В полном секрете. Но все правительство настолько напугалось возможных последствий, что почти полностью связало нам руки. Они

просто не знали, что с нами делать. Особенно из-за ограничений на исследовательскую работу после Однодневной войны. А когда они узнали, что натворил Мак-Каллох, остановили всю работу на десять лет. Но в конце концов нам удалось продолжить программу. Мы почти тридцать лет улучшали машину. Как это странно звучит — тридцать лет прошло, как... как что? А для тебя только пять. Но мы смогли разработать средства, позволяющие путешествовать во времени и возвращаться.

Трой уже несколько совладал со своими мыслями и начал понимать, чего добились Роксана и ее команда. И зачем она поехала за ним и разыскала его в чужом времени.

— Ты имеешь в виду...?

— Именно это. — Она говорила таким тихим голосом, что он еле слышал. — Я пришла забрать тебя домой, Трой. Теперь это возможно. Это уже не дорога в один конец.

Трой вскочил на ноги и заходил по палатке, не в силах усидеть на месте. Невозможно, этого просто не могло быть. Но было. Неужто правда? Он обернулся:

— Вернуться — в когда? В то время, из которого я ушел? Или чуть позже?

— Позже невозможно, Трой. Или, если и возможно, мы не можем решиться на эксперимент. Мы так мало еще знаем о природе времени, хотя столько его изучаем... Я тебе говорила, что у нас тридцать лет заняла доработка машины, и в это время ты не вернулся. Следовательно, это невозможно. Но обратно мы можем вернуться вместе. В две тысячи пятнадцатом не так уж плохо. Хотя кое-что и изменилось.

Две тысячи пятнадцатый. Невообразимо. Что это за мир? Но почему-то ему не хотелось знать о нем.

— Но это не мой мир. Теперь, когда ты здесь, я понял, что мой мир, который я оставил, воистину исчез и для меня закрыт. Я его никогда не увижу, но к тому же не уверен, что сожалею об этом. Он еще не существует, а когда появится, я давно уже буду мертв. От места, в котором мы сейчас, он еще — далекое будущее, от того, куда ты вернешься, — далекое прошлое. Только пойми меня правильно: я страшно благодарен тебе за попытку мне помочь. Но я понял, что мой мир здесь. И эти люди — мой народ. Знала бы ты их,

Роксана. Бедны, но как горды! Больше половины из них не знает букв, а один мальчишка даже помнит Африку, и помнит, как его поймали работорговцы. Они — моя семья. Спасибо тебе, Роксана, за то, что ты пришла, за все, что ты хотела для меня сделать. Но твой мир — уже не мой. А этот — мой. Я им нужен. И думаю, и они мне нужны.

Его лицо вдруг посуровело:

— И я не могу оставить их — это было бы дезертиством. Мы друг другу нужны уже завтра утром. Предстоит битва — великая битва, она будет поворотной точкой войны. Мы должны разбить врага. Никогда уже не восстанет Юг, не сможет собрать силы. Ты понимаешь?

Роксана кивнула головой и открыла сумку:

— Те, кто работал в проекте, не сомневались, что ты так и скажешь. Мы знаем тебя, Трой. Мы помним, как ты ушел сквозь время без надежды вернуться. Поэтому мы и считали, что обязаны дать тебе шанс. Тебе не интересно, как мы тебя нашли?

— Я не подумал об этом. А в самом деле, как? По армейским архивам личных дел?

Она покачала головой и вынула листок бумаги.

— Архивы оказались более чем бесполезны. Но мы знали, где ты, знали из твоего доклада, знали, что собираешься вступить в армию. А ты, наверное, помнишь, что это самая изученная война в истории. — Она передала ему листок. — Фотокопия страницы истории участия в этой войне негритянского полка. Прочти. Вот почему я пришла.

Трой внимательно и медленно прочитал слова из будущего — о настоящем. И его сердце забилося.

«...Поворотный пункт войны. Битва длилась три дня, и все негритянские батальоны несли сильные потери. Но они храбро сражались и удержали свои позиции. Особо следует отметить старшего сержанта Троя Хармона, который возглавил контратаку на Калис-Хилл, принесшую победу. Битву выиграли, но Хармон был смертельно ранен и скончался...»

Непослушными пальцами Трой вытащил из кармана спички. Чиркнул одну и поднес огонь к уголку бумаги, подержал, пока клочок полностью не загорелся, и выпустил.

Хриплым голосом Трой произнес:

— Не каждому выпадает привилегия прочесть собственный некролог.

Он тщательно растер пепел каблуком.

— Но ведь это не обязательно должно случиться, — сказала Роксана. — Пойдем со мной, все готово. Ты не обязан умирать.

— Не обязан? Но ведь написано, правда? Не стоит создавать временных парадоксов.

— Мы не знаем. В конце концов, ты и Мак-Каллох, вы оба прибыли из будущего, и похоже, что ничего не изменилось. Трой, я тебя умоляю. Не оставайся умирать. Вернись со мной...

— Нет, Роксана, ты же знаешь, что я не могу. Это дезертирство. Понимаешь, даже зная, что погибну, я не могу бросить своих людей. Не проси, пожалуйста. И не надо плакать.

— Я плачу? В самом деле, плачу. — Она улыбнулась сквозь слезы и промокнула глаза кружевным платком. — Все годы, что мы работали, я знала, что ты так ответишь. Но мы должны были. Ты особый случай, Трой Хармон. Ты не один, а целых два раза поступил так, что заставил меня гордиться принадлежностью к человеческой расе.

Они стояли друг против друга, Трой взял ее за руку и крепко пожал:

— Не беспокойся. Возвращайся спокойно домой и не волнуйся за меня. Помни, что мы еще встретимся. Если твоя машина хоть чего-то стоит, приезжай еще раз и расскажи мне, что все кончилось хорошо.

Снаружи приближались звуки голосов, и Трой заторопился:

— И не стоит беспокоиться о том, что случится завтра. Книга может ошибиться, потому что историю можно изменить.

— Не понимаю.

— Забудь ты мой доклад и вспомни школьные учебники истории. Помнишь нападение Джона Брауна на Харперз Ферри? Помнишь. Что в учебниках по этому поводу написано? Уцелевшие схвачены и приговорены к смерти, верно? — Она кивнула. — А ты помнишь, что случилось с заводом? С оружейным, на острове?

— Который был взорван при нападении? Помню. После твоего доклада мы поняли, что это была твоя

работа. Взрыв раз и навсегда разрушил планы Мак-Каллоха.

— Разрушил, верно. Но я по истории был в школе первым и точно помню, что в Харперз Ферри не было разрушений. Нападавших схватили, а оружейный завод им взять не удалось. Это история, которую помню я. И вот еще что. На деньги Мак-Каллоха я за год до войны организовал батальон добровольцев-негров — вот был бы, кстати, ему сюрприз! Однако по моим учебникам черные батальоны впервые появились гораздо позже.

Она выпустила его руки и поднесла ладони к лицу, пораженная внезапной мыслью.

— Это значит, что история изменилась! Изменилась благодаря тебе. Значит, теория альтернативных миров справедлива! И события вызывают ветвление и вызывают к жизни одну из параллельных взаимоисключающих реальностей!

— Верно. — Трой широко улыбнулся. — И не надо бы нам стоять здесь, держась за руки и мило трепаться, как старые друзья. Мы никогда раньше не встречались. Мы из разных миров. Я пришел из того мира, в котором негритянские батальоны появились только через год после начала войны. А здесь все не так. В моем мире нападение на Харперз Ферри оказалось безрезультатным. А значит, мой доклад не был написан. Когда копали под скалой, ничего не нашли. А в твоём мире был взорван винтовочный завод. И доклад найден. И значит, я пришел в этот мир из параллельного мира, а не из твоего, мы вообще даже и не знакомы.

Теперь она тоже улыбнулась:

— И значит, ты можешь не погибнуть завтра. Я пришла, сказала тебе, и это могло изменить историю.

— Не только могло, но и изменило. Теперь, когда я предупрежден, я уж точно постараюсь уцелеть.

— Но все равно ты можешь погибнуть...

— Шанс есть. Но на войне каждый из нас имеет шанс. Шанс возрос, когда я потратил оставшиеся антибиотики на своих людей. Но пока остался жив. Так что есть и шанс дожить до конца войны. Я на это надеюсь. Теперешняя жизнь во многом ужасна, но это моя жизнь. Я хочу увидеть конец войны и тот мир, который наступит потом.

Откинулся полог, и вошел капитан. Трой вытянулся:

— Я должен вернуться к своим людям, сэр.

— Мисс Делькур с вами закончила?

— Да, капитан, спасибо. Беседа с сержантом меня весьма просветила. Он много рассказывал о работе, которой мы здесь занимаемся, и теперь я вернусь и доложу об успехе наших усилий.

— Спасибо, мэм, — сказал Трой. — Передайте вашим сотрудникам благодарность за все, что они для нас делают.

— Обязательно передам, сержант, заверяю вас.

Трой отдал честь, повернулся и вышел в ночь. Ярко горели на небе звезды, и поблескивали внизу сторожевые костры. Шел год тысяча восемьсот шестьдесят третий, и несмотря на войну, несмотря на возможную гибель, хорошее было время для жизни.

Как весело насвистывал старший сержант Трой Хармон, шагая к своему батальону в канун решающего дня битвы под Геттисбергом!

Содержание

Планета, с которой не возвращаются, роман, <i>перевод с английского П. Жукова</i>	5
Время для мятежника, роман, <i>перевод с английского М. Левина</i>	135

Миры Гарри Гаррисона кн. 10 / Пер. с англ. — Рига.
Полярис, 1994. — 367 с.

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга десятая

Составитель *В. Быстров*

Главный редактор *А. Захаренков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редакторы *К. Королев, Л. Андурева*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Н. Дундина, Т. Куликова*

Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Оформление обложки и форзаца: *А. Кириллов*

Оформление шмуцтитлов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам,
предоставленным издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 03.06.94. Формат 84х108/32.

Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.

Усл. печ. л. 19,32. Тираж 30 000 экз. Заказ № 2686. С 027

Издательская фирма «Полярис»

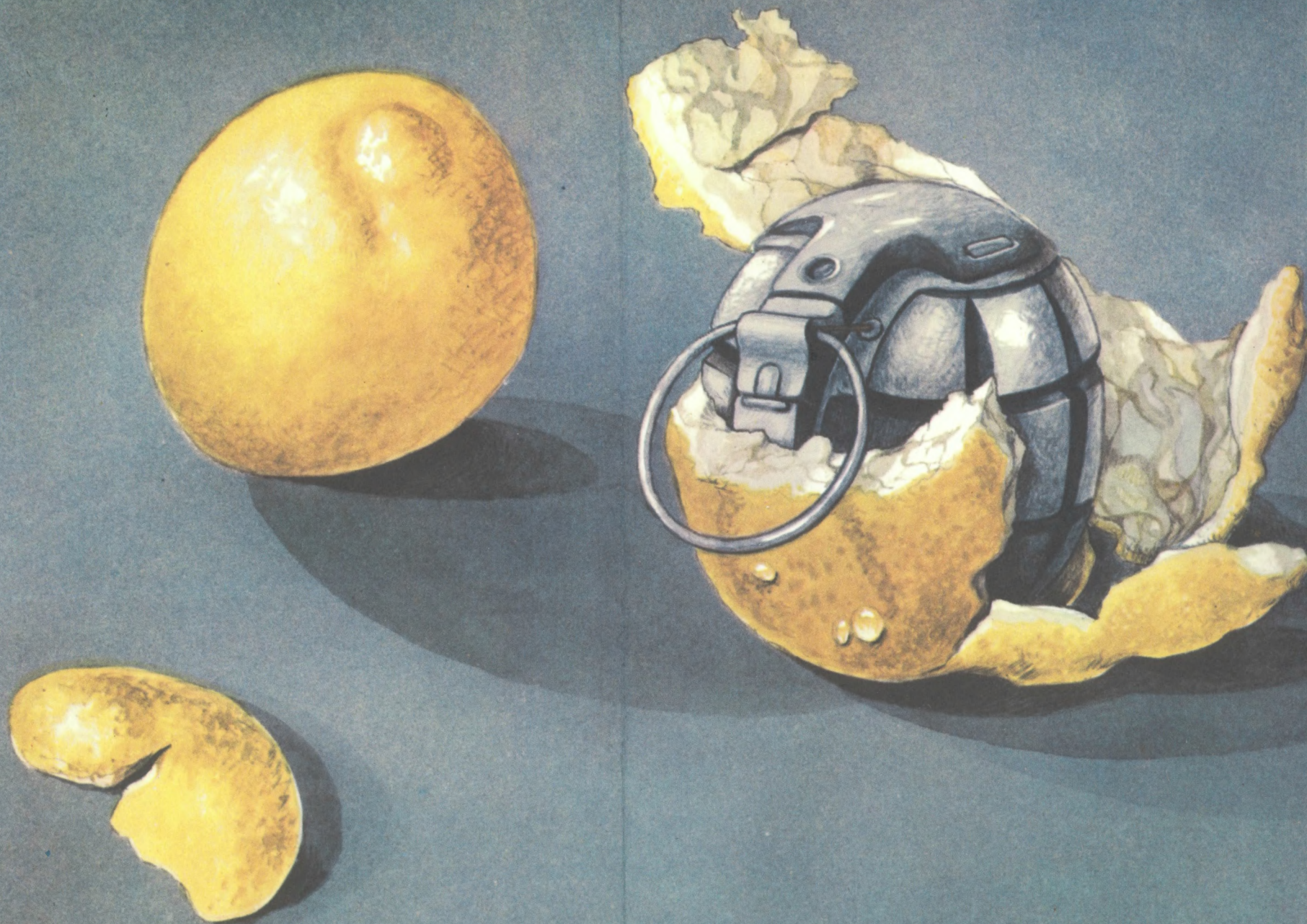
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

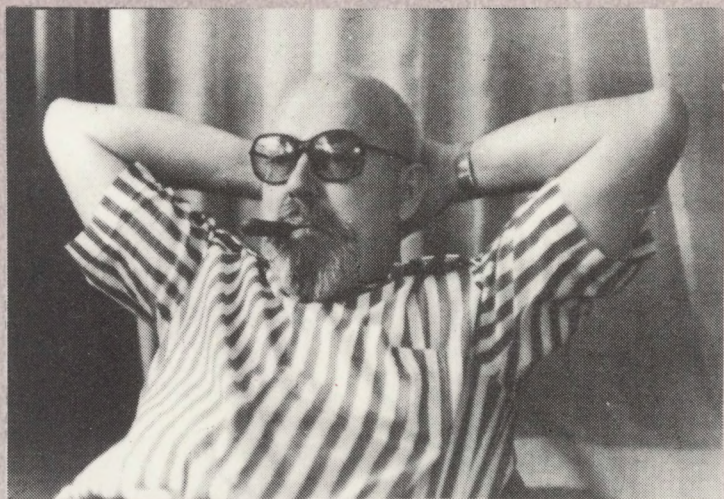
Отпечатано с готовых диапозитивов

на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР

Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher